

В О П Р О С Ы **ИСТОРИИ**

В НОМЕРЕ:

СССР И ФИНАЛ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ГУБЕРНСКИЕ ВЕРХИ НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ
БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ XVI—XVIII ВВ.
В СРАВНЕНИИ

МАОИЗМ И «ТРЕТИЙ МИР»

ЗА КУЛИСАМИ НОБЕЛЕВСКОЙ МОНОПОЛИИ
МАГНИТОСТРОЙ

9

МОСКВА · 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

В КОНЦЕ 1975—1976 гг. В ЖУРНАЛЕ
ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОПУБЛИКОВАТЬ
МАТЕРИАЛЫ НА СЛЕДУЮЩИЕ ТЕМЫ:

По отделу отечественной истории:

Актуальные проблемы истории развитого социализма
Соцсоревнование в развитом социалистическом обществе
Тенденции развития социального облика рабочей молодежи СССР
Решение женского вопроса в СССР
Развитие материально-технической базы социалистической культуры
Роль исторических знаний в духовной культуре советского народа
СССР и создание Организации Объединенных Наций
Советы в революции 1905—1907 годов
Классы и партии в революции 1905—1907 годов
Буржуазия в революции 1905—1907 годов
Отходничество в России в конце XIX века
Место декабристов в истории России
Общественный строй кочевников в средневековую эпоху
Начало новгородского летописания
Советские историки на международных конгрессах
История советского общества в новейшей историографии
Новейшая историография социалистического соревнования в СССР
Советская археология в 1971—1975 годах
История дореволюционной России в новейшей историографии
Новейшая советская литература о революции 1905—1907 годов

По отделу зарубежной истории:

Историческое значение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе
Предпосылки поворота к разрядке международной напряженности
Основные проблемы новейшей истории США
Судьбы американской двухпартийной системы
Эволюция внешнеполитической стратегии США
Сдвиги в политической структуре современной Франции
«Общий рынок» и крестьянство Западной Европы
Германский фашизм и монополии в годы второй мировой войны
Палестина и арабский мир
Перестройка в Турции
Дипломатия на Балканах
Политическая ситуация в Греции
Современная историография
Английская историография
Омская историография
Турецкая историография
Историческая география
Средиземноморские взгляды Тита Ливия
Историческая география (3-я стр. обложки.)

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1975 г.

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

★

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

Выходит с января 1926 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С Т А Т Ь И

- И. Я. Бедняк, А. М. Дубинский — Вклад СССР в разгром милитаристской Японии 3
- М. А. Вылцан — Этапы развития материально-технической базы сельского хозяйства СССР 17
- П. А. Зайончковский — Губернская администрация накануне Крымской войны 33
- В. В. Согрии — К идейным истокам войны за независимость США 52
- М. А. Барг — Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI—XVIII вв. 69
- Г. Ф. Ким — Маоизм и национально-освободительное движение 89

Л Е Т О П И С Ь Т Р У Д О В Ы Х П О Б Е Д С О Ц И А Л И З М А И К О М М У Н И З М А

- В. Ф. Романов (Магнитогорск) — Магнитогорский металлургический 102

В О С П О М И Н А Н И Я

- Б. И. Гринштейн (Изманл) — В германском плену (1914—1920 гг.) 115

И С Т О Р И Ч Е С К И Е О Ч Е Р К И

- И. А. Дьяконова — За кулисами нобелевской монополии 127
- Н. П. Соколов (Горький) — Венеция между гвельфами и гибеллинами 142

И С Т О Р И Ч Е С К А Я Н А У К А В С С С Р

Р в ы с ш е й ш к о л е

- Н. П. Мананчикова (Воронеж) — Новейшие пособия по истории средних веков 154

Рецензии

В. Н. Егоров — В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933—1939	160
Б. М. Морозов — Т. Д. Ионкина. Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры	162
Член-корреспондент АН Эстонской ССР Ю. Ю. Кахк (Таллин), П. Г. Рындзюнский — И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа	164
А. Г. Маньков (Ленинград) — Ю. А. Тихонов. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII—начале XVIII в.	171
И. М. Краснов — А. Е. Кунина. Идеологические основы внешней политики США	173
Н. М. Мецерыкова — «Положение и борьба британского рабочего класса»	176
Новые книги	179
Статьи в советских периодических изданиях	181
Хроникальные заметки	185

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

В. М. Новиков — Ф. Помпер. Петр Лавров и русское революционное движение	189
Е. А. Кравченко — Ж. Дельперрье де Байяк. История Народного фронта	191

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	193
Рецензии на советские издания	196
Коротко о книгах	197

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

В. Н. Казак (Харьков) — Комиссары в партизанских формированиях советских граждан на Балканах	200
--	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

В. К. Пак — Освободительная миссия Советской Армии в Корее	206
П. Я. Букшпан — Русский шелковод XIX века	210
О. К. Новикова — Путь Папуа — Новой Гвинеи	216

Сведения об авторах	219
Об итогах III и проведении IV Всесоюзных конкурсов работ молодых ученых по общественным наукам	220
Резюме статей на английском языке	221

СТАТЬИ

ВКЛАД СССР В РАЗГРОМ МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ

И. Я. Бедняк, А. М. Дубинский

Три десятилетия назад были разгромлены гитлеровская Германия и милитаристская Япония, которые вели войну как союзники в целях утверждения фашистского разбойничьего «нового порядка» — одна на Западе, другая — на Востоке. Исторические победы 1945 г. привели к окончанию второй мировой войны. Во время войны были разрушены огромные ценности мировой цивилизации, погибло 50 млн. человек. Наибольшие жертвы понесли народы Советского Союза, потерявшие 20 млн. жизней. Тем не менее Советская держава выстояла. Ее государственный строй выдержал все испытания. Советский Союз с честью выполнил свой интернациональный долг, свою великую освободительную миссию как в Европе, так и на Дальнем Востоке, сыграв решающую роль в разгроме ударных сил германского фашизма и японского милитаризма, принесших неисчислимые страдания народам Европы и Азии.

Однако после окончания войны буржуазные историки неоднократно предпринимали попытки отрицать тот бесспорный факт, что Советский Союз и его народы вынесли на своих плечах основную тяжесть второй мировой войны. Одновременно буржуазные фальсификаторы пытаются исказить его роль в разгроме японского милитаризма на заключительном этапе войны, а следовательно, игнорировать вклад СССР в освобождение народов Восточной и Юго-Восточной Азии от ига колониализма. В буржуазной историографии уделяется немало места описанию «ошибочности» политики некоторых деятелей США, в особенности президента Ф. Рузвельта, «допустившего» вступление СССР в войну против милитаристской Японии¹.

Победа Советских Вооруженных Сил над немецко-фашистскими армиями, вторгшимися в пределы нашей Родины, полное освобождение временно оккупированной врагом территории оказали мощное воздействие на международную обстановку и ход второй мировой войны.

¹ Измышления буржуазной историографии получили в свое время отпор со стороны советских историков. См., например, Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М. 1960, стр. 345—369; 381—394; 425—426; Б. И. Марушкин, Н. Н. Яковлев. Историки американской «новой школы» об участии США во второй мировой войне. «Вопросы истории», 1956, № 7; Б. И. Марушкин и н. Американская буржуазная историография о роли СССР в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии. «Против фальсификации истории второй мировой войны». М. 1964; А. Л. Нарочницкий. Реакционная американская литература о дальневосточной политике США (1938—1945 годов). «Вопросы истории», 1954, № 4; см. также «Вторая мировая война и современность». М. 1972.

В январе 1944 г. Советские Вооруженные Силы продвинулись к польской границе, а в апреле того же года вступили на территорию Румынии. Сложившееся положение на фронтах Великой Отечественной войны вынуждало руководителей США и Англии «наращивать темпы» войны на тех ее театрах, где боевые операции направлялись американским и английским командованием. Правительства США и Англии опасались, что их войска могут «увязнуть» на этих театрах войны в тот самый момент, когда начнутся завершающие битвы в Европе. Советская Армия несла европейским народам освобождение от фашистского рабства. Ее победы создавали благоприятные условия для торжества сил демократии и социального прогресса на континенте. Этого и опасались англо-американские политики, отдававшие себе отчет в том, что освободительная миссия Советского Союза приведет к «ухудшению шансов» США и Англии, мечтавших иметь послевоенную Европу в качестве оплота зоны безраздельного господства своего монополистического капитала.

В это время на Тихоокеанском театре войны японские наземные, морские и воздушные силы развернули ожесточенные бои с американскими войсками, высадившимися 21 ноября 1943 г. на островах Тарава и Макин (архипелаг Гилберта). Предпринимая наступательные операции в центральной и южной части Тихого океана, командование США стремилось не только закрепиться в районах Соломоновых островов, архипелага Гилберта и Новой Гвинеи. Американцы рассчитывали использовать свои превосходящие воздушные силы в этой зоне и, опираясь на китайский плацдарм, перерезать пути так называемой японской «сферы процветания», в первую очередь ее «китайскую линию», которая шла от Новой Гвинеи через Филиппины в оккупированные японскими войсками районы Китая. Успешное осуществление этой операции давало возможность американскому командованию поставить своей ближайшей целью захват районов снабжения Японии нефтью, каучуком, бокситами. Кроме того, американский план заключался в том, чтобы осуществить в ходе своего наступления захват важнейших стратегических позиций на Тихом океане и, закрепив их за США в послевоенное время, создать там базы для борьбы против национально-освободительного движения в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Начатое американскими войсками в ноябре 1943 г. наступление на так называемом центральном операционном направлении получило свое развитие в 1944 году. Американцы заняли остров Сайпан (Марианские острова) и высадились на островах Лейте и Минданао (Филиппины). Однако наступательные операции американских вооруженных сил на Тихом океане, их продвижение в сторону Японии могли приблизить их к цели лишь в том случае, если бы США удалось высадить свои войска на юго-восточном побережье Китая и тем самым создать предмостные укрепления — важные базы для бомбардировки японских военно-промышленных объектов и нанесения решительного удара по японским вооруженным силам. Еще в начале 1944 г. командующий военно-морскими силами США на Тихом океане адмирал Нимиц заявил, что Японию можно разбить только с китайских баз и что американцы ставят своей целью «отправку в Китай наземных войск и авиации с тем, чтобы мы могли начать это дело». Это не секрет, добавил он, что американцы намерены «сделать попытку высадки где-нибудь в Китае»³. Командующий военно-воздушными силами американской армии генерал Арнольд развивал ту же точку зрения в своем докладе военному министру США Г. Стимсону, отмечая, что потенциально Китай является самой эффективной базой американцев «для воздушных операций против Японии»⁴.

³ См. Maxwell S. Stewart. Victory Lies in China. «The Nation», February 26, 1944, p. 242.

⁴ Ibid.

Печать англосаксонских стран подчеркивала в 1944 г. сложность положения, которое создалось в ходе войны с Японией, располагавшей еще немалыми резервами для затяжной борьбы с США и Англией. «Завоевание Японии,— писал в октябре 1944 г. английский журнал «The Economist»,— требует значительно больше времени, чем отвоевание захваченного. Это существенное различие является основой японского планирования войны. Цитаделью японской обороны является внутренняя зона, состоящая из японского материка, Северного Китая, Кореи и Маньчжурии. Завоевания в Азии и на Тихом океане, по-видимому, являются лишь дополнением к этой внутренней зоне»⁵.

Как раз в пределах этой «внутренней зоны» (Японские острова, Корея, Северный Китай и Маньчжурия) японские вооруженные силы располагали еще огромными возможностями для полного использования своих важнейших ресурсов в целях дальнейшего ведения войны. «Япония до сих пор,— писала газета «The Christian Science Monitor» 7 октября 1944 г.,— не ввела в бой все свои ресурсы... Она воюет, но воюет не на все 100 процентов...». Японская военная промышленность была сосредоточена в собственно Японии, Корее и Маньчжурии. Производство стали в Японии оценивалось в 13,7 млн. т болванок и литья в год. Ее сталелитейная промышленность продолжала оставаться неуязвимой, так как продвижение американских войск в центральной и южной части Тихого океана не могло принести ей ущерба. Японская военная промышленность все еще находилась вне досягаемости американской авиации. Свыше 9 млн. т руды Япония получала из Кореи, Северо-Восточного Китая и других оккупированных районов Китая. Только из Кореи японцы получали свыше 6 млн. т угля в год, 1 млн. т чугуна, а также вольфрам, графит, молибден, сталь, золото, цинк, свинец и магнетит⁶.

Япония еще располагала значительными людскими резервами во внутренней зоне своей обороны. Население Японии, составлявшее около 74 млн. человек, могло еще пополнять японскую армию. Для мобилизации рабочей силы и войск второй очереди японское командование имело возможность использовать Корею с ее 23 млн. жителей и Маньчжурию с ее 43 млн. человек населения. «По всем имеющимся официальным данным,— писала газета «The Christian Science Monitor» 7 октября 1944 г.,— можно заключить, что окончательный исход войны должен измеряться скорее годами, нежели месяцами».

Обдумывая план дальнейшего ведения войны с Японией, американский Комитет начальников штабов был твердо убежден, что ее можно будет заставить пойти на безоговорочную капитуляцию в итоге морской и воздушной блокады, все нарастающих воздушных бомбардировок⁷, которые могут быть весьма интенсивными, если командованию США удастся полностью использовать американские аэродромы, построенные в Китае. Однако эти расчеты оказались опрокинутыми японскими войсками, перешедшими весной и летом 1944 г. в наступление в провинциях Хунань, Цзянси, Фуцзянь и Гуанси, где они нанесли серьезные удары гоминьдановским войскам. Части японской армии, продвигавшиеся вдоль железной дороги Пекин — Ханькоу в южном направлении и в Центральном Китае в северном направлении, соединились в мае 1944 г. на станции Циошань. Таким образом, японские войска достигли полного контроля над железной дорогой Пекин — Ханькоу⁸ и своими операциями лишили американское командование «всяких на-

⁵ «Japan's Inner Zone». «The Economist», October 28, 1944, p. 563.

⁶ «The Christian Science Monitor», October 7, 1944; «The Economist», October 28, 1944, p. 563.

⁷ См. Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944 г. М. 1958, стр. 491.

⁸ «Майнити Симбун», 13.V.1944.

дежд обеспечить себе передовые базы на континенте»⁹. В результате этих военных операций, по японским сообщениям, Китай стал перед перспективой отрыва от него 25% всей территории, где проживало 70% его населения¹⁰. К концу 1944 г. железнодорожная магистраль Гуанчжоу (Кантон) — Ханькоу на всем своем протяжении оказалась в руках японских войск. На юге Китая были отрезаны от гоминьдановского тыла все те немногие прибрежные пути, которые рассматривались командованием США как возможные базы для высадки американских десантов. Американские аэродромы с ценным оборудованием и военными материалами, доставленными в Китай воздушным путем, — в Ханьяне, Лючжоу, Линляне, Шаогуане и в других городах — оказались в руках японцев. Японские войска вступили в Гуйлинь, и этот «центр американской активности» оказался потерянным для командования США. К началу 1945 г. гоминьдановский Китай сохранил за собой всего 100 миль железных дорог. Весь подвижной состав и паровозы оказались в руках японских захватчиков.

Еще в декабре 1944 г. японские войска, наступавшие со стороны Индокитая и Наньнина, соединились в городе Нанлу. Таким образом, японцами был установлен сквозной путь через Китай к Индокитаю. В то же время от севера и до юга Китая японцы создали одну непрерывную линию коммуникаций, связанную через Корею с Японскими островами. Это давало японскому командованию возможность использовать железнодорожные магистрали, ведущие с севера на юг Китая, для транспортировки грузов и войск в Юго-Восточную Азию. Таким образом, сырьевые ресурсы оккупированных японскими войсками стран южных морей могли вывозиться во внутреннюю зону японской обороны — на Японские острова, минуя районы активных военных действий на Тихом океане.

Сложившееся положение в еще большей мере отдаляло сроки возможного поражения Японии. Отдавая себе отчет в том, что на Тихоокеанский театр военных действий оказывает влияние положение на советско-германском фронте, который, по словам японской печати, «приблизился к основной крепости Германии», и что последняя «находится перед лицом величайшего кризиса, имевшего когда-либо место с начала нынешней великой войны...»¹¹, японские правящие круги тем не менее рассчитывали, что им и после поражения фашистского рейха удастся затянуть войну на Тихом океане, использовав для этой цели в первую очередь «внутреннюю зону обороны», и в частности Китай. Это хорошо понимали в Вашингтоне и Лондоне. Руководители США и Англии знали, что главные силы японской сухопутной армии были сосредоточены у советской границы в Маньчжурии и в оккупированных районах Китая и разбить эти силы не представлялось возможным без Советского Союза, так как его армии находились как раз в непосредственной близости от «внутренней зоны японской обороны».

Правящие круги США и Англии уже имели перед собой пример того, как коренным образом изменился характер войны в Европе в связи с решающими ударами, нанесенными Советскими Вооруженными Силами по немецко-фашистским армиям в 1943—1944 годах. Руководители США и Англии были крайне заинтересованы в участии Вооруженных Сил Советского Союза в военных действиях на Дальнем Востоке, так как, «подобно тому, как ход европейской войны коренным образом изменился в результате нападения Гитлера на Советский Союз, точно так же выступление России на Дальнем Востоке может мгновенно активизировать военную обстановку...», если советские армии проникнут

⁹ «Токио Симбун», 11.VII.1944.

¹⁰ «Майнити Симбун», 10.VII.1944.

¹¹ «Йомиури-Хоти», 3.VIII.1944; «Майнити Симбун». 13.VII.1944.

«во внутреннюю зону обороны Японии». Вмешательство СССР могло бы «сильно изменить весь характер дальневосточной стратегии» и сделало бы победу «более близкой и менее дорогой...»¹².

Еще в августе 1943 г., во время встречи Ф. Рузвельта с У. Черчиллем в Квебеке, американская делегация руководствовалась документом, полученным от «весьма высокопоставленного военного стратега США». В этом документе указывалось: «Наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными».

Р. Шервуд, приведший в своей книге этот документ, указал, что данная оценка роли СССР в войне на Тихом океане «имела большое значение, поскольку ею руководствовались, когда принимались решения в Тегеране и значительно позже — в Ялте»¹³. Объединенная группа начальников штабов США перед самым выездом американской делегации на Ялтинскую конференцию трех держав (февраль 1945 г.) направила государственному департаменту материалы, касавшиеся участия Советского Союза в войне против Японии.

В них говорилось: «Мы желаем вступления России как можно скорее в меру ее способности вести наступательные операции и готовы оказать максимально возможную поддержку, не нанося ущерба нашим основным операциям против Японии...»¹⁴. Будучи крайне заинтересованными во вступлении Советского Союза в войну с Японией, американские правящие круги проявили готовность договориться с Советским правительством по дальневосточным проблемам. Таким образом, отмечает Э. Стеттиниус, «военные соображения самого высшего порядка продиктовали президенту необходимость подписания соглашения по вопросу Дальнего Востока»¹⁵.

Соглашение, подписанное 11 февраля 1945 г. на Ялтинской конференции руководителями трех великих держав — И. В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, предусматривало вступление СССР в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после капитуляции Германии «при условии: 1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики); 2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов; б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановлении аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет; 3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов»¹⁶. Соглашение предусматривало согласование с китайским правительством при посредничестве прези-

¹² «The Economist», October 28, 1944, p. 564.

¹³ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. II. М. 1958, стр. 432.

¹⁴ Edward R. Stettinius. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. L. 1950, p. 89.

¹⁵ Ibid., p. 95.

¹⁶ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». М. 1947. Т. III, стр. 111.

дента США Рузвельта всех пунктов, относящихся к МНР, указанным портам и железным дорогам. Советский Союз выразил готовность заключить «пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»¹⁷.

Падение под ударами Советских Вооруженных Сил Берлина 2 мая 1945 г. и последовавшее 8 мая 1945 г. подписание акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии означало конец войны в Европе, освобождение ее народов от фашистской тирании. Однако на Дальнем Востоке японский милитаризм еще продолжал войну. Под гнетом японской оккупации находились: значительная часть Китая, Индонезия, Малайя, Индокитай, часть Филиппин и Бирмы. Тяжелый колониальный гнет испытывал корейский народ. В это время в американских сообщениях преобладала точка зрения, что японская армия насчитывает от 3 до 5 млн. человек. При этом указывалось, что на действительную военную службу еще не были призваны два контингента японской молодежи и что значительное число мужчин средних лет, имевших военную подготовку и боевой опыт, могли быть призваны в действующую армию. Отмечалось также, что Япония способна выставить армию до 7 млн. человек¹⁸.

Англо-американскому командованию предстояло обеспечить в своих дальнейших операциях разрыв коммуникаций, связывающих Японские острова с китайским материком. Именно эти коммуникации были важными для Японии, поскольку по ним шло снабжение ее ценными военно-стратегическими материалами, осуществлялась связь с ее армиями, дислоцированными в Китае, а также в Корее. Для того, чтобы развернуть операции непосредственно против собственно Японских островов, англо-американскому командованию надо было иметь по крайней мере близкие от Японии позиции (примерно в зоне Шанхая). Представлялось очень важным овладеть этим крупнейшим китайским портом. Но выполнение этой задачи наталкивалось на большие трудности. Кроме того, Шанхай находится в 500 милях от Цусимского пролива, а это расстояние не позволяло англо-американскому командованию поддерживать постоянную блокаду Японии с воздуха. Можно было рассчитывать лишь на боевые действия подводных лодок, которые, однако, самостоятельно не могли достичь поставленной цели.

После капитуляции фашистской Германии в Европе бои на Тихоокеанском театре военных действий становились все более ожесточенными, и англо-американское командование в полной мере могло себе представить, каких больших жертв потребует от вооруженных сил США их дальнейшее продвижение в сторону Японских островов и отвоевание всех оккупированных японскими войсками территорий¹⁹. Командование Соединенных Штатов планировало лишь в конце 1946 г. закончить военные действия на Тихоокеанском театре войны, рассчитывая при массированных бомбардировках японских городов в течение лета и осени 1945 г., 1 ноября высадить десанты на остров Кюсю, а в случае их успеха осуществить высадку десантов на остров Хонсю. Данный план предполагал наличие в распоряжении американского командования 5 млн. солдат и офицеров. «Мне было известно,— писал военный министр США Стимсон,— что такие операции будут стоить нам более 1 млн. жертв,

¹⁷ Там же, стр. 112.

¹⁸ Архив Министерства обороны СССР (далее — Архив МО СССР), ф. 32, оп. № 65596, д. № 38, л. 10.

¹⁹ Г. Трумэн, сменивший Рузвельта на посту президента США, в своих мемуарах писал, что американской армии в ее продвижении на Тихоокеанском театре войны пришлось оплачивать «большой кровью каждый шаг» и что «вступление России в войну становилось все более необходимым. Это означало спасение жизни сотен тысяч американцев» (H. S. Truman. Memoirs. Vol. 1. N. Y. 1955, p. 844).

если говорить только об американских войсках. Наши союзники также могли понести большие потери...»²⁰. У. Черчилль, выступая 16 августа 1945 г. в палате общин, обратил внимание членов английского парламента на всю сложность задач, которые собирались решать англо-американские союзники на заключительной фазе войны на Тихом океане, наметив операции, предполагавшие «невиданные во время этой войны усилия...». Английский премьер заявил, что «никто не мог определить, во сколько жизней английских и американских солдат они обойдутся и каких материальных ценностей они потребуют. Еще меньше можно было знать о том, сколько времени продлится подавление сопротивления Японии на многочисленных территориях, которые она завоевала, и в особенности в собственно Японии»²¹.

Каковы же были расчеты руководителей милитаристской Японии, которые при всех своих твердых намерениях продолжать борьбу с англосаксонскими державами после крушения гитлеровской Германии,— не только на территории собственно Японии, но и на территории Китая²², понимали, что рано или поздно перевес сил борющихся против Японии союзнических держав обеспечит им победоносный исход войны на Тихом океане? Японские политики полагались на фактор времени. Они знали, что переброска примерно 3,5 млн. американских солдат в Англию через Атлантический океан, а впоследствии на европейский континент потребовала 18 месяцев. Переброска такой же массы в тихоокеанскую зону вызвала бы необходимость использования вчетверо большего тоннажа, которому предстояло пройти расстояние также в 4 раза большее, так как Тихий океан обширнее Атлантического. «Нам надо не только снова перешагнуть через Атлантику,— указывалось в передаче американской радиостанции в Европе 12 мая 1945 г.,— но и двинуть тысячные массы войск и снаряжение через целый континент еще прежде, чем их можно будет погрузить на корабли у нашего западного побережья. А ведь для переброски одной боевой дивизии требуется почти 75 железнодорожных поездов... При этом не следует упускать из виду еще и тот факт, что каждому снаряду, каждому патрону, каждому танку, предназначенным для тихоокеанского театра, придется проделать расстояние до 10 тыс. миль, прежде чем они будут пущены в ход против нашего последнего врага. Возможно, что трезвая оценка стоящих перед нами задач служит главной причиной того, что Вашингтон не ликовал так непринужденно, когда кончилась война в Европе. Самая крупная задача еще впереди». Завершение всей операции по переброске американских войск на Тихоокеанский театр войны потребовало бы, по мнению авторов радиопередачи, около года. В той же радиопередаче подчеркивалось, что существующее мнение, будто бы война уже наполовину закончена, представляет собой явное упрощенчество. «Если даже принять во внимание одну только проблему переброски американских вооруженных сил из Европы в Тихоокеанскую зону, то возникает вопрос, можно ли считать войну оконченной, хотя бы только на четверть»²³.

Фактор времени, который учитывали японские политики, дополнялся их данными о настроениях, царивших в некоторых влиятельных кругах США и Англии²⁴, а также о линии английской и американской

²⁰ H. L. Stimson and McGeorge Bundy. On Active Service in Peace and War. N. Y. 1948, p. 619.

²¹ «Правда», 19.VIII.1945.

²² Детальный японский план «обороны метрополии» предусматривал даже эвакуацию японского императора и правительства в Чаньчунь и превращение Маньчжурии в центр дальнейшего сопротивления (см. Д. И. Гольдберг. Внешняя политика Японии в 1941—1945 гг. М. 1962, стр. 226—227).

²³ Архив МО СССР, ф. 32, оп. 65596, д. 38, л. 12.

²⁴ Еще в конце 1944 г. бывший американский посол в Токио Дж. Грю защищал политику установления контакта с японской реакцией. Он был назначен заместителем государственного секретаря. В Англии Королевский институт по международным воп-

военной администрации в отношении побежденной фашистской Германии, представлявшей крайнюю противоположность позиции Советского Союза. Деятели милитаристской Японии стали возлагать все большие надежды на раскол внутри антифашистской коалиции, рассчитывая на полную победу реакционного, антисоветского курса в политике правящих кругов США и Англии. Японские империалисты уверовали в то, что им удастся избежать полного военного поражения, так как реакционные силы в США и Англии пожелают спасти и сохранить такую Японию, которая могла бы представлять потенциальную угрозу Советскому Союзу, революционным силам Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

Для японских милитаристов не была секретом тенденция английской и американской пропаганды — принизить значение великой победы Советских Вооруженных Сил, их наступательных операций еще во время битвы за Берлин, подчеркнуть симпатию американских и английских военных властей к тем силам побежденной гитлеровской Германии, которые могли стать противовесом антифашистским, демократическим элементам немецкого народа, замолчать появление на политической арене Германии антифашистских организаций, пользовавшихся поддержкой Советского Союза. Японские военные руководители тщательно анализировали отмеченные тенденции в политике военной администрации США и Англии. Они взвешивали соображения некоторых политических деятелей в англосаксонских странах о будущем статусе Японии и все больше проникались верой в возможность заключения с ними компромиссного мира²⁵. Они считали, что упорное сопротивление японских армий на Тихоокеанском театре войны, на азиатском материке — в Китае — даст возможность выиграть время для того, чтобы убедить американцев и англичан в необходимости отказаться от требования безоговорочной капитуляции Японии во имя совместной борьбы против «главной опасности» — Советского Союза и «угрозы мирового коммунизма».

Однако американские и английские политические деятели на Потсдамской конференции (июль 1945 г.) не могли выступить публично с документом, который бы откровенно формулировал условия мира, противоречащие интересам сил демократии и прогресса. Повернуть вспять обновление мира было уже невозможно. Слишком дорогую цену заплатили народы в годы второй мировой войны, чтобы позволить силам мировой реакции открыто творить свое черное дело. Значение исторической победы Советского Союза в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками было настолько велико, что невозможно было подорвать его влияние на мировую политику. 26 июля 1945 г. в декларации, подписанной в Потсдаме от имени США, Англии и Китая²⁶, Япония была предупреждена о готовящихся против нее ударах. Ей предлагалась безоговорочная капитуляция. 28 июля японский кабинет Судзуки отклонил требования Потсдамской декларации. СССР при-

росам, являвшийся неофициальным подсобным органом британского министерства иностранных дел, опубликовал документ, подготовленный группой во главе с советником МИД Батлером, в котором доказывалась важность возвращения Японии, после ее поражения, к старым институтам, чтобы предупредить «опасность политических смут» (см. A. Roth. *Dilemma in Japan*. L. 1946, p. 20).

²⁵ Известны факты установления контактов японского кабинета Судзуки с американскими официальными лицами в Швейцарии — с руководителем Управления стратегических служб США А. Даллесом и в Лиссабоне — с представителями американской миссии, а также контакты с правительствами Швеции и Финляндии (см. Г. В. Ефимов, А. М. Дубинский. *Международные отношения на Дальнем Востоке*. Кн. вторая. М. 1973, стр. 221; «Японский милитаризм (военно-историческое исследование)». М. 1972, стр. 228.).

²⁶ Подробнее об этом см. А. М. Дубинский. *Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке (из истории международных отношений, национально-освободительной борьбы народов Восточной и Юго-Восточной Азии в годы второй мировой войны)*. М. 1966, стр. 528—529.

соединился к Потсдамской декларации, которая формулировала общие политические принципы, содержавшие идеи, отстаиваемые демократическими силами всего мира, стремившимися навсегда избавить народы от милитаризма и фашизма.

Война Советского Союза совместно с Монгольской Народной Республикой против милитаристской Японии²⁷ в 1945 г. находилась в неразрывной связи с Великой Отечественной войной советского народа. Эта война была ответом СССР на бесчисленные поползновения японского милитаризма в отношении советских рубежей на Дальнем Востоке, на многочисленные нарушения Японией советско-японского Пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 года²⁸.

Международный военный трибунал в Токио, созданный после окончания войны для суда над японскими главными военными преступниками, рассмотрел много документов, свидетельских показаний, которые с неопровержимой точностью установили преступные планы милитаристской Японии в отношении СССР. По плану войны против СССР, составленному на 1939 г., основной стратегический замысел японского командования заключался в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и направить их против Советского Дальнего Востока. Размещенная здесь Квантунская армия должна была захватить Ворошилов, Владивосток и Иман, а затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку.

По плану 1941 г. Квантунская армия должна была сосредоточить свои главные силы в направлении на Советское Приморье. Часть сил предполагалось сосредоточить на Благовещенско-Куйбышевском направлении, а часть — в районе Хайлара. Наступление планировалось начать в районе ст. Пограничная в направлении на Благовещенск и Куйбышевку. Целью наступления на Приморье являлось занятие Приморской области, а наступление на Благовещенск — Куйбышевку имело целью перерезать Транссибирскую железную дорогу и тем самым прекратить подвоз подкреплений и военных материалов с запада. На первом этапе войны предполагалось занять города Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку и район Рухлово, на втором этапе — захватить Северный Сахалин, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Советскую гавань. Составной частью оперативного плана войны являлись операции, которые должен был проводить военно-морской флот. На 1941 г. ему ставились задачи: 1) обеспечить высадку десантов в Петропавловске-на-Камчатке и Северном Сахалине; 2) осуществить нападение на советскую тихоокеанскую эскадру и блокировать с моря Владивосток; 3) охранять Цусимский пролив с целью обезопасить связь метрополии с Кореей и Маньчжурией.

В 1942 г. первый отдел японского генерального штаба разработал новый оперативный план войны против СССР, который уже не изменялся до весны 1944 года. Этот план предусматривал сосредоточение в Маньчжурии около 30 дивизий. Главные силы размещались в Восточной Маньчжурии, часть сил в районе Сунью и часть в районе Хайлара.

²⁷ Советский Союз денонсировал 5 апреля 1945 г. советско-японский Пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г., который был подписан, как это отмечалось в ноте Советского правительства, «до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США.— с другой. С того времени обстановка в корне изменилась. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным» («Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. III, стр. 112).

²⁸ См. А. М. Дубинский. Указ. соч., стр. 29—30, 66—67, 103—106, 120—123, 241—245, 470—473.

В состав 1-го фронта, который должен был нанести главный удар в направлении на Ворошилов, входили 2-я, 3-я, 5-я и 20-я армии. В состав 2-го фронта входили 4-я и 8-я армии, которые имели задачу вести наступление в направлении на Свободный и Куйбышевку с целью окружить и уничтожить части Советской Армии в этом районе и перерезать железную дорогу. На западном направлении предполагались отвлекающие действия силами 6-й армии. На первом этапе войны японским войскам предписывалось занять советские города в Приморье, а также Благовещенск, Свободный и Куйбышевку. Кроме того, войска, находящиеся на о. Хоккайдо, должны были оккупировать Северный Сахалин, а одна дивизия с о. Хонсю — занять Петропавловск-на-Камчатке. Операции военно-морского флота по плану 1942 г. в общем своем виде остались те же, что и по плану 1941 года.

Летом 1941 г., после нападения гитлеровской Германии на СССР, Квантунская армия (нацеленная против Советского Дальнего Востока) была усилена. По императорскому указу в нее были переброшены 2 новые пехотные дивизии, и все 15 дивизий Квантунской армии были переведены на предвоенные штаты. Летом 1941 г. в Японии была проведена специальная мобилизация для усиления Квантунской армии. Она была скрытной. Были запрещены обычные в таких случаях торжественные проводы мобилизованных²⁸. Готовясь к войне против СССР, японский Генеральный штаб осуществлял тесные контакты с немецко-фашистским командованием. Генерал-майор Мацумура Томокацу, назначенный в октябре 1941 г. начальником 5-го (русского) отделения разведывательного отдела Генерального штаба, получил от начальника 2-го отдела Генерального штаба генерал-лейтенанта Окамото Сейфуру распоряжение ежемесячно передавать в 16-е (германское) отделение 2-го отдела сведения об СССР. Мацумура систематически передавал для немецкого полковника Кречмера сведения о силах Советской Армии, о дислокации ее частей на Дальнем Востоке, о военном потенциале СССР. Для Кречмера передавались данные о переброске советских дивизий с Дальнего Востока на запад, об их передвижении внутри страны, о развертывании эвакуированной советской военной промышленности. Источником этих сведений были донесения, поступавшие в японский Генеральный штаб от японского военного атташе в Москве и по другим каналам²⁹.

На Токийском процессе Мацумура, который был переведен в 1943 г. на работу в шифровальный отдел Квантунской армии, показал, что в 1943 г. начальник отдела связи Квантунской армии предупредил его о необходимости быть готовыми к быстрой замене шифров на случай военных действий против СССР, которые должны были начаться внезапно в августе 1943 года³⁰. Но этим планам не суждено было осуществиться. Вопреки ожиданиям японских военных кругов Советская Армия нанесла сокрушительный удар по гитлеровским вооруженным

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 196. Стенограмма судебных заседаний Международного военного трибунала в Токио для Дальнего Востока (далее—МВТДВ), стр. 6361—6366. Японский генерал Кита Сейти, который с октября 1941 г. по октябрь 1944 г. являлся командующим 6-й армией, входившей в состав Квантунской армии, а с 1 октября 1944 г. командовал 1-м фронтом Квантунской армии, дал детальные показания о планах развертывания Квантунской армии против Советского Союза (см. там же, стр. 6383—6389). На Токийском процессе фигурировало заявление японского посла в Берлине Осима, сказавшего Риббентропу, что «уже 20 лет все планы Генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию и все снова направлено на это наступление» (там же, стр. 6422). О причинах, которые не позволили японскому милитаризму в 1941 и 1942 гг. реализовать свои планы нападения на СССР на Дальнем Востоке см.: А. М. Дубинский. Указ. соч., стр. 241—245, 255—265, 406—410.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 196, МВТДВ, стр. 6392—6397; см. также А. М. Дубинский. Указ. соч., стр. 470—471.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 197, МВТДВ, стр. 6415—6422.

силам на Волге, на Курской дуге и начала успешное продвижение на запад с тем, чтобы совместно со своими союзниками довести войну в Европе до безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Намеченный на 1945 г. чудовищный план развязывания бактериологической войны также не был реализован. «Вступление в войну против Японии Советского Союза,—показал на Хабаровском судебном процессе в декабре 1949 г. бывший главнокомандующий Квантунской армией,— и стремительное продвижение Советской Армии в глубь Маньчжурии лишили нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран»³¹.

Вступление Советского Союза в войну против милитаристской Японии имело важнейшее значение для судеб Китая, с 1931 г. подвергавшегося агрессии японских захватчиков. В 1945 г. народно-революционные силы, руководимые Коммунистической партией Китая (КПК) (которая контролировала 19 освобожденных районов), не располагали необходимыми средствами, чтобы самостоятельно справиться с японскими оккупантами. Народно-революционные силы не имели современного оружия. Попытки руководства КПК договориться с американскими представителями («Союзнической группой наблюдателей», прибывшей в Яньань летом 1944 г.) о сотрудничестве с США на предмет получения от них помощи не увенчались успехом, несмотря на то, что в 1945 г., до вступления СССР в войну с Японией, Мао Цзэ-дун проявил готовность пойти на широкие уступки американцам³². Правящие круги США поддерживали Чан Кай-ши, приступив уже в 1945 г. к перевооружению гоминьдановской армии. Она готовилась к тому, чтобы нанести решающий удар по революционным силам Китая, не допустить, таким образом, торжества китайской революции.

Вступив 8 августа 1945 г. в войну с японским милитаризмом (через три месяца после того, как была повержена гитлеровская Германия), СССР как ведущая сила антигитлеровской коалиции до конца выполнил свои союзнические обязательства, которые были им даны на Тегеранской (1943 г.) и Ялтинской (1945 г.) конференциях руководителей трех великих держав. Вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке было продиктовано необходимостью обеспечения безопасности дальневосточных границ СССР, которым на протяжении многих лет угрожал японский империализм. Эта акция Советского правительства на заключительном этапе второй мировой войны значительно приблизила сроки ее окончания, долгожданное наступление мира, обеспечила освобождение народов Китая, Кореи, Индокитая, Индонезии, Малайи, Бирмы от японской оккупации, избавила их от дальнейших жертв и страданий. Вместе с тем разгром в августе 1945 г. Советскими Вооруженными Силами главной группировки японских войск на азиатском материке — Квантунской армии, вынудивший японское правительство к безоговорочной капитуляции, дал возможность японскому народу избавиться от ненавистной военно-фашистской диктатуры, «от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции»³³.

Весть о вступлении СССР в войну с милитаристской Японией была встречена широкими массами китайского народа с бурным ликованием. В августе 1945 г. Мао Цзэ-дун писал: «Красная Армия пришла

³¹ «Материалы судебного процесса по делу бывших военнопленных японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия». М. 1950, стр. 99.

³² См. П. П. Владимиров. Особый район Китая. 1942—1945. М. 1973, стр. 389—507; А. М. Дубинский. Помощь СССР китайскому народу в период японо-китайской войны (1937—1945) и позиция руководства КПК. «Народы Азии и Африки», 1972, № 6, стр. 80—82.

³³ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. III, стр. 362—363.

помочь китайскому народу изгнать агрессоров. Такого примера еще не было в истории Китая. Влияние этого события неопределимо³⁴.

В боях в августе 1945 г. у Хайлара, Муданьцзяна, в Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах Советские Вооруженные Силы вписали в летопись своей истории яркие страницы героизма и самопожертвования бойцов и офицеров³⁵. Они с честью выполнили свой долг перед Родиной. С возвращением Советскому Союзу южной части острова Сахалина и Курильских островов была укреплена безопасность дальневосточных границ Советского государства.

Вторая мировая война закончилась 2 сентября 1945 г., значительно ранее намечавшихся англо-американскими союзниками сроков³⁶. На всех ее этапах сказывалось огромное определяющее влияние Советского Союза на ход антифашистской освободительной борьбы народов, на развитие мирового революционного процесса. Военные события 1945 г. привели к важным изменениям на политической карте Восточной и Юго-Восточной Азии. 17 августа была провозглашена Индонезийская республика. Восторжествовала вьетнамская революция, приведшая к образованию 2 сентября 1945 г. Демократической Республики Вьетнам. В 1945 г., писал Хо Ши Мин, Красная Армия под руководством Коммунистической партии Советского Союза разгромила фашизм, и «тем самым были созданы исключительно благоприятные условия для развития мировой революции»³⁷. Коренные изменения произошли в исторических судьбах корейского народа. «Непосредственное освобождение Кореи Советской Армией из-под ига японского империализма,— отмечал Ким Ир Сен,— явилось важнейшей причиной создания Корейской Народно-Демократической Республики и победоносного продвижения вперед национально-освободительного движения. Если бы Советская Армия не освободила Корею, то не смогла бы существовать и сама Корейская Народно-Демократическая Республика, а наше национально-освободительное движение не могло бы так победоносно продвигаться вперед. Поэтому победа Советского Союза во второй мировой войне открыла новую страницу в истории корейского народа...»³⁸. Освобождение Советской Армией северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии) с их военно-промышленным потенциалом, созданным за время японского господства, укрепило позиции революционных сил, получивших японское трофейное оружие из рук советского командования, обеспечило создание важных предпосылок для победы китайской революции и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики³⁹.

В речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, посвященной 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, был отмечен тот глубокий след в жизни многих народов, который оставил разгром фашизма в 1945 г.: «Народы Польши, Чехословакии,

³⁴ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 4. Пекин. 1960, стр. 1133 (на кит. яз.).

³⁵ О боевых действиях советских войск на Дальнем Востоке см.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. V. М., 1963, стр. 563—583; «Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году». М., 1969; «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне». М., 1974, стр. 403—434.

³⁶ Об атомном шантаже правительства Трумэна и о политических целях, которые им преследовались при атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, о невозможности решить исход войны с Японией при помощи этих двух сброшенных атомных бомб см.: «История дипломатии». Т. IV. М., 1975, стр. 716—721; см. также А. М. Дубинский. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке, стр. 524—533.

³⁷ Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959, стр. 4—5.

³⁸ Ким Ир Сен. Избранные произведения. Т. 3. Пхеньян. 1953, стр. 349—350 (на кор. яз.).

³⁹ О помощи СССР в укреплении революционной базы в Маньчжурии см.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения. М., 1972, стр. 28—44.

Югославии, Болгарии и Венгрии, Румынии и Албании, Германской Демократической Республики, народы Китая, Вьетнама и Северной Кореи получили возможность избрать путь социалистического развития. Возникла мировая социалистическая система. Международная жизнь стала развиваться по новым законам»⁴⁰.

В послевоенный период, борясь за расширение и укрепление сотрудничества между всеми странами в интересах мира и безопасности народов, Советский Союз неуклонно стремился к созданию прочной основы добрососедства и дружбы с Японией. На «немалые возможности для дальнейшего расширения взаимовыгодного сотрудничества с Японией» было указано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии. «Советский Союз,—повторил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик»,— ...стоит за установление отношений подлинного добрососедства с Японией»⁴¹. «Мы исходим из того,—отмечал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин,— что развитие дружественных, добрососедских отношений выгодно как советскому, так и японскому народу. Мы считаем также, что эти отношения являются серьезным фактором в деле сохранения мира и стабилизации обстановки на Дальнем Востоке и в Азии вообще...»⁴².

Ныне, когда все прогрессивное человечество торжественно отметило 30-летие великой победы, отдавая дань уважения Советскому Союзу, к нестройному хору его недругов поспешили присоединиться маоисты⁴³. Предав забвению огромный вклад Советского Союза в разгром японского милитаризма, в дело национального и социального освобождения народов Азии и Дальнего Востока, и прежде всего китайского народа, пекинские лидеры пытаются ныне разжечь в Японии реваншистский утар, накалить обстановку на Дальнем Востоке, вызвав напряженность в отношениях между Японией и Советским Союзом.

Еще в 30-е годы Мао Цзэ-дун вслед за Ли Ли-санем связывал с возможностью втравить Советский Союз в войну с Японией большие надежды. Тогда Мао Цзэ-дун, как и Ли Ли-сань, считая Китай новым центром мировой революции, а противоречие между империалистической Японией и Китаем — основным противоречием эпохи, прикрывал свои гегемонистские планы идеей мировой революции. Ныне Мао Цзэ-дун, который видит в Советском Союзе главное препятствие на пути реализации своих великодержавных устремлений, скатился до роли глашатая некоего единого международного антисоветского фронта. Провоцируя международную напряженность на Дальнем Востоке, маоисты сосредоточили свои усилия на том, чтобы втянуть в русло своей антисоветской политики Японию.

Стремление опереться на ее военно-промышленный потенциал в целях реализации великодержавных амбиций Китая на мировой арене обусловило повышенное внимание Пекина к Японии. Попытки найти основу «взаимопонимания» с ее правящим лагерем принимали самые неожиданные формы. Беспрецедентной в этой связи была беседа Мао Цзэ-дуна в 1956 г. с делегацией высокопоставленных чинов бывшей императорской армии Японии, в состав которой входили и «ветераны» агрессии против китайского народа. В этой беседе Мао Цзэ-дун впервые открыто выдвинул идею некоего японо-китайского альянса — тогда во

⁴⁰ «Правда», 9.V.1975.

⁴¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М. 1973, стр. 347, 475.

⁴² «Правда», 5.I.1969.

⁴³ «К 30-й годовщине победы над германским фашизмом». «Жэньминь жибао», 9.V.1975.

имя изгнания из Азии «общего врага» — Соединенных Штатов Америки. «Как Япония, так и Китай, — заявил он, — подвергаются угнетению со стороны американского империализма. Этот гнет необходимо ликвидировать и добиться независимости». Достигнуть этого можно при условии, если Япония и Китай ради изгнания «общего врага — Соединенных Штатов Америки» «возьмутся за руки»⁴⁴. Мао Цзэ-дун даже предложил себя в качестве «начальника штаба вооруженных сил Японии, если на то будет ее согласие».

Ясно, что ни о каком антиимпериализме, ни о каких классовых мотивах в этом обращении Мао Цзэ-дуна к именитым японским милитаристам, запятнавшим себя кровавыми преступлениями против народов Азии, в том числе против китайского народа, не было и речи. Как зондаж правящего лагеря Японии со стороны маоистского руководства, как призыв, не имеющий ничего общего с лозунгом борьбы против американского империализма, он был понят и участниками этой встречи. Весьма характерно, что один из участников беседы, бывший полковник императорской армии Японии, связал «антиамериканизм», продемонстрированный Мао Цзэ-дуном, с националистической кампанией под лозунгом «Англия и Америка — враждебные государства», которая была развернута империалистическими кругами Японии перед началом войны на Тихом океане.

Со второй половины 50-х годов в «японской» политике маоистов стал насаждаться антисоветизм, который ныне превратился в главный «довод» Пекина в пользу «особого» взаимопонимания с Японией. С тех пор, как в 1964 г. Мао Цзэ-дун открыто провозгласил «общность» территориальных притязаний Китая и Японии к Советскому Союзу в качестве основы подхода обеих сторон к отношениям с Советским Союзом, в Пекине не гнушались ничем, чтобы вызвать недоверие и напряженность в японо-советских отношениях, помешать развитию добрососедства и дружбы между двумя странами.

Советское государство, внесшее в ходе второй мировой войны решающий вклад в разгром претендентов на мировое господство в лице фашистской Германии и милитаристской Японии и заплатившее за это дорогой ценой миллионов жизней своих людей, с первых своих шагов на мировой арене выступало активным борцом за мир и развитие добрососедских отношений между всеми странами. Претворяя в жизнь Программу мира, принятую на XXIV съезде КПСС, Советское правительство прилагает настоятельные усилия, чтобы сделать разрядку международной напряженности необратимым процессом. Этими соображениями СССР руководствуется и при определении своей политики в отношении стран Азии и Тихого океана, в том числе и в отношении Японии и Китая.

⁴⁴ С аналогичных позиций вслед за Мао Цзэ-дуном обратился к делегации и Чжоу Энь-лай (см. «Тюгоку кэнкю гэппо». Токио. 1960, № 146).

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

М. А. Вылцан

Отдельным этапам создания и развития материально-технической базы социалистического сельского хозяйства посвящено немало работ¹, однако до сих пор этот процесс не был рассмотрен в целом. В данной статье предпринимается попытка показать процесс развития материально-технической базы сельского хозяйства и его важнейшие социально-экономические итоги.

Под материально-технической базой сельского хозяйства в советской исторической и экономической литературе понимается в широком смысле совокупность двух компонентов: средств производства (земля, сельскохозяйственные постройки и т. д.) и механизированных орудий производства (тракторы и другие сельскохозяйственные машины). В более узком смысле под этим понятием подразумевается лишь второй компонент: машины, механические двигатели, вообще техника.

Мелкотоварное крестьянское хозяйство в силу своей экономической ограниченности было несовместимо с применением крупной техники и опиралось преимущественно на конно-ручные машины и орудия. Для создания материально-технической базы социалистического сельского хозяйства, главным элементом которой является крупное машинное производство, необходимы два условия: целенаправленная деятельность государства по созданию крупной промышленности, способной, как писал В. И. Ленин, «реорганизовать и земледелие»²; социалистическое кооперирование мелких крестьянских хозяйств, открывающее простор для применения крупной техники. Развивая выводы К. Маркса, В. И. Ленин вскрыл основное содержание технического прогресса вообще и в сельском хозяйстве в частности. «...Прогресс техники в том и выражается,— писал он,— что человеческий труд все более и более отступает на задний план перед трудом машин»³. В. И. Ленин поставил перед трудящимися нашей страны задачу «превратить земледелие из промысла, ведущегося бессознательно, по старинке, в промысел, который основан на науке и завоеваниях техники»⁴. Создание «строя цивилизованных кооператоров» В. И. Ленин рассматривал как целую эпоху, которую

¹ Анализ литературы по теме см.: В. И. Погудин. Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР. «Вопросы истории», 1958, № 9; М. Л. Богденко, В. П. Данилов, И. Е. Зеленин. Коллективизация сельского хозяйства. «Историография советского общества». М. 1965; И. М. Волков. Сельское хозяйство и колхозное крестьянство первых послевоенных лет в советской исторической литературе. «Очерки по историографии советского общества». М. 1967; А. М. Чинчиков. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства. М. 1971; В. П. Данилов. Проблемы истории советской деревни в 1946—1970 гг. (Очерк историографии). «Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946—1970 гг.)». М. 1972; Л. М. Зак, В. С. Лельчук, В. И. Погудин. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М. 1971, и др.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 9.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 78.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 358.

Страна Советов могла «пройти на хороший конец... в одно-два десятилетия»⁵. Все нарастающее внедрение в сельское хозяйство машинной техники должно было, по мысли В. И. Ленина, революционизировать сознание крестьянских масс, побуждать и ускорять их переход к крупному общественному хозяйству, резко повысить производительность труда. В. И. Ленин указывал, что сроки решения задачи создания «гигантского крупного машинного хозяйства»⁶, механизации и электрификации земледелия в массовом масштабе «исчисляются не менее чем десятилетиями»⁷.

Первостепенную роль в деле социалистического переустройства деревни В. И. Ленин отводил трактору. Это не случайно. Еще К. Маркс отмечал, что отдельная рабочая машина, пока она приводится в движение только человеком, остается «карликовой», а система машин не может получить свободного развития без мощной механической двигательной силы⁸. Исходным моментом технической реконструкции сельского хозяйства явилось внедрение в земледелие механического двигателя — трактора. Роль трактора как основной двигательной машины в сельском хозяйстве обусловлена особенностью земледельческого производства (пространственная рассеянность главного предмета труда — земли и вытекающая отсюда необходимость в легко перемещающемся двигателе, приводящем в движение орудия и средства труда). Подобно паровой машине, стоявшей у истоков промышленного переворота, трактор положил начало подлинно технической революции в сельском хозяйстве. Замена живой двигательной силы механической не только увеличивала производительность отдельной рабочей машины, но и открывала широкие возможности для развития системы машин.

Ленинские положения о сущности технического прогресса, о роли механизации и электрификации в социалистическом преобразовании деревни составляют методологическую основу для выработки научной периодизации развития материально-технической базы сельского хозяйства СССР. Качественные изменения в характере и уровне производительных сил, обуславливающие в конечном счете развитие производственных отношений — наиболее верный критерий для такой периодизации.

В исторической литературе конца 50-х — начала 60-х годов вопрос о начале создания новой материально-технической базы сельского хозяйства СССР стал предметом дискуссии, целью которой было выяснение того, имела ли эта база уже к моменту начала сплошной коллективизации (конец 20-х годов) или она была создана в ходе социалистического переустройства деревни (годы первой и второй пятилеток)⁹.

В настоящее время утвердилась следующая точка зрения: создание крупного машинного производства не является обязательным предварительным условием для начала социалистического кооперирования крестьянских хозяйств¹⁰. Опыт нашей и некоторых других стран показал, что к производственному кооперированию можно приступить и на основе обобществления недостаточно развитых крестьянских средств и орудий производства, поскольку уже простая их кооперация приводит к значительному росту производительности труда. Вместе с тем, как подчеркивалось в решениях ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП (б),

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 372, 373.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 176.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 61.

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 394.

⁹ М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М. 1964, стр. 192—203.

¹⁰ «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление». М. 1969, стр. 48—49.

«крупное, высокопроизводительное и действительно социалистическое производство в сельском хозяйстве можно построить только на базе современной машинной техники и электрификации. Поэтому первостепенное значение имеет создание материально-технической базы для социалистического преобразования деревни»¹⁵.

В новейших исследованиях показано, что техническая реконструкция сельского хозяйства началась по крайней мере за пять лет до сплошной коллективизации. В 1924—1929 гг. (имеются все основания рассматривать этот период как начальный этап в создании новой материально-технической базы сельского хозяйства) объем трактороснабжения достиг значительных для того времени масштабов. В течение этих лет крестьянство испытало различные формы использования тракторов и на собственном опыте убедилось в неоспоримых преимуществах новой техники и в необходимости коренной перестройки своего хозяйства. В важнейших зерновых районах первой очереди сплошной коллективизации к 1930 г. действительно была подготовлена определенная техническая база, обеспечивающая успешное проведение коллективизации¹⁶. К числу объективных предпосылок необходимости коллективизации сельского хозяйства относилось несоответствие господствовавших в доколхозной деревне производственных отношений общественному характеру новых производительных сил, хотя было бы преувеличением говорить о глубоком противоречии или конфликте между этими двумя сторонами производства в конце 20-х годов.

С осени 1929 г., одновременно со сплошной коллективизацией, начинается решающий этап в создании новой материально-технической базы сельского хозяйства. Он был подготовлен мероприятиями Коммунистической партии и Советского государства по осуществлению социалистической индустриализации и ленинского кооперативного плана. С развитием сельскохозяйственного машиностроения, в частности тракторной промышленности, с организацией крупных общественных хозяйств — колхозов, могущих использовать эту технику, открылись благоприятные возможности для нарастающего технического перевооружения деревни. Была найдена и наиболее целесообразная организационно-экономическая форма использования новой техники в виде специальных государственных предприятий — машинно-тракторных станций. «В лице МТС, — указывалось в постановлении ЦК ВКП(б), принятом в конце 1930 г., — выявлена и проверена на массовом опыте форма организации Советским государством крупного коллективного сельского хозяйства на высокой технической базе, в котором наиболее полно сочетается самостоятельность колхозных масс в строительстве своих коллективных хозяйств с организационной и технической помощью и руководством пролетарского государства»¹⁷.

В годы первой пятилетки МТС создавались главным образом в основных зерновых районах и в меньшей мере в районах технических культур. Зерновое производство таких важнейших районов, как Северный Кавказ, Юг Украины, ЦЧО и некоторые другие, уже в годы первой пятилетки опиралось на относительно развитую машинно-тракторную

¹⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 4, стр. 347.

¹⁶ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. 2-е, доп. изд. Т. II. М. 1974; Н. В. Корольков. В. И. Ленин и вопросы технического вооружения сельского хозяйства (на материалах тракторных колонн и МТС Северного Кавказа и ЦЧО). «Ленин и крестьянство». Материалы межвузовской научной конференции. Воронеж. 1970, стр. 97—100; Е. Н. Осолков. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 1973, стр. 123—129; А. Ф. Чмыга. Колхозное движение на Украине. 1917—1929 гг. М. 1974, стр. 198—199, 254—259, 273—274.

¹⁷ «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935». М. 1957, стр. 347.

базу. Однако в масштабах всей страны и всех отраслей земледелия такая база еще не была создана. Темпы социальной реконструкции деревни в годы первой пятилетки намного опережали темпы реконструкции технической, вследствие чего большая часть вновь создаваемых колхозов должна была пережить так называемую мануфактурную стадию развития.

Во второй пятилетке создание новой материально-технической базы продолжалось нарастающими темпами. Общий объем капиталовложений в строительство МТС в этот период составил 6 333,6 млн. рублей. К концу 1937 г. в стране насчитывалось уже 5 818 МТС, располагавших 365,8 тыс. тракторов общей мощностью в 6,7 млн. лошадиных сил¹⁸. Важнейшим направлением технической реконструкции сельского хозяйства являлась ликвидация разрыва в уровне развития производительных сил зерновых и незерновых районов и отраслей земледелия. Только за 1936 г. по специальному постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) в нечерноземной полосе было организовано 266 новых МТС¹⁹. Если в Краснодарском крае за годы второй пятилетки число МТС возросло на 24,1%, то в Вологодской области — более чем в 6 раз, а на Европейском Севере страны — в 8 раз²⁰. Наряду с машинно-тракторными станциями зернового направления создавались станции хлопководческого, льноконопледоводческого, свекловодческого, овощекартофельного и других направлений.

В конце второй пятилетки $\frac{2}{3}$ энергетических ресурсов, которыми пользовались колхозы, составляли механические источники энергии (моторы тракторов, комбайнов, автомобилей и другие двигатели) и только $\frac{1}{3}$ — рабочий скот. В важнейших зерновых районах механические двигатели составляли $\frac{4}{5}$ и больше всей энергетики колхозного производства²¹. С 1933 по 1937 г. уровень механизации пахоты под яровые поднялся с 22% до 73,9%, сева всех яровых культур — с 6,8% до 42,5%. К концу второй пятилетки уборка зерновых тракторным инвентарем составляла 43,8% против 10% в 1932 году²². Все это свидетельствует о том, что к концу второй пятилетки переход от старых конно-ручных машин и орудий на живой тяге к системе усовершенствованных машин и орудий на механической тяге в решающих отраслях земледелия был в основном осуществлен. Это была подлинно техническая революция в сельском хозяйстве, ликвидировавшая существовавшее ранее несоответствие между передовым социальным строем советской деревни и ее недостаточно развитой материально-технической базой.

Техническая реконструкция сельского хозяйства имела огромные социальные последствия. Она заложила прочный фундамент для окончательного торжества новых, социалистических производственных отношений в деревне. К концу второй пятилетки уровень коллективизации крестьянских хозяйств повысился до 93%²³. Под влиянием технического прогресса в значительной мере изменился характер сельскохозяйственного труда, который стал приближаться к труду индустриальному. Самый факт появления в деревне механизатора — человека индустриальной профессии — свидетельствовал о коренных изменениях в характере производительных сил общества, в социальном составе крестьянства, служил одним из проявлений процесса стирания граней между рабочим классом и колхозным крестьянством. Техническая реконструкция сель-

¹⁸ «МТС во второй пятилетке». Статистический сборник. М.-Л. 1939, стр. 33—41.

¹⁹ «Социалистическое земледелие», 5.1.1937.

²⁰ М. А. Вылцан. Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933—1937 гг.). М. 1959, стр. 31.

²¹ «МТС во второй пятилетке», стр. 4.

²² Там же, стр. 83; «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М. 1939, стр. 33.

²³ М. А. Вылцан. Указ. соч., стр. 28.

ского хозяйства оказала огромное влияние и на такой важнейший социально-экономический процесс, как уничтожение противоположности между городом и деревней. В основе его лежали глубокие социалистические преобразования в городе и деревне, ликвидация всех видов эксплуатации. Город в лице рабочего класса выступал как друг и союзник трудящегося крестьянства, его руководитель, а также как источник технического прогресса. Значительной была и «отдача» деревни. Она не только снабжала город продовольствием и сырьем для промышленности, — благодаря росту производительности труда в колхозах (главным образом под влиянием механизации) промышленность получила мощный источник пополнения рядов рабочего класса за счет высвобождения работников, ранее занятых в сельском хозяйстве. Естественный прирост населения деревни за 1926—1939 гг. составил 18,1 млн. человек. За эти же годы из села переместилось в город 24,1 млн. человек²⁴.

Говоря о создании новой материально-технической базы сельского хозяйства к концу второй пятилетки, нельзя упускать из виду того, что она была построена лишь «в основном». 1/3 энергетических ресурсов сельского хозяйства приходилась еще на долю живых источников энергии — рабочего скота. Наряду с новой техникой сохранялись конно-ручные машины и орудия, типичные для мелкого крестьянского хозяйства. Механизированы были (да и то не полностью) только наиболее трудоемкие работы в земледелии, в животноводстве преобладал ручной труд. Для того, чтобы закончить создание новой материально-технической базы социалистического сельского хозяйства, предстояло преодолеть еще один, завершающий, этап. Определенная «недостаточность» уровня развития производительных сил колхозов, с одной стороны, не могла не сдерживать темпы подъема сельскохозяйственного производства, а с другой — накладывала свой отпечаток и на социально-экономические процессы, происходившие в деревне. Именно вследствие недостаточного уровня развития производительных сил в колхозах не представлялось возможным в то время перейти в широких масштабах от налоговой основы государственных заготовок к их товарной форме. Этим же обстоятельством объясняется непомерно большая роль личного подсобного хозяйства в доходах колхозников и вытекавшие отсюда некоторые отрицательные моменты (ослабление материальной заинтересованности членов артели в развитии общественного производства, довольно частое перераспределение их трудовых затрат в пользу личного хозяйства за счет общественного, живучесть мелкособственнической психологии крестьянства).

Коммунистическая партия и Советское государство, борясь с трудностями и недостатками в развитии колхозного строя, уделяли первостепенное внимание укреплению его материально-технической базы. Героическими усилиями советского народа к концу второй пятилетки социализм в СССР был в основном построен. Между историческими этапами построения социализма «в основном» и его полной и окончательной победой находился, как известно, период завершения социалистического строительства, упрочения и развития социализма. Содержанием этого периода являлось не только приведение надстройки в полное соответствие с экономическим базисом победившего социализма, но и упрочение и совершенствование самого базиса на основе дальнейшего подъема производительных сил. В области развития производительных сил сельского хозяйства в этот период предстояло решить следующие основные задачи: ликвидировать «недоделки» предшествующего этапа, выражавшиеся в незаконченном переходе от живых источников энергии к механическим, в неполной механизации трудоемких сельскохозяйственных работ; приступить к началу комплексной механизации сельского хозяй-

²⁴ И Ю П и с а р е в Народонаселение СССР. М. 1962, стр. 97.

ства, то есть к механизации не только трудоемких, но и всех остальных работ²⁵. В предвоенные годы в решении этих задач были достигнуты некоторые успехи, несмотря на заметное снижение темпов снабжения деревни техникой в связи с переключением части заводов сельскохозяйственного машиностроения на нужды обороны.

На первый взгляд может показаться, что выделение Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства в особый период не соответствует избранному нами общему критерию периодизации. Однако это не так. Война, хотя и не поколебала социальных основ советского общества, затормозила процесс завершения создания новой материально-технической базы сельского хозяйства, нанесла громадный урон производительным силам деревни²⁶. По данным Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков, оккупанты уничтожили или вывезли 137 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов (что составляло около 1/4 довоенного парка этих машин), много другой техники, миллионы голов рабочего скота. Материальный ущерб, нанесенный только колхозам, составил 181 млрд. рублей²⁷. Из-за резкого сокращения техники доля живого труда в выполнении даже таких трудоемких сельскохозяйственных работ, как подъем зяби, увеличилась в 1942 г. до 59,1% против 28,5% в 1940 г.; подъем паров до 42,9% против 11,7%; сев яровых — до 72,2% против 47,6% и т. д.²⁸.

Несмотря на огромные потери и трудности, колхозный строй с честью выдержал суровые испытания военного времени, доказав свою прочность и жизнеспособность. Процесс восстановления материально-технической базы сельского хозяйства, сильно подорванного войной, был трудным и сложным²⁹. Не все ее элементы развивались одинаковыми темпами. Значительно отставало ремонтное дело, хотя по сравнению с довоенным временем общее количество ремонтных предприятий и их оснащенность несколько увеличились. Оставались еще целые области и районы, которые по технической оснащенности сельского хозяйства в 1950 г. не достигли показателей 1940 года. Однако по своему основному звену — энергетике — материально-техническая база социалистического сельского хозяйства в годы четвертой пятилетки была не только восстановлена, но и получила дальнейшее развитие.

²⁵ Состоявшийся в марте 1939 г. XVIII съезд партии наметил уже в годы третьей пятилетки завершить комплексную механизацию сельскохозяйственных работ. Необходимо, однако, учитывать, что в довоенные годы понятие «механизация труда в сельском хозяйстве» было более широким, чем в настоящее время, и включало работы, произведенные посредством машин и инвентаря конной тяги. В условиях незавершенной технической реконструкции сельского хозяйства использование машин и инвентаря конной тяги было не только оправданно, но и необходимо. Но это обстоятельство не позволяет считать, что после проведения технической реконструкции «в основном» сразу начался широкий переход к комплексной механизации.

²⁶ Н. А. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М. 1947; Н. И. Анисимов. Колхозный строй в Отечественной войне. 1941—1945 гг. М. 1945; Б. Г. Венжер. Опыт работы МТС в условиях войны. «Социалистическое сельское хозяйство», 1945, № 11—12; В. Т. Анисков. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту. 1941—1945 гг. Барнаул. 1966; Ю. В. Арутюнян. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е. М. 1970, и др.

²⁷ «Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков». М. 1946, стр. 430, 444.

²⁸ Ю. В. Арутюнян. Указ. соч., стр. 289.

²⁹ И. М. Волков. Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства в первые послевоенные годы (1946—1950). «Вестник МГУ». История. 1968; его же. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 годах. М. 1972; В. К. Полабугин. Восстановление и развитие технической оснащенности колхозного производства РСФСР в послевоенные годы (1946—1953). «История СССР», 1969, № 1; М. А. Вылцан. Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства в 1946—1958 гг. «Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946—1970 гг.)», и др.

Большинство авторов в качестве главного рубежа в развитии материально-технической базы сельского хозяйства в 50-е годы выделяет сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС, а начало пятой пятилетки (1951—1953 гг.) объединяет в один период с предшествующим этапом восстановления сельского хозяйства. Не отрицая значения этого Пленума ЦК КПСС в развитии сельского хозяйства в 50-е годы, мы полагаем, однако, что больше оснований считать разделительной гранью 1950 г.—год окончания восстановления всего народного хозяйства, в том числе и материально-технической базы сельского хозяйства.

В исторической и экономической литературе нет достаточно четкого определения содержания того этапа в развитии материально-технической базы сельского хозяйства, который последовал сразу после восстановления. Обычно его называют «годами дальнейшего развития», не поясняя, однако, в каком направлении шло это развитие, каким было соотношение между механизацией наиболее трудоемких процессов и комплексной механизацией сельского хозяйства. Нам представляется, что главным направлением развития материально-технической базы сельского хозяйства в 50-е годы являлось завершение технической реконструкции сельского хозяйства, то есть окончательная замена живых источников энергии механическими, завершение механизации наиболее трудоемких работ в земледелии. Вместе с тем уже в это время получила определенное развитие и комплексная механизация сельского хозяйства страны. В «Директивах по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы», принятых XIX съездом партии, предусматривался значительный рост материально-технической базы сельского хозяйства. К концу пятой пятилетки мощность тракторного парка МТС должна была возрасти примерно на 50%. В качестве важнейшей задачи выдвигалось завершение механизации основных полевых работ в колхозах, широкое развертывание механизации трудоемких работ в животноводстве, работ по транспортировке, погрузке и разгрузке сельскохозяйственной продукции, по орошению, по осушению заболоченных и освоению новых земель³⁰.

Вопросам технического прогресса вообще и в сельском хозяйстве в частности партия всегда уделяла первостепенное внимание. Особенно оно усилилось с 50-х годов, и не случайно. Во-первых, без всестороннего технического прогресса немыслимо было успешное выполнение задач по завершению строительства социализма. Во-вторых, новый этап в развитии мировой науки и техники, связанный с началом научно-технической революции, особенно остро ставил вопрос о необходимости модернизации промышленного и сельскохозяйственного производства. В-третьих, отставание сельского хозяйства можно было преодолеть лишь путем первоочередного укрепления его материально-технической базы.

Исходя из указаний XIX съезда партии, Совет Министров СССР 4 ноября 1952 г. принял специальное постановление «О мероприятиях по улучшению конструкций выпускаемых сельскохозяйственных машин, разработке новых машин и повышению качества их изготовления»³¹. Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС в целях дальнейшего укрепления материально-технической базы колхозов и совхозов рекомендовал предусмотреть в народнохозяйственных планах поставку сельскому хозяйству в период с 1954 г. по 1 мая 1957 г. не менее 500 тыс. тракторов общего назначения (в 15-кратном исчислении), а также необходимое количество другой сельскохозяйственной техники³². В обеспечении уско-

³⁰ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 6, стр. 355—356.

³¹ «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957». Сборник документов. Т. 3. М. 1958, стр. 692.

³² «Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946—1970 гг.)», стр. 86.

ренного технического прогресса в народном хозяйстве большую роль сыграл июльский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС. Он указал на нерешенные задачи в области промышленного производства, включая тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, выработал мероприятия по устранению имеющихся недостатков. К концу 50-х годов в сельскохозяйственном машиностроении произошли важные структурные изменения: осуществлялся переход к производству модернизированных или новых моделей тракторов и навесных машин и орудий, значительно расширялся ассортимент выпускаемой продукции. Если в 1950 г. изготовлялось 164 типа сельскохозяйственных машин, то в последующие восемь лет в производство было внедрено 211 новых конструкций. В 1959 г. производилось 400 типов современных сельскохозяйственных машин³³.

Показателем дальнейшего совершенствования материально-технической базы колхозов и совхозов являлось быстрое развитие сельской электрификации. Важную роль в этом деле сыграло постановление Совета Министров СССР от 25 августа 1953 г. «О проведении работ по электрификации колхозов путем присоединения к государственным энергосистемам, промышленным и коммунальным электростанциям»³⁴. В 1958 г. потребление электроэнергии в сельском хозяйстве возросло до 907 млн. квт/час, превысив в 2,5 раза уровень потребления 1953 года. За 5 лет количество находившихся в сельском хозяйстве электродвигателей и их мощности увеличились почти в 3 раза. К концу 1958 г. электроэнергией пользовались уже 49% колхозов и 96% совхозов³⁵. Энергетические мощности сельского хозяйства возросли с 62,3 млн. л. с. в 1950 г. до 138,1 млн. л. с. в 1958 г., причем исключительно за счет применения механических и электрических двигателей. На долю рабочего скота (в пересчете на механическую силу) в 1950 г. приходилось лишь 7,3 млн. л. с. (11,7%), а в 1958 г. — 6 млн. л. с. (4,3%)³⁶.

Укрепление материально-технической базы позволило повысить уровень механизации сельского хозяйства. Наибольшие успехи были достигнуты в механизации самых трудоемких, пахотных работ, которые к 1958 г. почти полностью производились при помощи тракторов. Механизация посевных работ (без посадочных) также была близка к завершению. Уборка зерновых культур комбайнами с 1950 по 1958 г. увеличилась с 51,1% до 88%³⁷.

В такой огромной стране, как СССР, с ее исключительным разнообразием экономических зон и районов, развитие механизации отдельных отраслей сельского хозяйства не было равномерным. По уровню механизации, как и в предшествующие годы, впереди шла зерновая отрасль основных хлебопекущих районов. Уже в декабре 1951 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление о развертывании комплексной механизации сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах Краснодарского края, а в апреле 1952 г. аналогичное постановление было вынесено по Ставропольскому краю³⁸. Краснодарская и Ставропольская партийные организации проделали большую организаторскую и массово-политическую работу по осуществлению комплексной механизации. В 1952—1953 гг. на Кубани и в Ставрополье комплексная механи-

³³ «Народное хозяйство СССР в 1958 году». Статистический ежегодник. М. 1959, стр. 157; «Правда», 2.VI.1960.

³⁴ «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957». Т. 4. М. 1959, стр. 16—18.

³⁵ «Электрификация СССР». М. 1970, стр. 482.

³⁶ «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 485.

³⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 4, д. 1076, л. 176; д. 1240, лл. 124—196; «Сельское хозяйство СССР». Статистический сборник. М. 1960, стр. 421.

³⁸ И. Г. Иваненко. Мероприятия КПСС и Советского правительства по комплексной механизации сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае в 1951—1953 гг. «Труды» Краснодарского института пищевой промышленности. Вып. 17, 1957, стр. 77—81.

зация всех работ по уборке и обработке зерна на токах в основном была завершена. В Краснодарском крае, например, в 1952 г. лущение стерни было механизировано на 68%, уборка соломы — на 87%, работа на токах — на 85%³⁹.

Комплексная механизация на уборке хлебов стала применяться в ряде МТС Поволжья, Центральной черноземной зоны, Урала, хотя и не в таких масштабах, как на Северном Кавказе. Крайне медленными темпами осуществлялась комплексная механизация в Сибири, а между тем из-за недостатка рабочих рук в колхозах она имела бы здесь особое значение. Например, в Омской области вследствие слабой механизации погрузки и выгрузки зерна на токах и пунктах «Заготзерна» в период хлебозаготовок систематически отвлекалось от полевых работ около 5 тыс. колхозников⁴⁰. В большинстве районов страны из года в год не выполнялись задания по механизации пропашных культур (междурядной обработке и уборке картофеля, тереблению льна, лущению стерни, вспашке язби, уборке хлопка и т. д.). Сроки выполнения многих работ значительно превышали оптимальные. Так, в 1954 г. при 100-процентном выполнении машинно-тракторными станциями работ в полеводстве из них в предусмотренный договорами с колхозами срок было выполнено 87%. В 1955 г. в РСФСР предпосевная культивация была осуществлена МТС в установленные договорами сроки на 87,9%, посев яровых культур, посадка картофеля и овощей — на 87,8%, уборка комбайнами зерновых и других культур — на 81,9%⁴¹.

В 50-е годы был сделан существенный шаг в механизации наиболее трудоемких работ в животноводстве. В 1959 г. в колхозах сенокошение было механизировано на 53%, сгребание сена — на 49%, силосование — на 84%. поголовье крупного рогатого скота на фермах с механизированным водоснабжением с 1953 по 1959 г. увеличилось с 6,6% до 30,7%, а в хозяйствах с внутрифермским транспортом — с 1,1% до 17,7%. На свинофермах эти показатели возросли соответственно с 6,6% до 36,8% и с 1,7% до 30,6%⁴². Приведенные данные вместе с тем свидетельствуют о том, что уровень механизации животноводства был еще невысоким.

Рост производительных сил сельского хозяйства в период завершения строительства социализма сопровождался глубокими социально-экономическими изменениями в деревне, дальнейшим укреплением колхозной собственности. Если в 1950 г. денежные отчисления в неделимые фонды колхозов составили 5,5 млрд. руб., то в 1957 г. они достигли 16,8 млрд. руб., то есть увеличились в 3 раза. Общие неделимые фонды колхозов за это же время выросли с 50,6 млрд. руб. до 102 млрд. руб.⁴³ Колхозная собственность не только выросла количественно, в ней произошли и большие качественные изменения, свидетельствующие о сближении колхозно-кооперативной формы собственности с государственной. Основные средства производства первых колхозов представляли собой, как правило, сумму простого крестьянского инвентаря (конных плугов, борон, сеялок, телег, мелкого инвентаря), обобщественного рабочего и продуктивного скота. По мере развития и укрепления колхозов в структуре их основных производственных фондов все большее место стали занимать различного рода машины и механизмы: тракторные плуги, сеялки, культиваторы, сложные молотилки, автомобили, электродвигатели. К 1958 г. колхозы Краснодарского края, например, имели 900 тракторов, около 8 тыс. автомашин, 7 тыс. двигателей и 10 тыс. сея-

³⁹ Там же.

⁴⁰ «Заседания Верховного Совета РСФСР 3-го созыва Третья сессия (25—27 августа 1953 г.)» М. 1953, стр. 174.

⁴¹ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 15, л. 1199, л. 42; л. 1236, л. 57.

⁴² «Сельское хозяйство СССР», стр. 423—427.

⁴³ Там же, стр. 57.

лок, борон, культиваторов и т. д.⁴⁴ Накануне реорганизации МТС из общего количества 660 тыс. грузовых автомобилей, имевшихся в сельском хозяйстве страны, около 330 тыс. принадлежали колхозам. Учитывая возросшие экономические возможности колхозов, государство стало продавать колхозам все больше тракторов: в 1956 г. в собственности колхозов находилось уже около 19 тыс., в 1957 г. — 26,5 тыс. тракторов. Тракторами располагали более 18 тыс. колхозов, или 23% общего их числа⁴⁵.

Поиски лучших путей использования техники особенно усилились после XX съезда КПСС, который поставил задачу значительного снижения себестоимости сельскохозяйственной продукции. В виде опыта ряду колхозов были переданы во временное пользование тракторы и другая техника, объединялось руководство МТС и колхозов, создавались комплексные тракторно-полеводческие бригады. В феврале 1958 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, принявший решение реорганизовать МТС. Верховный Совет СССР 31 марта 1958 г. принял закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций»⁴⁶. Закон предусматривал изменение просуществовавшего почти 30 лет порядка производственно-технического обслуживания колхозов через систему МТС, постепенное преобразование их в ремонтно-технические станции и продажу колхозам сельскохозяйственной техники. Как отмечалось на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, при проведении этого мероприятия, к сожалению, были допущены серьезные просчеты. Покупать технику вынуждены были не только экономически крепкие, но и слабые колхозы. Более 600 хорошо оборудованных ремонтных заводов и мастерских были переданы совнархозам и другим несельскохозяйственным организациям. Отдельные колхозы покупали мастерские, но не могли их производительно использовать, а расположенные по соседству хозяйства лишались возможности ремонтировать технику⁴⁷.

Колхозам передавались не только техника, но и кадры, в том числе механизаторы. Класс колхозного крестьянства пополнился большим отрядом работников, по своему культурно-техническому уровню мало чем отличавшихся от промышленных рабочих. В Законе Верховного Совета СССР о реорганизации МТС предусматривалось, что за механизаторами и специалистами сельского хозяйства, переходившими в колхозы, сохраняется право на государственное социальное обеспечение (пенсию) и другие права промышленных рабочих. Изменение отношения механизаторов сельского хозяйства к средствам производства, юридического их положения и форм оплаты их труда не означало радикального изменения их социального облика, свидетельствуя в то же время об известной социальной мобильности общественной структуры советского общества, о дальнейшем сближении между рабочими и крестьянами.

Переход к новым формам производственного обслуживания колхозов — не единственное основание для выделения конца 50-х годов как рубежа в развитии материально-технической базы сельского хозяйства. Ко времени полной и окончательной победы социализма в СССР произошли большие качественные изменения в самом характере производительных сил сельского хозяйства. Механические и электрические источники энергии практически целиком вытеснили живую тягловую силу. Наиболее трудоемкие работы сельскохозяйственного производства (за исключением животноводства) были механизированы почти полностью.

⁴⁴ И. И. Алексеенко. Великий союз создателей. Краснодар. 1971, стр. 63.

⁴⁵ Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. М., 1960, стр. 276.

⁴⁶ «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». Т. 4. М. 1968, стр. 397—401.

⁴⁷ «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 24—26 марта 1965 г.». Стенографический отчет. М. 1965, стр. 20, 177.

Началась механизация вспомогательных работ. Это означало, что к концу 50-х годов, по существу, завершилась непосредственная техническая реконструкция сельского хозяйства, была полностью создана новая материально-техническая база социалистического сельского хозяйства⁴⁸.

Завершение технической реконструкции сельского хозяйства свидетельствовало о коренном изменении характера производительных сил деревни. Однако это не означало, что их уровень полностью соответствовал потребностям и задачам дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства. В решениях XXI съезда КПСС, в Программе партии, принятой ее XXII съездом, подчеркивалась необходимость мощного роста производительных сил сельского хозяйства, который позволил бы решить две основные, тесно связанные между собой задачи: «а) достигнуть изобилия высококачественных продуктов питания для населения и сырья для промышленности; б) обеспечить постепенный переход советской деревни к коммунистическим общественным отношениям и ликвидировать в основном различия между городом и деревней»⁴⁹. Главнейшим направлением в развитии материально-технической базы сельского хозяйства на этапе коммунистического строительства является переход к широкой комплексной механизации всех, то есть не только основных, но и вспомогательных, сельскохозяйственных работ, до сих пор отвлекающих большую часть трудоспособного населения, занятого в земледелии и животноводстве. Важнейшая задача заключается в том, чтобы достигнуть такого уровня технической оснащенности колхозов и совхозов, который обеспечивал бы проведение сельскохозяйственных работ в оптимальные сроки, уменьшил зависимость сельскохозяйственного производства от стихийных сил природы.

На мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил о том, что «техническая вооруженность колхозов и совхозов остается еще недостаточной. У нас не хватает тракторов, автомобилей, комбайнов и других сложных сельскохозяйственных машин, а также культиваторов, борон и сеялок. Это приводит к затягиванию сроков проведения полевых работ и снижению урожайности»⁵⁰. Мартовский пленум ЦК КПСС, вскрывший волюнтаристские ошибки в руководстве сельским хозяйством, выработал основы аграрной политики партии на современном этапе, явился крупной вехой в развитии колхозно-совхозного производства. Среди разработанных пленумом неотложных мер по подъему сельского хозяйства важное место отводилось дальнейшему укреплению его материально-технической базы. По существу, был взят курс на полное техническое перевооружение сельского хозяйства на основе современных достижений тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. В решениях XXIII съезда КПСС (март 1966 г.) и последующих пленумов ЦК партии была конкретизирована научно обоснованная программа последовательной интенсификации сельского хозяйства путем его химизации, комплексной механизации земледелия и животноводства, широкой мелиорации земель.

О нарастании темпов создания новой техники в условиях развитого социализма можно судить по следующим данным. В 1966 г. в серийное

⁴⁸ Поскольку главным содержанием технической реконструкции сельского хозяйства был переход от конно-ручных машин и орудий на живой тяге к системе усовершенствованных машин и орудий на механической тяге, нельзя, строго говоря, ее конечную грань произвольно доводить чуть ли не до сегодняшнего дня. Подобная неточность встречается в литературе: «В СССР осуществлена коренная техническая реконструкция сельского хозяйства. Тракторный парк в сельском хозяйстве вырос с 27 тыс. в 1928 г. до 1739 тыс. (физических единиц) в 1967 г., зерноуборочных комбайнов — соответственно от двух машин до 553 тыс., автомобилей — с 0,7 тыс. до 1054 тыс. Если в 1929 г. на долю механической тяговой силы в сельском хозяйстве СССР приходилось всего 2,8%, то в настоящее время — почти 100%» («Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление», стр. 225).

⁴⁹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1961, стр. 76.

⁵⁰ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1. М. 1970, стр. 82.

производство было запущено 45 новых образцов сельскохозяйственных машин, в 1967 г. — 65, в 1968 г. — 74. В 1970 г. промышленность поставляла сельскому хозяйству 724 наименования сельскохозяйственных машин (в 1959 г. — 400)⁵¹. Энергетические мощности сельского хозяйства с 1960 по 1970 г. увеличились со 155,9 млн. л. с. до 336,4 млн. л. с., то есть более чем в 2 раза. Энерговооруженность труда с 1965 по 1970 г. возросла с 7,7 до 11,2 л. с. на одного работника и со 100 до 148 л. с. на 100 га посевных площадей. К 1970 г. была в основном завершена электрификация сельских населенных пунктов. Потребление сельским хозяйством электроэнергии выросло с 21,1 млрд. квт/час в 1965 г. до 38,6 млрд. квт/час в 1970 году. Расходование электроэнергии на производственные нужды колхозов и совхозов страны за это же время увеличилось в 2 раза. В 1970 г. 69% электроэнергии, потребляемой сельским хозяйством, использовалось в производственных целях⁵².

Одним из существенных показателей комплексной механизации всех отраслей сельского хозяйства является развитие транспорта. В 1970 г. примерно 80% всех грузов колхозов и совхозов перевозилось автомобилями⁵³.

Для технического оснащения животноводства, по уровню механизации значительно отстававшего от полеводства, в годы восьмой пятилетки колхозы и совхозы получили машин и оборудования на сумму 2,8 млрд. руб., то есть в 1,5 раза больше, чем за 1961—1965 годы. Было разработано 98 новых машин с высокими технико-экономическими показателями, что позволило повысить уровень механизации трудоемких процессов в животноводстве⁵⁴. Что же касается комплексной механизации животноводства в целом, то здесь успехи были менее значительными. В 1970 г. на комплексно-механизированных фермах содержалось лишь 9% поголовья крупного рогатого скота и 23% поголовья свиней⁵⁵.

XXIV съезд КПСС поставил задачу всемерного ускорения темпов научно-технического прогресса как основного условия экономического развития страны, строительства материально-технической базы коммунизма. За период с 1970 г. по май 1973 г. сельскому хозяйству поставлено 1 258 тыс. тракторов, 738 тыс. грузовых автомобилей, 208 млн. т минеральных удобрений. В одном только 1974 г. сельское хозяйство получило 349,8 тыс. тракторов, 212,1 тыс. грузовых автомобилей, 84,5 зерноуборочных комбайнов. Большая работа проведена в последние годы по механизации животноводства. В 1973 г., например, доение коров было механизировано на 70%. Значительно повысился уровень механизации раздачи кормов, очистки животноводческих помещений и ряда других трудоемких процессов. Теперь каждая третья колхозная свиноводческая и птицеводческая ферма механизирована комплексно, что значительно облегчает труд животноводов, повышает его производительность⁵⁶.

В широких масштабах проводится мелиорация земель. Капитальные вложения государства и колхозов на развитие сельского хозяйства по всему комплексу работ с 1970 г. по май 1973 г. составили более 91 млрд. руб. и возросли по сравнению с предыдущим четырехлетием почти на 29 млрд. руб., или на 46%. А за 10 лет, прошедших со времени мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, на развитие материально-технической базы колхозов и совхозов, химизацию и мелиорацию земель, культурно-бытовое строительство на селе вложено средств в 2 ра-

⁵¹ «Правда», 11.XII.1968; «Экономика сельского хозяйства», 1971, № 2, стр. 45.

⁵² «Сельское хозяйство СССР». Статистический сборник М. 1971, стр. 373; «Сельское хозяйство СССР на современном этапе». М. 1972, стр. 295.

⁵³ «Сельское хозяйство СССР на современном этапе», стр. 292.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Курсом мартовского Пленума». М. 1975, стр. 308, 411.

за больше, чем за все предыдущие годы Советской власти⁵⁷. Энерговооруженность сельскохозяйственного труда за 1965—1974 гг. возросла в 2,1 раза, а его фондовооруженность — в 2,5 раза⁵⁸.

Несмотря на громадное увеличение технической оснащенности сельского хозяйства, темпы ее роста, как отметил Л. И. Брежнев на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию начала освоения целины, нуждаются в ускорении⁵⁹. Наиболее существенными и перспективными направлениями механизации сельского хозяйства, вытекающими из решений XXIV съезда партии, являются: повышение единичной мощности и энергонасыщенности тракторов для выполнения работ на более высоких скоростях; применение широкозахватных и многорядных машин, а также машин с активными рабочими органами; внедрение комбинированных машин, обеспечивающих одновременное выполнение нескольких операций; увеличение пропускной способности уборочных комбайнов и создание новых типов уборочных машин, отвечающих природным условиям различных зон страны; применение поточных технологий в мобильных и стационарных процессах; широкое внедрение электроэнергии, прежде всего для механизации работ на животноводческих фермах; использование автоматических устройств и улучшение условий труда; перевод животноводства, птицеводства, овощеводства защищенного грунта и некоторых других отраслей сельского хозяйства на промышленные методы производства продукции; значительное повышение уровня эксплуатации техники и организации механизированных работ в сельском хозяйстве⁶⁰.

Специалисты полагают, что для осуществления комплексной механизации всех отраслей сельского хозяйства необходимо иметь более 2,3 тыс. видов машин, оборудования, комплексов поточных линий, приспособлений и приборов. В настоящее время отечественная индустрия производит машины, механизмы и оборудование для сельского хозяйства 1 413 наименований⁶¹. Высшей ступенью развития комплексной механизации и поточной технологии является автоматизация производства. Советскими учеными и конструкторами уже создан ряд автоматических устройств сельскохозяйственного назначения. В принципе решен вопрос об автоматическом вождении тракторов. На отдельных животноводческих и птицеводческих фермах внедряются устройства, позволяющие автоматически регулировать микроклимат и освещенность, производить раздачу кормов и уборку навоза по заданной программе.

Несмотря на быстрый рост производительных сил сельского хозяйства, в основе его «технологии» по-прежнему лежат естественные, биологические процессы, менее всего поддающиеся «революционным» изменениям. «Есть особенности земледелия, — писал В. И. Ленин, — которые абсолютно неустранимы (если оставить в стороне слишком отдаленную и слишком проблематическую возможность лабораторного приготовления белка и пищи). Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет отличаться *всеми* теми чертами, которые она имеет в промышленности»⁶². Тем не менее и эта отрасль на-

⁵⁷ «Правда», 18.V.1974; 7.VI.1975.

⁵⁸ «Правда», 25.III.1975.

⁵⁹ См. «Правда», 16.III.1974.

⁶⁰ «Сельское хозяйство СССР на современном этапе», стр. 287—288.

⁶¹ «Курсом мартовского Пленума», стр. 417—418. Для полного перевода сельского хозяйства на индустриальную основу в связи со специфическими его особенностями уровень энерговооруженности труда в этой отрасли должен быть выше, чем в промышленности, по расчетам экономистов, не менее 60 л. с. на одного работника. В 1973 г. энерговооруженность труда в колхозах и совхозах составила 13,9 л. с., а в 1975 г. достигнет 16—17 л. с. («Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней. Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов». М. 1975, стр. 31.)

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т 5, стр. 137.

родного хозяйства во все большей степени втягивается в орбиту современной научно-технической революции⁶³.

Воздействие научно-технической революции на сельское хозяйство многообразно. Оно осуществляется прежде всего по линии дальнейшего совершенствования сельскохозяйственного машиностроения, создания высокопроизводительной системы машин для всех отраслей сельского хозяйства; путем дальнейшей химизации земледелия, создания новых и высокоэффективных видов различных удобрений и консервантов; выведения новых высокоурожайных сортов растений.

В современных условиях наука все более становится производительной силой. XXIV съезд КПСС выдвинул исторической важности задачу: органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, шире развивать свои, присущие социализму формы соединения науки с производством.

Рассматривая влияние научно-технической революции на сельское хозяйство, нельзя не затронуть и такого аспекта. Бурный рост науки и техники с особенной остротой ставит вопрос об отношениях между человеком и природой, об охране окружающей среды. «Хозяйское, рачительное использование естественных ресурсов, забота о земле, о лесе, о реках и чистом воздухе, о растительном и животном мире — все это наше кровное коммунистическое дело. Мы должны сохранить и украсить нашу землю для нынешних и будущих поколений советских людей»⁶⁴, — говорил Л. И. Брежнев. ЦК КПСС и Совет Министров СССР 29 декабря 1972 г. приняли постановление «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов»⁶⁵.

В. И. Ленин считал, что если устранить социальные препятствия, то технический прогресс сельского хозяйства даст возможность уменьшающемуся относительно (и даже абсолютно) сельскому населению производить возрастающее количество сельскохозяйственных продуктов для увеличивающейся массы населения. Возражая буржуазному экономисту С. Н. Булгакову, утверждавшему, что уменьшение земледельческого населения при общем росте населения невымыслимо без сильного хлебного импорта, В. И. Ленин писал: «По моему мнению, это соображение не только не очевидно, а прямо неверно. Вполне мыслимо уменьшение земледельческого населения при общем росте населения (растут города) и без ввоза хлеба (увеличивается производительность земледельческого труда, дающая возможность меньшему числу рабочих производить прежнее или даже большее количество продукта)»⁶⁶.

Численность сельского населения СССР между переписями 1959 г. и 1970 г. уменьшилась со 108,8 млн. до 105,7 млн. чел., а его удельный вес ко всему населению — с 52% до 44%. За это время общая численность населения страны возросла с 208,8 млн. до 241,7 млн. человек⁶⁷. Несмотря на среднегодовой естественный прирост сельского населения на 1,7 млн. чел., общая его масса в 1959—1970 гг. сократилась на 3,1 млн. человек. Это значит, что 21,4 млн. сельских жителей стали горожанами. Переход сельского населения в город — объективный, закономерный процесс, обусловленный главным образом громадным техническим прогрессом, достигнутым нашей страной во всех отраслях народного хозяйства, в том числе и в сельском хозяйстве.

Среднегодовая численность работников, занятых в колхозах, совхозах, подсобных и прочих производственных сельскохозяйственных пред-

⁶³ В. И. Куликов. О научно-технической революции в сельском хозяйстве. «История СССР», 1974, № 1.

⁶⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М. 1970, стр. 103.

⁶⁵ «Правда», 30.XII.1972.

⁶⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 146.

⁶⁷ «Сельское хозяйство СССР». М. 1971, стр. 13.

приятнях, с 1960 г. по 1970 г. уменьшилась с 29,4 млн. до 26,8 млн. человек. Валовая же продукция сельского хозяйства за это время (в сопоставимых ценах) увеличилась с 63 млрд. до 87 млрд. рублей⁶⁸. Эти данные отражают рост производительности сельскохозяйственного труда, достигнутый благодаря осуществлению выработанной партией научно обоснованной программы последовательной интенсификации и всесторонней механизации сельского хозяйства. Урожайность зерна в 1966—1970 гг. составила в среднем за год 13,7 ц с гектара, а за четыре года текущей пятилетки — 15,6 ц с гектара. В последние пять лет среднегодовое производство зерна составило 191 млн. т — почти в 1,5 раза больше, чем за пятилетие, предшествовавшее мартовскому (1965 г.) Пленуму ЦК КПСС. В ежегодных сводках ЦСУ мы все чаще читаем сообщения о том, что в стране собран такой урожай хлеба, какого раньше никогда не было: 171,2 млн. т в 1966 г., 186,8 млн. т в 1970 г., 222,5 млн. т в 1973 году⁶⁹. Сейчас Коммунистическая партия ставит задачу закрепить и умножить достигнутые успехи, добиться такого положения, которое исключало бы отрицательное влияние на сельское хозяйство стихийных сил природы.

На основе быстрого развития производительных сил, специализации и концентрации сельскохозяйственного производства все интенсивнее разворачивается процесс стирания существенных различий между городом и деревней, между рабочим классом и колхозным крестьянством. Как писал В. И. Ленин, «уничтожить классы — это значит поставить всех граждан в одинаковое отношение к средствам производства всего общества...»⁷⁰. В условиях укрепления и роста колхозно-кооперативной собственности отчетливо проявляются признаки сближения двух форм социалистической собственности, становления единой, коммунистической, всенародной собственности. С 1960 по 1970 г. неделимые фонды колхозов, которые по своей структуре и характеру все больше приближаются к общенародным фондам, выросли (по сопоставимому кругу хозяйств и в сопоставимых ценах) с 26,4 млрд. до 60 млрд. рублей⁷¹. Процесс дальнейшего обобществления колхозного производства идет в направлении укрупнения размеров коллективных хозяйств, создания межколхозных производственных объединений, постепенного вытеснения общественным хозяйством личного подсобного хозяйства колхозников.

Совершенствование колхозных производственных отношений в условиях развитого социализма находит свое выражение в более последовательном и всеобъемлющем действии экономического закона распределения по труду. Раньше фонд оплаты труда колхозников создавался из остатка доходов после выполнения обязательств колхозов перед государством, отчислений в неделимый и другие производственные и непроизводственные фонды. В 1966 г. с помощью государства все колхозы страны смогли перейти к гарантированной денежной оплате труда колхозников на уровне оплаты труда совхозных рабочих. Это означало преодоление одного из наиболее существенных различий в социально-экономическом положении колхозного крестьянства и рабочего класса. Важную роль в этом процессе сыграло также введение единой системы гарантированного пенсионного обеспечения колхозников в масштабах всей страны.

Характерным социальным итогом технического прогресса в деревне является рост численности и удельного веса работников механизирован-

⁶⁸ Там же, стр. 13, 16.

⁶⁹ Там же, стр. 152; «Правда», 7.XI.1973; 25.III.1975.

⁷⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 363.

⁷¹ «Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1970)». Изд. 2-е, доп. М. 1973, стр. 537.

ного труда. В 1960 г. численность трактористов, комбайнеров и шоферов в сельском хозяйстве равнялась 2,6 млн., а в 1972 г. — 3,5 миллиона. Удельный вес механизаторов к общему количеству работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, повысился за эти годы с 10,1 до 15% ⁷².

Огромная работа, проводимая Коммунистической партией и Советским правительством по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства, переводу всех его отраслей на индустриальную основу, усиливает процесс формирования квалифицированных кадров в сельском хозяйстве. Комплексная механизация и автоматизация, электрификация и химизация производства постепенно освобождают человека от тяжелого физического труда. Роль человека в процессе производства все более сводится к организации, управлению и контролю, его функции становятся все более творческими и активными. Дальнейшее углубление научно-технической революции в условиях социалистической системы хозяйства создает необходимые материальные предпосылки для полного преодоления социальных различий, для всестороннего развития личности.

Итак, советская деревня за короткий исторический срок прошла путь от сохи и мотыги до использования новейших достижений научно-технической революции. Громадный рост технической оснащенности сельского хозяйства СССР обуславливается действием основного экономического закона социализма, природой социалистического способа производства, целью которого является максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества путем всемерного развития и совершенствования производительных сил. Достигнув стадии зрелого социализма, советский народ, руководимый Коммунистической партией, сосредоточивает усилия на решении главной экономической задачи — строительстве материально-технической базы коммунизма, являющейся необходимым условием создания бесклассового общественного строя.

⁷² «Советская деревня на современном этапе». Воронеж, 1974, стр. 57.

ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

П. А. Зайончковский

Канун Крымской войны (конец 40-х — начало 50-х годов XIX в.) — период глубочайшего загнивания всей системы самодержавия — характеризовался повальным взяточничеством, казнокрадством, безудержной ложью и лицемерием. Тем звеном государственного аппарата, где наиболее широко процветало взяточничество и воровство, являлась губернская администрация. Недаром Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин отводили «губернскому начальству» столь большое место в своих произведениях.

Процесс всеобщего «мздоимства» и «лихоимства» почти не находит отражения в официальных ведомственных документах — во всеподданнейших отчетах III отделения (где вопросы коррупции и государственного аппарата даже не поднимались¹), в министерских и губернаторских отчетах. Лишь из приложений к годичным отчетам министерства юстиции, а именно из ведомостей о лицах, привлекавшихся ежегодно уголовными департаментами Сената и губернскими палатами уголовного суда за должностные преступления, явствует, что число последних ежегодно возрастало. Однако в ведомостях говорилось о чиновной мелюзге; высшего звена губернской администрации они почти не касались.

По многочисленным отзывам современников, взяточничество и казнокрадство, с точки зрения чиновной морали, были обычными явлениями и не встречали осуждения окружающих. Более того, донесения о них вызывали отрицательную реакцию. Так, начальник II округа жандармов генерал С. В. Перфильев писал шефу жандармов по поводу сообщения одного из штаб-офицеров корпуса о взяточничестве председателя Костромской палаты государственных имуществ, а также других лиц: «Я не утверждаю, чтобы они были не укоризнены на счет выгод от службы, но кто без греха и о ком из губернских чиновников не говорят того же или подобное»². И это мнение не частного лица, а одного из руководящих чинов корпуса жандармов! Сенатор М. Б. Веселовский в «Записках», рассказывая о своей службе в Нижегородском губернском правлении и касаясь массового взяточничества и казнокрадства во всех звеньях губернской администрации (от губернатора до столоначальника) в конце 40-х — начале 50-х годов XIX в., замечает: «Даже и те, которые были

¹ В 1832 г. шеф жандармов А. Х. Бенкендорф направил секретное предписание штаб-офицерам корпуса жандармов сообщать сведения о губернской администрации, точнее, «о лицах, заслуживающих внимания правительства». Эта формула давала возможность толковать ее очень широко, но, как правило, в поступающих сообщениях фигурировали губернатор, вице-губернатор, председатели казенной, уголовной и гражданской палат, прокурор, а иногда и архиерей. Подсбные сведения поступали, начиная с 1844—1845 до 1863—1865 годов. В большинстве своем в них содержатся стандартно положительные характеристики и лишь в некоторых случаях — данные о злоупотреблениях администрации (ЦГАОР СССР, ф. III отд. I эксп., д. 244, чч. 1—56).

² Там же, д. 247, ч. 20, л. 52.

непричастны к этой операции, люди вполне бескорыстные [...] относились к извлечению побочных доходов от службы снисходительно»³.

Цель данной статьи — выяснить, что представляла собой губернская администрация России в период кризиса феодальной системы в середине XIX века. При этом рассматриваются следующие ее представители: губернаторы, вице-губернаторы, председатели казенных палат, управляющие палатами государственных имуществ, прокуроры и председатели палат уголовного и гражданского суда. Основными источниками исследования служат формулярные — послужные списки представителей губернской администрации, материалы III отделения, а также воспоминания и дневники разных лиц.

Формулярные списки⁴ — единственный источник, дающий возможность анализировать состав государственного аппарата дореволюционной России. Эти списки позволяют выяснять следующие данные о представителях губернской администрации: а) чин, б) наличие придворного звания; в) год рождения; г) время пребывания в данной должности; д) вероисповедание, что дает возможность судить о национальном составе, имея в виду, что православные, за редким исключением⁵, являются русскими в дореволюционном понимании этого слова (русские, украинцы и белорусы), лютеране — немцами, а католики — поляками; е) сословие; ж) образование (высшее, среднее, низшее и домашнее)⁶; з) имущественное положение. Материалы III отделения — донесения губернских штаб-офицеров при всем их несовершенстве служат важным источником; они впервые вводятся в научный оборот для изучения состояния губернской администрации.

По учреждению о губерниях 1775 г. во главе губернии стояли наместник (генерал-губернатор) и губернатор. Первый был представителем верховной власти, второй — администратором. После 1797 г., когда наместники были ликвидированы, «хозяином» губернии, представителем верховной власти в ней становится губернатор. Его права особенно увеличиваются во второй четверти XIX века. Согласно наказу губернаторам от 3 июня 1837 г., «гражданские губернаторы, как непосредственные начальники вверенных им высочайшею волею губерний, суть первые

³ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГБЛ), Ф IV—861, л. 290. Массовое казнокрадство наблюдалось не только в гражданском, но и в военном ведомстве и также почиталось обычным явлением. Так, генерал И. С. Вдовиченко в своих «Записках о Крымской войне» пишет: «Полковые и батареинные командиры в прошлую кампанию в Княжествах придунайских (в 1853 г.— П. З.) так набили себе карманы и порядочные куши отправили в Московский Опекун[ский] Совет, о чем когда узнал кн. Горчаков, то хотел назначить следствие. Насилу его отговорили приближенные, что так водилось всегда» (ОР ГБЛ, ф. Муз. собр., д. 2775, л. 72). Многочисленные источники подтверждают это положение.

⁴ Формулярные списки лиц губернской администрации находятся в Центральном государственном историческом архиве СССР в фонде — коллекции этих списков, ф. 1349. Они обработаны по предложенной мною схеме научным сотрудником этого архива И. Е. Шуббе.

⁵ Среди рассматриваемых более 250 лиц православных было 200, из них только один являлся грузином, а все остальные — русскими.

⁶ Если в сведениях об образовании отсутствуют об этом данные, то при подсчетах такие лица отнесены к разряду тех, кто получил домашнее образование. Лица, не закончившие университет или гимназию, не выделяются, а рассматриваются наряду с окончившими эти заведения. Что касается домашнего образования, то в начале века оно являлось единственной формой (университетская и гимназическая система образования складывается только после 1804 года). Домашнее образование было неоднородно. В отдельных случаях оно превосходило университетское, но в подавляющем большинстве включало в себя: знание иностранных языков (притом довольно поверхностное), несистематическое знакомство с литературой, историей, географией и сведениями из математики (в лучшем случае ограниченное полным курсом арифметики).

в оных блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, польз государства и повсеместного точного исполнения законов, уставов, высочайших повелений, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства»⁷. Положение губернаторов было двойственным. С одной стороны, их назначал сам царь, они представляли на «высочайшее имя» ежегодные отчеты о состоянии губернии и как бы подчинялись непосредственно императору, с другой же — они являлись чиновниками министерства внутренних дел и, естественно, находились в фактическом подчинении у министра. Губернаторы обладали не только административными функциями, но и распространяли свою власть на судебные органы: наблюдали за их деятельностью, производили ревизию судебных мест и утверждали приговоры уголовных палат по некоторого рода делам.

Однако (в столицах и на окраинах) и в рассматриваемый период продолжал существовать также институт генерал-губернаторов, стоявший вне губернской администрации. Генерал-губернаторы являлись представителями чрезвычайного надзора и подчинялись непосредственно императору. В середине XIX в. насчитывалось 10 генерал-губернаторов (виленский, гродненский, ковенский и минский; витебский, могилевский и смоленский; наместник кавказский и генерал-губернатор новороссийский и бессарабский; киевский, волынский и подольский; лифляндский, эстляндский, курляндский; московский; черниговский, полтавский и харьковский; петербургский; западносибирский; восточносибирский). В тех губерниях, где существовал институт генерал-губернаторов, они образовывали искусственное средостение между губернской администрацией и верховной властью. Все генерал-губернаторы, естественно, были генералами, а следовательно, как правило, людьми недостаточно знакомыми с организацией административной власти. К тому же многие из них были элементарно невежественны.

Власть их, по существу, ничем не была ограничена. Например, московский генерал-губернатор А. А. Закревский буквально терроризировал столицу. «Я, кажется, говорил о том самовластном управлении и презрении ко всякому законному порядку, коими отличается теперь Закревский в Москве», — заносит в свой дневник член Государственного совета М. А. Корф 22 мая 1850 года⁸. Самодурство и произвол Закревского достигали гигантских размеров⁹. Даже после смерти Николая I и окончания Крымской войны, когда поведение административных властей изменилось, Закревский держал себя по-прежнему. Один из московских друзей А. И. Герцена писал в 1857 г. в «Колокол»: «В то время как вся Россия начинает несколько отдышать от страшных времен, пережитых ею, здесь по-прежнему продолжает господствовать возмутительное бесправие: редкий день проходит без того, чтобы не разнесся слух о каком-нибудь новом самодурстве Закревского или грабительстве его приближенных»¹⁰.

Невежественным самодуром был и виленский генерал-губернатор И. Г. Бибииков. Один из чиновников, служивший в северо-западных губерниях, Н. П. Боголюбов, в своих воспоминаниях отмечал, что он был «ума недалёкого, болтлив, бестактен и уверен в превосходстве своем над всеми ему подвластными до такой степени, что не допускает малейших противоречий. Прибавьте к этому полнейшее неведение в администрации и делах гражданских, так как служба его при великом князе (Михаиле Павловиче. — П. З.) далее выправки солдатских носков и пригонки амуниции не заходила»¹¹.

⁷ ПСЗ. 2 собр. Т. XII, § 10303.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. Собрания рукописей Зимнего дворца, д. 1817, ч. XIII, л. 24.

⁹ О Закревском см. многочисленные упоминания в «Колоколе».

¹⁰ «Колокол», л. 5, 1 ноября 1857 г.

¹¹ ОР ГБЛ. ф. Муз. собр., д. 3196, л. 151. Прибалтийский генерал-губернатор А. А. Суворов, внук великого полководца, также не отличался познаниями в делах адми-

Полнейший произвол существовал на Правобережной Украине в период управления этим краем генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, впоследствии министра внутренних дел (родного брата И. Г. Бибикова)¹².

Наиболее близким к нему человеком был чиновник особых поручений (впоследствии правитель его канцелярии) Н. Е. Писарев. Он брал взятки в размере десятков тысяч рублей, облагая ежегодной данью губернаторов, а тех из них, кто не подчинялся его распоряжениям, не утверждал в должности¹³. В фонде III отделения имеется специальное дело «О лихоимстве чиновника для особых поручений при киевском генерал-губернаторе Писарева»¹⁴, из которого видно, что в 1840 г. он получил от польских дворян, замешанных в деле Конарского¹⁵, 46 тыс. руб., а в 1847 г. от волынских помещиков в связи с введением инвентарей — 35 тыс. рублей. По поводу последней суммы начальник IV округа жандармов генерал П. Ф. Буксгевден доносил шефу жандармов: «Волынские помещики, привыкшие к тому, что управление Киевским генерал-губернаторством основано на безнравственности интереса в высшей степени, решились [...] принести жертву и собрать с губернии тридцать пять тысяч рублей серебром, определенную главным преступником долговременных лихоимств в киевском генерал-губернаторстве камергером Писаревым»¹⁶. Все это было известно Николаю I, однако никаких мер не принималось. Более того, в середине 40-х годов XIX в. Писареву «высочайше» было пожаловано придворное звание камергера, а в на-

нистрации «Болтун, без малейшего знания в гражданской части и тем более в остзейских законах», — писал о нем М. А. Корф в своем дневнике (ЦГАОР СССР, ф. Собрания рукописей Зимнего дворца, д. 1817, ч. IX, л. 109). Примерно так же отзывался о нем и Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях» (ОР ГБЛ, ф. Милютина, к. 10, д. 26, л. 86). Вместе с тем Суворов был честным и благожелательным человеком.

¹² Как рассказывает в своих воспоминаниях правитель дел канцелярии киевского генерал-губернатора Э. И. Стогов (свидетельства которого, по словам современников, отличались правдивостью), Д. Г. Бибилов, занимавший пост генерал-губернатора в Киеве в течение 15 лет, до 1852 г., отличался редкой безграмотностью. «Науку он не знал никаких, говорил по навыку по французски и немецки [...], но писать не умел ни на каком языке. По русски до того плохо знал грамоту, что не умел и строки написать без руководства [...] Арифметику Бибилов вовсе не знал [...] Я готов держать пари, что он до смерти не верил, что можно сложить $\frac{1}{2}$ с $\frac{1}{3}$ [...] Историю, географию совершенно не знал» («Русская старина», 1905, кн. VIII, стр. 337—338). (Надо заметить, что в «Русском биографическом словаре» в статье о Д. Г. Бибилове говорится, что он получил «блестящее домашнее образование»). Однако при всем этом он был человеком неглупым, являлся инициатором ограничения эксплуатации помещиками крепостных на Правобережной Украине, что нашло свое выражение во введении инвентарей. Правда, они не оказали никакого влияния на положение в деревне, но в этом Д. Г. Бибилов не был виноват.

¹³ Так, в течение нескольких лет не утверждался в должности управляющий Подольской губернией генерал-майор А. А. Радишев, сын А. Н. Радишева, отказывавшийся платить дань Писареву. Спустя некоторое время Радишев был назначен ковенским губернатором (см. Н. П. Боголюбов. Из виденного, слышанного и испытанного. ОР ГБЛ, ф. Муз. собр., д. 3196, л. 146). Штаб-офицер корпуса жандармов по Подольской губернии в донесении в III отделение за 1846 г. писал: «Говорят, генерал-майор Радишев не в милости у генерал-губернатора» (ЦГАОР СССР, ф. III отд. I эксп., д. 247, л. 14).

¹⁴ Там же, д. 25.

¹⁵ Деятель польского национально-освободительного движения.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., д. 25, л. 25. В этом же деле находится справка III отделения о Писареве, относящаяся, по-видимому, к началу 40-х годов XIX века. В ней говорится: «Хотя М[инистерство] в[нутренних] дел имеет о [...] Писареве те же сведения, какие и гр. Бенкендорф, но при всем том не только не находит благовидной причины, но полагает даже совершенно неудобным переводить кол. сов. Писарева от Д. Г. Бибилова, ибо он состоит при нем для особых поручений. Сверх того Писарев по своим способностям так необходим ген.-лейт. Бибилову и удаление от него Писарева без его согласия так огорчит его, что он без всякого сомнения и сам будет просить об увольнении от должности генерал-губернатора» (там же, л. 16 без даты и подписи). Действительно, причина была «уважительная», если к тому же иметь в виду, что жена Писарева находилась в нежной дружбе с генерал-губернатором, о чем было широко известно не только в Киеве, но и в Петербурге, в частности в III отделении.

чале 50-х годов его назначили олонецким губернатором. Случай с Писаревым весьма характерен. Он свидетельствует о том, что система воровства и взяточничества имела не только всеобщее распространение, но получила и молчаливое «высочайшее» одобрение.

Особенный произвол царил на отдаленных окраинах. В 1845 г. в Восточную Сибирь был направлен для ревизии сенатор И. Н. Толстой, который обнаружил там вопиющие беззакония. «Ревизия сенатора Толстого Восточной Сибири,— писал в своем заключении в Комитет министров министр юстиции,— открыла многие случаи нарушения закона и злоупотреблений, из которых возникают обвинения, возводимые на ген.-лейт. Руперта по управлению вверенным ему краем»¹⁷. Действительно, генерал-губернатор совершенно не считался ни с существующими законами, ни с постановлениями высших государственных учреждений. Так, в 1838 г. В. Я. Руперт запретил свободную торговлю хлебом, якобы «впредь до удовлетворения казенных потребностей», и хотя в 1839 г. Комитет министров отменил это постановление генерал-губернатора, последний «продолжал воспрещать свободу в покупке хлеба, разрешая это только некоторым лицам по своему усмотрению; ...по продовольственной части, по заготовлению казенного вина и по другим предметам происходили весьма важные злоупотребления, тягостные для жителей, разорительные для промышленности и вредные для казны»¹⁸. Ясно, что разрешение «некоторым лицам» приобретать хлеб было связано с получением администрацией взяток. Как вскрыла ревизия, Руперт устанавливал новые налоги с местного населения. «Сборы эти,— писал министр юстиции,— были употребляемы им на расходы, не определенные законом (якобы на содержание училищ, пожарных и тюрем.— П. З.) или на замену вещественных повинностей денежными или, наконец, на такие статьи, которые были уже внесены в высочайше утвержденную смету повинностей»¹⁹, то есть, иными словами, на фиктивные расходы. Ревизия обнаружила также много других злоупотреблений генерал-губернатора.

После двухлетнего обсуждения в Комитете министров положения дел в Восточносибирском губернаторстве было вынесено следующее, довольно своеобразное решение: «По обозрению таким образом действий генерал-губернатора Руперта по управлению вверенным ему краем Комитет, хотя и не усматривает еще достаточного повода к преданию его суду, так как всякому о том суждению по закону должно предшествовать рассмотрение объяснений самого генерал-губернатора, которые от него не истребованы, но за всем тем и в настоящее уже время по совокупности обнаруженных ревизией неправильных действий генерал-лейтенанта Руперта, Комитет признает, что он не может оставаться в нынешнем своем звании и пользоваться далее доверенностью правительства по управлению отдаленным краем»²⁰. Таким образом, из-за того, что в течение двух лет не удалось затребовать от Руперта объяснений, Комитет не счел возможным предать его суду. Николай I еще более смягчил представление Комитета министров — в написанной им на журнале Комитета резолюции значилось, что Руперт должен быть «по прошению» уволен в отставку²¹.

Среди генерал-губернаторов середины XIX в. выгодно выделялись лишь двое: наместник Кавказа и новороссийский генерал-губернатор кн. М. С. Воронцов и восточносибирский генерал-губернатор гр. Н. Н. Муравьев-Амурский. Это были просвещенные люди и умные администраторы.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 1263. Приложение к журналу Комитета министров за май 1847 г., ч. III, д. 1869, л. 701.

¹⁸ Там же, л. 706.

¹⁹ Там же, л. 708.

²⁰ Там же, д. 1861, лл. 582—583.

²¹ Там же, журнал Комитета министров за май 1847 г., д. 1861, л. 585.

Губернаторы именовались двойко: либо гражданский губернатор, либо военный и гражданский губернатор (иногда военный губернатор и управляющий гражданской частью)²². Функции первых и вторых были одинаковы, за исключением того, что военному губернатору подчинялись расположенные в губернии войска внутренней стражи: губернский батальон и уездные инвалидные команды. На 1 января 1853 г. числилось 58 губернаторов²³, из которых 30 были генералами и являлись, как правило, «военными и гражданскими»²⁴. Губернаторы в подавляющем большинстве избирались из гвардейских полковников, получивших при переходе в ведомство министерства внутренних дел чин генерал-майора. Обычно это были люди некомпетентные в делах гражданского ведомства, не знавшие, как надлежит управлять губернией. Ярким подтверждением того, что у многих из них не было ни малейшего представления о гражданской службе, может служить деятельность калужского военного и гражданского губернатора графа Е. П. Толстого, который искренне считал, что никакой поспешности в делах не требуется. «Он прямо объявил, — рассказывает в своих воспоминаниях М. Д. Бутурлин, — что в гражданской службе нет нужных и спешных дел [...] Он рассуждал, что нужные и спешные дела могут быть только в военной службе [...] А в гражданской бумажной службе какие такие могут быть экстренности? Не все ли равно, бумага лежит в том или ином месте»²⁵. При таком взгляде на задачи администрации Е. П. Толстой требовал от своих подчиненных, чтобы они отвечали на всякого рода экстренные и спешные запросы только после «третьего понуждения». Это привело к тому, что в Калужской губернии различного рода произвол и беззакония достигли колоссальных размеров.

Однако Калужская губерния не была исключением. Нижегородский губернатор свитский генерал кн. М. А. Урусов также был абсолютно некомпетентен в делах гражданской администрации. Штаб-офицер корпуса жандармов, сообщая о нем в III отделение, писал: «Он человек бескорыстный и занимается делами, но все не впрок: ибо сам оных не понимает, а подписывает то, что советники его скажут»²⁶. Так же характеризуется и томский губернатор инженер-генерал-майор С. П. Татаринов. «Если нельзя опаривать у генерал-майора Татаринова знания горного дела в отношении искусственном, — писал в конце 1845 г. жандармский офицер подполковник Мосолов в III отделение, — то утвердительно можно сказать о совершенной его неспособности к управлению губернией в отношении административном»²⁷.

Среди губернаторов-генералов (по-видимому, очень редко) были и жандармские офицеры. К ним относится, например, ковенский губернатор А. А. Радищев, в прошлом штаб-офицер корпуса жандармов одной из поволжских губерний. Другую половину губернаторов составляли чиновники, либо служившие ранее в министерстве внутренних дел, а чаще — представители губернской администрации: вице-губернаторы, председатели казенных или других губернских палат.

Из 58 губернаторов, числившихся в начале 1853 г., формулярные списки сохранились на 48 человек. В сословном отношении все они были потомственными дворянами; из них 7 — титулованными (князей — 5, гра-

²² Помимо этого, существовали просто военные губернаторы в районах, имевших чисто военное значение (Кронштадт, Николаев). Они не являлись гражданскими администраторами и не принимаются здесь в расчет.

²³ В Архангельской губернии было фактически два губернатора: военный губернатор, начальник порта и управляющий гражданской частью вице-адмирал Р. П. Бойль и гражданский губернатор В. Ф. Фрибес.

²⁴ За исключением двух: харьковского — генерал-майора Трискина и таврического — генерал-лейтенанта Пестеля (брата декабриста). Они, имея военное звание, занимали посты гражданских губернаторов.

²⁵ «Русский архив», 1916, кн. 1—3, стр. 218.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., д. 247, ч. 28, л. 2.

²⁷ Там же, ч. 49, л. 2.

фов — 1, баронов — 1). По вероисповеданию — 39 православных и 9 лютеран. Возраст их был следующим: от 36 до 45 лет — 4; от 46 до 50 лет — 11; от 51 до 55 лет — 17; от 56 до 60 лет — 9; от 61 до 75 лет — 5; возраст не указан — 2. Следовательно, 73% губернаторов относились к группе от 46 до 60 лет.

Высшее образование имели 9 человек (университет, лицей, корпус инженеров путей сообщения), среднее — 9 (кадетский корпус, гимназии) и домашнее — 30. Следовательно, $\frac{2}{3}$ губернаторов не имели систематического образования. Поэтому не удивительно, что даже познания в области русского языка и арифметики у некоторых были далеко не совершенны.

По имущественному положению 29 губернаторов были помещиками²⁸, и у одного были собственные дома в Петербурге. У 14 человек не было собственности, а относительно 5 данные по этому вопросу отсутствуют. По размеру имений губернаторы принадлежали в основном к среднепоместным. Так, до 50 душ крепостных имел 1; от 50 до 100 — 6, от 100 до 500 душ — 8; от 500 до 1000 душ — 6; от 1 тыс. до 5 тыс. душ — 6. У двух губернаторов не было крепостных, но у одного из них имелось 500 дес. земли, у другого размер не указан. Кроме того, три губернатора владели, помимо крепостных душ, ненаселенными землями. Так, у тамбовского губернатора П. А. Булгакова было 20 300 дес. таких земель, у олонецкого губернатора кн. Ю. А. Долгорукова — около 7 тыс. дес. и у киевского губернатора А. Д. Кривцова — 2 тыс. десятин. Два губернатора, помимо крепостных, имели также промышленные предприятия: пензенский губернатор А. А. Панчулидзеv — винокуренный завод, петербургский гражданский губернатор П. Н. Донауров — медеплавильный завод. Таким образом, не все губернаторы относились к числу богатейших помещиков (владельцы имений с числом душ свыше 1 000 составляли среди них всего 20,6%). Однако приведенные данные едва ли точно воспроизводят картину имущественного положения губернаторов. Большинство из них обладало большими доходами и держало скорей всего свои капиталы «при себе» либо приобретало собственность на имя подставных лиц.

«Хозяева губернии» отличались от своих петербургских собратьев — представителей высшей администрации. Последние были более квалифицированы в служебной области: Губернаторы же (по крайней мере значительная часть их) являлись людьми малосведущими в этих вопросах. Данное обстоятельство, по-видимому, и определяло их быструю сменяемость. Так, до одного года занимали свою должность 15 губернаторов, до двух лет — 9. Таким образом, половина губернаторов не более двух лет находилась в данной губернии. От 5 до 10 лет выполняли обязанности 12 человек, а более 10 лет — только 6. Следовательно, лишь треть губернаторов занимала должность свыше 5 лет. Имелось и другое различие между петербургскими сановниками и губернаторами. Бюрократы в столице были прежде всего послушными исполнителями распоряжений высшего начальства. Губернская администрация сочетала это необходимое для всякого представителя бюрократии вообще, а николаевской в особенности качество с другим — известной самостоятельностью. Представители провинциальной власти зачастую являлись настоящими помпадуррами. Руководствуясь тем, что «Петербург далеко», они творили такого рода беззакония, которые были бы немислимы в высших и центральных учреждениях столицы.

В обстановке лжи и казенного лицемерия, получивших в конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. всеобщее распространение, губернаторы сообщали в своих годичных всеподданнейших отчетах ложь, либо сознательную (чтобы изобразить управляемую губернию в наилучшем ви-

²⁸ Из 29 лиц, имевших земельную собственность, родовая была у 20, у 9 — благоприобретенная или собственность жены.

де)²⁹, либо даже непреднамеренную, приводя всякого рода статистические данные, взятые «с потолка»³⁰. Наряду с системой лжи в губернской администрации царило массовое казнокрадство и мздоимство. Первым в этом деле обычно выступал губернатор. Мздоимство в какой-то степени было явлением обычным. Взятка, например, с откупщиков питейных сборов не рассматривалась как нечто недозволенное, а считалась в порядке вещей³¹. Профессор Военной академии генерал А. Э. Циммерман, характеризуя в своих воспоминаниях архангельского гражданского губернатора В. Ф. Фрибеса, писал: «Взяточником он не был, а получал с откупщика ежегодный подарок (тысячи три или четыре серебром). Тогда,— замечает он,— большая часть губернаторов в России брала с откупщиков деньги»³². Об этом же пишет пензенский помещик И. В. Селиванов, рассказывая о пензенском губернаторе Панчулидзе, который с 12 существовавших в губернии откупщиков брал ежегодно по 2 тыс. руб., то есть не больше, не меньше, как 24 тыс. руб. в год³³.

Однако большинство губернаторов брали не только с откупщиков. Н. П. Боголюбов приводит следующий рассказ генерал-адъютанта И. С. Фролова: когда Николай I собрал сведения о том, кто же из губернаторов вовсе не берет взяток, даже с откупов, то оказалось, что только двое: киевский И. И. Фундуклей и ковенский А. А. Радищев. На это Николай заметил: «Что не берет взяток Фундуклей — это понятно, потому что он очень богат, ну, а если не берет их Радищев, значит он чересчур уже чистен»³⁴. Действительно, брали почти все. Брали и с откупщи-

²⁹ Выдумана была даже особая теория, оправдывавшая эту ложь. Как рассказывает в своих воспоминаниях Н. П. Боголюбов, виленский генерал-губернатор И. Г. Бибииков, поучая его дядю ковенского губернатора А. А. Радищева (отличавшегося правдивостью) в необходимости лгать, приводил следующие мотивы. «Вы выпускаете из виду,— говорит Бибииков,— что его величество стареет, а потому необходимо оберегать особу государя и не высказывать правды прямо» (ОР ГБЛ, Муз. собр., д. 3196, л. 153). М. Б. Веселовский, говоря о положении дел в Нижегородском губернском правлении, где он в конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. служил чиновником, пишет: «Таким образом ложь проходит по всем инстанциям, не возбуждая ни в ком неудовольствия. Наоборот, если бы палата (имеется в виду казенная палата.— Л. З.) в виде исключения вздумала сказать правду [...], то и губернатор и министерство не обрадовались бы такой правдивости и постарались бы поскорее разделаться с неожиданно возникшей неприятной историей» (ОР ГПБ, Ф IV—861, л. 301).

³⁰ Статистические данные сообщались в губернский статистический комитет представителями полицейской власти — уездными исправниками, становыми приставами и городничими. Тот же Веселовский рассказывает, например, как обрабатывались данные, полученные с мест: «Составляющий, например, статью о скотоводстве спрашивает в шутку своего соседа по канцелярии: Как ты думаешь, сколько в прошлом году было лошадей в Васильском уезде? — А в позапрошлом сколько их было? — 110 000 голов.— Ну, вставь 115 000. Да почему же ты спрашиваешь? Разве исправник не доносит? — Доносит, но он показывает 150 000. Нельзя допустить такую разницу. Министерство одолеет запросами. Итак,— резюмирует Веселовский,— по соглашению двух приятелей показывается по уезду 115 000 лошадей, а исправнику делается вопрос [...], почему произошла столь значительная разница в числе лошадей по сравнению с предшествующим годом» (там же).

³¹ Откупщик «покупал» всю губернскую администрацию. «Откупщик,— писал Веселовский,— вернее чем табеля о рангах или штатное положение сопределял удельный вес каждого должностного лица. Тот, кому откупщик платил много, высоко стоял в служебной иерархии, кому платил мало — стоял низко, кому вовсе не платил, представлялся мелкой сошкой. Размеры платежей определяли значение губернских деятелей в глазах высшего начальства. Получающий с откупщика более, мог послать более щедрю дань в Петербург и, следовательно, скорее заслужить благосклонность в высших сферах» (там же, л. 237).

³² ОР ГБЛ, ф. А. Э. Циммермана, к. I, д. 2, ч. II, л. 19

³³ «Записки И. В. Селиванова». «Русская старина», 1880, кн. 6. Цит. по: «Эпоха Николая I». М., 1910, стр. 42.

³⁴ ОР ГБЛ, ф. Муз. собр., д. 3196, л. 164. Подобную же характеристику Радищева, как человека честного, в бытность его подольским губернатором, дает и штаб-офицер корпуса жандармов по Подольской губернии. Так, в июле 1846 г. он сообщал в III отделение: «Генерал-майор Радищев деятелен и строгого бескорыстия: это общий отзыв, и это точно на самом деле» (ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экзп., д. 247, ч. 35, л. 13). Далее отмечаются отрицательные черты губернаторского характера: недоступность, надменность, подозрительность и мнительность.

ков, и с лиц, находившихся в прямом подчинении губернаторов: исправников, полицмейстеров, городничих. Об этом встречаются неоднократные упоминания в мемуарах, а также в официальных материалах. Так, штаб-офицер корпуса жандармов по Псковской губернии майор Деспот-Зенович в 1845 г. в своем донесении сообщал, что губернатор Г. М. Бартоломей требовал от одного из полицмейстеров, подполковника Кардаковского, «чтобы он платил ему ежегодно пять тысяч рублей ассигнациями»³⁵.

Что касается управления губерниями, то некоторые губернаторы, по сути дела, им не занимались. Так, астраханский губернатор (как сообщал в III отделение анонимный агент, посетивший ряд губерний в 1852 г.), буквально не имел возможности заниматься этим, так как вел «образ жизни особенный от общепринятого: утро посвящает молитве, обед в 12 часов, отдых до 5, в 9 ужин и потом покой»³⁶. Несколько иначе проводил время саратовский губернатор. «Странный образ жизни, невоздержанность в употреблении хмельного,— писал тот же агент,— отнимают у г. губернатора Кожевникова способ для личного надзора за порядком в городе и для наблюдения за чинами подчиненными, отчего вкрались многие злоупотребления, обнаружился произвол и исполнительская власть получила ложное направление»³⁷. В губернии действительно царил полнейший произвол. Тамбовский губернатор П. А. Булгаков вообще перестал интересоваться служебными делами. Он «выстроил для себя в 30 верстах от города богатую дачу, учредил там обширный конный завод и водворился на постоянное почти жительство: раза два в неделю на короткое время приезжает в город; в прочие же дни докладывает из всех учреждений отвозятся к нему производителями, или пересылаются через нарочных, [что] в особых случаях весьма затруднительно»³⁸.

Однако все это было несравнимо с тем, как держал себя пензенский гражданский губернатор А. А. Панчулидзе, занимавший этот пост с 1831 года. Этот помпадур творил в губернии все, что ему вздумается³⁹. Не говоря уже о взяточничестве «со всех и вся» и различного рода казнокрадстве, он вел себя как средневековый турецкий паша в завоеванной области, покрывая различного рода преступления, включая и убийства⁴⁰. Чтобы судить о методах его «управления», можно привести следующий случай. В начале 40-х годов XIX в. чембарский откупщик Пентюков «как-то позамешкался присылкою оброка, почему и был потребован в Пензу. Не желая ехать сам, он послал своего сына, молодого человека, с 1000 руб. и с извинением, что в настоящее время денег нет, но что «достаточная» тысяча будет доставлена в непродолжительном времени. Молодого человека, дождавшегося доселе в зале [...], позвали в кабинет губернаторский [...] Он вошел и объяснил губернатору поручение отца, вручил приказанные к отдаче 1 000 руб.». Панчулидзе потре-

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., д. 95, л. 7.

³⁶ Там же, д. 358, л. 12.

³⁷ Там же, л. 10.

³⁸ Там же, лл. 8—9.

³⁹ О Панчулидзе см. воспоминания И. В. Селиванова, которые под заглавием «Из записок И. В. Селиванова» были изданы М. И. Семевским в «Русской старине» с цензурными купюрами в 1880 г. (кн. 7). О нем же рассказывает Н. П. Огарев в своих воспоминаниях «Кавказские воды», характеризующего его управление «разбойничье-отеческим» («Полярная звезда» Кн. III, стр. 342). Надо заметить, что Панчулидзе «одолился» и у Огарева 5 тыс. рублей (см. там же).

⁴⁰ Как отмечает Селиванов, для особо деликатных дел у Панчулидзева был советник губернского правления NN, совершавший вопиющие беззакония. «Однажды,— рассказывает Селиванов,— в Саранске убили сидельца суконной лавки; NN засадил в острог целые десятки татар не только Пензенской, но даже Тамбовской губернии, Темниковского уезда, и выпускал их по мере того, как они вносили за себя выкуп, кто 1000, а кто и 2000 рублей, сообразно состоянию» (цит. по: «Эпоха Николая I», стр. 39). Об этом факте см. также «Голоса из России». Кн. 3. Лондон. 1853).

бывал немедленной отдачи второй тысячи, а сын откупщика еще раз повторил, что в настоящий момент у них нет денег. «Тогда губернатор бросился на него, своими превосходительными руками выхватил у него из кармана бумажник и взял оттуда все деньги [...] Разумеется, молодой человек не давал и был тем не менее ограблен и, сбежав с лестницы растрепанный и изодранный, величал губернатора грабителем и разными другими нежными наименованиями»⁴¹. Однако этот грабеж в буквальном смысле слова «среди бела дня» не имел никаких последствий. И прокурор, и штаб-офицер корпуса жандармов молчали, а последний в своих секретных отчетах о местной администрации всячески восхвалял «хозяина губернии». 19 января 1852 г. штаб-офицер корпуса жандармов подполковник Родовановский, характеризуя состояние Пензенской губернии, писал в III отделение: «Вообще управление по губернии в отличном состоянии, несмотря на то, что некоторые из чиновников не совершенно соответствуют своему назначению, но бдительное наблюдение начальника губернии [...] и неутомимая его деятельность за порядком и ходом дел в каждом присутственном месте [...] делает совершенно заметными их недостатки»⁴².

Вполне естественно, что панчулидзевская система управления, существовавшая почти три десятилетия, растлила (в необычных даже для николаевского режима размерах) всю губернскую и уездную администрацию. Только изменение общей обстановки в стране после Крымской войны заставило дать иную оценку деятельности Панчулидзева. «Земская полиция и городничие, имея по делам отношения к губернскому правлению,—сообщал в III отделение в весьма деликатных выражениях штаб-офицер корпуса жандармов по Пензенской губернии подполковник Тарновский в конце 1856 г.,—говорят, должны поддерживать оные деньгами, а также утверждают, что, кроме губернского правления, многие исправники, судьи и проч. имеют свои установленные ежегодные отношения к начальнику губернии и чиновнику особых поручений Караулову, которыми и поддерживаются на своих местах». «Относительно нравственного убеждения большинства лиц чиновников и служащих,—говорилось в том же сообщении,—к сожалению, по справедливости должно сказать, что многие наблюдают свои выгоды и установление благодарности и поборы не считают взятками, о совершенном же бескорыстии по службе не имеют понятия. Общее направление к изобретению из службы к получению денежных выгод сделалось столь общим большинству служащих, что заменить лучшими почти нет [возможности] и к малейшему уменьшению такого направления нужно весьма много стремления и времени»⁴³.

Эта характеристика (опять-таки изложенная в весьма деликатных выражениях) отражает положение не только в Пензенской губернии, но и во всей России. Поэтому, несмотря на изменившуюся общественную обстановку, непосредственной реакции на это сообщение не последовало. Потребовалась статья в третьей книжке «Голосов из России» (издававшихся в Лондоне А. И. Герценом) о так называемом Танеевском деле⁴⁴ (величайшем произволе, связанном с уголовным преступлением, совершенным саранским исправником Федорчуковым при попустительстве Панчулидзева), чтобы в 1858 г. в Пензу была направлена ревизия

⁴¹ «Колокол», л. 27, стр. 220—221. Об этом эпизоде рассказывает и Селиванов, находившийся в тот момент в губернаторском доме. Интересно заметить, что Панчулидзев получал наибольший из всех губернаторов оклад, составлявший в год 8 632 руб. («Список чинам первых четырех классов». СПб. 1853, стр. 108). Обычный губернаторский оклад равнялся 1 716 руб. жалованья и 1 716 столовых, то есть 3 432 рублям. Помимо жалованья, Панчулидзев имел крупное состояние.

⁴² ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., д. 247, ч. 33, л. 14.

⁴³ Там же, лл. 70, 72.

⁴⁴ Об этом см. также статью «Танеевское дело» в «Колоколе», л. 27, от 1 ноября 1858 г.

под руководством сенатора Сафонова. Только после этого Панчулидзе в 1859 г. был снят с поста пензенского губернатора, который он занимал в течение 28 лет.

Таков был Панчулидзе, такими были и другие губернаторы. В 1859 г. в материалах, издававшихся за границей группой либеральных бюрократов под редакцией временно исполнявшего должность министра внутренних дел Н. А. Милютиня, давалась следующая оценка губернаторам: «Можно утвердительно и по строгой совести сказать, что в числе 45 губернаторов, за исключением сибирских и кавказских, 24 должны быть заменены без малейшего замедления, из них 12 как всем известные мошенники, а 12 по сомнительной честности. Из остальных 21-го десяти могут быть терпимы по необходимости, девять довольно хороши и только два могут быть названы образцовыми: самарский Грот и калужский Арцимович»⁴⁵. И это говорилось в конце 50-х годов XIX в., когда часть николаевских самодуров и невежд была уже уволена от своих должностей.

Вице-губернатор являлся, образно выражаясь, правой рукой начальника губернии. «Прямое назначение вице-губернатора,— говорилось в законе,— есть: 1) быть непосредственным помощником и сотрудником начальника губернии по всем частям управления оною, 2) иметь ближайший и ответственный надзор по всем частям губернского правления, наблюдать вообще за делопроизводством, благоустройством и порядком в целом правлении и в особенности в канцелярии присутствия и частей ее, 3) заступать временно место начальника губернии каждый раз, когда губернатор почему-либо не управляет губернией»⁴⁶.

На 1 января 1853 г. по адрес-календарю числилось 52 вице-губернатора. Сохранились формулярные списки только 34 человек. Кроме того, сведения о ряде других вице-губернаторов помещены в дополнительных листах к формулярным спискам при отсутствии последних и в других документах⁴⁷. В отличие от губернаторов вице-губернаторы были почти все лицами гражданскими, имевшими определенный опыт гражданской службы⁴⁸. Из 52 человек только один — в Тульской губернии — был военным. Среди вице-губернаторов лишь один был титулованным (князь). По сословной принадлежности они являлись в основном дворянами (30 человек); из остальных: один был сыном купца, два — обер-офицерские дети и один из духовного звания. По вероисповеданию большинство составляли православные — 30 человек, два католика, два лютеранина. 11 человек окончили высшие учебные заведения, среднее образование имели 12, и 11 человек получили домашнее образование. Таким образом, вице-губернаторы были образованнее своих непосредственных начальников. Возраст вице-губернаторов был следующим: от 31 до 45 лет — 15; от 46 до 50 лет — 9; от 51 до 55 лет — 3; от 56 до 60 лет — 4; от 61 до 65 лет — 3. Следовательно, более 2/3 всех вице-губернаторов были не старше 50 лет, в то время как в этом возрасте находилась лишь треть губернаторов.

Что касается имущественного положения, то у 11 вице-губернаторов не было никакой собственности, 23 являлись помещиками (у 17 из них имелась родовая земельная собственность). Таким образом, лица, имевшие родовую земельную собственность, составляли среди вице-гу-

⁴⁵ «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II». Т. II. Берлин. 1867, стр. 462.

⁴⁶ «Свод законов Российской империи». Изд. 1857 г. Т. II, ч. I, ст. 750.

⁴⁷ Имеется в виду дополнительный лист к формулярному списку при отсутствии последнего.

⁴⁸ Однако и среди вице-губернаторов встречались лица, перешедшие с военной службы и не обладавшие никакими познаниями в административной сфере. Так, характеризуя владимирского вице-губернатора Муравьева, штаб-офицер корпуса жандармов писал: «Очень деятелен по службе, но как прежде все находился в морской, то не знает гражданских дел» (ЦГАОР СССР, ф. III отд. I эксп. д. 247, ч. 6, л. 23).

бернаторов половину, а если учесть благоприобретенную и собственность жен, — то почти $\frac{2}{3}$. По числу крепостных душ вице-губернаторы распределялись следующим образом: до 50 душ имели 3, от 50 до 100 — 7, от 100 до 500 — 7, от 500 до 1 тыс. — 3, от 1 тыс. до 5 тыс. — 2 и без указания размера — 1. Следовательно, и среди вице-губернаторов преобладали среднепоместные. У четырех вице-губернаторов, помимо крепостных, имелись еще ненаселенные земли (от 1 тыс. до 10 тыс. десятин).

Продолжительность службы вице-губернаторов была примерно такой же, как и у губернаторов. Из 33 человек (данные об одном отсутствуют) до года служило 4, до 5 лет — 18⁴⁹. Следовательно, лица, занимавшие должность свыше 5 лет, составляли более 40%. Моральный облик вице-губернатора, как правило, соответствовал губернаторскому, а если бывал иным, то довольно быстро приводился в соответствие. В качестве примера можно привести характеристику саратовского вице-губернатора, своим образом жизни вполне отвечавшего «начальнику губернии, горькому пьянице». «Вице-губернатор [...] бессменный участник во всех оргиях в тесном содружестве с чинами провинциальной комиссии, отличными питухами, — сообщал в III отделение его анонимный агент, — частые скандальные истории наводят соблазн для губернии и унижают достоинство губернского начальства»⁵⁰. Но бывало и так, что при неопытном губернаторе основной воз по управлению губернией вез вице-губернатор (например, нижегородский вице-губернатор М. М. Панов при молодом свитском генерале князе Урусове⁵¹).

Казенная палата, как орган министерства финансов, занимала важное место в системе губернских учреждений. Она ведала сбором различного рода прямых и косвенных налогов (подушная подать, выдача различных гильдейских, промысловых и других свидетельств, откупа, акциз) и вместе с тем обязана была выполнять контрольные функции. Казенная палата имела пять отделений: ревизское, питейных сборов, казначейство, соляное и контрольное⁵². Присутствие палаты состояло из председателя, советников, губернского казначея, губернского контролера и одного или нескольких ассессоров⁵³. Председатель казенной палаты назначался и увольнялся «высочайшей властью» по представлению министра финансов. По своему положению он был третьим лицом в губернии и замещал губернатора, если «на эту должность не может вступить вице-губернатор». Однако, пожалуй, в некотором отношении он выступал не как третье, а как второе лицо. Во-первых, председатель казенной палаты был в отличие от вице-губернатора представителем другого ведомства и пользовался некоторой независимостью, возглавляя самостоятельную отрасль губернского управления. Кроме того, и по чину председатель казенной палаты был, как правило, старше вице-губернатора.

На 1 января 1853 г. числилось 53 председателя казенной палаты. Формулярные списки сохранились на 49 человек⁵⁴. Преобладающее большинство председателей казенных палат принадлежало к дворянству — 40 человек (81,6%), остальные происходили из обер-офицерских детей — 4, детей канцелярских служителей и мелких чиновников — 4, и один был выходцем из духовного звания. Православных среди председателей казенных палат было 40 человек, лютеран — 8 и католиков — 1 человек. По возрасту председатели казенных палат были старше вице-губернаторов (этим, вероятно, и объяснялось их превосходство в чинах): от 30 до 45 лет — 6, от 45 до 50 лет — 11, от 51 до 55 лет — 14, от 56 до

⁴⁹ Включая и прослуживших до одного года.

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., л. 308, л. 10.

⁵¹ ОР ГПБ. Записки сенатора М. Б. Веселовского. Ф IV—861, л. 255.

⁵² «Свод законов Российской империи». Т. II, ч. I, § 1018.

⁵³ Там же, § 1017.

⁵⁴ Помимо этого, сохранился один дополнительный лист к формулярному списку, в котором обозначено только имущественное положение.

60 лет — 7, от 61 до 70 лет — 11. Следовательно, лица моложе 50 лет среди этой категории губернских чиновников составляли более $\frac{1}{3}$. Высшее образование имели 11 человек, среднее — 23, низшее и домашнее — 15.

Из 50 председателей казенных палат земельную собственность имели 26⁵⁵, у 4 были собственные дома, у 2 — дворовых до 10 душ; 18 не имели собственности. Из 26 земельных собственников большинство принадлежало к среднепоместным: до 50 душ имели 8 человек, от 50 до 100 — 5, от 100 до 500 — 11, от 1 тыс. до 5 тыс. — 1. Кроме того, у одного председателя казенной палаты было ненаселенное имение в 1700 дес., и, помимо этого, он являлся обладателем значительного числа акций Русско-американской компании.

Председатель казенной палаты имел наибольшие возможности для получения различных незаконных доходов: в его руках находились откупа, акциз и другие виды налогового обложения. Характеризуя председателя нижегородской казенной палаты Б. Е. Прутченко, М. Б. Веселовский писал, что тот нажил большое состояние. «Он, — по слухам, — ежегодно отправлял в Петербург чиновника (которого и прямо называли) с надлежащим приношением начальству и, само собой разумеется, что за такое приношение начальству он получал право сводить очень прибыльные для себя счета с винным откупщиком и другими лицами, пробавающими около казенного сундука»⁵⁶. Такую же характеристику Прутченко дает и нижегородский жандармский штаб-офицер полковник Панютин, сообщая в январе 1846 г. в своем донесении, что председатель казенной палаты «составил значительное состояние, тысяч до четырех душ крестьян», приобретая их на имя своей сестры, жены откупщика⁵⁷. Как рассказывает Веселовский, одним из видов дохода председателя нижегородской казенной палаты были соляные операции. «Главными формами, — пишет он, — здесь были: уменье ловко потопить баржу и воспользоваться потоплением соляных амбаров»⁵⁸. Баржу топили после того, когда с нее была уже выгружена соль, а соляные амбары, расположенные на берегу Волги и иногда затопляемые весной вешними водами, служили в основном для списания «погибшей» соли. Тот же жандармский офицер коварно подтверждает рассказ Веселовского, давая главе соляного «начальства» — приставу соляных дел Польцу — далеко не лестную характеристику. «Себя, — говорится в донесении Панютина, — не забывает, имеет такое же, как и председатель Прутченко, значительное приобретенное имение в Нижегородской губернии на имя родной сестры своей»⁵⁹.

Данное явление имело общероссийское распространение. Анализируя имущественное положение чинов губернской администрации, трудно обнаружить какие-либо резкие изменения в размерах их собственности⁶⁰,

⁵⁵ Из них родовая собственность была у 15, у остальных — благоприобретенная или собственность жены.

⁵⁶ ОР ГПБ. Записки сенатора М. Б. Веселовского. F IV—861, лл. 287—288.

⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. III отд. I эксп., д. 247, ч. 28, л. 6. И на свое имя Прутченко приобрел 2 165 крепостных душ («Список гражданским чинам первых четырех классов». СПб. 1853, стр. 261). Характеристика, направленная в III отделение, по-видимому, не возымела действия, так как и через 7,5 лет после этого Прутченко по-прежнему оставался на той же должности.

⁵⁸ ОР ГПБ. Записки сенатора М. Б. Веселовского. F IV—861, л. 288.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. III отд. I эксп., д. 247, ч. 28, л. 7.

⁶⁰ Чтобы избежать неприятностей, чиновники реализовали свои «доходы» путем приобретения собственности не на свое имя, а на имя родственников, как это делалось в Нижнем Новгороде. До образования Инспекторского департамента гражданского ведомства в 1846 г. чиновники не остерегались в этом отношении. Поэтому в «списках чинам» за более ранние годы встречаются порой любопытные сведения о размерах приобретенного имущества. Так, советник таврической казенной палаты, статский советник Т. И. Шурхайло приобрел на свое и имя жены: 11 душ крепостных, 700 дес. земли, три виноградных сада и каменный дом в Симферополе, получая жалованье в размере 843 руб в год («Список гражданским чинам V класса». СПб. 1854, стр. 476).

в то время как «доходы» их были грандиозны. Это еще раз подтверждает, что сведения, сообщаемые ежегодно Николаю I Инспекторским департаментом гражданского ведомства о собственности, приобретенной чиновниками за истекший год⁶¹, не отражали реального положения.

Палаты государственных имуществ в губерниях возникли в 1838 г., после создания министерства государственных имуществ. Они ведали государственными крестьянами, лесами, принадлежавшими казне, и различного рода «оброчными статьями», находившимися на территории государственных земель. До 1838 г. все это было в ведении казенных палат. Палата государственных имуществ возглавлялась управляющим, назначавшимся высочайшим приказом по представлению министра государственных имуществ. На 1 января 1853 г. из 47 управляющих палатами налицо было 45. Формулярные списки сохранились лишь на 25 человек, то есть лишь на половину состава управляющих.

Преобладающее их число находилось в прошлом на гражданской службе, лишь трое имели военные чины (два генерал-майора и один полковник). По сословному происхождению большинство управляющих палатами являлись потомственными дворянами, из 25—22; двое были детьми мелких чиновников и один — из обер-офицерских детей. Православных среди управляющих было 20 человек, лютеран — 4 и один католик. Возраст управляющих палатами был следующим: от 36 до 45 лет — 7; от 46 до 50 лет — 5; от 51 до 55 лет — 7; от 56 до 60 лет — 4; от 61 до 70 лет — 2. Таким образом, несколько менее половины из них были моложе 50 лет. 7 управляющих палатами имели высшее образование, 9 — среднее, 1 — низшее и 8 — домашнее.

По имущественному положению 20 человек были помещиками. Из них 15 имели родовую собственность и 5 — благоприобретенную или собственность жены. У одного из управляющих был каменный дом в Крыму и 4 дес. виноградников. Не имели собственности 4 человека. Число крепостных душ у этой категории чиновников было следующим: до 20 душ — 1; от 51 до 100 душ — 5⁶²; от 101 до 500 душ — 10; от 501 до 1 тыс. душ — 3; от 1 тыс. до 5 тыс. душ — 1. Таким образом, управляющие палатами государственных имуществ не отличались по своему составу от других представителей губернской администрации.

Реформа государственных крестьян, в результате которой возникла новая отрасль губернской администрации — палаты государственных имуществ, — не изменила положения самих крестьян. Несмотря на ряд мер (наделение дополнительно землей и лесом, организация медицинского обслуживания, строительство школ, перевод крестьян западных губерний с барщины на оброк), жизнь государственных крестьян оставалась прежней. Усиление «правительственного» попечительства над крестьянами, создание целого ведомства с армией чиновников привели к росту произвола, взяточничества и различного рода издевательств.

Шеф жандармов гр. Бенкендорф в своем отчете Николаю I за 1842 г. писал по этому поводу: «Теперь остается решить, улучшилось ли их положение с учреждением над ними нового управления? Этот вопрос решили сами крестьяне. Беспокойства, возникшие в прошлом году между ними в Олонецкой, Вятской, Пермской, Казанской и Московской губерниях, имели два главных повода: притеснения и поборы чиновников государственных имуществ и желание остаться по-старому под ведением земской полиции, которая если не более заботилась о благе крестьян, то по крайней мере не так дорого им стоила, ибо прежде целый уезд

⁶¹ Эти сведения представлялись в виде приложения к ежегодному всеподданнейшему отчету Инспекторского департамента (см. ЦГИА СССР, ф. 1 отд., оп. 2, д. 6829, ч. 1 — 560).

⁶² Один из них имел также 2 050 дес. ненаселенной земли.

жертвовал для одного исправника и двух или трех заседателей, а ныне на счет крестьян живут десятки чиновников»⁶³.

Управляющие палатами государственных имуществ среди этой оравы чиновников играли далеко не последнюю роль. Так, штаб-офицер корпуса жандармов, характеризуя управляющего нижегородской палатой государственных имуществ Круковского, писал, что он «мало занимается устройством возложенных на него обязанностей, а более, как видно, заботится собственным приобретением»⁶⁴. Председателя костромской палаты государственных имуществ А. П. Шипова жандармский офицер в своем донесении также называет взяточником⁶⁵. Взятки брали не только управляющие палатами, но и их подчиненные. Рассказывая о доходах местных чиновников, М. Б. Веселовский подчеркивает, что «одним из обильных источников было заведование казенными крестьянами. Не говоря уже о высших губернских чинах, даже мелкота жила вдовольно обильно»⁶⁶.

Первая роль среди чиновников министерства юстиции в губернии принадлежала прокурору. «Губернский прокурор и состоящие при нем для совета губернские стряпчие имеют единственный предмет своих действий,— говорилось в законе,— непосредственный надзор за порядком производства дел в местах губернских»⁶⁷. Непосредственным начальником губернских прокуроров был министр юстиции, «и от него одного (они) получают предписания и одобрения в заслугах и отличиях»⁶⁸. Однако в действительности губернский прокурор не был лицом независимым, что отражалось даже в законах. Так, он обязан был о всех замеченных им злоупотреблениях и беспорядках «доносить немедленно губернскому начальству, а в некоторых определенных случаях и министру юстиции»⁶⁹. Требование сообщать о «замеченных беспорядках» непосредственно губернатору, а не министру юстиции ставило прокурора в некоторую зависимость от «хозяина» губернии. Что же касается губернских стряпчих, то они находились уже не только в зависимости, но даже в известной степени в подчинении губернского начальства. «Губернскому правлению,— указывалось в «Своде учреждений государственных и губернских»,— подчиняются губернские стряпчие токмо в отношении к возлагаемым на них губернским начальством комиссиям или поручениям»⁷⁰. Наконец, тот факт, что губернатор утверждал приговоры палат уголовного суда, к которым прокурор имел (хотя и косвенное) отношение, также свидетельствовал о зависимости последнего.

В действительности эта зависимость была значительно большей. В рассматриваемый период роль и значение министерства внутренних дел, к ведомству которого принадлежали губернаторы, были неизмеримо выше, нежели министерства юстиции. Н. М. Колмаков, служивший в министерстве юстиции, в своих воспоминаниях приводит любопытный разговор с министром внутренних дел, относящийся к середине 50-х годов XIX века. «Я,— рассказывает он,— как чиновник, командированный от министерства юстиции для занятий в министерстве внутренних дел, представлялся бывшему тогда в последнем министру Сергею Степановичу Ланскому. Разговаривая со мной, Ланской спросил меня: «Ну что там Ваш Виктор Никитич? (министр юстиции гр. Панин.— П. З.) все судит, да раскрит,— а мы все-таки будем ездить по-своему». При этом Ланской раскрыл два пальца правой руки и, образовав из них рогульку, положил

⁶³ «Крестьянское движение в 1827—1869 гг.». Вып. 1. М. 1931, стр. 53.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., д. 247, ч. 28, лл. 7—8.

⁶⁵ Там же, ч. 20, л. 53.

⁶⁶ ОР ГПБ. Записки сенатора М. Б. Веселовского. F IV—861, л. 288.

⁶⁷ «Свод учреждений государственных и губернских». Ч. 2. СПб. 1842, ст. 2300.

⁶⁸ Там же, ст. 2325.

⁶⁹ Там же, ст. 2305.

⁷⁰ Там же, ст. 2331.

ее на один палец левой руки, а потом, подымая и опуская ее несколько раз, делал движения наподобие конного ездока. «Вот так, вот так,— твердил, улыбаясь, добродушный министр,— мы ездим на вашей юстиции»⁷¹. И действительно губернаторы «ездили верхом» на прокурорах, за редким исключением.

Об этом же свидетельствуют и донесения штаб-офицеров корпуса жандармов в III отделение. Так, характеризую вологодского губернского прокурора И. П. Делло, жандармский штаб-офицер сообщал: «Сколько можно заметить чрезвычайно кропотлив в делах, робко действующий по своей должности, соглашаясь всегда с волей и намерениями начальника губернии»⁷². Владимирский штаб-офицер корпуса жандармов о губернном прокуроре Шкляревиче писал, что «хотя по утрам и бывает трезв, но все более сидит в своей прокурорской комнате и редко посещает другие присутственные места, протестов против неправильных решений дел почти никогда не делает, почему все чиновники, начиная от самого губернатора, им довольны, но имеющие тяжбу не находят в нем никакого покровительства»⁷³. О могилевском губернном прокуроре А. П. Найдене жандармский офицер доносил, что он «старается угодить и начальству и просителям»⁷⁴, в силу чего «на деле имеет слабое влияние, в обществе же никакого»⁷⁵. Даже казанский губернский прокурор, бывший ректор Казанского университета, ученый-юрист, профессор Солнцев никак не реагировал на величайший произвол местной администрации и особенно казанского полицмейстера Поля⁷⁶.

На 1 января 1853 г. по штатам должно было быть 60 губернских и областных прокуроров, из них налицо имелось 55, пять должностей оставались вакантными. Послужные списки сохранились на 51 человека. Православных среди них было 43⁷⁷, лютеран — 6, католик — 1, армяно-григорин — 1. По возрасту прокуроры были моложе, нежели другие представители губернской администрации: от 20 до 40 лет — 22, от 41 до 45 лет — 3, от 46 до 50 лет — 5, от 51 до 55 лет — 12, от 56 до 60 лет — 4, от 61 до 65 лет — 5. Таким образом, очень многие прокуроры были не старше 40 лет, главным образом в возрасте от 26 до 30 лет, а почти $\frac{2}{3}$ не старше 50. По сословной принадлежности прокуроры несколько отличались от других представителей губернской администрации. Так, детей потомственных дворян было среди них 34 человека, из духовного звания — 5, обер-офицерских детей — 6, остальные 6 принадлежали к различным слоям разночинцев⁷⁸. Прокуроры в основной своей массе были людьми образованными. Высшее образование имели 27 человек, из них окончили училище правоведения 16, среднее образование получили 14, низшее — 2 и домашнее — 8. Следовательно, больше половины прокуроров имели специальное юридическое образование.

Земельной собственностью обладали всего 22 прокурора, из них родовой — 10, домами — 7 и 22 не имели собственности. Следовательно, помещиков среди прокуроров было меньше, чем среди других категорий губернской администрации. Продолжительность службы губернских прокуроров была небольшой. Так, 13 занимали эту должность до 1 года и столько же от 1 до 3 лет. Таким образом, более 50% этих чиновников служили в данной губернии менее 3 лет.

В какой степени прокуроры в служебном отношении выделялись из

⁷¹ «Из воспоминаний Н. М. Колмакова». «Русская старина», 1886, кн. 12, стр. 530.

⁷² ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., д. 247, ч. 7, л. 5.

⁷³ Там же, ч. 6, л. 1.

⁷⁴ Там же, ч. 26, л. 10.

⁷⁵ Там же. Все эти характеристики относятся к 1845—1847 годам.

⁷⁶ «Казанская старина. Из воспоминаний И. И. Михайлова». «Русская старина», 1899, кн. X.

⁷⁷ В том числе один грузин.

⁷⁸ Из купцов — 1, почетных граждан — 2, канцелярских служителей — 1, кантонистов — 1, из «ученого звания» — 1.

среды других представителей губернской администрации? Им были присущи те же пороки, что и их сослуживцам. Правда, они не крали, так как красть им было нечего, но взятки многие из них брали. Из жандармских характеристик, данных 9 прокурорам (вторая половина 40-х и 50-е годы XIX в.), только одна безоговорочно положительна⁷⁹, о трех прокурорах говорится как о взяточниках⁸⁰. Разумеется, среди прокуроров были исключения⁸¹, однако в целом с точки зрения своих служебных качеств они ничем не отличались от других чиновников.

Судебными учреждениями в губернии являлись палаты уголовного и гражданского суда⁸². Во главе палат стояли председатели, избравшиеся дворянством⁸³. В случае неутверждения избранных кандидатур эти должности замещались по назначению. Из 86 председателей палат на 1 января 1853 г. фактически на месте находились 84 (в двух губерниях эти должности были вакантны). Сохранились послужные списки 51 человека.

Данные о чинах имеются относительно всех 84 председателей судебных палат. Из них 72 имели гражданские, а 12 — военные чины. 40 человек⁸⁴ являлись потомственными дворянами, а среди остальных 11: обер-офицерских детей — 3, из духовного звания — 3, из купцов — 2, детей канцелярских служителей — 1, детей мастеровых — 1, прочих — 1⁸⁵. Из дворян один имел княжеский титул. По вероисповеданию 46 человек были православными, 4 — католиками и один — лютеранином. Из 45 лиц (данными об образовании которых мы располагаем) высшее образование получили 11, среднее — 14, низшее — 3 и домашнее — 17. Если даже считать, что все получившие университетское образование (их было 7) закончили юридический факультет, то и тогда председателей палат со специальным образованием окажется всего 9 (двое окончили Училище правопедения), то есть 20%⁸⁶. Данные о возрасте содержатся в 50 послужных списках⁸⁷: от 26 до 40 лет — 6, от 41 до 45 лет — 6, от 46 до 50 лет — 12, от 51 до 55 лет — 11, от 56 до 60 лет — 8, от 61 до 65 лет — 4, от 66 до 70 — 2, свыше 75 лет — 1. Таким образом, более половины председателей палат были старше 50 лет.

Из 45 председателей судебных палат 35 являлись собственниками земли (у 26 — родовая), один — сын купца — имел недвижимую собственность неизвестного вида⁸⁸, у 9 собственности не было. Размеры име-

⁷⁹ Это характеристика исправлявшего должность владимирского прокурора Д. П. Воскресенского, который, по свидетельству жандармского штаб-офицера, «много занимается своей обязанностью, бескорыстен и любим в обществе» (ЦГАОР СССР, ф. III отд. I эксп., д. 247, ч. 6, л. 29).

⁸⁰ Владимирский прокурор В. А. Навроцкий и два курских прокурора — Лего и Федоров; последние облагали всех уездных стряпчих «налогом» в свою пользу (там же, ч. 6, л. 19; ч. 22, лл. 67 и 71). М. Б. Веселовский в своих воспоминаниях также пишет о взяточничестве нижегородского губернского прокурора: «Он вышел из Училища правопедения, знал дело, но, как говорили, брал» (ОР ГПБ. Записки сенатора М. Б. Веселовского. F IV—861, л. 263).

⁸¹ Так, А. Ф. Кони в своем очерке о Д. А. Ровинском, московском прокуроре, являвшемся участником судебной реформы 1864 г. и крупным деятелем культуры, писал: «История министерства юстиции с тридцатых до шестидесятых годов представляет немало примеров энергичной борьбы губернских прокуроров с местными злоупотреблениями» (А. Ф. Кони. Отцы и дети судебной реформы. М. 1914, стр. 3).

⁸² В Астраханской, Архангельской, Олонецкой, Пермской и Вятской губерниях существовала одна палата — уголовного и гражданского суда.

⁸³ В губерниях, где дворянство отсутствовало, они назначались Сенатом.

⁸⁴ Из них о 38 имеются прямые сведения о дворянском происхождении, у двух оно устанавливается на основе наличия родовой крепостной собственности.

⁸⁵ Сын «бахчисарайского жителя».

⁸⁶ Из 11 лиц, получивших высшее образование, один закончил духовную академию, а другой — медико-хирургическую.

⁸⁷ В одном, являющемся не основным, а дополнительным, возраст не указан.

⁸⁸ Как указывается в послужном списке председателя самарской палаты гражданского суда И. Я. Билибина, «за родителями его в Калужской губернии разное недвижимое имение, какое же оно, о том нет верных данных» (ЦГВИА СССР, ф. 1349 (Коллекция формулярных списков), оп 5, д. 3443).

ний были следующие: до 10 душ — 3, от 11 до 50 душ — 3, от 51 до 100 душ — 7, от 101 до 500 душ — 15, от 501 до 1 тыс. душ — 6, от 1001 до 5 тыс. душ — 1. Кроме того, трое из них имели ненаселенные земли в размере от 1500 до 3 тыс. дес.: один — 4875 дес. ненаселенной земли; у одного были две писчебумажные фабрики. Следовательно, среди председателей судебных палат преобладали помещики, главным образом среднепоместные.

Из 51 председателя судебной палаты 30 занимали эту должность по выборам, 16 — по назначению, об остальных пяти сведения в формулярных списках отсутствуют. Дворянство относилось несерьезно к выборам на судебные должности. Так, Н. М. Колмаков в своих воспоминаниях писал, «что дворяне выбором лиц в судейские должности не дорожили и не придавали этому никакой важности»⁸⁹. Не удивительно, что избранные дворянством председатели в большинстве своем были невеждами. Из 4 характеристик председателей палат уголовного гражданского суда, служивших по выборам дворянства, которые сохранились, в 3 отмечается неподготовленность названных лиц к занятию данной должности⁹⁰, и только один председатель владимирской уголовной палаты, служивший ранее по выборам уездным судьей, характеризуется положительно⁹¹.

Не удивительно, что при таком руководстве дела в судах находились в запущенном состоянии. Несмотря на серию предписаний министерства, навести порядок в них не удавалось. Н. М. Колмаков рассказывает об одном председателе палаты уголовного суда (занимавшем эту должность по выборам), быстро ликвидировавшем царившую в палате медлительность в отношении рассмотрения дел. «И вот однажды явился в министерство этот председатель и радостно докладывает министру, что все дела решены. «Как же Вы это сделали?» — спросил министр. «Я, Ваше сиятельство, — отвечал председатель-дворянин, — воспользовался особым случаем. В нашем губернском остроге содержатся несколько весьма опытных чиновников; вот я и роздал им дела и мне живо написали все, что нужно». Министр был потрясен. Однако не всегда удавалось столь удачно ликвидировать запущенность в делах. В других случаях применялся более простой способ. Как рассказывает тот же Колмаков, дела, находившиеся в производстве долгое время, просто «прятались от взоров в столах, шкафах, то в архивах в числе решенных дел и, наконец, были такие случаи, как, например, в Курске при ревизии сенатора Е. А. Дурасова в 1850 году, дела одного судебного места оказались потопленными в реке. Сам сенатор с подлежащими властями в лодках [...] наблюдал за извлечением дел из царства Нептуна [...]. Были ли такие и подобные явления, — продолжает Колмаков, — общны и повсеместны? Нет, скажу я. Были и такие палаты и в особенности те, где председатели по назначению от правительства при помощи дельных то-

⁸⁹ «Из воспоминаний Н. М. Колмакова», стр. 528. Далее он приводит факт, происшедший в Калуге во время ревизии сенатора С. И. Давыдова, когда дворяне, как говорится, «смеяла ради громадным большинством» избрали председателем палаты гражданского суда некоего Толмачева, известного «своей простотою, доходившею до невозможности, а об образовании и знании судебного дела и говорить было нечего» (там же).

⁹⁰ Характеризуя председателя владимирской палаты уголовного суда Куломзина, жандармский штаб-офицер пишет: «Служит по выборам и подписывает бумаги, в которых решительно ничего не разумеет» (ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., д. 247, ч. 6, л. 6). Подобная характеристика дается и председателю палаты гражданского суда той же губернии Колокольцеву, который «не имеет ни познаний, ни ответственности в делах судебных» (там же, л. 3). Также отрицательно характеризуется председатель гражданского суда Подольской губернии Кроковский, «человек бескорыстный, но характера слабого и самых ограниченных познаний в делах» (там же, ч. 35, л. 17). Все эти отзывы относятся ко второй половине 40-х годов XIX века.

⁹¹ Председатель владимирской палаты уголовного суда Кишкин (там же, ч. 6, л. 52).

варищей вели дела быстро и решали их правильно. Но это были исключения»⁹².

Если главным качеством председателей, избравшихся дворянством, было невежество в области юриспруденции, то председатели-чиновники, назначавшиеся на эту должность, в основном были мздоимцами. Существовавшая в судах «неправда» уже не раз широко освещалась и в специальных исследованиях, и в художественной литературе. Важнее другое: наличие этой «неправды» рассматривалось как нормальное явление, и никаких мер против нее не предпринималось. Свидетельством этого может служить то, что сообщения о мздоимстве на местах не вызывали никакой реакции в III отделении. Так, штаб-офицер корпуса жандармов, находившийся в Полтавской губернии с 1 января 1847 г. до 1 июля 1848 г., каждые полгода доносил о взяточничестве председателя палаты гражданского суда Терещенко⁹³. Однако это не возымело никакого действия.

Анализ состава лиц губернской администрации говорит о том, что во всех звеньях ее господствовало дворянство. При этом большая часть дворян была землевладельцами; наивысший процент помещиков был среди управляющих палатами государственных имуществ. Лишь среди прокуроров помещики составляли менее половины. По образованию наименее просвещенными являлись «хозяева» губерний. Среди них преобладали люди, имевшие домашнее образование. Больше всего лиц, окончивших высшие учебные заведения, числилось среди прокуроров. Это, по-видимому, зависело от возраста: чем моложе были чиновники, тем чаще встречались среди них лица, имевшие высшее и среднее образование. Для чиновников старше 50—55 лет получение систематического образования осложнялось тем, что в России в начале XIX в. почти полностью отсутствовали средние и высшие учебные заведения. По возрасту представители губернской администрации были значительно моложе, нежели высшие чины, состоявшие в Государственном совете, Комитете министров, Сенате и в центральных учреждениях (товарищи министров и директора департаментов).

Анализ деятельности губернской администрации полностью подтверждает сложившееся представление о том, что именно в этом звене в наибольшей степени были распространены самое безудержное беззаконие, казнокрадство, взяточничество, ложь и другие пороки⁹⁴. Эти явления не встречали должного противодействия в верхах. Правительство во главе с Николаем I не в состоянии было предпринять какие-либо серьезные меры для прекращения всеобщего беззакония. В этом проявлялось разложение всей системы феодализма, и в первую очередь его надстройки.

⁹² «Из воспоминаний Н. М. Колмакова», стр. 522.

⁹³ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., ч. 36, лл. 31, 34, 37, 40.

⁹⁴ Интересно отметить, что наибольшие злоупотребления происходили в двух ведомствах: министерстве внутренних дел и министерстве юстиции. Так, из 2540 чиновников, находившихся в 1853 г. под судом, 1198 принадлежали к первому, а 741—ко второму (ЦГИА СССР, ф. 1, отд. с. е. и. в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829, ч. 349, приложение № 2).

К ИДЕЙНЫМ ИСТОКАМ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США

В. В. Согрин

Североамериканская война за независимость (1775—1783 гг.) была обусловлена действием многих факторов. Главными среди них были социально-экономические и политические противоречия между колониями и метрополией, а также внутри самих колоний. Важное место в выразительности ее предпосылок занимает идейная борьба американских колонистов против английского господства. По словам второго президента США, Д. Адамса, еще до начала войны против Англии «революция была в умах народа, и она совершалась с 1760 по 1775 г., в течение пятнадцати лет перед тем, как первая кровь была пролита под Лексингтоном»¹. Однако этот аспект истории войны за независимость и в особенности развитие антиколониальной мысли до сих пор специально не рассматривались в нашей литературе².

Война за независимость для своего времени имела прогрессивное значение. В. И. Ленин характеризовал ее как революционную, освободительную войну американского народа против колониального рабства³. Но предъюбилейный тезис американских буржуазных историков и политиков о том, что США до сих пор являются носителями идейно-политических традиций войны за независимость⁴, ставит истинное соотношение между настоящим и далеким прошлым страны с ног на голову. Американская буржуазия, освободившись от английских колониальных пут и утвердив свое господство в стране, сама стала на путь порабощения других народов. «Внешнеполитическая идеология империалистической буржуазии США на пороге XX в., — справедливо отмечал И. П. Дементьев, — необычайно выпукло отразила путь американского капитализма за 100 с небольшим лет. Из прогрессивных теорий передовых представителей буржуазии было выхолощено гуманистическое содержание. От идей народ-

¹ Цит. по М. Jensen. *The Founding of a Nation. A History of the American Revolution*. N. Y. 1968, p. XI.

² Советские историки исследовали в основном воззрения отдельных наиболее крупных представителей американского Просвещения. См.: М. И. Захарова. О генезисе идей Томаса Джефферсона. «Вопросы истории», 1948, № 3; А. В. Ефимов. Общественная деятельность Вениамина Франклина. «Вестник Академии наук СССР», 1956, № 3 (см. также А. В. Ефимов. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М. 1969); И. А. Белявская. Б. Франклин — деятель национально-освободительного движения американского народа. «Вопросы истории», 1956, № 10; Н. М. Гольдберг. Свободомыслие и атеизм в США (XVIII—XIX вв.). М.-Л. 1965; его же. Томас Пейн. М. 1969; И. П. Дементьев. Социологические и исторические воззрения североамериканских просветителей XVIII в. «Историкографическая новизна времени стран Европы и Америки». М. 1967; Р. Ф. Иванов. Франклин. М. 1972.

³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 48.

⁴ Подробно о юбилейных установках Вашингтона в связи с войной за независимость см.: О. Л. Степанова. Пропагандистские установки Вашингтона к 200-летию юбилею. «США — экономика, политика, идеология», 1972, № 1; А. Н. Шлепаков. США в преддверии 200-летия независимости. «Вопросы истории», 1973, № 7.

ного суверенитета, закрепленных в Декларации независимости, США перешли к навязыванию завоеванным народам колониального управления, от провозглашенных просветителями принципов равенства — к апологии неравенства народов и рас, от демократического изоляционизма — к империалистическому интервенционизму»⁵.

В трудах многих американских буржуазных историков непомерно преувеличивается революционный и прогрессивный характер идейных устремлений американской буржуазии XVIII века⁶. Конечно, североамериканская буржуазия, вырабатывая идеологию войны за независимость, не могла не считаться с народными массами как с ее движущей силой, но при этом проявляла крайнюю осторожность, всеми мерами стремясь обеспечить собственное экономическое и политическое господство. Идейные принципы, выдвинутые войной за независимость, в целом оказались умеренней, чем идеология Французской буржуазной революции конца XVIII в., где народные массы обладали большей силой воздействия на развитие событий.

Что касается идеологии патриотического движения в Северной Америке в период, предшествовавший войне за независимость, то здесь обращает на себя внимание сохранявшаяся в течение долгого времени примиренческая позиция буржуазного руководства американскими колониями в отношении Англии и монархии. Развернутая концепция революционного отделения колоний от Англии была выдвинута фактически только в январе 1776 г. и сформулирована отнюдь не «отцами-основателями», а патриотом-чужестранцем, англичанином Т. Пейном, прибывшим в Новый Свет в 1774 г. отстаивать права колоний. Именно он нанес решительный удар по монархическим и примиренческим иллюзиям патриотического движения, став истинным глашатаем борьбы за независимость и революцию в Северной Америке. Наследие его, однако, замалчивается или третируется буржуазными историками и политическими деятелями США. В планы намеченных в связи с юбилеем многотомных изданий бумаг «великих белых мужей», как назвал «отцов-основателей» радикальный историк Дж. Лемиш, работы Пейна вообще не включены⁷. Это говорит о действительном отношении официальной Америки к подлинной революционной традиции войны за независимость. Исследование с марксистских позиций идеологии американской революции позволяет увидеть несоответствие между ее действительным содержанием и тем, как она отображена в буржуазной историографии США⁸.

Идеология войны за независимость включала в себя как проблемы антиколониальной борьбы, так и проблемы внутренних общественных

⁵ И. П. Деметьев. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М. 1973, стр. 341—342.

⁶ См., например, материалы специального симпозиума американских историков по проблемам идеологии войны за независимость «The Development of a Revolutionary Mentality». Washington. 1972.

⁷ О замалчивании роли Пейна в войне за независимость США и об откровенно враждебном отношении к нему со стороны современных буржуазных политиков и историков США см.: Н. М. Гольдберг. Томас Пейн, стр. 9, 10; Н. Н. Болховитинов. Теоретические и историографические проблемы американской революции XVIII в. М. 1973, стр. 8.

⁸ В США существует обширнейшая литература по проблемам идейных предпосылок войны за независимость. Назовем здесь важнейшие обобщающие монографические работы: Ch. Mullett. Fundamental Law and the American Revolution. 1760—1776. N. Y. 1933; R. G. Adams. Political Ideas of the American Revolution. N. Y. 1939; B. Bailyn. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge (Mass.). 1967; S. Lynd. Intellectual Origins of American Radicalism. L. 1969. Наибольшей известностью пользуется книга Б. Бэйлина. Однако она фактически не дает представления о воззрениях левого крыла патриотов (С. Адамс, Т. Джефферсон, Т. Пейн, Б. Франклин). Вопросы историографии идеологии американской революции специально рассмотрены в статье: Н. Н. Болховитинов. Некоторые проблемы историографии американской революции XVIII в. «Новая и новейшая история», 1973, № 6.

преобразований. В период вызревания непосредственных предпосылок войны, в критические (1764—1776) годы главной для лидеров патриотического лагеря была тема антиколониальной критики. После провозглашения независимости ведущее место занимают внутренние социально-политические проблемы. Так что, если говорить о собственно идейных истоках войны за независимость, то их основным компонентом была антиколониальная критика. В ней выступали три доктрины: умеренная, радикальная и революционная. Каждая из них имела своих наиболее последовательных сторонников. Анализу их воззрений и посвящено основное содержание данной статьи.

Взаимоотношения Англии и Северной Америки в период от окончания Семилетней войны (1763 г.) и до начала войны за независимость характеризовались обострением колониального гнета во всех сферах — экономической, социальной, политической. Таяли иллюзии о наличии в колониях каких-либо начал самоуправления, суверенитета местных ассамблей. В дополнение к непосредственной власти английской короны и назначенных ею губернаторов пришло господство парламента и министров.

Американцы во всей полноте ощутили вмешательство парламента в управление колониями с принятием им в 1765 г. гербового акта. Тем самым наносился ущерб не только их карману, но и давалось понять, что ими намереваются управлять, не считаясь с их собственными выборными органами — ассамблеями. 18 марта 1766 г. парламента издал так называемый разъяснительный закон, в котором объявлял о праве «подчинять своей воле колонии и народ Америки, подданных короны Великобритании, во всех возможных случаях»⁹. Далее парламента стал прибегать к таким мерам, как роспуск ассамблей, изменение колониальных хартий, отмена суда присяжных, расквартирование постоянной армии в мирное время и т. д., которые в самой Англии практиковались королями во времена расцвета абсолютизма.

В 1765 г. по Северной Америке прокатилась первая мощная волна антианглийских выступлений. Подводя итоги событиям этого года, Д. Адамс писал: «Наша пресса стонала, с церковных кафедр извергались молнии, наши ассамблеи принимали резолюции, города голосовали, королевские чиновники везде тряслись от страха, а их ничтожные пособники боялись выступать и стыдились появляться на глаза»¹⁰. Патриотическое движение очень быстро выдвинуло своих идеологов, которые сосредоточились в основном на одном главном вопросе — о форме государственно-правовых отношений с Англией. Идейные доктрины, получившие наибольшее распространение в 1760-е годы, носили еще умеренный характер. В них отсутствовала даже постановка вопроса о государственно-правовой автономии североамериканских провинций, требование которой стало главным в радикальной критике, оформившейся в самостоятельное течение на рубеже 1760—1770-х годов. Умеренная доктрина, явившаяся идейным выражением начального периода патриотического движения, получила наиболее полное выражение в воззрениях Д. Отиса и Д. Дикинсона. Массачусетский политик Дж. Отис первым дал развернутое теоретическое обоснование прав колонистов. Его политические требования носили крайне умеренный характер, однако аргументы, с помощью которых он их отстаивал, были в дальнейшем использованы и радикальными теоретиками. Свой получивший громкую известность памфлет «Рассмотрение и обоснование прав британских колоний» Отис опубликовал в Бостоне в 1764 г., когда билль о гербовом сборе еще только обсуждался английским парламентом. Отиса до этого знали как лидера

⁹ «American Colonial Documents to 1776». Ed. by M. Jensen. L., N. Y. 1955, p. 696.

¹⁰ «The Adams Papers». Ed. by L. H. Butterfield. Vol. I. Cambridge (Mass.). 1961, p. 263.

оппозиционной политической группировки в Массачусетсе, боровшейся против фракции вице-губернатора Т. Хатчинсона, которая добилась почти монопольного обладания важными административными и судебными постами в этой колонии. В борьбе с политическим владыкой колонии Отису не были чужды мотивы личной выгоды, тщеславие¹¹. Попытка Отиса возглавить патриотов в Массачусетсе объяснялась не только его недовольством английскими указами, но и стремлением при помощи этого движения сломить господство клики Хатчинсона.

Памфлет Отиса свидетельствовал об эрудиции бывшего выпускника гарвардского колледжа, он изобилует ссылками на античных авторов и западноевропейских мыслителей, таких, как Д. Локк, Э. Кок, С. Пуфендорф, Г. Гроций. Отдавая должное их учености, Отис подчеркивал, что даже самые авторитетные европейские мыслители не дали общей теории прав колониальных народов. Выводы Гроция и Пуфендорфа в этом вопросе опирались на опыт имперской политики древней Греции и древнего Рима, а отнюдь не на современную практику¹². Предлагая свою концепцию прав колоний, Отис решил привлечь самое передовое по тому времени учение о естественном праве, которое, как известно, открывало возможность для самых разных политических суждений и выводов об изначальных правах людей. В Западной Европе теория естественного права использовалась буржуазными идеологами для критики социального неравенства феодального общества и проповеди идеи о неотчуждаемости частной собственности. Но уже Ж.-Ж. Руссо использовал это учение для защиты эгалитарного идеала, а Ж. Мелье, Г.-Б. Мабли, Морелли мыслили «естественное состояние» в соответствии с принципами утопического коммунизма. Отис же обратился к этой теории, чтобы от имени «бога и природы» уравнивать в правах колонистов и англичан. В «естественном состоянии», рассуждал Отис, не было ни колонистов, ни англичан, все они просто люди, во всем равные между собой, и они не могли утратить этих равных прав, разделившись в гражданском обществе на жителей Великобритании и жителей Северной Америки¹³.

Хотя Отис и опирался на естественно-правовое учение для обоснования притязаний американцев, его политические воззрения были крайне умеренными. Если через 12 лет после Отиса Т. Джефферсон в Декларации независимости, исходя также из учения о естественном праве, обосновывал право колоний на отделение от метрополии и образование в Северной Америке самостоятельного государства, то Отис добивался всего лишь распространения на колонистов гарантий тех прав, которыми, как он утверждал, пользовались жители самой Англии. Все необходимые человеку права были, по его мнению, уже открыты Локком и отражены в английской конституции, то есть в таких правовых актах, как Великая хартия вольностей 1215 г., «Habeas Corpus Act» 1679 г., билль о правах 1689 г. и др.

Основываясь на этом, Отис утверждал, что поскольку колонисты при переселении в Америку являлись свободными подданными Великобритании, постольку принципы английской конституции (перед которой он открыто преклонялся) распространяются на них в той же мере, как и на жителей метрополии. Английскую конституцию он рассматривал в качестве второго наряду с естественно-правовым учением источника прав колонистов. Определение государственно-правовой функции конституции Отис заимствовал у британского политического теоретика XVII в. Э. Кокка. Вслед за Коком он объявлял конституцию фундаментальным правовым установлением, изменить которое могло только «народное соглаше-

¹¹ M. Jensen. Op. cit., pp. 74--78.

¹² J. Otis. The Rights of British Colonies Asserted and Proved. «Pamphlets of the American Revolution». Ed. by B. Bailyn. Vol. I. Cambridge (Mass.). 1965, pp. 437—438.

¹³ Ibid., p. 439.

ние». Любой же акт парламента, расходящийся с принципами конституции, Отис считал незаконным, подлежащим отмене или пересмотру¹⁴. В данном случае приверженность Отиса государственно-правовой традиции отвечала интересам колонистов. Ссылаясь на основной принцип английской конституции, согласно которому избиратели должны были подчиняться только законам, принятым их представительными органами власти, он называл недействительными любые парламентские акты в отношении Северной Америки, поскольку колонисты не имели своих депутатов в Вестминстере.

В дальнейшем радикальные лидеры патриотов — С. Адамс, Т. Джефферсон — преобразовали положение о неконституционности парламентских актов в отношении колоний в политический лозунг неподчинения любым решениям лондонских законодателей. Сам же Отис таких требований никогда не выдвигал. Проявляя явную умеренность (а некоторые патриоты прямо обвиняли его в трусости), он призывал подчиняться даже неконституционным решениям парламента до тех пор, пока лорды и общины сами «не осознают» своей ошибки и не отменяют «неверного» акта¹⁵. Чтобы прикрыть свою последовательность, Отис избирал теоретические положения, которые противоречили тому, о чем он писал раньше. В результате тезис, что конституция выше парламентской власти и не может быть нарушена парламентом, соседствовал у него с утверждением, что парламентская воля является частью конституции и неподчинение акту Вестминстера означает неподчинение конституции. Такое уравнивание роли конституции и парламентской власти понадобилось Отису для того, чтобы убедить своих соотечественников в том, что только парламента правомочен отменять собственные, пускай даже и неверные, билли. Отис осмеливался указывать «августейшему парламенту» на его ошибки только на бумаге. Его памфлет создавал ложное представление о парламенте, который будто бы был способен и даже готов отменять собственные неверные решения.

Умеренность Отиса обнаружилась особенно отчетливо при решении вопроса, имеют ли право местные ассамблеи в колониях издавать законы. Радикалы в будущем, и прежде всего С. Адамс, отталкиваясь от предложенного Отисом толкования английской конституции, согласно которому законодательная функция закреплялась за представительным органом власти, требовали признать суверенитет ассамблей во внутренних делах колоний. Однако сам Отис до такого требования не поднимался. Ссылаясь на Локка, писавшего в свое время, что в каждом государственном объединении должна быть одна высшая законодательная воля, он объявлял власть парламента в империи единой и неделимой. Идее наделения колониальных ассамблей законодательной властью он противопоставлял лозунг достижения представительства колоний в Вестминстере¹⁶. Такое представительство, полагал он, уравнило бы американцев в правах с англичанами и сделало бы законными постановления парламента в отношении колоний. Обосновывая право американцев на представительство в парламенте, Отис фактически подвергал сомнению наиболее излюбленную доктрину правящего класса Англии, которая состояла в признании парламента органом всей нации, даже если его состав избирается только несколькими графствами.

Когда американцы стали отрицать законность решений парламента в отношении колоний, поскольку они не имели депутатов в этом органе, лондонские политики заявили им, что парламента «фактически» представляет и их интересы, равно как и интересы манчестерцев и ливерпульцев, которые также не посылают депутатов в парламента. Отис подверг критике доктрину «фактического» представительства, увековечивавшую при-

¹⁴ Ibid., pp. 444, 445, 454, 455.

¹⁵ Ibid., p. 448.

¹⁶ Ibid., p. 445.

вилегии «гнилых» местечек и аристократов в Англии, а равно и господство метрополии в империи. Если придерживаться точки зрения «фактического» представительства, едко замечал он, то тогда можно объявить парламент представительным органом земного шара и иных планет. Упорство, с каким Отис добивался для колоний представительства в парламенте, не возымело, однако, существенного влияния на его соотечественников. Им было совершенно ясно, что горстке колониальных депутатов в парламенте все равно не удастся оказать сколько-нибудь существенное влияние на его политический курс. Политическое требование Отиса было поддержано только бывшим губернатором Массачусетса Т. Поунэлом¹⁷. И тем не менее памфлеты Отиса оказали большое влияние на антиколониальную мысль как образец использования естественно-правового учения и английской конституции для защиты интересов колоний.

В 1767—1768 гг., во время второго англо-американского кризиса, начало которому положили таможенные законы Ч. Тауншенда (первый кризис — 1765—1766 гг.— был вызван гербовым актом), среди патриотов имели наибольшее хождение «Письма пенсильванского фермера». Известный американский буржуазный историк М. Дженсен пишет, что популярность «Писем» среди колонистов не была превзойдена ни одним произведением вплоть до появления в 1776 г. «Здравого смысла» Т. Пейна¹⁸. Под псевдонимом «фермера» скрывался представитель квакерской верхушки Пенсильвании, политик с солидным юридическим образованием и сложившейся системой правовых взглядов Д. Дикинсон, который к тому времени вместе с Отисом уже был признанным лидером патриотов.

В момент обсуждения Декларации независимости в июне — июле 1776 г. Д. Дикинсон решительно противопоставил себя Континентальному конгрессу, выступив против отделения колоний от Англии. Ни современники, ни историки не простили ему этого. Даже самые маститые американские буржуазные исследователи были безжалостны к Дикинсону, рассматривая всю его политическую деятельность только сквозь призму выступления 1 июля 1776 г. против Декларации независимости¹⁹. Впрочем, в последние годы среди буржуазных историков США обнаружилась другая крайность: стремление совершенно обелить его²⁰. Разумеется, было бы антиисторично отождествлять умеренность «Писем пенсильванского фермера» с антипатриотическим выступлением Дикинсона в 1776 году. Уже самый факт, что после опубликования его «Писем» гост за «пенсильванского фермера» стал излюбленным на банкетах, которые устраивались патриотами, говорит о том, что они признали в нем идейного лидера. Осторожность и политическая умеренность, характерные для «Писем», в значительной степени отражали общий уровень сознания участников патриотического движения второй половины 1760-х годов.

Имя Дикинсона стало широко известно в Северной Америке еще в 1765 г., после съезда 9 колоний в Нью-Йорке, собравшегося для того, чтобы выработать единую программу борьбы против гербового акта. Дикинсон был автором декларации этого конгресса. В ней решительно отвергалась мысль Отиса о возможности и желательности представительства колоний в парламенте. Взамен этого предлагалось своеобразное разделение суверенитета в управлении колониями между парламентом

¹⁷ R. G. Adams. Op. cit., p. 31.

¹⁸ M. Jensen. Op. cit., p. 243.

¹⁹ C. Nettels. The Roots of American Civilization. N. Y. 1938, p. 635; J. C. Miller. The Origins of the American Revolution. Boston. 1943, pp. 257, 258; V. L. Parrington. The Colonial Mind. N. Y. 1954, pp. 224—237.

²⁰ B. Bailyn. Op. cit., pp. 215—216; D. Jacobson. John Dickinson and the Revolution in Pennsylvania. 1764—1776. Los-Angeles. 1965.

и местными ассамблеями, причем налогообложение колонистов признавалось исключительной прерогативой местных legislatures²¹.

В 12 «письмах» к «жителям британских колоний», которые публиковались в «Pennsylvania Chronicle» с декабря 1767 г. по февраль 1768 г., а затем были изданы отдельной брошюрой во многих городах Северной Америки, Дикинсон попытался окончательно оформить свои мысли о границах прерогатив английского парламента и колониальных ассамблей. Он соглашался с английскими теоретиками и с Отисом, что в любой империи, в том числе и в Британской, должен быть единый, высший для всех ее частей, правительственный орган. Но тут же — и это было нововведением в английскую имперскую доктрину — Дикинсон ограничивал компетенцию парламента вне пределов Англии одним лишь «регулированием торговли»²².

Как бы ревизуя «разъяснительный закон» 1766 г., которым парламента наделял себя неограниченной властью по отношению к колониям, Дикинсон считал, что в компетенцию парламента не должно входить право налогообложения, судопроизводства, созыва или роспуска ассамблей, размещения войск на постоянной; эти прерогативы надлежало передать местным представительным органам. Особенно решительно он выступал против «незаконно присвоенного» парламентом права налогообложения колонистов. Возвращение этого права ассамблеям, утверждал Дикинсон, означало бы восстановление старого английского конституционного принципа: «налогообложение и представительство неразделимы». Подчеркнутая неприязнь Дикинсона к парламентаскому налогообложению понятна — оно било по кошелькам американцев, чьи денежные интересы он защищал особенно рьяно, ссылаясь при этом на английский конституционный обычай. В отличие от многих американских политических деятелей, которые начиная с 1704 г. беспрестанно рассуждали о том, какие формы парламентаского налогообложения законны, а какие нет, Дикинсон решительно отвергал все виды парламентаского налогообложения — и гербовый сбор 1765 г. (как налог на собственность колонистов) и сборы по акту Тауншенда 1767 г., представлявшие собой пошлины на возимые английские товары²³.

Соглашаясь оставить за парламентом по отношению к колониям Северной Америки только право «регулирования торговли», Дикинсон считал необходимым изъять из его компетенции всю сферу социально-политического законодательства. Но и экономические законы парламента, подчеркивал он, могли включать в себя лишь такие акты, которые бы не преследовали цель извлечения денежных средств из колоний. Сужение Дикинсоном сферы парламентаских прерогатив в колониях вместе с тем не означало посягательства на экономическую основу господства Англии в Северной Америке, на ее политику меркантилизма. Под «регулированием торговли» Дикинсон понимал право регламентировать производство всех товаров в Северной Америке, ограничивать торговлю между колониями, утверждать монополию Англии на ввоз готовой продукции в колонии и вывоз из них сырья, то есть запрещать им торговать с другими странами²⁴.

В итоге критика английской колониальной политики носила у Дикинсона, как и у Отиса, умеренный характер. Как и Отис, он не скупился на комплименты английскому королю и «августейшему» парламента. Оба эти автора не допускали и мысли об отделении от Англии. «Если мы однажды отделимся от нашей матери,— восклицал Дикинсон,— какую новую форму правления сможем мы одобрить и где мы найдем другую

²¹ «American Colonial Documents to 1776», p. 672.

²² J. Dickinson. Letters from a Farmer in Pennsylvania to the Inhabitants of British Colonies. Philadelphia. 1774, pp. 12, 13, 18, 22, 23.

²³ Ibid., pp. 35, 38—40, 46—48, 106, 111, 115, 136.

²⁴ Ibid., pp. 22, 30—33, 46—48.

Британию, чтобы восполнить нашу потерю!»²⁵. Без экономической опеки Англии и ее военно-политического покровительства колонии, по его мнению, были обречены на гибель.

Некоторые рассуждения Дикинсона выглядели в сравнении со взглядами Отиса несколько отсталыми. Так, если Отис, исходя из естественно-правового учения, считал колонистов и англичан в равной степени свободными людьми, то Дикинсон утверждал, что колонии основаны Англией, и это по праву обеспечивает ей верховную экономическую и политическую власть над американцами²⁶. В будущем Б. Франклин, С. Адамс, Т. Джефферсон решительно отвергли этот аргумент, увековечивающий подчинение колоний Англии, и противопоставили ему тезис, что колонии были образованы независимыми поселенцами, на основе собственного договорного соглашения, которое гарантировало им государственную автономию.

На рубеже 1760-х — 1770-х годов в патриотическом движении Северной Америки наблюдается падение влияния умеренных идей Отиса и Дикинсона. Зато в нем начинает возрастать популярность концепций гомруля — государственно-правовой автономии провинций Нового Света. Требование гомруля высказывалось в Северной Америке и раньше. Но вплоть до конца 1760-х годов оно не получило развернутого обоснования, не имело в устах его сторонников самостоятельного звучания, перемежаясь с суждениями, заимствованными у тех же умеренных критиков политики Англии. Только на рубеже 1760-х — 1770-х годов идея гомруля обрастает развернутыми историческими, правовыми, социально-политическими и экономическими аргументами, приобретает вид законченной радикальной доктрины. Число ее сторонников среди патриотов растет. Идейная переориентация патриотического движения объяснялась рядом факторов. Среди них в первую очередь следует назвать все более широкое вовлечение в него народных масс, которые предпочитали половинчатым просьбам умеренных физическую расправу с угнетателями. Несостоятельность надежд на ограничение и смягчение власти парламента в колониях к этому времени уже вполне обнаружилась. А доктрина гомруля как раз и предполагала замену правления парламента в Северной Америке властью местных ассамблей.

Автором концепции гомруля буржуазные историки США считают Р. Бланда, представителя плантаторской аристократии Вирджинии, депутата ассамблеи, которого Д. Адамс запомнил как «книжника, ученого человека»²⁷. В 1764 г. Бланд впервые сформулировал тезис о праве колоний на самоуправление в вопросах «внутренней политики». К компетенции парламента он относил только решение «внешнеполитических» вопросов, касавшихся британских колоний в Северной Америке²⁸. Однако Бланд не подкреплял свои идеи аргументами, а главное, не раскрыл достаточно четко понятия «внутренняя» и «внешняя политика». Вполне вероятно, что под «внешней политикой» он понимал то же, что Дикинсон под «регулированием торговли». Но тогда вообще сомнителен его приоритет в формулировании идеи гомруля, который приписывают ему американские буржуазные историки²⁹. Во всяком случае, в дальнейшем Бланд оказался в одном лагере с умеренными, а не с радикалами.

Идею суверенитета колоний в вопросах «внутренней политики» можно обнаружить в резолюциях нескольких ассамблей, принятых в 1765 г. в знак протеста против гербового акта. В виргинских резолюциях от 30

²⁵ Ibid., p. 33.

²⁶ Ibid., p. 22.

²⁷ «The Adams Papers». Vol. II. Cambridge. 1961. p. 120.

²⁸ R. Bland. The Colonel Dismounted or Rector Vindicated. «Pamphlets of the American Revolution». Vol. I, pp. 320, 321.

²⁹ B. Bailyn. Op. cit. pp. 210, 211; Ch. Mullett. Colonial Claims to Home Rule. (1764—1776). «The University of Missouri Studies». Columbia. 1927. Vol. II, № 4, p. 5.

мая 1765 г., составленных адвокатом П. Генри, говорилось, что «в вопросах внутренней политики и налогообложения» жители колоний всегда подчинялись законам, «принятым с их собственного согласия». Эта формулировка была воспроизведена в резолюциях мэрилендской ассамблеи в сентябре того же года. А в резолюциях, принятых в октябре 1765 г. в Коннектикуте и Род-Айленде, утверждалось, что «в вопросах налогообложения и внутренней политики» эти колонии всегда управлялись «своими собственными ассамблеями»³⁰. После 1765 г., однако, в резолюциях ассамблей ничего не говорилось о суверенитете колоний в вопросах внутренней политики, а если изредка и упоминалось об этом, то всегда с оговорками, в которых признавалась верховная власть парламента.

Концепцию гомруля во второй половине 1760 г. последовательно проводил только Б. Франклин. Эту заслугу великого просветителя, как правило, не признают американские буржуазные историки. Вклад Франклина в антиколониальную мысль Северной Америки специально рассмотрен только в работах его биографа В. Грэйна³¹. С 1764 г. Б. Франклин был представителем пенсильванской ассамблеи в Лондоне. Затем такую же миссию доверили ему еще три колонии, так что он в некотором роде выступал как посол Северной Америки в Англии. Первое время после резкого обострения англо-американских противоречий в 1764—1765 г. Франклин занимал умеренную позицию, рассчитывая на быстрое и безболезненное примирение сторон. Но уже в январе 1766 г. в статье, помещенной в лондонской «Gazette», он ставит под сомнение право парламента на какую-либо законодательную власть в колониях³².

В 1767—1770 гг. Франклин развивает концепцию внутривластного суверенитета Северной Америки. Основой ее становится не встречающаяся у других антиколониальных критиков доктрина федеральной организации Британской империи, все части которой обладают совершенно равной государственно-правовой автономией. Согласно этой доктрине, вся полнота законодательной власти в каждой части империи, в том числе и в североамериканских колониях, должна быть сосредоточена в руках местных выборных органов, компетенция которых ограничена только имперским монархом, единственным связующим звеном равноправных провинций. Право на сформулированный таким образом суверенитет не могли получить лишь те части империи, которые не имели своих представительных органов власти, а вместо этого посылали депутатов в английский парламент. Это Шотландия и Уэльс, которые вместе с Англией составили единую часть империи. Другие же ее части — в данном случае Франклин ссылаясь на Северную Америку и очень часто на Ирландию — располагали, по его мнению, в рамках империи такими же правами, как и сама Англия³³.

Особенно Франклин подчеркивал отсутствие у Англии и английского парламента каких-либо преимуществ по сравнению с другими частями империи и их представительными органами власти. Он отрицал имперский характер английского парламента и полностью вычеркивал его из имперской схемы правления. Парламент, подчеркивал Франклин, должен довольствоваться ролью законодательной власти одной только Англии, и его претензии издавать указы в отношении Северной Америки столь же нелепы, сколь нелепы были бы попытки ирландского парламента

³⁰ «American Colonial Documents to 1776», p. 669; Ch. Mullett. Colonial Claims to Home Rule, pp. 7—10.

³¹ V. W. Grane. Benjamin Franklin and a Rising People. Boston. 1954. В советской историографии участие Франклина в национально-освободительном движении американского народа обстоятельно исследовано в упомянутой выше статье И. А. Белявской.

³² «Benjamin Franklin's Letters to the Press. 1758—1775». Col. and ed. by V. W. Grane. Williamsburg. 1950, p. 48.

³³ Ibid., pp. 110, 111, 135; «The Works of Benjamin Franklin». Ed. by J. Sparks. Vol. I—X. Boston. 1840. Vol. IV, pp. 262, 272, 298; vol. VII, pp. 332, 333, 476.

та подчинять своим решениям английский народ. Формуле единого и неделимого суверенитета английского парламента в рамках всей империи, которую вслед за лондонскими политиками повторяли умеренные американские критики, Франклин противопоставлял формулу единого и неделимого суверенитета представительных органов каждой провинции в границах последней³⁴.

Свою доктрину суверенных прав Северной Америки и ее представительных органов власти Франклин рассматривал не как нововведение, а как восстановление изначальной формы управления колониями. Идеологи колоний при обосновании прав американцев привлекали четыре идейных источника: естественно-правовое учение, английскую конституцию, колониальные хартии, материалы истории колоний. Причем эти источники использовались различными идеологами по-разному. Если Отис, например, предпочитал ссылаться на естественно-правовое учение и английскую конституцию, то Б. Франклин апеллировал почти исключительно к исторической традиции, отыскивая в прошлом первооснову прав колонистов. Суверенитет колоний, по Франклину, вытекал из самого характера их заселения. Колонии, доказывал он, были основаны на землях, в отношении которых парламент «в то время вообще не обладал юрисдикцией». Они были созданы на средства поселенцев, а не парламента и в результате их договорного соглашения друг с другом и с королем. «Договорным» носителем власти в колониях стали ассамблеи, это было закреплено в хартиях. Все это, по его мнению, лишало каких-либо оснований притязания парламента на управление колониями, а попытки реализовать такие притязания есть не что иное, как политическая узурпация. Резко возражал Франклин своим оппонентам и по поводу того, что, переселяясь в Америку, англичане будто бы оставались английскими подданными и на них, дескать, автоматически переносились законы и весь общественный строй покинутой ими родины. На самом деле, писал он, поселенцы оставили Англию именно из-за желанья порвать с ее церковным и политическим деспотизмом, феодально-сословным гнетом. Утверждать обратное, замечал он, то есть доказывать, что пилигримы переносили в Америку английские законы и зависимость от ненавистного им абсолютизма, означает отказывать им полностью в здравом рас-судке³⁵.

Насколько последовательно Франклин проводил идею изначальной государственно-правовой автономии Северной Америки, свидетельствует и то, что в отличие даже от такого радикального мыслителя, как С. Адамс, он никогда не называл колонистов британскими подданными и не апеллировал к принципам английской конституции, поскольку вообще не распространял ее действия на свою родину. По мнению Франклина, единственным связующим звеном в Британской империи был король. Но при этом он, как имперский монарх, утрачивал свою зависимость от собственно английской государственности. Англия и Северная Америка были перед королем равны. Власть имперского монарха в колониях была, по мысли Франклина, ограниченной: волю ассамблей Франклин ставил выше воли монарха. Высшим источником власти в колониях он считал конституции-хартии, которые изменить мог только народ и которые были неподвластны воле монарха: «Хартии священны, нарушьте их, и существующая связь империи (королевская власть над нами) будет уничтожена»³⁶.

И все же политическое устройство федеративной империи, как и Северной Америки, в схемах Франклина оставалось строем конституционной монархии. Вообще до появления в январе 1776 г. памфлета Т. Пей-

³⁴ «The Works of Benjamin Franklin». Vol. IV, pp. 284, 298.

³⁵ «Benjamin Franklin's Letters to the Press», pp. 48, 88, 135, 136; «The Works of Benjamin Franklin». Vol. IV, pp. 262, 272, 288, 289; vol. VII, pp. 332, 333, 476.

³⁶ «The Works of Benjamin Franklin». Vol. IV, p. 295.

на «Здравый смысл» защита республики отсутствовала в произведениях представителей антиколониальной мысли. Для Франклина верность английскому монарху вытекала прежде всего из убеждения в необходимости сохранения Британской империи; уничтожение власти монарха, единственной нити, связующей ее, означало бы ее ликвидацию. А этого не желали ни Франклин, ни весь патриотический лагерь вплоть до начала в 1775 г. войны против Англии. Франклин полагал, что сохранение за королем этой роли обеспечивает наиболее полную государственно-правовую автономию колоний, в то время как закрепление этой функции за могущественным парламентом Англии сделало бы концепцию гомруля крайне уязвимой.

Франклин остро реагировал на то, что руководители американских патриотов медленно усваивали идеи гомруля. В 1768 г. в предисловии к лондонскому изданию «Писем» Дикинсона он выразил неудовлетворенность тем, что его соотечественник соглашался на сохранение за парламентом права «регулирования торговли» колоний. Он удивлялся непоследовательности «Циркулярного письма» массачусетской ассамблеи 1768 г., составленного С. Адамсом. В нем наряду с признанием ассамблеи единственным представителем воли жителей колонии присутствовало и определение английского парламента как верховной власти в Северной Америке. В июле 1770 г. в письме к одному из лидеров патриотов в Массачусетсе, Т. Кушингу, Франклин выражал категоричное пожелание, чтобы «такие выражения, как верховная власть парламента над нами, и подобные им, в действительности ничего не значащие, ...перестали употребляться в ваших публичных высказываниях»³⁷.

В самой Северной Америке по стопам Б. Франклина первым со всей решительностью пошел С. Адамс, один из признанных радикальных буржуазных лидеров-патриотов не только в своей колонии Массачусетсе, но и во всей Северной Америке. Его биограф У. Уэлс в трехтомном жизнеописании своего героя приписывает Адамсу чуть ли не все патриотические начинания и новаторские идеи, рождавшиеся в национально-освободительном движении³⁸. Эволюция взглядов С. Адамса после достижения независимости хорошо показывает ограниченность революционных настроений даже у наиболее радикальных представителей американской буржуазии. С. Адамс, который готов был использовать радикальные средства в борьбе против колониального гнета, пробуждавший патриотические чувства в простом народе, после победы над Англией выступил с осуждением попыток народных масс продолжить революцию. Он требовал подавления восстания Д. Шэйса, приветствовал идею сильного федерального правительства, содержащуюся в конституции 1787 года³⁹. Пример С. Адамса, может быть, лучше всего показывает истинные цели буржуазного руководства национально-освободительным движением Северной Америки. Борясь против английского господства, буржуазия Америки делала все возможное, чтобы помешать перерастанию антиколониального восстания в социальную революцию.

Два лица Адамса, обнаружившиеся на разных этапах войны за независимость, не были раскрыты буржуазными историками. Даже такой видный исследователь американской общественной мысли, как В. Л. Паррингтон, сумел рассмотреть только одного — революционного Адамса — и выдавал его идеи за эталон демократических воззрений⁴⁰. В 1764—1776 гг. в борьбе против английского колониального господства С. Адамс действительно выдвигал передовые для своего времени прин-

³⁷ Ibid. Vol. VII, pp. 332, 333, 476.

³⁸ W. V. Wells. The Life and Public Services of Samuel Adams. Vol. I—III. Boston. 1954.

³⁹ «The Writings of Samuel Adams». Ed. by H. Cushing. Vol. I—IV. N. Y. 1968. Vol. III, pp. 224—232, 235—242; vol. IV, pp. 252, 296, 322—329, 344—347.

⁴⁰ В. Л. Паррингтон. Основные течения американской мысли. Т. 1. М. 1962, стр. 304—320.

ципы. В многочисленных статьях, резолюциях, которые он умело проводил на городских собраниях Бостона и в массачусетской ассамблее, С. Адамс, опираясь главным образом на английские и французские буржуазные доктрины, на идеи Локка и Монтескье, подвергал критике акты британского парламента. Во взглядах С. Адамса очень ясно видна связь американской антиколониальной идеологии с западноевропейским Просвещением.

Во второй половине 1760-х годов С. Адамс при защите интересов колонистов особенно часто обращался к английскому конституционному праву. Тогда он, подобно Отису, еще рассматривал колонию и Англию как две части одного государства — Великобритании. Их жители, утверждал он, равны между собой, как британские подданные, находящиеся под покровительством единой английской конституции. Почему же, обращался он с вопросом к парламенту и королю, позволяют они себе нарушать принципы английской конституции в отношении одной части своих подданных? ⁴¹ Широко использовал он для обоснования своих требований естественно-правовое учение и в особенности труды Локка, которого в Англии считали лучшим выразителем этой теории. В парламентской политике по отношению к колонистам бостонский патриот видел покушение на всю локковскую триаду естественных прав — на жизнь, свободу и частную собственность. Особенно нетерпимым Адамс считал парламентское налогообложение колонистов, которое, по его мнению, представляло собой отрицание «природой и богом» данного, а потому «неотчуждаемого» и «естественного» права на частную собственность. И разве не учил Локк, напоминал Адамс, что отторжение хотя бы «части собственности подданных без их согласия есть конец всякой собственности», что государство создано для того, чтобы охранять право на частную собственность, а не уничтожать его ⁴². Третьим источником прав американцев Адамс считал колониальные хартии. Они, утверждал он, наделяли законодательной властью в колониях только ассамблеи ⁴³. Это положение было, однако, явной натяжкой. Многие хартии, например, прямо указывали на право парламента облагать колонистов налогами. В 1776 г. С. Адамс вынужден был признать этот факт, заявив, что хартии являются «туманными и неопределенными и их нельзя превратить в орудие борьбы за свободу» ⁴⁴.

Вклад С. Адамса в антиколониальную критику заключался в движении им еще во второй половине 1760-х годов радикальной концепции патриотической тактики сопротивления. Умеренные идеологи предлагали использовать в борьбе за права американцев только тактику «морального» воздействия на короля и парламент. Франклин, опередивший других радикалов и С. Адамса в формулировании концепции гомруля, в вопросе о методах сопротивления тоже был противником насильственных средств. С. Адамс уже в 1768 г. в «Boston Gazette» показывал бесполезность обращения в парламент с петициями, переговоров с его депутатами и решительно оправдывал методы физического сопротивления решениям Англии ⁴⁵. Призывы Адамса полагаться в борьбе с англичанами только на силу находили отклик среди его сограждан. Именно Бостон, где С. Адамс, по словам теперь уже губернатора Хатчинсона, «правил, как хотел», городским собранием и ассамблеей ⁴⁶, был застрельщиком в использовании насильственных методов борьбы за права колонистов. 5 марта 1770 г. здесь произошло первое кровавое столкновение с английскими солдатами, а 17 декабря 1773 г. состоялось знаменитое «бостонское чаепитие».

⁴¹ «The Writings of Samuel Adams». Vol. I, pp. 8, 74, 134—136, 288.

⁴² Ibid., pp. 74, 134—299.

⁴³ Ibid., pp. 8, 70, 161.

⁴⁴ Ibid., vol. III, p. 262.

⁴⁵ Ibid., vol. I, p. 240.

⁴⁶ W. V. Wells. Op. cit., vol. II, p. 100.

В отличие от других патриотических лидеров, которые предлагали отстаивать свои права только через ассамблеи и боялись опереться в борьбе с Англией на широкие массы населения, С. Адамс оправдывал образование самочинных народных организаций. Он был инициатором создания организации «Сыны свободы» в Бостоне. В 1768 г., после роспуска массачусетской ассамблеи в Бостоне, по инициативе С. Адамса был созван первый в колониях неконституционный провинциальный конвент⁴⁷. В 1770 г. после того, как из-за корысти колониальных купцов кампания бойкота английских товаров окончилась неудачей, С. Адамс приходит к мысли, что основой сопротивления Англии могут быть только действия народа: «Пусть простой люд континента, которому божеским провидением в конце концов только и предопределено спасти Америку, прекратит всякие деловые отношения с теми, кто не присоединится к нему»⁴⁸ (бойкоту английских товаров.— В. С.).

Признание народных масс решающей силой сопротивления Англии не означало, впрочем, что С. Адамс отождествлял цели патриотического движения с интересами народа. Социальные идеалы С. Адамса всегда оставались по своей сути буржуазными. В том же 1770 г. он резко осуждал уравнивательные социальные идеи, которые заключали в себе, по его словам, такой же «произвол и деспотизм», как и доктрина закрепления верховных собственностических прав за короной⁴⁹. С. Адамс лишь лучше других представителей своего класса понимал, что уничтожения колониального гнета, в чем были заинтересованы и буржуазия и народ, нельзя добиться без союза с последним и без опоры на него.

Во второй половине 1760-х годов С. Адамс начинает подходить и к идее гомруля. Однако в отличие от Франклина взгляды его в этом вопросе были противоречивы. С одной стороны, отталкиваясь от доктрин договорного образования государства и представительного правления, С. Адамс постоянно доказывал, что законным носителем власти в колониях являются только ассамблеи. Но, с другой, он нередко называл парламент Англии «высшей законодательной властью империи», компетенцией которой было определение «фундаментальных конституционных прав». В результате создавалось впечатление о подчиненном положении ассамблей по отношению к парламенту⁵⁰. Только в конце 1771 г. в идейной полемике с Т. Хатчинсоном С. Адамс заявляет о полном отрицании каких-либо прав парламента в отношении колоний. Он рассматривает Массачусетс и Англию как два самостоятельных государственных образования, возникших из двух разных «общественных договоров» и объединенных в империи только одной королевской волей⁵¹. Теперь концепция государственно-правовой автономии Северной Америки С. Адамса полностью воспроизводит концепцию гомруля, предложенную Б. Франклином.

В первой половине 1770-х годов концепция самоуправления колоний завоевывает все больше сторонников среди радикальных критиков. В 1774 г. с ее обоснованием выступил Д. Адамс и А. Гамильтон. Самым крайним выражением концепции гомруля явились взгляды по этому вопросу, высказанные Т. Джефферсоном в 1774 году. Летом 1774 г. вирджинец депутат ассамблеи Т. Джефферсон подготовил инструкции для представителей колоний на первом Континентальном конгрессе, который должен был собраться в сентябре в Филадельфии. Его инструкции не были одобрены ассамблеей, так как показались ей чересчур радикальными, но были опубликованы в форме памфлета «Общий обзор прав Британских колоний»⁵².

⁴⁷ J. Miller. Sam Adams. Pioneer in Propaganda. Boston. 1936, p. 8.

⁴⁸ «The Writings of Samuel Adams». Vol. III, p. 126.

⁴⁹ Ibid., p. 137.

⁵⁰ Ibid., pp. 16, 67, 76; vol. II, pp. 210, 224.

⁵¹ W. V. Wells. Op. cit., vol. I, pp. 428—431.

⁵² D. Malone. Jefferson and His Time. Vol. I—IV. Vol. I. Boston. 1948, p. 181.

Центральное место в памфлете занимало обоснование концепции государственно-правовой автономии колоний. То, как легко и стройно излагалась в нем доктрина гомруля, показывало, что она к этому времени прочно укоренилась в сознании радикальных лидеров Северной Америки. Джефферсон в значительной степени просто повторял теорию федеративного устройства Британской империи Франклина, настаивая на полном равенстве народов и представительных органов власти Северной Америки и Англии как двух частей империи. Как теоретическую и политическую бессмыслицу, наконец, как полную нелепость даже с точки зрения «здорового смысла» Джефферсон рассматривал претензии парламента и «ста шестидесяти тысяч избирателей острова Великобритании» на то, чтобы управлять ассамблеями и «четырьмя миллионами людей, живущими в государствах Америки» (Джефферсон более чем в 1,5 раза преувеличивал численность населения колоний.— В. С.). Характерно, что в памфлете колонии назывались неизменно государствами (*states*), что полностью соответствовало доктрине их равноправия с Англией в составе империи⁵³.

Все права американцев Джефферсон обосновывал исключительно при помощи естественно-правового учения. В выборе «естественных прав» Джефферсон никогда не стеснял себя устоявшимися канонами. В Декларацию независимости 1776 г. он включил «естественное право» на счастье. В памфлете 1774 г. Джефферсон наделял американцев «естественным правом» на полную свободу торговли и промышленной деятельности⁵⁴. Тем самым он наносил удар по умеренным критикам, которые, ограничивая власть парламента в отношении колоний, сохраняли за ним, вслед за Дикинсоном, право регулировать торговлю Северной Америки. Опираясь на известное положение Локка о праве народа изменять форму государственного устройства, если она перестала удовлетворять его нуждам, Джефферсон доказывал, что это право может быть реализовано в форме эмиграции из отечества. Поэтому англичане, которые воспользовались «естественным правом» на эмиграцию и переселились в Америку, тем самым утратили зависимость от ее государственно-правовых институтов. Они образовали другую суверенную власть, заключив новый «общественный договор», которым связь с Англией поддерживалась только через короля, их «общего повелителя»⁵⁵.

Джефферсон, как и Франклин, стоял в тот период за конституционную монархию. Но в отличие от Франклина, который не высказал ни единого резкого слова в адрес английского короля Георга III, Джефферсон подверг этого монарха острой критике, возложив на него равную с парламентом ответственность за нарушение прав американцев. Он обвинял Георга III в узурпации права верховной собственности на «свободные земли» в Северной Америке, роспуске ассамблей, отмене принятых ими решений, размещении в колониях английских солдат и т. д. Молодой вирджинец говорил с королем языком ультиматума, требуя отменить эти акты. Используя идею Локка о верховенстве в каждом государстве законодательной власти, Джефферсон требовал подчинения Георга III воле ассамблей⁵⁶.

Доктрина гомруля, с которой радикальные критики колоний выступили на протяжении нескольких лет, сыграла большую роль в подготовке американцев к восприятию идеи независимости. Эта идея нашла свое выражение в революционной теории, при этом были преодолены два барьера — во-первых, сомнения относительно возможностей Северной Америки занять достойное место в мире вне рамок Британской империи,

⁵³ «The Papers of Thomas Jefferson». Ed. by J. Boyd. Vol. I—XVIII. Princeton. 1950—1971. Vol. I, pp. 121, 123, 125, 126.

⁵⁴ Ibid., p. 123.

⁵⁵ Ibid., pp. 122—123.

⁵⁶ Ibid., pp. 129—133.

во-вторых, сохранявшаяся еще лояльность колонистов по отношению к королевской власти. Эти барьеры были преодолены только в результате дальнейшего обострения противоречий с Англией.

В сентябре 1774 г. представителям двух направлений в патриотическом движении — умеренного и радикального — открылась возможность испытать свои силы на общеколонииальном политическом форуме — первом Континентальном конгрессе, который подвел итоги десятилетнего развития антиколонииальной идеологии и дал осязательное представление о соотношении сил радикалов и умеренных. Американский буржуазный историк Ч. Муллет, симпатизирующий левому крылу патриотов, высказал мнение, что на конгрессе точка зрения Джефферсона взяла верх над мнением Дикинсона⁵⁷. Этот вывод представляется неверным. На самом деле на конгрессе выявилось равновесие сил радикалов и умеренных, а принятая им «Декларация прав» являлась компромиссом. Из дневников Д. Адамса видно, что спор между радикалами и умеренными развернулся уже по вопросу об источниках прав колонистов. Радикалы доказывали, что права американцев основаны на «законах природы», что первые эмигранты, вступив на землю будущих колоний, оказались в «естественном состоянии» и были вольны в формировании собственных законов и государственной власти. Их оппоненты, Д. Гэлловэй, Д. Ратледж, Д. Дуэн, напротив, утверждали, что эмигранты находились в «политическом состоянии», были связаны государственной зависимостью от Англии, их права основывались только на британской конституции⁵⁸. В «Декларации» основой прав колонистов объявлялись как «законы природы», так и «принципы английской конституции». Эмигранты рассматривались как жители Англии, сохранившие все свои права после переселения в Америку. При конкретном обосновании прав колонистов упор делался на то, что они вправе пользоваться всеми свободами, гарантируемыми в Англии⁵⁹. Аргументы же, что права американцев вытекают-де из их собственного «общественного договора», не использовались.

Самое острое столкновение между умеренными и радикалами произошло, когда возникла необходимость определить высшую власть в Америке. Гэлловэй отверг концепцию гомруля как доктрину, устанавливающую «государство в государстве». В Великобритании, доказывал он, должна быть, как и во всяком едином государстве, общая высшая власть — парламент. В крайнем случае Гэлловэй соглашался на создание общеколонииального представительного органа — конгресса, но с подчинением его парламенту⁶⁰. Этот план, направленный на сращивание американской и английской государственности, был отвергнут большинством, правда, всего лишь в один голос. В конечном итоге в «Декларации», принятой конгрессом, провозглашалось, что законы для колоний могут приниматься лишь с согласия их жителей. Власть в вопросах «налогообложения и внутренней политики» закреплялась за ассамблеями с последующим утверждением их королем. За парламентом сохранялось право «регулировать внешнюю торговлю» колоний⁶¹. Таким образом, доктрина Дикинсона о праве парламента «регулировать торговлю» колоний была пересмотрена в том смысле, что ему не разрешалось вмешиваться во внутриэкономическое развитие Северной Америки. Но при этом концепция радикалов, вообще отрицавшая власть парламента в отношении колоний, не восторжествовала полностью.

События, происшедшие в Северной Америке после первого Континентального конгресса, свидетельствовали о неотвратимости революци-

⁵⁷ Ch. Mullett. Op. cit., p. 25.

⁵⁸ «The Adams Papers». Vol. II, pp. 128—130.

⁵⁹ «American Colonial Documents to 1776», p. 812.

⁶⁰ Ibid., p. 806.

⁶¹ Ibid., pp. 806, 807.

онного разрыва с Англией. 19 апреля 1775 г. произошли сражения под Конкордом и Лексингтоном, в мае собрался второй Континентальный конгресс, принявший решение о создании североамериканской армии во главе с генералом Дж. Вашингтоном. В конце того же года Георг III обвинил колонии в мятеже и заявил о твердом намерении расправиться с мятежниками. Но, как ни странно, в этот период антиколониальная доктрина не получила дальнейшего развития. Причина этого, как представляется, заключалась в том, что возможности эволюции доктрины гомруля были исчерпаны и новым словом в антиколониальной теории могла быть только идея независимости. А выступить с нею открыто не осмеливался пока еще ни один из лидеров левого крыла патриотов. Большинство членов конгресса твердо придерживалось линии на достижение мира с Англией и «восстановление» прав американцев в рамках империи. Лозунгу независимости суждено было прозвучать не из уст давно сложившегося руководства патриотов.

10 января 1776 г. в Филадельфии вышел памфлет, ставший высшим достижением антиколониальной мысли и совершивший, по свидетельствам современников, переворот в умонастроениях американцев. Памфлет назывался «Здравый смысл», а его автором был Т. Пейн, англичанин, просветитель-демократ, отвергнутый своей страной и прибывший в Америку в 1774 г. с рекомендательным письмом Франклина. Пейн внес в платформу патриотов две идеи, способствовавшие преобразованию ее в революционную теорию: доктрину республиканизма и обоснование провозглашения независимого государства. Смелость и новизна мыслей Пейна контрастировали со взглядами даже самых радикальных лидеров патриотов. На этом основании американский буржуазный историк Д. Льюис выдвинул сенсационную версию о том, что в 1776 г. никто из колониальных лидеров, в том числе и Джефферсон, не был способен написать «Декларацию независимости», принятую 4 июля 1776 г., и что ее по тайному поручению Джефферсона написал не кто иной, как Т. Пейн⁶². Эта фантастическая версия не способствовала, конечно, углублению понимания роли Пейна в развитии антиколониальной мысли. Что же касается наиболее маститых буржуазных историков США, то они просто замалчивают значение революционных идей Пейна, этого чужака среди представителей официальной политической родословной Америки, в развитии антиколониальной теории, не желая умалять авторитет «отцов-основателей».

Т. Пейн решительно отверг заблуждения, которые мешали американцам пойти на разрыв уз, связывавших их с Англией. Подвергнув критике «местные и давно устоявшиеся предрассудки» относительно английской конституции, которую даже радикальные идеологи патриотов рассматривали как хартию всех возможных свобод, пытаясь извлечь из нее обоснования для своих притязаний, Пейн показывал, что принципы общественного соглашения и представительного правления, столь почитаемые патриотами, фактически вытравлены из английской конституции и их тщетно искать в ней⁶³.

Острой критике Пейн подверг институт монархии вообще и королевскую власть в Англии в особенности. Разрушение монархической иллюзии — одного из последних оплотов верности североамериканцев империи, было особенно важно. Республиканские идеи до этого не получили развития даже в среде патриотов. Внесение республиканской доктрины в антиколониальную мысль было заслугой Пейна.

Защита республиканской идеи в Северной Америке, где она в

⁶² J. Lewis. Thomas Paine, the Author of Declaration of Independence. N. Y. 1947, p. 85.

⁶³ «The Complete Writings of Thomas Paine». Collected and ed. by Philip S. Foner. Vol. I—II. N. Y. 1945, vol. I, p. 6, 7; Т. Пейн. Избранные сочинения. М. 1959, стр. 23—26.

XVIII в., как и в Англии, рассматривалась в лучшем случае как утопия, была нелегким делом. Т. Пейн использовал для ее обоснования и для критики монархии философские, правовые, библейские (учитывая сугубую религиозность американцев) аргументы и, наконец, доводы, основанные на «здравом смысле», которые легче всего убеждали колонистов, отличавшихся практическим складом ума. Прослеживая родословную «коронованных негодяев» Англии от «французского ублюдка» Вильгельма Завоевателя до «его королевского свинства» Георга III, Пейн показывал, что их так называемые божественные права были самой настоящей узурпацией. Ссылки на «священное писание» должны были убедить американцев, что монархия была противна апостолам христианства. Многие аргументы были почерпнуты из теоретического арсенала европейского Просвещения⁶⁴.

Раскритиковав монархические предрассудки, связывавшие американцев с Англией, Пейн столь же беспощадно расправился и с другими весьма распространенными мифами и домыслами, мешавшими провозглашению независимости. Он высмеял утверждения, что без покровительства Англии экономика Северной Америки зачахнет, что она не способна самостоятельно обеспечить процветание своей торговли и развитие промышленности. Мнению о том, что только военная мощь империи обеспечивает надежную безопасность колоний, Пейн противопоставлял тезис, что при сохранении связей с Англией Северная Америка будет вовлекаться во все ее военные авантюры и не сможет иметь хороших отношений с другими странами Европы. Устаревшим объявлял Пейн убеждение, что Англия является первым отечеством американцев, что они связаны с нею кровными узами. Отечеством американцев, писал он, давно стала вся Европа, английская национальность утратила преобладание над другими в Новом Свете. Сама природа, отделившая океаном Северную Америку от Англии, была против их государственного единства. Наконец, доказывал он, стоит ли оставаться верным стране, которая пришла к американцам с огнем и мечом? Автор «Здравого смысла» первым в Северной Америке обращался к ее жителям с призывом образовать собственное государство и принять «Декларацию независимости»⁶⁵.

С публикацией «Здравого смысла» революционная антиколониальная доктрина вполне оформилась. Принятая 4 июля 1776 г. «Декларация независимости» как бы подвела итоги более чем десятилетнему развитию антиколониальной критики. Основанием прав американцев в «Декларации» объявлялись только законы, данные «природой и богом». Конгресс тем самым освобождал себя от связей и с английской конституцией и с колониальными хартиями. Распространенное в антиколониальной критике «естественное право» на эмиграцию и заключение нового общественного договора было заменено «естественным правом» на уничтожение не отвечающей интересам народа формы власти. Тем самым подводилась естественно-правовая основа под разрыв с английской государственностью и образование нового политического устройства. Целью нового государства объявлялось обеспечение «естественных прав» на «жизнь, свободу, стремление к счастью»⁶⁶. С принятием «Декларации независимости» возникло новое государство, получившее название Соединенные Штаты Америки.

⁶⁴ Ibid. Vol. I, pp. 9, 13—16; Т. Пейн. Избранные сочинения, стр. 26, 29—33.

⁶⁵ «The Complete Writings of Thomas Paine». Vol. I, pp. 17—31, 38, 39; Т. Пейн. Избранные сочинения, стр. 34—48, 53, 56.

⁶⁶ «The Papers of Thomas Jefferson». Vol. I, pp. 429—432.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ XVI—XVIII вв.

М. А. Барз

История социальных революций вообще и история революций XVI—XVIII вв. в частности относится к научным проблемам непреходящего историографического и социологического интереса. Неоценимое познавательное значение периодов социальной революции общепризнано в марксистско-ленинской историографии. На крутом переломе в жизни народов становится особенно далеко и хорошо видно. При столкновении двух последовательных общественных формаций — в данном случае капитализма и феодализма — каждая из них с особой отчетливостью обнаруживает в «зеркале» другой свою специфику и отличительные особенности. Недаром же, например, само понятие *féodalité* (феодализм) складывается только в XVII—XVIII вв., то есть тогда, когда обозначаемый им общественный строй уже переживал глубокий формационный кризис. Социальные революции до предела обнажают классовую структуру общества, выявляют глубоко таившиеся противоречия, срывают все покровы, отбрасывают все условности. «Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества, — подчеркивал В. И. Ленин, — вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, созидаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базисе обновленных производственных отношений»¹. Все это с достаточной полнотой объясняет, почему эта проблематика является ареной острой идеологической борьбы в историографии². Особенности современного революционного процесса привлекли в последние десятилетия внимание историков, социологов, политологов и экономистов к «формам перехода» от феодализма к капитализму в странах Европы, и прежде всего к проблематике ранних буржуазных революций³. Начиная с 50-х годов научные дискуссии в этой области, по сути дела, не прекращаются.

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 23—24.

² Из обширной литературы по этой проблеме назовем лишь несколько работ: А. Н. Чистозвонов. О стадийно-региональном изучении буржуазных революций XVI—XVIII вв в Европе. «Новая и новейшая история», 1973, № 2; J. L. Talmer. The Origins of Totalitarian Democracy N. Y. 1961; H. Arendt. On Revolution. N. Y. 1963; F. Boulding. Revolution and Development. Chicago. 1968; A. Découfle. Sociologie des Révolutions. P. 1968; W. Bühl. Evolution und Revolution. München. 1970; R. Tucker. The Marxian Revolutionary Idea. L. 1970; «Revolution». Ed. by B. Mazlish. N. Y. 1971.

³ «Transition from Feudalism to Capitalism». A Symposium. Ed. by P. Sweezy, M. Dobb et al. N. Y. 1954; P. Geyl. Debates with Historians. Groningen. 1955; «Crisis in Europe 1560—1660». Ed. by E. Aston L. 1965; «Le Colloque sur l'abolition du régime

Уже давно прошла пора, когда западная университетская наука всячески избегала самого термина «революция», когда лишь медленные, «незаметные» преобразования рисовались ей как «торжество мысли и разума». Ныне мы наблюдаем тенденцию прямо противоположную — понятие «революция» стало настолько «общеупотребительным», что по истине трудно назвать историческое явление, которое бы не подводилось под него. Так, мы слышим о «трех промышленных революциях» (XIII, XVI, XVIII—XIX вв.), о «двух финансовых революциях», о коммерческих, транспортных и т. п. «революциях»⁴. В этом ярко выраженном стремлении растворить категорию социальной революции в безбрежном море различного рода частных «революций» нельзя не видеть вполне определенную тенденцию: разорвать всякую связь между этой категорией, с одной стороны, и исторической сменой типов общественной организации — с другой.

Если попытаться в предельно сжатой форме обрисовать ведущую тенденцию современной немарксистской историографии проблемы, то она сводится к следующему: 1) в противовес марксистско-ленинской категории «эпоха буржуазных революций XVI—XVIII вв.», подчеркивающей социально-историческую, стадиальную однородность классовых битв, в нее включаемых, несмотря на их видимую хронологическую разрозненность, буржуазная историография выдвинула на первый план так называемое синхронное рассмотрение революционных кризисов, в котором вместо требования стадиальной однородности «кризисов» выдвигается принцип его «одновременности»⁵. Свое историографическое воплощение этот «принцип» нашел — поскольку это относится к Нидерландской революции XVI в. и Английской революции середины XVII в. — в шумевшей дискуссии о «кризисе XVII в.» и — поскольку это относится к Французской революции конца XVIII в. — в не менее разрекламированной концепции так называемой «Атлантической революции». Например, в первом случае в одном ряду с двумя названными революциями рассматриваются и такие движения, как Фронда во Франции, антикастильское восстание в Каталонии (1640 г.), отложение Португалии от испанской короны (в том же году), городские восстания в Палермо и Неаполе (в 1647 г.) и ряд других «кризисов» — вплоть до Крестьянской войны во главе с Пугачевым⁶. Во втором случае на материале «одновременных» политических кризисов XVIII в. обосновывается концепция особой, «западной» модели демократической революции⁷. Но, разрывая стадиальную связь и историческую преемственность Английской революции, с одной стороны, и Французской революции — с другой, и выдвигая на первый план «синхронные связи» — «XVII век», «XVIII век», — анализируемая историография (независимо от степени осознанности этого факта) смешивает межформационные социальные революции и внутрiformационные — более чем разнородные — «кризисы» и тем самым снимает всю проблему революционной смены исторических эпох, перехода от од-

féodal dans le monde Occidentale». In: «Annales historique de la Révolution Française». Avril—juin 1969; J. Elliot. Revolution and Continuity. «Past and Present», 1969, № 42; W. Markov. Revolutionen beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1969, № 5; «Preconditions of Revolution in Early Modern Europe». Ed. by P. Foster and G. Green. Baltimore. 1970; P. Zagorin. The Court and Country. N. Y. 1970.

⁴ P. Davis. A Commercial Revolution. L. 1967; P. Dickson. The Financial Revolution. L. 1967; B. Dickham. The Transport Revolution. [n. p.] 1967; cp. «Internal War». Ed. by H. Eckstein. N. Y. 1964; A. Stone. The Educational Revolution in England. 1560. «Past and Present», 1966, № 28.

⁵ R. Merriman. Six Contemporary Revolutions. Oxford. 1938.

⁶ «Preconditions of Revolution...».

⁷ J. Godchot. Les Révolutions 1770—1799. «Nouvelle Clío», 1963, № 36; R. Palmer. The Age of Democratic Revolution. N. Y. 1966; P. Amman. The 18 Century Revolution — French or Western? Boston. 1966.

ной общественной формации к другой, отрицает закономерный, всемирно-исторический характер этого перехода.

2) Усматривая основную предпосылку интересующих нас революций не в кризисе способа производства и основанных на нем социально-политических структур, а в «кризисе власти», «кризисе ценностей» и т. п., ориентирующаяся на «синхронию» эта историография полностью отрицает классово определенный характер революционных битв XVI—XVIII веков. При этом безразлично, предлагают ли нам рассматривать общества мануфактурного периода как «одноклассовые» (как это делает П. Лэслетт — в применении к Англии⁸), или усматривают «подлинный раскол» в обществе не между классами, а между «страной», «провинцией» и «королевским двором» (как это делает П. Загорин, характеризуя Английскую революцию⁹), либо, наконец, отрицают самую правомерность оперировать понятием «класс» в применении к характеристике социальной структуры французского общества в канун революции конца XVIII в. (А. Коббэн, Р. Мунье, Р. Кобб и др.¹⁰).

3) При этом «неважно», если достижение подобной цели связано с отказом от целостного рассмотрения буржуазных революций XVI—XVIII вв., с одной стороны, с разрывом связи между предпосылками этих революций, их ходом и результатами, с другой стороны, — с неизбежным извращением самой сути указанных революций. Последнее достигается либо отрицанием исторической необходимости революций как таковых, либо перечеркиванием отдельных этапов данной революции. Там, где марксистская историография видит восходящее развитие буржуазного перервота, «новая школа» усматривает «извращение» изначальных целей революции, ее упадок. Излюбленным приемом этой «школы» также является отрицание связи между выступлениями отдельных классов, прослоек и групп и этапами развития революции, вследствие чего сама расстановка борющихся сил застывает, лишается своей динамики и вся революция сводится к одному-единственному этапу, чаще всего начальному. В итоге отрицается решающая роль народных масс в победе буржуазных революций XVI—XVIII вв.: наоборот, их выступление рассматривается как «конец» демократического развития революции. Пожалуй, самое парадоксальное в выше охарактеризованной тенденции заключается в том, что этот очевидный отказ от принципа целостности в рассмотрении проблемы социальной революции проводится, с одной стороны, под флагом «системного подхода» к ней, который якобы воплощен в «синхронном срезе проблемы», а с другой — под видом соблюдения «историзма», запрещающего-де современному историку пользоваться понятиями (классификационными критериями), которые были неизвестны современникам событий.

Цель настоящей статьи — привлечь внимание к задаче сравнительно-исторического изучения буржуазных революций XVI—XVIII вв.¹¹ и — насколько позволяют рамки статьи — выяснить познавательные возможности такой методики сравнительно-исторического изучения, которая, основываясь на целостном подходе к эпохе интересующих нас революций, вместе с тем позволяет выявить внутреннюю диалектику процесса, переходы и развитие внутри единого. С этой целью мы рассмотрим три во-

⁸ P. L a s l e t t. The World We Have Lost. L. 1971.

⁹ P. Z a g o r i n. Op. cit.

¹⁰ A. C o b b a n. The Vocabulary of Social History. «Political Science Quarterly», Vol. 71, 1956, № 1; R. C o b b. Les armées révolutionnaires. P. 1961; R. M o u s n i e r. Problèmes des méthodes dans l'étude des structures sociales des XVI—XVIII ss. In: «Spiegel der Geschichte...». Münster. 1964.

¹¹ О том, что сравнительно-исторический подход к буржуазным революциям XVI—XVIII вв. выдвинулся на передний край науки не только в буржуазной, но и в марксистской историографии, свидетельствует, в частности, плодотворная работа исследовательского семинара по данной проблеме при Университете Карла Маркса в Лейпциге.

проса: 1) Как соотносятся между собой всемирно-историческая эпоха революций XVI—XVIII вв., с одной стороны, и историческое своеобразие каждой из этих революций — с другой, или — что то же — целостность эпохи и целостность отдельно взятой революции этой эпохи? 2) Что нового таит в себе сравнительно-исторический подход к изучению проблемы раннебуржуазных революций в сопоставлении его с «линейно-хронологическим», «последовательным», обособленным подходом к ней? 3) Что скрывается за стадийным членением каждой из интересующих нас революций с точки зрения сравнительно-исторического их изучения? В качестве конкретно-исторического вопроса, на анализе которого делается попытка раскрыть особенности предлагаемой методики, мы выбрали, пожалуй, центральный по важности вопрос марксистского изучения интересующих нас революций — вопрос о динамике классовых сил в этих революциях¹².

Известно, что одной из важнейших категорий марксистского историзма является категория «эпохи» как выражение общности глубинных закономерностей, раскрывающихся в историческом своеобразии данного периода общественного развития. Применительно к рассматриваемой проблеме указанная категория позволяет объединить революции XVI—XVIII вв., происходившие в рамках и на почве мануфактурного капитализма, в единый социологический тип. В историко-методологическом плане они составляют единую эпоху перехода от феодализма к капитализму¹³. Следовательно, в данном случае нас интересуют три революции, отобранные не по признаку победоносности (в этом случае следовало бы включить в рассмотрение Нидерландскую революцию XVI в.), а единственно по признаку «европейского масштаба» (К. Маркс) событий. Далее, из самой хронологической длительности этой эпохи вытекает необходимость стадийной дифференциации (по основным характеристикам) революций, в нее входящих. Этого требует исторический подход к изучаемым явлениям. Наконец, только марксистское понятие «эпоха» позволяет рассматривать каждую из составляющих ее революций в качестве сложного динамического целого, элементы которого не только связаны и взаимодействуют, но и претерпевают важные изменения в ходе этого взаимодействия. Марксистско-ленинский подход к революциям принципиально исключает их рассмотрение как чего-то от начала и до конца однозначного, готового, данного, где все «отношения», «позиции» и «функции» участников борьбы остаются от начала до конца неизменными¹⁴.

Отсюда проистекает столь характерное для марксистской историографии требование представить генезис и развитие революции в виде процесса углубления и нарастания изначального конфликта классов; развертывания движения этих классов в виде последовательного вовлечения в него отдельных их слоев и групп. Последние и олицетворяют не только меру внутренней неоднородности и пестроты революционных классов той поры, но и различную историческую меру революционности этих классов — в зависимости от того, какой слой данного класса выразил (в данный момент революции) наиболее адекватно его объективно-исторические задачи как целого.

Между внутренней системностью отдельно взятой революции и воплощением — в данной революции — внешней, по отношению к ней, целостностью эпохи (в плане всемирно-исторического развития) существует объективная и строгая взаимозависимость. В той же степени, в какой

¹² В трактовке вопросов, рассматриваемых в статье, автор опирался на работы многих советских историков. К сожалению, библиография этих работ в рамках данной статьи не могла быть сколько-нибудь адекватно отражена.

¹³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 88: «Эпоха буржуазных революций (в историко-методологическом значении этого слова)...». См. Е. М. Жуков. В. И. Ленин и понятие эпохи в мировой истории. «Новая и новейшая история», 1964, № 5, стр. 3—9.

¹⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 311, 314, 315.

эпоха ранних буржуазных революций является целостностью лишь вследствие стадильной дифференциации составляющих ее революций, в такой же мере и каждая из более или менее крупных революций этой эпохи может предстать в своей неповторимой специфике вовсе не в силу изъятия ее из «общего ряда», не в результате ее обособления и «индивидуализирования», а, наоборот, лишь в ее соотносительности с целостностью «эпохи», в меру включенности в нее. «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»¹⁵. Только при соблюдении этого условия выявляется историческое место данной революции в общей цепи революций этого типа и одновременно устанавливается стадильная ступень в продвижении самой «эпохи», ступень, олицетворяемая спецификой данной революции и отражающая стадию генезиса капитализма.

Таким образом, суть принципа целостности всемирно-исторической эпохи в данном случае заключается в том, что он позволяет выявить, открыть объективную диалектику истории, живую связь ее процессов, обычно разрывааемых не только границами государств, но и требованием «одновременности», приводящим к тому, что историю «режут» на «кусочки» любой временной протяженности, длительности. Явления, выступающие как локальная специфика при обособленном, последовательном — одно за другим — изучении каждой из сопоставляемых революций, оказываются в рамках единой эпохи, то есть (при сравнительном их изучении) проявлениями исторических закономерностей эпохи в целом. Иными словами, невозможно представить исторический процесс в его диалектическом движении, не раздвинув рамки наблюдений до хронологических пределов действия одной и той же исторической закономерности, то есть до пределов данной всемирно-исторической эпохи.

Итак, типизация каждой из интересующих нас буржуазных революций будет объективной лишь в том случае, если в основу исследовательской процедуры будет положена категория «эпохи». Но представить данную революцию как стадию «эпохи» — это значит осмыслить ее как развивающуюся систему, то есть как становление и развитие самого типа революции мануфактурного периода, как стадильную «разновидность» в развертывании «эпохи» в целом. В этом и заключается специфика исторического процесса: здесь «разновидности» и «варианты» единого проявляются не только в пространстве, но — что очень важно помнить — и во времени. Но это значит, что в каждом таком случае перед нами «вариант» в других исторических условиях, на другой стадии развития общего.

Так же как эпоха буржуазных революций расчленяется на стадильные ступени, то есть отдельные революции, последние, в свою очередь — и это хорошо известно, — расчленяются на отдельные стадии, фазы. Что менее известно или, во всяком случае, остается в тени в ряде исторических исследований — это то, что в каждой из революций обнаруживаются черты, характерные для предшествовавших революций, олицетворяющие более поздние революции, то есть более развитые, высокие стадии в развитии революций данного типа. Как уже подчеркивалось, для сравнительно-исторического изучения мы избрали три ранних революции «европейского масштаба»: Реформацию и Крестьянскую войну в Германии, Английскую революцию XVII в. и Французскую революцию XVIII века. Известно, что Энгельс охарактеризовал Реформацию и Кре-

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 263—264.

стьянскую войну в Германии как первую из трех решающих битв европейской буржуазии против феодализма¹⁶, и это несмотря на то, что по ряду черт этот кризис как будто еще «вписывался» в картину социальных движений средневековья. Тем самым Ф. Энгельсом была, по сути дела, поставлена общая методологическая проблема — рассмотрение всех трех революций европейского масштаба как единой «эпохи», как процесса поступательного развития буржуазных революций XVI—XVIII вв. (как типа революции мануфактурного периода), их движения от низших и далеко еще не зрелых форм к высшим, классически завершенным формам. Таким же образом представлял эту проблему и К. Маркс, расположивший три победоносные буржуазные революции XVI—XVIII вв. по трем стадияльно восходящим ступеням, то есть по степени их исторической зрелости. «Революция 1789 года,— писал он,— имела своим прообразом... только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию»¹⁷. Другими словами, цикл ранних революций предстает как единый процесс поступательного движения данного типа буржуазной революции, движения эпохи.

Проблему «внутренней стадильности» в развитии каждой отдельно взятой революции поставил В. И. Ленин. Он следующим образом формулировал познавательную задачу: проследить, «...как меняется положение различных слоев... буржуазной демократии по мере того, как идет вперед революция»¹⁸. Это указание содержит методологическую основу для сравнительно-исторического изучения трех указанных революций по интересующему нас вопросу.

В соответствии с изложенной в данной работе методикой исследование упомянутых революций ведется в двух направлениях: во-первых, рассматривая динамику классовых сил в трех великих европейских битвах с феодализмом — в Германии XVI в., в Англии 40-х годов XVII в. и во Франции конца XVIII в.— с точки зрения движения эпохи в целом и, во-вторых, рассматривая эту же динамику сквозь призму истории каждой из указанных революций в отдельности.

Из самого факта почти трехсотлетнего интервала между первым и заключительным актами революций этой эпохи (начало XVI в.— конец XVIII в.) правомерно заключить, что каждая из них олицетворяла определенный исторический тип перехода от феодализма к капитализму. И хотя число этих типов невелико, их достаточно, чтобы в исторически первом и последнем из них усмотреть полярности (противоположения) по многим существенным характеристикам эпохи в целом.

Например, по территориально-политическому признаку буржуазная революция — это «ц[ентрализованный] демократический переворот»¹⁹. Известно, однако, что революционный кризис в Германии начала XVI в. из-за неизжитой — в предшествующий период политической раздробленности страны — больше напоминал разрозненные и локально ограниченные социальные движения средневековья, нежели общенациональные революции нового времени. Французская же революция конца XVIII в. была уже классическим образом общенациональной буржуазной революции. Точно так же, если исходить из исторических задач, которые революция должна была решать в каждой из европейских стран, то задача, стоявшая перед революционным движением в Германии начала XVI в.— политическое объединение страны, создание национального государства,— внешне продолжала борьбу на почве коллизий

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 307.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 114.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 155.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 379.

средневекового общества, то есть, по существу, навязывала буржуазному перевороту политическую задачу, которая в ряде других стран была достигнута еще в рамках феодализма. Французская же революция конца XVIII в. с этой точки зрения целиком принадлежала новому времени, поскольку ее целью было не создание национальной государственности, а овладение ею со стороны буржуазии, то есть конституирование политического господства буржуазии. Наконец, если обратиться к такому общеизвестному признаку раннебуржуазной революции, как гегемония буржуазии²⁰, то и здесь можно обнаружить полярности внутри одной и той же эпохи. Так, в Германии начала XVI в. на место класса буржуазии можно поставить лишь элементы таковой, в основном, разумеется, бюргерство, отнюдь еще не созревшее для того, чтобы, по выражению Маркса, променять «свое средневековое местное самоуправление на всеобщее господство буржуазии и публичную власть гражданского общества»²¹, а потому неспособное возглавить антифеодалную революцию. Во Франции же в конце XVIII в. буржуазия в ее верхних слоях была уже политически не только созревшей как класс, но и явно «перезревшей» для роли гегемона победоносного демократического переворота. Между этими противоположностями (начала и конца эпохи) Английская революция занимала со всех точек зрения среднее положение: ее буржуазия, хотя и делила гегемонию в революции с экономически близким ей «новым дворянством», сумела — как класс — от начала и до конца революции удержать гегемонию в своих руках, вопреки попыткам низов возглавить революцию на ее решающем этапе.

Подобным же образом стадийные типы революций данной эпохи могут быть выделены и по ряду других признаков. Трудность этой задачи вырисовалась сполна в известной дискуссии по вопросу о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии²². Но тем самым было лишний раз продемонстрировано, что суть исторической «индивидуализации» предмета исследования заключается вовсе не в том, чтобы соотнести локальное с неким «идеально-типическим» представлением о данном явлении, с «эталоном», а в том, чтобы найти ему место в пределах реальной всемирно-исторической эпохи, к которой он принадлежит. Итак, сравнительно-историческое исследование позволяет воссоздать стадийно-дифференцированную картину ранних буржуазных революций. Поскольку очевидно, что «стадийно первая» революция (в Германии XVI в.), как и революция «стадийно заключительная» (во Франции конца XVIII в.), «еще» и «уже» не полностью укладываются в рамки изучаемой нами эпохи, постольку остается заключить, что обе они в определенных отношениях «выводят» исследователя за эти рамки и притом в противоположно направленные эпохи: в одном случае — от буржуазной революции к социальным движениям средневековья, в другом — от буржуазной революции к революции против буржуазности. Только благодаря наличию переходных черт в этих «стадийно-предельных» революциях каждая из сравниваемых революций может быть осмыслена не только как разрыв между двумя всемирно-историческими эпохами, но и как переход от одной к другой, как фактор, осуществляющий «преемственную» связь в истории борьбы классов различных эпох.

Далее, очевидно, указанная выше дифференциация буржуазных революций XVI—XVIII вв. несовместима с забвением той истины, что

²⁰ «Главным классом,— писал В. И. Ленин,— который тогда... шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 144).

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 432. «В Германии о буржуазии можно говорить лишь с начала XIX века» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 48).

²² См. дискуссию о характере Крестьянской войны и Реформации в Германии. «Вопросы истории» 1956, № 12; 1957, №№ 6, 8; 1958, №№ 3, 4.

каждому стадияльному типу этих революций в рамках данной эпохи характерны свои существенные особенности: своя степень размаха и глубины преобразований, своя особая мера массовости, сознательности, героизма, самоотверженности революционных масс, восставших против феодализма классов и слоев, своя мера завершенности. Вместе с тем если при сравнении с революциями более высокого стадияльного типа все эти определения обнаруживают свою относительность, то это не значит, что, взятые сами по себе, в рамках своей стадии, они не были абсолютно значимыми вершинами исторической возможности.

Наконец, и это может быть наиболее важно, стадияльная дифференциация революций изучаемой эпохи открывает новые перспективы для подлинной индивидуализации каждой из составляющих ее революций. Если исходить из понятия «эпоха», то в каждой из революций, ее составляющих, отдельные этапы предстанут совершенно новыми гранями. Так, например, начальная стадия такой революции многими своими чертами оказывается «переживанием», резюме средневековой борьбы классов в данной стране, а последняя стадия в развитии демократического переворота предстает в известном смысле прологом ее новой истории, то есть борьбы классов в рамках буржуазного общества. Иными словами, в развитии отдельно взятой революции как бы заключена в сжатом виде история всей эпохи буржуазных революций, и, наоборот, отдельные стадии в развитии эпохи предстанут абстрактным выражением сути отдельной фазы в развитии данной революции. К сожалению, познавательные возможности этой диалектики «внешнего» и «внутреннего» в развитии интересующих нас революций при обособленном подходе к каждой из них недостаточно используются в конкретно-исторических исследованиях.

В свете только что сказанного можно сформулировать в качестве одной из первых следующую историографическую задачу: по возможности детальнее изучить конкретно-историческое проявление принципиального различия — в ходе буржуазных революций XVI—XVIII вв. — между элементами продолжения классовой борьбы, характерной для феодализма, то есть происходившей задолго до революции на почве противоречий собственно феодального способа производства (что имеет место на первой стадии этих революций), и борьбы против феодализма в условиях возникновения в его лоне капиталистического уклада и, следовательно, буржуазии как класса, борьбы, развертывающейся на почве капиталистических отношений (на решающей фазе революции). Историзм в данной области и заключается, например, в том, чтобы не подменять вопрос об отрицании крестьянством феодализма как способа эксплуатации в ту пору, когда условия для реализации этого отрицания еще не созрели, вопросом об условиях, делающих это отрицание объективно осуществимой, практически достижимой целью борьбы. Иными словами, на уровне конкретно-исторического анализа антифеодальные устремления революционных классов в ходе буржуазной революции должны различаться не только по своей конечной цели, но и по своей исходной исторической форме, мы бы сказали, по своему генезису. Неправомерно рассматривать указанные цели как готовые, их следует анализировать в процессе становления. Только в этом случае вырисуется вся сложность процесса «совмещения» и «обобщения» этих целей в ходе революции.

Понятие «общенациональная революция», писал Ленин, означает не только то, что для ее победы «необходимо объединение... громадного большинства населения». Оно должно также «указывать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов *различных* классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах»²³. При анализе характера раннебуржуазной революции необходимо строго различать то, что буржуазная революция раз-

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 276.

рушала, и то, что она не только в потенции, в грядущем, но и в данный момент утверждала. Точно так же, как не все отношения, разрушавшиеся буржуазной революцией, являлись феодальными (например, общинная собственность, общинная организация), точно так же не все отношения, ею утверждавшиеся, были «однотипно» буржуазными. Другими словами, речь идет о том, чтобы объективно-исторически различать буржуазные отношения, олицетворявшиеся капиталистическим предпринимательством в городе и деревне, от буржуазности парцеллярного крестьянина или мелкого ремесленника. Что же касается субъективно-исторических устремлений этих классов и слоев, то известно, что глубина различий между ними была огромной. Все это должно предостеречь нас от тенденции упрощать содержание противоречий, проявившихся в лагере восставших в ходе изучаемых буржуазных революций. Из этого легко заключить, что сложность конфликтов, порождающих буржуазную революцию, отражает не только межклассовые, но и внутрисловные и внутриклассовые противоречия. Не удивительно, что каждый класс (крестьянство, буржуазия), в начале борьбы выступающий как нечто внутренне не расчлененное, раскрывается в ходе революции как сложная, внутренне противоречивая совокупность, социальная общность. Прежде всего это относится к буржуазии, однако не только к ней, но и к крестьянству и к городским низам. В самом деле, если крестьянство рассматривать как класс феодального общества, то наиболее значимыми окажутся различия правового характера: деление на пожизненных и наследственных держателей, держателей свободных и лично-зависимых, срочных мелких арендаторов и держателей на обычном праве и т. д. Если тот же класс рассматривать в связи с формированием капиталистического способа производства, то наиболее значимыми окажутся не правовые, а социально-имущественные различия: сельская буржуазия, среднее, трудовое крестьянство, малоземельные и безземельные слои, сельский плебс. Еще более сложной предстает структура буржуазии. Исторически это класс несравнимо более молодой в сопоставлении с крестьянством, класс, процесс формирования которого к началу революций далеко еще не завершился. Не удивительно, что обычное деление этого класса по «имущественному» признаку: крупная, средняя, мелкая буржуазия, — не передает всей сложности его структуры. Если рассматривать этот класс генетически, то есть с точки зрения тех слоев, из которых он формируется на завершающем этапе феодализма, то в нем обнаружатся: предприниматели — владельцы различного рода мануфактур (то есть буржуазия в собственном, ближайшем смысле слова), цеховая буржуазия, торгово-ростовщическая буржуазия, в том числе придворные и муниципальные слои, буржуа-откупщики, владельцы рент, должностей, обладатели монополий, одворянившаяся буржуазия и т. д.²⁴

При этом речь идет не об анахронизме, не о явлениях «остаточных», а о жизненно важных интересах, во многом определявших расстановку борющихся сил на различных этапах революции. Очевидно, что учет этой сложности внутрикласовых структур в марксистской методологии²⁵ принципиально отличается от ее «учета» в трудах «новой школы» западной историографии, ибо в первом случае за основу берется противоречие на базе способа производства, олицетворяющее антагонизм классов, конституирующих общество (как отрицаемой формации, так и формации, идущей ей на смену), во втором же — класс умышленно или неосознанно растворяется в «слоях», природа которых «выясняется» не в связи со

²⁴ В действительности градуированность ее еще сложнее. Следует учесть роль в ней так называемых свободных профессий, интеллигенции и ряда других прослоек.

²⁵ Как известно, над «растворением» «экономических классов» в сословных прослойках наиболее неумолимо трудятся такие историки, как Коббэн, и ряд других (см. A. Cobban. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge. 1957).

способом производства, а в полном отвлечении от него, на базе противоречий — внутрисловных, политических, религиозных и т. д.

Даже из вышеизложенной крайне упрощенной внутренней структуры революционных классов изучаемой эпохи видно, что развитие этих революций не могло быть прямолинейным, а представляло собой процесс, полный крутых поворотов, подъемов и спадов, приливов и отливов. Из этого следует, что наиболее адекватно объективный интерес того или иного класса — как целого — на разных этапах революции могли выражать различные его слои²⁶. Только учитывая это положение, можно понять классовую суть борьбы. При этом, разумеется, нельзя смешивать объективные классовые интересы и субъективные иллюзии этих интересов, а равно историческую роль тех и других. В этой передвижке «слоев», олицетворяющих интерес класса в целом на авансцене революции, и заключается суть развития революции, а одновременно и изменение роли в ней того или иного класса. Эта внутренняя динамика классов и создает в конечном счете объективную последовательность революционных событий, а вместе с тем и основание для типизации революций XVI—XVIII веков.

Из того обстоятельства, что интересующая нас «эпоха буржуазных революций» была «переходной», то есть по необходимости «состояла» из столкновений двух общественно-экономических формаций, следует, что историографию этих революций постоянно подстерегает опасность, заключающаяся в субъективной возможности историка «читать» соответствующие события преимущественно сквозь призму одной из эпох: либо «уходящей», изжившей себя (в результате все события архаизируются), либо грядущей, но еще не «ставшей» (в этом случае все явления «модернизируются»), фактически же в истории революции преломляется антагонистическое взаимодействие обеих эпох.

Именно это взаимодействие и составляет стержень истории буржуазных революций XVI—XVIII веков. Для того, чтобы сохранить эту объективную сложность событий, необходимо учитывать: 1) что история каждой революции на всех ее этапах как бы включает выше охарактеризованную проекцию трех времен: «прошлого», «настоящего» и «будущего» (тем не менее каждому этапу революции свойственна преобладающая роль одного из этих аналитических «планов»); 2) что класс буржуазии вступает на авансцену как бы «послойно», последовательно, один слой за другим; 3) что революционные потенции всех революционных классов в ходе революции изменяются, однако течение этого процесса для различных классов различно. Так, по мере развертывания революции происходит постепенное отпадение от нее верхних слоев буржуа и перемещение деятельно выраженного буржуазного интереса в революции ко все более нижестоящим ее слоям, то есть революционность буржуазии как класса возрастает по мере отеснения с авансцены революции верхов и замены их нижележащими слоями (наоборот, революционные потенции народных низов возрастают по мере вовлечения в революцию все более широких их слоев); 4) что общий антагонизм по отношению к феодально-абсолютистскому режиму совмещается в лагере революции с внутренней борьбой за различные — исторически возможные — пути его разрешения, за конкретный тип буржуазного развития.

Попытаемся теперь, следуя логике указанных выше требований, выяснить, каковы задачи и перспективы дальнейшего конкретно-исторического изучения буржуазных революций XVI—XVIII веков. Первая из указанных трех временных проекций — «план прошлого», отчетливо прослеживающийся в начальный период каждой революции. Он олицетворяет те ее черты, которые представляли продолжение, «пережива-

²⁶ «Революционная демократия — собрание разнороднейших (по своему классовому положению и интересам, что совсем не одно и то же!) элементов. Расслоение их... неизбежно» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 246).

ние» прошлого, классовую борьбу, характерную для феодального общества. Указанный «план» предполагает, что историку необходимо выяснить, во-первых, какие черты в структуре и позиции революционных классов, в коллективном поведении этих сил (психологии), в так или иначе сформулированных ими программах (в их идеологии) являлись продолжением характерных для феодализма форм антагонизма этих сил, во-вторых, как «выглядело» в этом «плане» то социальное зло, с которым боролись силы революции, каковы были их революционные возможности в борьбе с ним, как в этом «плане» относились друг к другу силы революции? Иными словами, нужно отделить в «поведении классов» — в особенности на первом этапе революции — черты, восходившие к традиционным средневековым формам в сознании и поведении. Без этого условия трудно понять специфику всего начального этапа этих революций.

Попробуем проиллюстрировать суть данной задачи. Известно, что одна из черт буржуазных революций XVI—XVIII вв. заключалась в том, что они являлись одновременно и крестьянскими революциями²⁷, то есть революциями, выраставшими из основного антагонизма на почве феодализма, хотя, как известно, в тех условиях они могли стать исторической реальностью только в связи с общенациональным политическим кризисом, вызревающим на почве капиталистического развития страны. Тем не менее суть крестьянской борьбы против средневековья нельзя механически сводить к требованиям буржуазии. Если истинно, что «антагонизм крестьянина и помещика... самый глубокий и типичный для буржуазной революции антагонизм»²⁸, то не менее очевидно и то, что этот антагонизм намного древнее буржуазии как класса и только объективно-исторически с ней связан. Иными словами, очевидно, что самую глубокую подпочву буржуазных революций XVI—XVIII вв. можно вскрыть только при условии рассмотрения ее предпосылок в «плане прошлого». Он позволит установить их генезис в вековой антифеодальной борьбе крестьянства за свободный труд на свободной от помещичьей власти земле. Точно так же только в «плане прошлого» крестьянство в революциях XVI—XVIII вв. выступает с единой программой аграрного переворота. Наконец, в том же «плане» буржуазия, наоборот, предстает еще по преимуществу как бюргерство с характерными для средневековых бюргеров социально-имущественными градациями и всеми вытекающими из них особенностями политического сознания и социального поведения. Слой крупной буржуазии того времени оказывается лишь слегка трансформированным городским патрициатом. Слой средней и мелкой буржуазии многими чертами своего социального поведения в указанном «плане» обнаруживает генетическую близость к бюргерской оппозиции в средневековых городах²⁹.

Немалый интерес представляет в том же «плане» и рассмотрение положения и поведения плебса. С учетом только что сказанного легко объяснить всю зыбкость и проблематичность «союза буржуазии и крестьянства» на первом этапе революции, когда «план прошлого» сильнее всего выражен. Вспомним, что на такой союз средневековое бюргерство вообще не было способно.

Как и следовало ожидать, наиболее наглядно «план прошлого» раннебуржуазной революции прослеживается в событиях Реформации и Крестьянской войны в Германии начала XVI века. Будет даже точнее утверждать, что, поскольку развитие революционных событий здесь бы-

²⁷ В этом и заключается одна из непреходящих черт буржуазных революций XVI—XVIII вв. в отличие от непосредственно следующих за ними буржуазных революций 1830, 1848 годов.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 21.

²⁹ О бюргерской оппозиции см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 352—353. Энгельс прямо называет бюргерскую оппозицию предшественницей «наших нынешних либералов» (см. там же, стр. 353).

ло прервано в самом начале, они вообще представлены главным образом интересующим нас «планом». Не удивительно, что в Германии в начале XVI в. отсутствовал «тот раскол всей нации на два больших лагеря, который имел место в начале первой революции во Франции». Вместо этого мы наблюдаем региональную раздробленность и в большинстве районов нечто подобное средневековым социальным движениям — «хаотическую массу» с весьма разнообразными перекрещивающимися устремлениями, сложный переплет интересов и взглядов, бросающихся в глаза, одновременность и разрозненность региональных выступлений революционных сил³⁰. Примечательно, что некоторые черты, характерные для революционного кризиса в Германии, проявлялись и во всех последующих революциях этой эпохи, однако главным образом на их начальной стадии.

«Капитализм,— подчеркивал Ленин,— не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач...»³¹. Еще с большим основанием это положение применимо к феодализму. Крестьянство, хотя и озлоблено страшным гнетом, трудно поднимается на восстание. Его разобщенность затрудняет достижение общей согласованности действий. Его мышлению, ограниченному провинциальной узостью, совершенно неясны политические аспекты борьбы. Его программа столь же реалистична, сколь и утопична по способу ее достижения. Знаменитые «12 статей» ярко свидетельствуют о том, насколько тесно революционные мотивы в программе переплетались с соглашательством, элементы разрыва — со средневековыми предрассудками, слабостями, ошибками, а то и вовсе «реакционными фантазиями», столь характерными для средневекового крестьянства.

Однако и поведение бюргерства в Германии в XVI в. может служить плодотворной «моделью» при изучении «плана прошлого» в поведении буржуазии эпохи революций XVI—XVIII веков. Наиболее характерной чертой в «социальном поведении» немецкого бюргерства, рассматриваемого в целом в событиях XVI в., являлось, как известно, абсолютное преобладание корпоративных интересов, сословного сознания над классовыми интересами и публичным сознанием (о чем свидетельствовало стремление использовать силу восставших крестьян исключительно в своих интересах, ничего не дав им взамен)³². Этим была обусловлена такая черта в поведении бюргерства, как полное непонимание исторической роли крестьянского движения в деле достижения общенациональных (то есть прежде всего бюргерских) задач революции, очевидное пренебрежение интересами крестьянства, равнодушие к нему — «...крестьянские требования были сведены к проекту «имперской реформы»³³.

Не менее характерной чертой в социальной позиции бюргерства явилась его глубокая внутренняя политическая и социальная неоднородность, неустойчивость, его склонность к соглашениям с врагом, его, мы бы сказали, связанность по отношению к врагу. Узость кругозора и провинциальная ограниченность интересов неизбежно подчиняли бюргерство во всех его действиях интересам того же княжеского мелкодержавия, против которого была направлена борьба. Одним словом, в той мере, в какой бюргерская оппозиция была обособлена и противостояла крестья-

³⁰ Там же, стр. 357—359. «В двух первых лагерях (католическом, или реакционном, лютеровском, или бюргерско-реформаторском.— М. Б.),— отмечает Энгельс,— мы... находим одни и те же элементы» (там же, стр. 359).

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 56.

³² С этой точки зрения «Гейльброннская программа» столь же мало отражала уровень этого сознания, как и «Статейное письмо» — уровень классового сознания массы восставших крестьян. Она, по выражению Энгельса, являлась лишь предчувствием «современного буржуазного общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 413).

³³ Там же, стр. 414.

янству, она была реакционна. Та исторически неожиданная — для столь незрелых условий — громадная роль, которая выпала в самом начале событий на долю революционной партии Мюнцера в Крестьянской войне, была полностью обусловлена политическим уровнем бюргерской оппозиции и вытекала из незрелости и неспособности последней сыграть роль буржуазии в событиях ранней буржуазной революции³⁴.

Итак, первое великое восстание буржуазии против феодализма в его определяющих чертах правомерно рассматривать в качестве исторической модели той плоскости буржуазных революций XVI—XVIII вв., которая может быть охарактеризована как завершение истории борьбы классов в рамках и на почве феодального общества. Итак, в аналитическом отношении, в качестве аналитической категории «план прошлого» буржуазной революции в абстрактной форме отражал те особенности социальной природы каждой из сил революции, которые тормозили их способность к объединению, к общенациональному выступлению в начальной фазе каждой из буржуазных революций.

Как уже отмечалось, «план прошлого» присущ всем революциям изучаемой эпохи. Наиболее отчетливо он прослеживается на первом, «конституционном» этапе этих революций, хотя отдельные черты этого «плана» проявляются и в дальнейшем в поведении различных классов и слоев, составляющих лагерь революции, практически на всем ее протяжении. Да иначе и быть не могло: каждый из этих классов приходит к революции со своим специфическим историческим опытом, грузом убеждений и предубеждений, сложившихся в рамках средневековья, и более или менее длительное время ведет борьбу против абсолютизма и крепостничества в формах, обычных для его средневекового существования.

Так, в «плане прошлого» гегемонию в лагере революции осуществляет крупная, по преимуществу торгово-ростовщическая буржуазия. Именно она является преемницей той городской олигархии, которая дольше всего держалась за монополии и привилегии «корпораций» и поэтому труднее всего рвала со старым режимом, служившим источником и гарантом этих привилегий. Она ведет «битву» с абсолютизмом внутри традиционных сословных учреждений (штатов, парламентов), но цели ее настолько социально ограничены, что, например, в Англии XVII в. (как и во Франции XVIII в.) они были совместимы с сохранением не только монархии, но в значительной мере и власти феодальной аристократии. Отношение этого слоя буржуазии к народным массам даже в деталях воспроизводит отношение бюргерской олигархии к народным движениям средневековья; она не прочь ими воспользоваться, когда это ей выгодно, но при первых же признаках самостоятельности низов немедленно отрекается и предает их. С другой стороны, народные низы на этом этапе революции ведут себя так же, как и задолго до буржуазной революции, — как «инстинктивные» революционеры. Их движение, стихийное, разрозненное по месту и во времени, развивается параллельно с движением «буржуазной оппозиции», не сливаясь с ним, а как бы подпирая и дополняя его своими «делами» и нередко перехлестывая ее цели, поставленные ею пределы. Проблемы, волнующие низы, не общенациональные, а по преимуществу локальные, враг олицетворяется не классом, а тем или иным местным «тираном». Поэтому буржуазные революции XVI—XVIII вв., рассматриваемые в плане завершения классовой борьбы феодальной эпохи, предстают как движения крайне разнородные и по источникам антагонизма и по формам его осознания и борьбы. Самое главное в этом «плане»: обособленность, одновременность выступлений буржуазии и крестьянства, разнохарактерность источников восстания и целей борьбы.

³⁴ См. М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М. 1955.

Рассмотрим теперь эти буржуазные революции в «плане настоящего». Этот «план» в отличие от предшествующего определяется теми чертами в динамике классовых сил, которые хотя и рождаются в рамках феодализма, но объективно-исторически уже исходят из капиталистического способа производства. Буржуазия в этом «плане» — прежде всего носитель нового способа производства, крестьянство же выступает как класс мелких товаропроизводителей. В самом деле, констатация того факта, что данная революция есть революция буржуазная, означает, как отмечал Ленин, «...что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства, и что результатом переворота неизбежно является дальнейшее развитие именно этих отношений производства»³⁵. Следует учитывать, что капиталистические общественные отношения в «плане настоящего» выступают не сами по себе, не обособленно, а только в той связи, в какой они предстают по отношению к отрицаемому ими феодальному строю. Очевидно, что с данной точки зрения в «игру сил» вступает принципиально новый, более высокий тип антагонизма — антагонизм двух способов производства: феодального и капиталистического, выдвинувшего на первый план политической борьбы носителя этого антагонизма — класс буржуазии. Этим в конечном счете объясняется, почему буржуазии, а не крестьянству было дано выразить существо этой социальной революции на языке, ей соответствующем, — на языке политики. Ненависть крестьянства к дворянству олицетворяла прежде всего огромную разрушительную силу, саму потенцию социального переворота, ниспровержения существующего строя; буржуазия же воплощала в себе историческое разрешение этого антагонизма, его объективное содержание, и поскольку антагонизм «на почве капиталистических отношений» исторически как бы суммировал конечный результат разрешения антагонизма крестьянско-феодального, то устремления буржуазии неизбежно становились в ходе революции мерилем всех вещей, обобщением всех тогдашних форм классового антагонизма вообще, основанием для определения их реальной, объективно-исторической сущности. Благодаря тому, что в буржуазных революциях XVI—XVIII вв. антагонизм между феодальным и капиталистическим способами производства преломлял в себе все противоречия, стремления и интересы, буржуазия — носитель этого антагонизма — обобщала в своей политической идеологии — в интересующем нас «плане» революции — перекрещивающиеся интересы всех сил революции. Разумеется, буржуазные интересы могли быть представлены ею как «национальные интересы» и ее историческое дело — «делом общенародным» только в той мере, в какой угнетенное состояние буржуазии могло выразить угнетенное состояние всего народа. И хотя между двумя основными носителями указанных выше двух типов антагонизма — крестьянством и либеральной буржуазией — проходила принципиальная историческая и социальная грань, определявшаяся различием между положением основного эксплуатируемого класса феодального общества, в одном случае, и положением класса, по своей социальной природе эксплуататорского, хотя и не господствующего по своему сословно-политическому положению — в другом, грань эта все еще оставалась в тени, по крайней мере на восходящей линии развития революции.

Этой роли либеральной буржуазии немало содействовали особенности феодального господства в позднее средневековье с характерной для него гипертрофией государственности в системе феодальной эксплуатации (перенос центра тяжести с сеньориальных форм ренты на централизованные ее формы). Орудия и формы угнетения казались общими.

В интересующем нас «плане» революции сословная угнетенность буржуазии, трансформированная в любую из форм политической идеоло-

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 204—205.

ги — религиозную или рациональную, — превращалась в просвещающую и мобилизующую силу революции.

Наконец, только в «плане настоящего» можно различить в «социальном поведении» буржуазии черты, казалось бы, максимально возможной для нее исторической раскованности, проявившейся в ее политических требованиях, призывах, декларациях, образно выражаясь, в моменты максимального отвлечения ее «от самой себя», от своей собственной природы, от своего грядущего врага. И если этой «раскованности» хватило буржуазии не до конца, если «потолок» отвлечения ее от самой себя как класса оказался в общем крайне низким, то в этом повинна ее социальная, собственническая природа. На то она и есть буржуазия!

Не учитывая, насколько интенсивно преодолевала буржуазия (разумеется, в отдельные периоды развития революции) свою унаследованную бюргерскую ограниченность, с одной стороны, и свою ограниченность классовую в качестве носителя нового способа эксплуатации — с другой, нельзя понять содержания гегемонии этого класса в революции против феодализма и абсолютизма.

Наиболее ярким историческим воплощением «плана настоящего» явилась Английская революция середины XVII века. С точки зрения роли в ней буржуазии как класса она в такой же мере заслуживает названия классической, в какой революция Французская конца XVIII в. заслуживает этого определения с точки зрения роли в ней народных низов, как в раннебуржуазной революции³⁶. На примере первой из них легко прослеживается поведение буржуазии на различных этапах революции. Поскольку английские буржуазии намного опередила в своем политическом развитии все другие классы и слои «угнетенного народа Англии», поскольку ее деятельность в сословно-представительных учреждениях (а эти учреждения функционировали и при абсолютизме) и политический опыт превосходили все, чего на этом поприще достигла буржуазия других стран Западной Европы, и поскольку ее классовый антипод — предпролетариат — олицетворялся еще главным образом «рабочим на дому», усматривавшим своего врага скорее в соседнем лорде манора, нежели во владельце раздаточной конторы, то именно она, то есть буржуазия как класс, получила в тот момент наибольшую свободу «самовыражения». Как и следовало ожидать, последнее оказалось саморазоблачением. Итак, перед нами образец исторического поведения буржуазии в ходе буржуазного переворота, в условиях, обеспечивавших наиболее чистое проявление социальной природы этого класса. В условиях, когда она не вынуждена на «левоблокизм» военной интервенцией, когда она в крестьянстве «как союзнике» не очень нуждается (ввиду наличия более «респектабельного» союзника в лице «нового дворянства»), оказалось, что в этих условиях нет и в помине «союза с крестьянством». Английская буржуазия смело шла на восстание, увлекая за собой народные массы, но при этом обнаружила такую степень «трезвости» и «практицизма» в формулировке буржуазно-дворянской программы революции — знаменитой «Великой ремонстрации», — которая может быть объяснена только «полной свободой рук», созданной мерой ее политического перевеса над шедшими за ней массами. Итак, тезис о «союзе буржуазии с крестьянством» не выражает универсальный закон раннебуржуазных революций. В старом здании абсолютизма буржуазия — если ее интересы

³⁶ То обстоятельство, что буржуазия выступала в Англии в союзе с «новым дворянством», несколько не затрагивало ни капиталистического характера способа производства, утверждавшегося в битве с абсолютизмом, ни природы буржуазной гегемонии в Английской революции. «Новое дворянство» лишь с сословной точки зрения являлось дворянством, с точки зрения социально-экономической оно являлось лишь разновидностью той же буржуазии. Более того, отношение английской буржуазии к «новому дворянству» только свидетельствует о том, с кем буржуазия предпочитает быть в союзе в ходе революции.

как класса представляли «средние слои» — пробивала только те бреши, которые требовались для свободной циркуляции капитала. Такой смысл имели не только требования уничтожения «монополии», но и прекращения борьбы с огораживаниями общинных полей — этим величайшим из бедствий народа. Из 200 с лишним параграфов «Ремонстрации» мы не найдем ни одного, в котором отразились бы специфические нужды народных низов Англии. Иными словами, классическая форма «гегемонии буржуазии» ни в малейшей степени не включала «заботу» об интересах своих союзников слева, и прежде всего крестьянства. Нет сомнений, в гегемонии буржуазии как класса объективно-исторически «заложено» использование силы крестьянства, но в ней и в помине нет аграрного переворота в пользу крестьянства, нет союза с крестьянством. Если союз с крестьянством реализуется во имя самого крестьянства, то есть как аграрный переворот в пользу крестьянства, что случилось только во Французской революции, то даже в этом случае указанный союз — дело рук мелкой буржуазии³⁷. В Англии до гегемонии этого слоя, как известно, дело не дошло. Но почему же крестьянство все же следовало за классами-союзниками? Начать с того, что лозунги последних были достаточно широки для привлечения на свою сторону массы мелких товаропроизводителей (прежде всего фригольдеров), мечтавших о защите своих владельческих прав на земельный надел от власти лендлордов. Еще большие возможности для подчинения широких масс влиянию буржуазии открывали ее политическая и религиозная программы, сводившиеся к требованию учреждения конституционной монархии и реформированной веры (пуританизм).

В результате самой отличительной чертой Английской революции оказалась способность классов-союзников (средней предпринимательской буржуазии и «нового дворянства») сохранить за собой гегемонию от начала до конца движения, благодаря чему демократический переворот остался незавершенным. Английская буржуазия была уже задолго до революции «территориализована», то есть связала себя с крупным дворянского типа землевладением в качестве либо владельцев крупных поместий, либо крупных арендаторов дворянских доменов. Это обстоятельство превращало ее в союзника лендлордов. Иными словами, Английская революция оказалась «в плену» у тех слоев буржуазии, которые были враждебны устремлениям крестьянства. Этой особенности в расстановке классовых сил революция середины XVII в. была обязана обнаружившимся на ее высшем этапе (1649 г.) противоречиям между значительным ее политическим радикализмом (проявившимся в казни Карла I Стюарта, объявлении Англии республикой, уничтожении палаты лордов) и поразительным социальным консерватизмом³⁸. В этом сказался в значительной мере результат политической незрелости и слабости мелкой буржуазии. Между тем только последняя способна была в тех условиях на подлинный союз с крестьянством.

Французская революция конца XVIII в., рассматриваемая в том же «плане настоящего», раскрывает ряд новых черт в динамике классовых сил буржуазных революций исследуемой эпохи. По сравнению с ее историческим прообразом — Английской революцией — она представляет единственный вариант, в котором осуществлялся союз гегемона революции — буржуазии и восставшего против феодализма крестьянства: Этот союз был реализован благодаря последовательному отстранению от гегемонии крупной и средней буржуазии³⁹.

Более высокий уровень развития капитализма обусловил здесь более глубокую эшелонированность и дифференцированность политиче-

³⁷ См. А. В. Ад о. Крестьянские движения во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. М. 1971.

³⁸ См. М. А. Барг. Народные низы в Английской революции. М. 1967, гл. II.

³⁹ См. А. В. Ад о. Указ. соч., стр. 319 сл.

ских течений внутри самой буржуазии, гораздо большую политическую самостоятельность городских низов и более широкую возможность реализации тактики «левоблокизма» в борьбе за продвижение революции по восходящей линии.

Вот почему именно на примере Французской буржуазной революции очевиднее всего, насколько неправомерно оперировать категорией «буржуазия» безотносительно к степени революционности отдельных ее слоев, то есть безотносительно к тому, какой из этих слоев наиболее адекватно олицетворял на данном этапе революции «интерес» буржуазии как класса. По существу, перед нами различные уровни, разные типы революционности, равно как и гегемонии в рамках одного и того же класса⁴⁰.

В итоге «план настоящего» в этой революции вырисовывается как неизмеримо более завершенный, «очищенный» вариант Английской революции середины XVII века. Французская революция в сравнении с Английской намного динамичнее, борьба на всех ее этапах последовательнее и радикальнее, а главное — социальные противоречия в лагере революции намного резче выражены.

Итак, в «плане настоящего» Французская революция конца XVIII в. обнаружила такую меру зрелости народных низов, которая позволила «плебейской» массе мелкой буржуазии на время захватить гегемонию в буржуазном перевороте. Не удивительно, что именно эта революция дала «наиболее демократическое решение вопросов перехода от феодализма к капитализму»⁴¹. С этой точки зрения Французская революция конца XVIII в. в такой же мере является для всей эпохи изучаемых революций образцом самого широкого и самого глубокого демократического движения масс, в какой Английская революция середины XVII в. — образцом слабости и незрелости этого движения. И хотя еще предстоит выяснить, в какой мере это фундаментальное различие связано с различиями во внешнеполитической и военной обстановке, в которой протекали указанные революции, и в какой степени в нем запечатлелись объективно-исторические стадийные различия этих революций, сам факт разителен и сомнению не подлежит. Он заключается в том, что в различных странах объективные интересы буржуазного переворота в «плане настоящего» представляли различные слои буржуазии, отличавшейся разной степенью прогрессивности и революционности. Чтобы воочию убедиться в том, что каждый революционный класс в ту пору знал свою «гору» и свою «жиронду», надо прежде всего обратиться к поведению буржуазии в «плане настоящего» революции.

Что же касается крестьянства, то оно в этом плане выступает как более дифференцированное по своей структуре. По сравнению с «планом прошлого» на его поведении начинают сказываться имущественные и правовые различия между отдельными его прослойками. Подчинение крестьянского движения гегемонии буржуазии не проходит бесследно для позитивного содержания традиционной антифеодальной революционности этого класса. Лишь в «плане настоящего» крестьянская антифеодальная революция «сливается» с революцией буржуазной и притом не только по времени, но и по объективно-исторической сути.

Однако перевод традиционной антифеодальной крестьянской революционности в конечном счете на почву капиталистического способа производства не означал уничтожения граней между двумя типами рево-

⁴⁰ A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. P. 1958; cp. G. Rudé. The Grouds in the French Revolution. L. 1962; W. Markov und A. Soboul 1789. Die Grosse Revolution der Franzosen. B. 1973; cp. A. З. Манфред. О природе якобинской власти. «Вопросы истории», 1969, № 5; В. Г. Ревуненков. Санкюлоты и якобинцы. «Новая и новейшая история», 1969, № 3, «Французский ежегодник. 1970». М. 1970, стр. 278—303.

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 100—140.

люционности — крестьянской (демократической) и буржуазной (либеральной). Если даже отвлечься от громадного различия в удельном весе каждого из этих классов в революции, от уровня политического сознания, от степени их внутренней спаянности на базе общего антифеодального антагонизма, то останется еще огромное различие в способах борьбы, декларированных целях.

Дело в том, что поскольку для буржуазии капиталистический способ производства являлся хорошо осознанной реальностью, торжествующей экономической практикой, неодолимость которой воспринималась ею как «естественный закон», постольку буржуазии оставалось требовать и добиваться главным образом, если не исключительно, адекватных политических условий — санкционирования этой действительности именем государства. Ее программа была по преимуществу политической. Интересы широкого, свободного, быстрого развития капитализма упирались для нее прежде всего в проблему власти.

Ничего подобного, разумеется, нельзя сказать о крестьянстве как классе мелких товаропроизводителей. Известно, что этот класс не осознавал исторических последствий своей борьбы. Действительностью же для него являлось его мелкое, основанное на собственном труде хозяйство. Не приходится сомневаться, что в основе идеализации крестьянином так называемого трудового начала лежало его вековое стремление к свободной от феодального права парцелле, то есть требование коренного переворота в господствующих экономических отношениях в земледелии. «...Естественное стремление крестьян «разгородить землю», пустить *всю* землю под новую разверстку, это стремление и выражается в словах о том, что «вся земля божья»⁴², — писал В. И. Ленин.

Из вышеизложенного правомерно заключить, что принципиальное различие между двумя — буржуазным и крестьянским — типами революционности, олицетворявшимися, к примеру, в Англии соответствующими двумя аграрными программами революции, заключалось в том, что революционность буржуазии как класса была исторически менее последовательной, более ограниченной, так как именно в области землевладения она всячески склонялась к компромиссу с отрицаемым ею феодальным строем, революционность же крестьянства как класса была в этом важнейшем вопросе бескомпромиссной, она состояла в требовании полного уничтожения феодальных производственных отношений. Следовательно, в эту эпоху из двух сравниваемых классовых позиций именно в борьбе крестьянства за землю воплощался более последовательный тип революционности.

Однако то, что в исторической перспективе представало как отношение между решающим и второстепенным, перед взором современников, как и в последующей буржуазной историографии, выступало в отношении «перевернутом» — революционность буржуазии представлялась не только всеобъемлющей, но и всеопределяющей, в то время как революционность крестьянства — чем-то привходящим, частным и производным. Причиной, столь извратившей действительное положение вещей, являлось огромное различие в политической роли указанных классов, выявившееся задолго до революции, но еще больше в ходе ее.

Вопреки громадной роли крестьянской идеологии в вековой борьбе против феодализма исторически унаследованная политическая аморфность крестьянства, неспособность освободить себя от веками угнетавшей его власти господ делали крестьянство классом политически беспомощным, зависимым от буржуазии как гегемона революции, превращали этого колосса из ведущей социальной силы революции в силу политически ведомую. «Крестьяне... своей политики иметь не могут...»⁴³.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 421.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 141.

Очевидно, что революция — это, по сути дела, динамическая система, элементы которой могут быть поняты не порознь, не обособленно, а только во взаимосвязи друг с другом. Оценка роли плебса изолированно от этой связи ведет к мертвой абстракции. Если в «плане прошлого» революции этот слой еще весьма напоминает всем своим поведением деклассированные элементы в традиционной структуре «старого порядка», то на завершающей стадии революции в его движении и сознании проявляются зримые черты класса-антагониста буржуазного правопорядка. Однако речь идет не о «частном случае» социальных противоречий, и не только частном интересе данного слоя. История буржуазных революций XVI—XVIII вв. — в силу политической половинчатости и непоследовательности буржуазии как класса — неизбежно приводит к ситуации, в которой пролетариат полон решимости вести революцию дальше непосредственных целей ее гегемона. В этом заключена закономерность движения самой буржуазной революции, условие ее полной победы. Следовательно, в раздающемся из уст плебса требовании имущественного равенства, столь грозно звучащем для имущих классов, объективно заключено лишь условие торжества собственно буржуазной программы революции, то есть тех отношений собственности, которая плебсом столь горячо отрицалась. Парадокс заключается в том, что субъективно уравнивательные чаяния плебса объективно-исторически раскрывались только лишь как самая последовательная чистка страны от средневековья. «Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, — для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели»⁴⁴.

Вот почему завоевание буржуазией политической власти ни в коем случае не означало вершину революции. Таким образом, успех буржуазного переворота, его глубина определялись наличием в лагере революционных сил, способных на новом этапе двигать революцию дальше и вопреки буржуазии. Следовательно, подлинная вершина раннебуржуазной революции заключена в самостоятельном движении пролетариата, в идеологии уравниательства. На верхнем переломе революции ярче всего выступал «план будущего», то есть специфика поведения различных классов и слоев на почве борьбы против «буржуазности» этих революций.

Если для буржуазии этот этап означал более или менее реальную опасность потерять гегемонию в революции — даже в лице слоя «радикальной буржуазии», — то для пролетариата речь шла о его усилиях вырвать гегемонию из рук буржуазии, возглавить народные низы, возмущенные ее классовым эгоизмом. Оспаривание плебсом гегемонии у буржуазии в буржуазных революциях XVI—XVIII вв. объективно-исторически, разумеется, отнюдь не означало, что он хоть сколько-нибудь был способен предложить реальную альтернативу буржуазному развитию общества (хотя субъективно цель борьбы в далекой исторической перспективе являлась выражением именно такой альтернативы).

В заключение анализа этого «плана» заметим, что само по себе наличие плебейской идеологии, как и движения плебса — в ходе раннебуржуазной революции, еще не свидетельствует о том, что в ней реализован «план будущего». Так, в Германии народная реформация Мюнцера проявилась в самом начале Крестьянской войны, на почве антифеодальной борьбы крестьянства. Плебс возмещал историческую аморфность бюргерства. Далее, хотя в Англии движение диггеров проявилось уже на почве победившего буржуазного способа производства, оно взяло на себя роль глашатая демократического переворота. Радикальная чистка земельных отношений от средневековья произошла только во Франции, где якобинская диктатура решила «плебейским способом» основные за-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 308—309.

дачи буржуазного переворота. Здесь уравнильное движение выступило в «чистом» виде⁴⁵.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего нет сомнения, что задача сравнительно-исторического изучения буржуазных революций XVI—XVIII вв. назрела. Для решения этой задачи советская историография располагает огромной ценностью научным заделом. Соотнесение каждой из указанных революций с эпохой буржуазных революций как выражением ее общих и фундаментальных закономерностей позволяет объективно выявить «неповторимую индивидуальность» каждой данной революции этой эпохи. Вычленение «трех планов» в анализе последних есть, разумеется, только логический прием, поскольку в реальной действительности они переплетались, проглядывали друг сквозь друга и затемняли друг друга. Однако он подсказан объективным процессом развертывания изучаемых революций. Он позволяет выявить и объяснить специфику в поведении каждого из революционных классов не только на уровне составлявших их слоев и групп, что само по себе приводит к более дифференцированной картине в расстановке классовых сил, но и позволяет увидеть саму революцию как сложное динамическое целое, в котором сдвиги в позициях одних сил неизбежно вызывают сдвиги в позициях всех других. Можно надеяться, что от внимательного читателя не ускользнет, что логическое вычленение трех «планов» в поведении классовых сил в революциях XVI—XVIII вв. наполняет внутренней динамикой каждую из стадий в развертывании этих революций. Классы в лагере революции предстают не только как сложные совокупности слоев и групп, вычленяемых по «имущественному» признаку, но и поскольку речь идет о буржуазии как слое класса только формирующегося, во многом сохранившие облик тех средневековых классов и сословий, из среды которых они вышли. Они привносят в формирующийся класс не только свои специфические устремления, но и живые исторические традиции, связи, психологию. Указанная методика позволяет глубже раскрыть и роль крестьянства в буржуазных революциях этой эпохи, устремления различных его слоев на различных стадиях революции. В целом же то или иное соотношение тенденций, гипертрофия того или иного «плана» в поведении борющихся классов и слоев в ходе революции определяют, «как сложится» в данной стране буржуазный строй (Ленин), то есть какая форма буржуазного порядка в ней восторжествует. Вообще следует подчеркнуть, что абсолютное большинство буржуазных построений в данной области сводится к тому, что один из «планов» анализа революций выдается за единственный. Это приводит к тому, что эти революции либо изображаются почти исключительно в «плане прошлого», тогда перед нами — средневековый по сути конфликт, либо они рассматриваются исключительно в «плане настоящего», тогда перед нами — апология государственной мудрости буржуазии, либо они исследуются, наконец, в «плане будущего», тогда вместо революции нам рисуют полную ужаса картину «социальной патологии» толпы, «массовые неврозы», «кровавые эксцессы», «хаос и разрушение». Таким образом, имеются основания полагать, что предлагаемая здесь методика, помимо позитивного исследовательского приложения, послужит эффективным средством историографического анализа и критики в данной области.

⁴⁵ См. В. М. Д а л и н. Грахк Бабеф. М. 1963, стр. 69.

МАОИЗМ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Г. Ф. Ким

Прошло полтора десятилетия с тех пор, как в руководстве КНР возобладали силы, навязавшие стране великодержавно-шовинистический курс. Антисоветизм стал краеугольным камнем этого курса, породившего серьезные трудности в мировой антиимпериалистической борьбе и нанесшего, в частности, чувствительный ущерб освободительному движению афро-азиатских народов. Подоплекой этого антисоветизма является великодержавное стремление маоистской группировки утвердить свою гегемонию в национально-освободительном движении. Именно на это были направлены многолетние усилия пекинских руководителей в рамках деятельности неприсоединившихся государств, в движении солидарности афро-азиатских народов и в коммунистическом движении стран Востока.

При этом маоисты не раз меняли свой тактический арсенал. Теперь ими применяются так называемая дипломатия улыбок, расширение контактов, восстановление дипломатических отношений со многими странами, активизация деятельности КНР в ООН. Уж не решил ли Пекин основательно пересмотреть свой курс, преследовавший цель навязать маоистские идеи и планы афро-азиатским странам? Ответ на этот вопрос не будет однозначным. Он является утвердительным в том смысле, что маоисты действительно вынуждены были констатировать малоэффективность своего прежнего курса и поэтому пытаются ныне внести в него некоторые изменения. Отрицательным же ответ будет в том отношении, что они стремятся скорректировать не стратегию своего гегемонистского курса, а лишь тактику, иными словами — найти новые подходы к достижению прежней цели.

В начале 60-х годов, выдвинув «особый» курс, суть которого свелась к попыткам навязать свою гегемонию национально-освободительному, а в более широком плане — мировому революционно-освободительному движению во имя своекорыстных великодержавно-шовинистических целей, пекинские лидеры начали с отрицания ведущей роли международного рабочего класса, мировой социалистической системы в мировом революционном процессе. До поры до времени они, не решаясь открыто выступить против СССР или, тем более, причислить его, как это делается ими ныне, к «социал-империалистическим силам», особенно упирали на национально-освободительное движение как «эпицентр современных революционных бурь». При этом маоистов не смущало то обстоятельство, что подобный подход к различным силам мирового революционного процесса находится в прямом противоречии с важнейшим принципом марксизма-ленинизма, с выводами В. И. Ленина, который указывал, что для правильной оценки политической обстановки и перспектив ее развития необходим учет классовых сил. «Метод Маркса, — писал В. И. Ленин, — состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исто-

рического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке»¹. Продолжая эту мысль, В. И. Ленин констатировал, что «мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»².

Основополагающий вывод международного коммунистического движения, что в центре современной эпохи стоит международный рабочий класс и его главное детище — мировая социалистическая система, базируется на оценках основоположников марксизма-ленинизма. Марксисты-ленинцы считали и считают, что необходим интернационалистский подход к общественным явлениям, к оценке соотношения сил во всемирном масштабе; что борьба сил мирового социализма, международного рабочего класса против империализма, а в более широком социальном плане — против капиталистического строя с наибольшей полнотой выражает сущность революционного процесса. При этом марксисты всегда отдавали должное национально-освободительному движению (как одному из важнейших компонентов мировой антиимпериалистической борьбы), добившемуся ныне выдающихся успехов благодаря активнейшей поддержке со стороны стран социалистического содружества и при тесном взаимодействии с международным рабочим движением.

Эту истину, многократно проверенную на практике, маоисты стали подвергать прямой фальсификации с тем, чтобы теоретически обосновать свои притязания на роль гегемона мирового революционно-освободительного движения. С этой целью они клеветнически утверждают, будто мировой социализм, и в первую очередь СССР, «не является» ведущей силой современного революционного процесса, что «эпицентр мировых революционных бурь» переместился в Азию и Африку. Следуя подобной логике, нетрудно договориться до признания за КНР роли гегемона. Именно поэтому пекинские лидеры начали усиленно муссировать пресловутый тезис о том, что Китай с незапамятных времен является «центром вселенной», ее «срединным государством», чуть ли не со стороны «Неба» благословенным на роль «лидера» наций, если не на всей планете, то, во всяком случае, в Азии, Африке и Латинской Америке.

На первых порах маоисты старались не раскрывать весь свой арсенал, понимая, что народы зоны национально-освободительного движения реально учитывают роль мирового социализма в антиимпериалистической борьбе, так что грубые выпады маоистов против СССР и других социалистических стран могли обернуться против их авторов. Поэтому Пекин начал с распространения расово-шовинистических идей об особой общности исторических судеб народов Азии, Африки и Латинской Америки, на чьи плечи легла-де ныне задача выступить в авангарде антиимпериалистической борьбы, причем под общим руководством КНР. При этом маоисты использовали многие буржуазно-националистические и империалистические теории и лозунги для обоснования своего тезиса «Три А»: об особой общности народов трех континентов — Азии, Африки, Америки. Среди некоторой части африканской и азиатской интеллигенции эти разглагольствования нашли известный отклик. Например, такой идеолог левого радикализма и деятель африканского освободительного движения, как Ф. Фанон, в то время выступил с позиций идеологии отдельной «революции обездоленных цветных народов»³.

Максимально использовать левоавантюристские настроения отдельных деятелей афро-азиатских стран во имя своих великодержавных ге-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 139—140

² Там же, стр. 142.

³ См. Ф. Фанон. The Wretched of the Earth. N. Y. 1968.

гегемонистских целей — вот к чему практически сводился замысел маоистов. Подобное манипулирование надклассовыми концепциями не ново для пекинского руководства. Еще в августе 1946 г. Мао Цзэ-дун выдвинул тезис о наличии между СССР и США «промежуточных зон». В виде официальной внешнеполитической доктрины эта идея была сформулирована в 1963 г., в условиях открытой конфронтации КПК с международным коммунистическим движением. Согласно этой концепции, лагерь социализма противостоит не империализму в целом как мировой системе, а только США. Между лагерем же социализма и американским империализмом лежат две «промежуточные зоны», причем первая из них — государства Азии, Африки и Латинской Америки, вторая зона — развитые капиталистические страны, где не сложилась революционная ситуация. Посему маоисты третировали пролетариат и компартии указанных стран и принижали роль их рабочего класса в мировом революционном движении. Что касается правящих классов капиталистических государств, то им, по утверждению пекинских лидеров, присуща двойственность: оставаясь эксплуататорами, они сами подвергаются эксплуатации и угнетению со стороны американского империализма и в связи с этим переходят на антиамериканские позиции. А задача США, как считают маоисты, состоит в первую очередь в порабощении именно «промежуточных зон», а не в борьбе против стран социализма и социалистических тенденций в мире.

Таким образом, доктрина «промежуточных зон» должна была послужить прикрытием и орудием осуществления великодержавного курса, основные цели которого заключались в том, чтобы поставить на службу гегемонистским устремлениям нынешнего китайского руководства антиимпериалистические настроения колониальных и зависимых народов; войти в блок с традиционными антисоветскими силами империалистических государств; избежать политической и экономической изоляции Китая; стимулировать напряженные отношения между СССР и США, используя тем временем ситуацию для наращивания своего экономического и военного потенциала.

Глобальная надклассовая концепция маоистов в мировом революционно-освободительном движении получила наиболее яркое выражение в пресловутой теории «окружения мирового города мировой деревней». В свое время Линь Бяо в статье «Да здравствует победа народной войны!» заявил: «Современная мировая революция представляет собой картину окружения городов деревней. В конечном счете дело мировой революции зиждется на революционной борьбе азиатских, африканских и латиноамериканских народов, которые составляют подавляющее большинство населения земного шара... Жертвы небольшого числа людей окупятся безопасностью всех наций, всех стран и даже всего человечества; временные страдания окупятся длительным или даже вечным миром и счастьем. Мы можем научить народ толкать вперед историю. В этом смысле война — великая школа»⁴. Так мировой катаклизм был провозглашен желанным путем для достижения афро-азиатскими народами «рая по-пекински». Под «мировым городом» маоисты подразумевают все развитые страны, не взирая на их принадлежность к различным социальным системам, под «мировой деревней» — страны Азии, Африки и Латинской Америки. «Мировая деревня» ведет наступление на «мировой город» — такова маоистская схема развития мировой революционной борьбы.

Характерно, что эта идеологическая диверсия была предпринята Пекином в середине 60-х годов, когда национально-освободительное движение добилось выдающихся успехов, колониализм в сфере государст-

⁴ Lin Piao. Long Live the Victory of People's War! «Peking Review», vol. 8, 1969, № 3, pp. 24, 28.

венно-политической надстройки в основном был ликвидирован и на политической карте мира появилось около 70 новых национальных государств. Перед молодыми национальными государствами возникли тогда задачи, связанные с ликвидацией социально-экономических корней колониализма, что повелительно требовало и поныне требует осуществления глубоких преобразований во всех сферах материальной и духовной жизни. В ходе их реализации выкристаллизовывались программные платформы национального развития, связанного с выбором путей социального прогресса. Уже тогда наметилась растущая тенденция решать назревшие задачи национального возрождения на антикапиталистической основе. Социалистическая ориентация в ряде стран стала реальностью.

Социальные мотивы национально-освободительного движения могли найти свое воплощение только в результате сосредоточения всех усилий освобожденных народов на решении созидательных задач и расширения поддержки со стороны стран социалистического содружества. В этих условиях замысел маоистов состоял в том, чтобы расколоть союз мирового социализма и национально-освободительного движения. В соответствии со своей общей доктриной Пекин в течение 60-х годов проводил исключительно «левую» политику в отношении стран Азии и Африки, всячески пытаясь доказать, что «мировая деревня» победит «мировой город». Вместе с тем в этой политике до и в ходе «культурной революции» наметились существенные оттенки. До 1966 г. курс маоистов характеризовался двойственностью. С одной стороны, КНР продолжала поддерживать с афро-азиатскими государствами прежние дипломатические связи и межгосударственные отношения. С другой, наличие левацкой, авантюристической тенденции в руководстве КПК, представленной прежде всего маоцзэдуновской группировкой, находило свое выражение в упорном выдвигании тезиса об «особом» характере национально-освободительных революций в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Практически этот тезис означал призыв к свержению в недавно освободившихся от ига колониализма странах утвердившихся там национальных правительств.

Маоисты заявляли, что все такие освободительные революции носят народно-демократический характер; поэтому отсутствие народно-демократического строя в освободившихся странах означает, что там еще сохраняется революционная ситуация; а если даже признаков таковой не наблюдалось, то Пекин все же громкогласно провозглашал ее «наличие». Таким образом, борясь против общей линии международного коммунистического движения, выдвигая надуманный тезис о самодовлеющем значении национально-освободительных революций, демагогически превознося революционность национальных движений и даже «прогрессивных принцев и королей» и надеясь за такую «милость» добиться признания своей гегемонии, пекинские руководители в то же время призывали к свержению этих же национальных правительств и лидеров. Подобное противоречие наглядно проявилось во время поездки Чжоу Энь-лая в конце 1963 — начале 1964 г. в некоторые африканские государства, где он пытался укрепить пошатнувшееся влияние КНР и заверить правительства африканских государств в дружеских чувствах и поддержке со стороны Китая. Во время своей поездки Чжоу Энь-лай неоднократно излагал ту мысль, что «на африканском континенте имеется замечательная революционная ситуация». И впоследствии печать и радио Пекина не уставали повторять, что повсюду в странах Азии, Африки и Латинской Америки наблюдается «превосходная революционная ситуация»; что лозунг Мао «Винтовка рождает власть» якобы с энтузиазмом осваивается угнетенными народами и нациями (независимо от того, имеются ли условия для начала немедленной вооруженной борьбы); что пламя ее

«разгорается в Бирме, Индии, Юго-Восточной Азии, Африке и Латинской Америке»⁵.

Но, поскольку революционная ситуация не возникает по заказу, маоисты пытались искусственно создать ее в различных уголках земного шара. Так появились на свет утверждения о том, что «обстановка напряженности — это хорошая обстановка»; что «чем хуже — тем лучше». Эти фальшивые лозунги хорошо известны международному коммунистическому движению. Достаточно напомнить о том, как развивал в свое время идею «чем хуже — тем лучше» Троцкий⁶. Пытаясь искусственно создать кризисную обстановку в странах, где еще не сложились условия для вызревания революционной ситуации, пекинские лидеры открывали зеленый свет наступлению реакционных сил, вносили разброд и даже раскол⁷ в ряды прогрессивных борцов внутри таких стран. Таковы были, в частности, результаты создания «очага напряженности» в Индии, Индонезии, Бирме, Малайзии. Уже к середине 60-х годов наметился провал маоистских планов, направленных на подчинение национально-освободительного движения гегемонии Пекина. Свидетельством тому была неудачная поездка Чжоу Энь-лая по странам Африки, провал намерений маоистов вбить клин между белыми и «цветными» народами в целом, создать на этой основе некую «революционную» организацию и противопоставить ее СССР, банкротство авантюристических планов в отношении Индонезии, тщетность попыток подчинить себе или хотя бы расколоть движение афро-азиатской солидарности. Эти и ряд других непреложных фактов раскрыли молодым суверенным государствам подлинную сущность политики маоистов. Стало очевидным, что подавляющая часть народов Азии, Африки и Латинской Америки вовсе не собирается следовать авантюристическому курсу Мао, ведущему к пагубной изоляции их стран от социалистического содружества.

Разразившаяся затем в Китае пресловутая «великая пролетарская культурная революция» была в определенном смысле, если брать ее внешнеполитический аспект, реакцией маоистов на серьезное поражение и растущую изоляцию КНР на международной арене. Эта «революция» покончила с двойственностью в политике Пекина по отношению к национально-освободительному движению. Были отброшены показное дружелюбие и заигрывание с национальными правительствами и лидерами освободившихся государств. Так и не добившись у них официального признания своего главенства, маоисты явочным порядком провозгласили Мао «вождем народов всего мира», а Китай — «центром мировой революции», объявив о намерении «утвердить знамя идей Мао Цзэ-дуна во всем мире». «Жэньминь жибао» опубликовала от имени учащихся пекинской «боевой школы хунвэйбинов» статью «Разрушить старый и построить новый мир». «Мы, хунвэйбины, — говорилось в ней, — не только поднимаем всеобщий бунт в стране, но мы готовы также выйти на международную арену, чтобы бороться до конца и разжечь всеобщий бунт»⁷.

Последовавшие вскоре события показали, что Пекин действительно вознамерился экспортировать маоизм за пределы Китая и перенести методы действий хунвэйбинов на международную арену. Этим целям были подчинены межгосударственные и внешнеэкономические связи Китая. Маоисты превратили его дипломатические и торговые представительства, группы китайских специалистов и местные китайские меньшинства в афро-азиатских странах в орудие своей пропаганды и откровенного навязывания идей Мао. Неприккрытая обработка отдельных общественных деятелей, подкуп реакционных организаций и создание раскольнических

⁵ «Жэньминь жибао», 26.I.1964.

⁶ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е Т. 3, стр. 144.

⁷ «Жэньминь жибао», 1.IX 1966.

группировок, распространение подстрекательских и антиправительственных листовок, «красных книжек» с высказываниями Мао, значков и пуговиц с его изображением — все это стало повседневной практикой провокационной деятельности маоистов за рубежом. Их авантюристическая активность на международной арене вызвала ответную негативную реакцию. От КНР стали отворачиваться даже те страны, которые пытались поддерживать с ней дружеские отношения. Новая обстановка как раз и являлась одной из причин поворота пекинского руководства к его нынешнему внешнеполитическому курсу.

Потерпев поражение в попытках «лобовой» атаки на принципиальную линию международного коммунистического движения и оказавшись перед лицом растущей внешнеполитической изоляции, маоисты вынуждены были пересмотреть методы действий и тактические средства. Их «обновленный» арсенал содержал два стержневых момента: «дипломатную улыбку» в отношении тех сил, которые могли быть немедленно или потенциально использованы в борьбе за осуществление прежнего гегемонистского курса Пекина, и сосредоточение всех усилий на антисоветизме. Хотя маоисты под лозунгом «борьбы против двух сверхдержав» внешне ведут речь в одинаковой степени о Советском Союзе и США, на деле их курс олицетворяет собой растущий антисоветизм.

СССР, другие члены социалистического содружества с принципиальных позиций решительно выступают против раскольнической деятельности маоистов. Именно поэтому последние видят в СССР главное препятствие на пути осуществления их великодержавно-шовинистических планов. Л. И. Брежнев в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в октябре 1973 г. говорил: «Они продолжают выдвигать абсурдные территориальные претензии к Советскому Союзу, которые мы, естественно, категорически отвергаем. Они упорно повторяют затасканные измышления антикоммунистической пропаганды о «советской угрозе», твердят об «угрозе с севера» и, отклоняя все разумные предложения об урегулировании, о заключении договора о ненападении, продолжают держать свой народ в искусственно созданной лихорадочной атмосфере военных приготовлений. И все это сопровождается распространением самых нелепых клеветнических обвинений в адрес СССР и других стран, беззастенчивыми попытками вмешиваться в наши, — да, впрочем, не только наши, внутренние дела»⁸. В этих словах предельно четко очерчена деятельность маоистов, направленная на то, чтобы отравить международную атмосферу, оклеветать СССР и отвлечь внимание собственного народа от жгучих нерешенных внутренних проблем путем нагнетания военного психоза. Пекином была подновлена концепция «промежуточных зон», которые маоистами стали помещаться уже не между СССР и США, а между СССР и США, с одной стороны, и Китаем — с другой. Об этом красноречиво гласила передовая «Жэньминь жибао», озаглавленная: «Долой великодержавный гегемонизм!»⁹. В ней говорилось, что КНР ничем не отличается от остальных освободившихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Если раньше маоисты противопоставляли Восток Западу, а «бедные нации» — «богатым нациям», то в упомянутой передовой «средние и малые страны» противопоставляются двум «сверхдержавам» — США и СССР. Эта позиция полностью игнорирует классовый подход к оценке международных явлений, ставит на одну доску США и Советский Союз, а все остальные государства объединяет в одну группу без учета принципиальных различий в их общественно-экономическом строе. При этом КНР изображается единственной защитницей интересов «средних и малых стран».

⁸ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М. 1974, стр. 329—330.

⁹ «Жэньминь жибао», 23.1.1971.

Стремление Пекина сгруппировать вокруг себя страны «трех континентов» и вовлечь их в русло своей антисоветской политики недвусмысленно проглядывает и в статье «Жэньминь жибао» от 20 мая 1972 года. «Все страны и народы, — говорится в ней, — подвергающиеся агрессии, подрывной деятельности, контролю, вмешательству и третированию со стороны двух сверхдержав, создают единый широкий фронт». Последний, подновленный вариант геополитической концепции маоистов был выдвинут после X съезда КПК (август 1973 г.). Хотя в целом результаты съезда свидетельствовали о том, что стратегические цели пекинского руководства остались теми же и что основные усилия его по-прежнему направлены на борьбу против СССР, на раскол сил социализма, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, тем не менее на место левоавантюристских методов и форм деятельности маоистами постепенно выдвигается правая тактика.

Выступая в апреле 1974 г. на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заместитель председателя Государственного совета КНР Дэн Сяо-пин следующим образом изложил геополитические взгляды тех, кого он представляет: «Современный мир фактически состоит из трех взаимосвязанных и взаимопротиворечивых сторон, трех миров. США и СССР составляют первый мир. Развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки и других районов — третий мир. Развитые страны, находящиеся между вышеуказанными двумя мирами, — второй мир»¹⁰. Итак, двумя полюсами основного мирового противоречия являются для Пекина не капитализм и социализм, а «две сверхдержавы» и развивающиеся страны, причем КНР — тоже «одна из развивающихся стран Азии и Дальнего Востока» (об этом говорили в своих выступлениях китайские представители на сессиях ООН)¹¹.

Один из приемов, с помощью которых маоисты пытаются поссорить освободившиеся страны с СССР, заключается в пропаганде фальшивого тезиса, будто Советский Союз наряду с капиталистическими государствами эксплуатирует «три континента» путем торговли и экономического сотрудничества. В связи с этим Пекин настойчиво рекомендует освободившимся странам иметь «опору на собственные силы». «Жэньминь жибао» писала: «Империализм и социал-империализм, представляющие интересы жестко монополистической буржуазии, для развития своей экономики жестоко эксплуатируют трудовой народ в их собственных странах и занимаются грабежом и экспансией за рубежом. Наша страна... борется за интересы китайского народа и народов мира. Она ни в коем случае не позволит себе прибегать к средствам империализма». Далее давались советы опираться только на «освоение отечественных ресурсов»¹². Разумеется, никто не станет оспаривать необходимость осваивать собственные ресурсы, если бы эта мера, по замыслам маоистов, не являлась одновременно средством разрыва нормальных экономических связей с другими странами, прежде всего с СССР. На деле эти рекомендации — не что иное, как попытка толкнуть страны Азии, Африки и Латинской Америки на путь политического изоляционизма, экономического и социального застоя. Ведь лишь при данном условии возможно утверждение гегемонии Пекина над этими странами. Не случайно КНР оказалась единственной азиатской страной в ООН, которая выступила против предложения СССР о сокращении военных расходов государств — постоянных членов Совета Безопасности на 10% и использовании части сэкономленных средств на увеличение помощи развивающимся странам.

Заклинания маоистов, особенно в той части, которая касается оценки роли Советского Союза, вызвали среди народов «третьего мира» обратную реакцию. Страны Азии, Африки и Латинской Америки на конкрет-

¹⁰ «Peking Review», 1974, № 16, p. 15.

¹¹ Ibid., 1974, № 29, p. 9.

¹² «Жэньминь жибао», 22.IV.1974.

ных примерах повседневной практики реально познали значение поддержки со стороны СССР их усилий по развитию национальной экономики и обеспечению эффективных путей социального прогресса. Подчеркивая это обстоятельство, прогрессивная индийская газета писала: «Руководствуясь антисоветизмом, Пекин всячески пытается подорвать международный авторитет и влияние Советского Союза. Однако он забывает, что государства «третьего мира» на собственном опыте убедились в выгоды сотрудничества с Советским Союзом, которое всегда основывается на принципах равенства и взаимной выгоды... Помощь, предоставляемая Советским Союзом странам «третьего мира», направлена на то, чтобы обеспечить ускоренное экономическое развитие недавно освободившихся государств и усилить их способность противостоять неокOLONиалистской эксплуатации со стороны западных держав, которые, кстати, пользуются все более растущей поддержкой со стороны пекинского руководства»¹³.

Новая тактика маоистов привела к пересмотру ими отношения к тем группировкам в странах Востока, которые, послушно следуя указаниям Мао, до сегодняшнего дня продолжают вести вооруженную борьбу против национальных режимов в своих странах (Малайзия, Таиланд, Бирма, Филиппины и др.). Чжоу Энь-лай многократно давал заверения руководителям соответствующих стран в том, что КНР прекращает дальнейшую поддержку этих групп и их вооруженной борьбы. Одним из ярких свидетельств этого явился майский (1974 г.) визит премьер-министра Малайзии в Пекин, в ходе которого не только было достигнуто соглашение об установлении дипломатических отношений, но Мао и Чжоу предоставили правительству Малайзии полную свободу действий в отношении Компартии Малайзии. КНР отказалась, по крайней мере официально, и от прежнего вмешательства во внутренние дела китайских общин в странах Юго-Восточной Азии. Местные китайцы в этих странах, как заявил Чжоу Энь-лай, «должны натурализоваться». Это, конечно, не означает отказа Пекина от попыток использовать в своих интересах население китайского происхождения в странах Юго-Восточной Азии, составляющее в общей сложности 18 млн. человек. Только попытки эти теперь, по-видимому, будут не столь открытыми, как ранее.

Вот некоторые факты, подтверждающие эту мысль. В конце мая 1975 г. в Бангкоке шли переговоры о нормализации отношений между Таиландом и ДРВ. За несколько дней до прибытия туда вьетнамской делегации на северо-востоке Таиланда произошли беспорядки: вооруженные провокаторы учинили погромы домов вьетнамцев, живущих в этом районе. Как показали материалы следствия, погромщики были наняты агентами ЦРУ, а средства, потребовавшиеся для оплаты их услуг, были получены от китайских торговцев, поддерживающих тесные связи с Пекином. Очевидно, стремление ЦРУ торпедировать нормализацию отношений между странами Юго-Восточной Азии совпадает с планами КНР, которая видит в установлении дружественных отношений между странами этого района помеху реализации своих гегемонистских замыслов. О том же говорят факты относительно деятельности маоистских организаций в Индонезии. В частности, недавно индонезийскими властями был раскрыт в Бандунге заговор подпольного синдиката, который под вывеской туристской фирмы занимался переброской из КНР в Индонезию специальных агентов для провокационной деятельности¹⁴.

Изменилось отношение маоистов и к тактике создания «очагов напряженности». Поэтому Пекин вносит коррективы и в этот вопрос. Например, ранее его руководители открыто поощряли экстремистские круги в арабских странах и пытались усилить свое влияние на те пале-

¹³ «Patriot», 23.IV.1974.

¹⁴ «Правда», 30.V.1975.

стинские организации, которые выступали против политического урегулирования на Ближнем Востоке, призывали арабов игнорировать резолюцию Совета Безопасности о прекращении огня¹⁵. Пытаясь представить себя в качестве единственных друзей арабских народов, не скупясь на клятвы и всевозможные словесные заверения, маоисты не помышляют всерьез об оказании им сколько-нибудь действенной помощи. В то же время пекинские руководители воспользовались ближневосточным кризисом, чтобы попытаться вызвать у арабских народов недоверие к Советскому Союзу.

Сейчас КНР маскирует откровенно экстремистские позиции, перестала отвергать идею политического урегулирования на Ближнем Востоке и даже демонстрирует показное понимание позиции арабских государств. Фактически же Пекин по-прежнему проводит обструкционистскую политику. Однако она стала носить более завуалированный характер. Так, КНР воздержалась при голосовании в ООН резолюций, осуждавших израильскую агрессию; в 1974 г. китайский представитель занял уклончивую позицию при голосовании совместной резолюции СССР и США по вопросу о разъединении войск на сирийско-израильском фронте; пекинскими руководителями игнорируется резолюция ООН № 338. Здесь еще раз явственно проглядывает полнейшая беспринципность маоистов по отношению к национальной и социально-освободительной борьбе стран «трех континентов».

Наиболее наглядно эта беспринципность проявилась в ходе событий в Чили. Маоисты делали все возможное, чтобы подорвать там единство левых сил и раздробить социальную базу правительства Сальвадора Альенде. Чилийские «леваки» в унисон с Пекином призывали к ультра-революционным действиям, пропагандировали лозунг «Винтовка рождает власть», клеймили Коммунистическую партию и правительство Народного единства как «предателей» и «оппортунистов». Но как только реакция победила, из Китая поспешили выдворить прежнего чилийского посла и установили тесные контакты с реакционной военной хунтой. В данном случае, как и во всех других ситуациях, маоисты исходят прежде всего из принципа: все, кто являются врагами СССР, годятся Пекину в союзники.

Примечательна политика КНР в отношении стран Индостанского полуострова. Разжигание конфликта между Индией и Пакистаном и игнорирование нового государства Бангладеш (хотя в 1974 г. формально КНР вынуждена была снять свое вето в Совете Безопасности на признание нового государства) все еще являются краеугольным камнем этой политики. Негативное отношение маоистов к освободительной борьбе народа Бангладеш вновь обнажило неприглядные стороны внешнеполитического курса Пекина, его пренебрежение к жизненным интересам и судьбам угнетаемых и жестоко подавляемых народов; ему важно лишь послушание этих народов и их готовность следовать антисоветскому курсу. Не удивительно поэтому, что населению Восточной Бенгалии, поднявшемуся на защиту своих прав, китайская пропаганда приклеила ярлык «пакистанских раскольников», а те, кто расстреливал бангладешских женщин, стариков и детей, именовались ею «выразителями интересов пакистанского народа». При этом с нарочитым хладнокровием игнорировались общеизвестные факты массовых репрессий и террора в Восточном Пакистане, имевшие место при военном режиме Яхья Хана.

В подобной позиции нет ничего нового: она логически вытекает из предшествующего курса маоистов. Достаточно напомнить о роли Пекина в индо-пакистанском конфликте и его отношении к Ташкентской декларации 1966 г., открывавшей путь для нормализации положения в этом районе мира. Маоисты в 1965 г. искусственно провоцировали там

¹⁵ «Жэньминь жибао», 17.VI.1967.

пограничные инциденты, откровенно шантажируя Индию и поощряя прежний пакистанский режим к активным действиям. Когда же при доброжелательном содействии СССР был положен конец вооруженным столкновениям и провозглашена Ташкентская декларация, Мао ее отверг. И в дальнейшем пекинские лидеры продолжали плести на Индостанском полуострове интриги, главной целью которых является использование Пакистана в интересах их великодержавно-шовинистической политики. Маоистская верхушка укрепляла связи с правящими кругами Пакистана, оказывая им военно-экономическую и политическую поддержку для нанесения удара по Индии. Быстрыми темпами КНР осуществляла строительство стратегических дорог в направлении Кашмира, причем в пограничном районе работы велись, как сообщала зарубежная печать, смешанными китайско-пакистанскими строительными группами.

В июле 1971 г., уже после начала вооруженной борьбы народа Бангладеш, КНР поставила оружие и боеприпасы для двух пакистанских дивизий, предназначенных для действий в Восточном Пакистане, а 10 сентября в Дакке состоялась передача командующему восточнопакистанским военным округом военного завода, построенного с помощью китайского кредита. Вскоре Пекин начал поставку в Пакистан 400 истребителей и бомбардировщиков, а также танков и зенитных батарей, послал туда 200 военных инструкторов. Согласованность и синхронность американских и пекинских действий во время тогдашних трагических событий, поддержка ими реакционной военщины Пакистана, концентрация американского 7-го флота в Бенгальском заливе, а китайских войск — на границе с Индией, недвусмысленный дуэт США и КНР в поддержку режима Яхья Хана и против освободительного движения в Бангладеш со своей очевидностью свидетельствовали о том, что за претензией маоистов представлять интересы «малых и средних народов» не скрывается ничего, кроме стремления решать свои гегемонистские задачи путем компромисса хотя бы с самыми реакционными силами за счет тех же «малых и средних народов».

И ныне Пекин не прекращает усилий, направленных на торможение начавшегося процесса разрядки напряженности на Индостанском полуострове. Одновременно маоисты прилагают немало сил, чтобы ослабить широкое всемирное движение за разрядку напряженности в целом и обеспечение прочного мира. Показательна позиция КНР по вопросу создания в Азии системы мира и безопасности на коллективных началах, идея которой была выдвинута СССР и поддержана широкой азиатской общественностью. Демагогия, провокации, шантаж — все было пушено в ход, чтобы дискредитировать эту идею. В то же время КНР, используя экономические трудности «третьего мира», особенно в связи с так называемым энергетическим кризисом, пытается усилить свою экспансию. Растет активность пропаганды, направленной на расширение китайского влияния в «третьем мире». По данным Азиатского института в Гамбурге, общая сумма «помощи», оказанной КНР 26 странам Азии и Африки, к середине 1971 г. составила более 2 млрд. долларов¹⁶. Наибольшая часть этой суммы приходилась в Азии на Пакистан (почти 400 млн. долл.). Отмечалась политическая направленность такой помощи, ее подчиненность стратегическим целям маоистов.

Пекин не отказывается, как об этом свидетельствует ход событий, ни от одной из своих основных стратегических целей в отношении национально-освободительного движения. Изменения в его внешнеполитическом курсе носят лишь тактический характер и вызваны объективными сдвигами на международной арене, происходящими в результате настойчивой борьбы СССР за реализацию Программы мира, выдвинутой

¹⁶ W. B a r t k e. Die Wirtschaftshilfe der Volksrepublik China. Hamburg. 1972, S. 10.

XXIV съездом КПСС, а также в результате деятельности социалистического содружества и всех миролюбивых сил планеты в их борьбе за разрядку международной напряженности. Но если глобальная стратегия маоистов в зоне национально-освободительного движения терпит провал, то это не означает, что их пропаганда в странах «третьего мира» совсем не находит желанного Пекину отклика. Существует определенная «обратная связь» между внешнеполитическими устремлениями маоистов и внутренними объективными тенденциями нынешнего этапа развития стран «третьего мира», реально имеющимися там экономическими, религиозно-идеологическими и прочими предпосылками частичной «податливости» в отношении маоистских идей.

С социально-психологической точки зрения ситуация в развивающихся странах порою благоприятствует отдельным внешнеполитическим усилиям маоистов. В обществах «третьего мира» имеются как бы три «яруса», каждый из которых связан с тремя эпохами исторического времени — прошлым, настоящим и будущим. Эти «ярусы» не изолированы, а переплетаются. Предрасположенность первого «яруса» (его можно назвать восточно-традиционалистским) к восприятию маоистской пропаганды обусловлена тем, что у части населения «третьего мира» еще сохраняется ксенофобия (враждебное отношение к чужеземцам), и в первую очередь к европейцам и американцам), а также характерные для стародавней деревни уравнилельные взгляды на социальную действительность. На этом-то обстоятельстве маоисты и паразитируют, выдвигая низкий уровень жизни граждан КНР как довод для сближения с бедным населением таких стран. Второй «ярус» представлен в развивающихся странах элементами, которые связаны с процессами перехода от докапиталистических общественных отношений к более современному. Это состояние переходности, нынешней неустойчивости укладов и социальных структур в странах «третьего мира» приводит порою к распространению в них «люмпен-интеллигентского» психологического комплекса, нередко взрывоопасного и предрасположенного к экстремистским акциям, а потому и восприимчивого к маоистским крайностям и перегибам. Наконец, появление в развивающихся странах нововведений, связанных с научно-технической революцией, приводит к возникновению еще одного «яруса»: в «третий мир» проникают идеи, затрагивающие жизненные позиции миллионов людей. У работников квалифицированного физического и умственного труда, сталкивающихся с проблемой реализации своего умения, знаний и компетенции, возникают определенные «переживания», вызванные стремлением к подлинной автономии решений, протестом против мелочной опеки, сковывающей личную инициативу и личную ответственность, возмущением верхушечным манипуляторством и ловко завуалированным стеснением человеческой спонтанности¹⁷.

Подобные явления в развивающихся странах будут нарастать по мере дальнейшего использования в «третьем мире» достижений научно-технической революции. А общественный слой, проявляющий упомянутое недовольство, в поисках идейного выхода иногда обращается в силу своей мелкобуржуазности и к маоизму.

Таковы объективные предпосылки возникновения «новых левых» («нью лефт») форм сознания на Востоке, среди научно-технической интеллигенции и студенчества развивающихся стран. Наряду с главными противоречиями между социализмом и капитализмом параллельно существуют идеологические противоречия между «социализмом» ненаучным, который вышел на поверхность в результате победы национально-осво-

¹⁷ Применительно к развитым капиталистическим государствам с их противоречиями не только между трудом и капиталом, но и между тем же капиталом и частью интеллигенции, об этом пишет Э. Ю. Соловьев (Э. Ю. Соловьев в в. «Профессионалы» в современном классово-социальном конфликте. «Борьба классов и современный мир». М. 1970, стр. 227).

бодительного движения в бывших колониях и слаборазвитых зависимых странах, и социализмом научным, причем первые и вторые противоречия переплелись между собой. Ненаучный «социализм» пытается возвести во всемирный образец наивно переводимые им на пролетарско-интернационалистский язык пережиточные формы сознания и отвергает «западную цивилизацию» как внешне враждебную ему силу; в то же время леворадикальное движение на Западе отвергает эту цивилизацию как «внутренний плен», как собственный конформизм. Так маркузизанство сходится с маоизмом¹⁸.

Факты сближения и взаимодействия «ню лефта» и маоизма в Индии, Турции, арабских странах, странах Латинской Америки общеизвестны. Это «схождение» происходит на почве не только антизападничества, но и антисоветизма. Маоисты сознательно отождествляют, прибегая к прямой фальсификации, существующие в СССР формы собственности и политической организации общества с элементами этатизма, бюрократизма и монополизма в странах как Запада, так и «третьего мира». Не случайна настойчивость, с которой пекинская пропаганда эксплуатирует этот факт, стремясь доказать вымышленное ею «буржуазное перерождение» Советского Союза и «правильность» своего деления мира на «богатые» и «бедные» нации.

Руководители КНР пытаются установить свою гегемонию в первую очередь над Азией. «В отношении Индии,— отмечают достаточно объективные наблюдатели,— лидеры КНР взяли курс на установление контроля над подступами к ней со стороны Гималаев и сжатия ее в клещи... Маоисты преследуют цель контролировать входы в Красное море, держать под наблюдением «нефтяные пути» в Персидском заливе, сохранять очаг напряженности на Ближнем Востоке. Последнее означает препятствие мирному решению,.. расширение Китайской империи до ворот Европы, Турции и берегов Средиземного моря»¹⁹. Эти авторы (хотя их книге и присущи в некоторых иных аспектах весьма существенные недостатки) в том, что касается внешней политики КНР, прямо пишут об общей глобальной стратегии Пекина, цель которой состоит в окружении Советского Союза и прямом выходе КНР на подступы к западным державам. В отношении развитых капиталистических стран маоисты делают ставку на своеобразную мобилизацию тамошней молодежи с тем, чтобы политический климат этих стран был насыщен элементами анархии и экстремизма²⁰.

Заметное нарастание мелкобуржуазной стихии в КНР и связанная с нею этноцентрическая заносчивость, а также идейный догматизм, основанный на культе Мао, должны постепенно представляться народам стран «третьего мира» все более и более вопиющими в условиях экономического, научно-технического и культурного прогресса, тем более что политика Пекина в развивающихся странах носит макиавеллистский характер: стремление действовать преимущественно чужими руками, стравливание всех возможных партнеров друг с другом, нарочитое разжигание социально-политических антагонизмов в соседних государствах и т. п. Ряд буржуазных авторов оценивает такую тактику маоистов в странах «третьего мира» как следствие стремления компенсировать недостатки военно-индустриальной мощи Китая на мировой арене²¹. Но эта точка зрения не учитывает самодовлеющего свойства великодержав-

¹⁸ К. М. Кантор. Научный коммунизм и современный утопический социализм (о методологическом значении трудов Ф. Энгельса для критики современных форм утопического социализма). «Ф. Энгельс и мировое революционное движение». М. 1972, стр. 110—111.

¹⁹ С. Агпюнд, J. Chardonnet. La Chine, ou le suicide des blancs. P. 1972, p. 149.

²⁰ Ibid., p. 264.

²¹ См., например, С. Hinton. China's Turbulent Quest. An Analysis of China's Foreign Relations since 1945. N. Y. 1970.

ных притязаний маоизма, крайне минимально зависящих от глобальной экономической и военно-политической конъюнктуры. Имеется ряд фактов, свидетельствующих и о своеобразной культурно-исторической, местной укорененности пекинского великодержавия²². Ставка на раскол и стравливание всех и вся представляет собой официальную линию в маоистском Китае и является основанием его внешнеполитической стратегии²³.

Таким образом, все более обнажаются экспансионистские, гегемонистские замыслы нынешних лидеров КНР. Выявляется полная несостоятельность утверждения некоторых буржуазных сиологов, пытающихся взять под защиту действия маоистов, продиктованные, по их мнению, только желанием «самоутвердиться в роли великой державы»²⁴. Внешнеполитические мотивы Пекина обусловлены глобальными идеологическими планами, преследующими цель навязать свою гегемонию странам Азии, Африки и Латинской Америки и сосредоточить силы на борьбе с Советским Союзом. Именно в этом свете следует рассматривать действия маоистов, направленные на сближение с империалистическими кругами. Эти действия еще более резко обозначились после окончательной победы вьетнамского народа. В данной связи любопытное признание сделал министр обороны США Шлесинджер: он отметил, что появление на юго-западной границе КНР сильного Вьетнамского государства отнюдь не в интересах маоистов, и сказал, что, по его мнению, Пекин теперь будет больше заинтересован в сохранении американского присутствия в Азии, ибо видит «в США полезный противовес Советскому Союзу»²⁵. Прогрессивная общечеловечность афро-азиатских стран понимает суть предпринимаемых пекинскими лидерами поисков «новых союзников». Она говорит о неизбежном банкротстве «внутренней и внешней политики маоизма, в основе которой лежат великодержавный шовинизм, антисоветизм и блокирование с самыми реакционными и агрессивными кругами в империалистическом лагере»²⁶.

Военно-политический и идеологический натиск КНР на «третий мир» грозит принести народам развивающихся стран немалые бедствия. Именно поэтому прогрессивные силы «третьего мира» решительно осуждают нынешний курс Пекина и настойчиво борются за упрочение союза с социалистическим содружеством, с СССР. Они хорошо понимают, что на позициях антисоветизма не было, нет и не может быть социального прогресса. Напротив, дружба с СССР, с другими членами социалистического содружества была, есть и будет самой надежной базой укрепления национальной независимости, решения назревших задач социально-экономического развития стран «третьего мира».

²² Подробнее см.: А. С. Мартынов. Представление о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции. «Народы Азии и Африки», 1972, № 5; В. А. Кризцов. Маоизм и великоханьский шовинизм китайской буржуазии. «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1.

²³ Ф. М. Бурлацкий. Противоречивые основания противоречивой политики. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 91—94.

²⁴ См. R. Terrill. China's Foreign Policy. «Atlantic» (Boston), vol. 231, 1973, № 6, p. 14.

²⁵ См. «Правда», 22.V.1975.

²⁶ N. K. Krishnan. Power Struggle in Maoist China. «Party Life» (New Delhi), vol. 10, 1974, № 6, p. 14.

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ...

В. Ф. Романов

«Многообразный опыт героического Магнитогорского строительства, в котором участвуют десятки национальностей трудящихся СССР, тысячи рабочих-ударников, сотни специалистов, имеет всемирно-историческое значение... История вашего строительства — дело не местного значения, а огромной политической и воспитательной важности для всего Союза Советов»¹, — писал А. М. Горький в 1932 г. начальнику Магнитостроя и Магнитогорскому горкому партии. Эти слова великого пролетарского писателя предельно емко передают смысл и значение того трудового подвига советских людей, который вошел в летопись социалистического созидания в СССР под названием «Рождение Магнитки»². Магнитка по праву считается детищем всего советского народа, символом величия и мощи рабочего класса, кузницей замечательных кадров, школой передового производственно-технического опыта, новых советских традиций, идейной закалки людей, неиссякаемым источником новаторства и починов. История строительства гиганта черной металлургии у горы Магнитной и вместе с ним города — единое целое, реальное воплощение в жизнь ленинского плана индустриализации, идеи комплексного решения проблемы Урало-Кузбасса. Недаром Магнитогорский комбинат стал одним из опорных пунктов социалистической индустриализации.

Гора Магнитная — богатейшая кладовая природы³. По запасам и качеству железной руды, доступности разработки и эксплуатации она является уникальным месторождением. По данным геологической разведки 1931—1932 гг., ее недра хранили 450 млн. т руды, при этом среднее содержание железа в ней колебалось в пределах 60—65%; руда залегала неглубоко, зачастую выступая на поверхность⁴.

¹ «Магнитогорский рабочий», 26.IX.1932.

² История Магнитки нашла отражение в ряде книг, статей, сборников документов. Из последних работ см.: А. Кондаков. Стальное сердце Родины. М. 1962; В. Г. Сержантов. Магнитострой — всенародная стройка первой пятилетки. «Из истории социалистического строительства на Урале». Челябинск. 1969; его же. Металлурги Магнитки в борьбе за освоение новой техники в годы второй пятилетки. «Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале». Челябинск. 1959; А. В. Середкина. Авангардная роль коммунистов в освоении Магнитогорского металлургического комбината. «Из истории социалистического строительства на Урале»; его же. Магнитка работает на социализм. «Магнитка». Челябинск. 1971; В. Н. Елисеева. Из истории проектирования и строительства Магнитогорского металлургического комбината. «Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале»; А. И. Секерин. Рождение Магнитки. «Магнитка»; «Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929—1941 гг.)». Сборник документов и материалов (далее — «Из истории...»). Челябинск. 1965; Ю. Петров. Магнитка. М. 1971, и др.

³ Гора Магнитная — небольшая гряда скальных сопок (горы Атач, Дальняя, Ежовка, Березовая, Узьянка) площадью 25 кв. км, раскинувшаяся на стыке башкирских и казахских степей, на Южном Урале. Первыми русскими поселениями, возникшими в непосредственной близости от нее, были Верхне-Уральская (1735 г.) и Магнитная (1743 г.) крепости (М. И. Альбрут. История эксплуатации руд горы Магнитной до Великой Октябрьской социалистической революции. «Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале», стр. 4—5).

⁴ А. И. Секерин. Указ. соч., стр. 31.

До середины XVIII в. гора Магнитная была собственностью и мертвым капиталом царской казны. Исходя из потребностей экономического развития страны, стремясь направить купеческие капиталы в промышленную сферу, на поиски и разработку природных богатств России, Петр I провозгласил принцип «горной свободы», получивший юридическое закрепление в «берг-привилегии» от 10 декабря 1719 года⁵.

Реализуя этот принцип, симбирские купцы И. Твердышев и И. Мясников через Оренбургское губернаторство сумели узаконить свое право на владение Магнитной. а спустя 10 лет примерно в 100 км от месторождения выросли два железодельательных заводика — Белорецкий и Тирлянский, работавшие с 1767 г. на руде горы Магнитной⁶. Для горнозаводского хозяйства «компаньонов» были характерны хищническая, варварская разработка рудных богатств (обычно брали лишь руду, лежащую на поверхности и легко транспортируемую), каторжный труд крепостных, которые составляли основную производительную силу рудника и заводов Твердышева и Мясникова, отсутствие элементарной технической оснащённости. Основными орудиями производства были кайло, лопата, кирка. Перевозка руды осуществлялась санным путем, гужевым способом.

В последующие десятилетия гора Магнитная становится объектом ожесточенной борьбы между различными представителями частного предпринимательства. Длительная судебная волокита по поводу прав на гору Магнитную в 30-х годах XIX в. закончилась победой Пашковых, закрепивших свою монополию на это месторождение⁷. Но ни монопольное право, ни широкое использование дешевого женского и детского труда⁸, ни идеальные сырьевые возможности не спасли Пашковых от банкротства. Они задолжали казне 713 млн. руб.⁹, и в 1874 г. Белорецкий и Тирлянский заводы были проданы с молотка акционерному «Обществу белорецких заводов», главным держателем акций которого являлась немецко-бельгийская фирма «Воггау и К^о».

Крах Пашковых явился закономерным результатом полукрепостнических методов ведения горнозаводского хозяйства, отражением общих тенденций социально-экономического развития Урала и подтверждением ленинской мысли о том, что главным тормозом развития промышленности Урала явилось крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое хозяйство не на капитале и конкуренции, а на монополии и своем владельческом праве¹⁰. Прошло несколько десятилетий после банкротства Пашковых, и над горой Магнитной нависла угроза попасть в зависимость от иностранного капитала. В 1917 г. владельцы Белорецких заводов решили продать Магнитную за 25 млн. руб. японским предпринимателям¹¹. Будущую сделку санкционировало Временное правительство. Дворянско-буржуазная Россия не смогла поставить на службу прогрессу и народу несметные богатства Магнитной. Максимум ежегодной добычи руды на горе Магнитной в дореволюционной России не поднимался выше 50 тыс. т (в то время как на заре Магнитогорского комбината, в 1933 г., его рудник дал 6 млн. т сырья)¹².

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла широчайшие перспективы для планомерного и рационального размещения производительных сил, оптимального и комплексного использования производственно-технических, людских и сырьевых ресурсов страны, в частности природных богатств Урала и Сибири. Идея создания единого производственного комплекса, целостной хозяйственной системы, охватывающей горно-металлургическую промышленность Урала и Кузнецкий угольный бассейн, принадлежала В. И. Ленину. Создание Урало-Кузбасса он рассматривал в качестве важнейшего рычага социально-экономической и производственно-технической реконструкции народного хозяйства в целом и Урала, Сибири,

⁵ Согласно «берг-привилегии», лицам, открывшим месторождение железной руды, предоставлялось право безвозмездной его эксплуатации (см. ПСЗ. Т. V, № 3464).

⁶ М. И. Альбрехт. Указ. соч., стр. 13.

⁷ «Магнитка», стр. 284.

⁸ Ю. Блинов. Классовая борьба на Урале. Б. м. 1930, стр. 15.

⁹ «Оренбургские губернские ведомости», 6.I.1874.

¹⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3. стр. 485—486.

¹¹ «Оренбургское земское дело», 28.III.1917.

¹² А. Кондаков. Указ. соч., стр. 7.

Средней Азии, Дальнего Востока в частности¹³. Знаменателен тот факт, что научное обоснование В. И. Лениным идеи Урало-Кузбасса и ее практическое воплощение, по существу, представляли собой неразрывное целое¹⁴.

20 апреля 1918 г. ВСНХ сделал первый шаг на пути реализации ленинской идеи, объявив конкурс на создание проекта единой хозяйственной системы, охватывающей Урал и Кузбасс¹⁵. При горно-металлургическом отделе ВСНХ была создана Уральская комиссия, которая должна была представить официальный проект к 1 сентября 1918 года¹⁶. Затем в ленинском плане ГОЭЛРО идея Урало-Кузбасса приобрела силу общегосударственного закона. В одном из его разделов предусматривалось строительство современного металлургического предприятия у горы Магнитной. При этом подчеркивалась необходимость решения проблемы доставки на Урал кузнецкого угля, соединения горы Магнитной железнодорожной веткой с Орско-Троицкой магистралью и Белорецкими заводами¹⁷. В соответствии с планом ГОЭЛРО в 1925 г. в Свердловске началось проектирование Магнитогорского завода, а с организацией в 1926 г. ГИПРОМЕЗА параллельное проектирование осуществлялось в Ленинграде¹⁸.

«Проблема Магнитки» решалась далеко не гладко. В течение нескольких лет шла ожесточенная полемика как вокруг самой идеи Урало-Кузбасса, так и вокруг проекта строительства будущего гиганта черной металлургии. Она приобретала общегосударственный и политический характер, ибо в ней нашла отражение борьба Коммунистической партии за реализацию ленинского плана индустриализации, борьба с теми силами, которые выступали против генеральной линии партии. Противники идеи Урало-Кузбасса выдвигали, в частности, такие аргументы: 1) Магнитка и Кузнецкий завод превратятся в конкурентов южных предприятий; 2) специфичность географического положения горы Магнитной (удаленность от потребителя, экономическая отсталость прилегающих к ней районов) обуславливает экономическую нецелесообразность крупного предприятия в этом районе, порождает ограниченные возможности сбыта; 3) «концепция создания на Урале металлургии, работающей на сибирском топливе, представляется бесконечно вредной», ибо дальность перевозок угля и руды непомерно взвинтит цены на металл¹⁹.

Противники идеи создания Урало-Кузбасса опирались на старые мерки при анализе производственно-технической и социально-экономической структуры социалистического народного хозяйства, перспектив и возможностей его развития, ориентируясь на хозяйственно-экономические показатели дореволюционной России, а иногда руководствуясь и местническими интересами. Они игнорировали возможность планомерного ведения хозяйства, исключавшего конкуренцию, не учитывали все возрастающую потребность страны в металле, необходимость индустриального развития всех районов СССР, особенно восточных, а также того факта, что транспортная проблема в условиях строящегося социализма будет решаться в масштабах, соответствующих общим задачам индустриализации, и это неизбежно повлечет за собой сокращение издержек перевозок. Уже в конце 20-х годов экономические расчеты, произведенные в ВСНХ и Госплане СССР, показали, что металл Магнитки будет значительно дешевле продукции действовавших тогда заводов²⁰.

Борьба вокруг идеи Урало-Кузбасса наша отражение и в истории проектирования Магнитогорского комбината. В варианте проекта его строительства, который был представлен Свердловским филиалом ГИПРОМЕЗА в декабре 1928 г., мощность пред-

¹³ См., в частности, о рациональном развитии производительных сил страны: В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 188, 228.

¹⁴ Подробнее о роли В. И. Ленина в обосновании и реализации идеи Урало-Кузбасса см.: А. И. Секерин. В. И. Ленин о роли Урало-Кузбасса в строительстве социализма. «Становление и развитие города Магнитогорска» Магнитогорск. 1968.

¹⁵ «Народное хозяйство», 1918, № 2, стр. 48

¹⁶ «Из истории...», стр. 4.

¹⁷ «К истории плана электрификации Советской страны (1918—1920 гг.)». Сборник документов и материалов. М. 1952, стр. 201.

¹⁸ «Магнитогорск Опыт советской архитектуры». М. 1961, стр. 9

¹⁹ Я. Д. Диманштейн. Проблема районирования металлопромышленности в связи с условиями промышленного развития Украины и Союза. Харьков. 1927, стр. 202—203.

²⁰ «Из истории...», стр. 6.

приятая определялась в 660 тыс. т чугуна, ввод в действие — через пять лет²¹. Хотя Магнитка и мыслилась по этому проекту как самое крупное металлургическое предприятие СССР, все же по своей мощности и технологическим показателям она уступала лучшим предприятиям США. К тому же сроки строительства были несколько растянуты и не соответствовали общему курсу партии на высокие темпы индустриализации. И все же именно этот проект за неимением более совершенного был первоначально положен в основу создания Магнитогорского комбината. 17 января 1929 г. Совнарком и СТО утвердили решение о строительстве Магнитогорского завода мощностью 655 тыс. т с заданием пустить его к 1 октября 1932 года²².

Уражо-кузнецкая проблема постоянно находилась в центре внимания Коммунистической партии и Советского правительства, искавших пути скорейшей реализации ленинской идеи создания мощной угольно-металлургической базы на востоке страны²³. Магнитогорский комбинат предполагалось сделать центральным звеном Урало-Кузбасского комплекса. Не случайно решением ЦК партии от 15 февраля 1930 г. его мощность устанавливалась уже в 2,5 млн. т с последующим увеличением до 4 млн. тонн. Завод у горы Магнитной должен был стать наиболее совершенным в техническом отношении и самым мощным предприятием в мире. Первые две домы планировалось пустить к 1 октября 1931 года. Вместо заводского поселка решено было строить город с населением в 150 тыс. человек к 1933 году²⁴. Увеличение плановой мощности Магнитогорского завода обусловило необходимость пересмотра и существенной переработки проекта. Отечественная практика не знала ранее примеров проектирования и строительства подобного рода промышленных гигантов²⁵. ВСНХ и проектные организации решили, полностью используя отечественные возможности, прибегнуть также к помощи и опыту иностранных фирм.

14 марта 1930 г. в Нью-Йорке был подписан договор с американской проектной организацией «Мак-Ки», по которому она обязывалась выполнить основные проектные работы (срок исполнения — середина июня 1930 г.). Проектирование коксохимического производства передавалось американской фирме «Копперс». К проектированию завода и города были привлечены и немецкие фирмы. Вскоре практика показала нецелесообразность передачи основной массы проектировочных работ Магнитогорского металлургического комбината (ММК) фирме «Мак-Ки», которая неоднократно нарушала сроки представления проектов, а многие проектные решения были выполнены ею неудовлетворительно как с точки зрения технической, так и с точки зрения экономической²⁶. Поэтому в середине 1931 г. проектирование комбината было перенесено в основном в СССР. Возглавил его институт «Стальпроект»²⁷. В мае 1932 г. договор с фирмой «Мак-Ки» был расторгнут²⁸. Окончательный проект

²¹ «Магнитка», стр. 36—37.

²² «Из истории...», стр. 7.

²³ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 4, стр. 202, 398—404, 422, 441, 442.

²⁴ «Из истории...», стр. 8.

²⁵ С Магнитогорским заводом мог конкурировать по мощности только чикагский завод Герри, который строился 25 лет (Ю. Петров. Указ. соч., стр. 80).

²⁶ «Поступление рабочих чертежей, начавшееся во второй половине 1930 г., — писал управляющий «Стальпроект» Колесников, — происходило медленным темпом. К концу года темп поступления чертежей еще более ослаб, в связи с чем сложилась угроза срыва договорных сроков. В процессе переговоров фирма «Мак-Ки» отказалась от взятых на себя обязательств по оказанию технической помощи. В наличии к тому времени имелось не более 10% рабочих чертежей. Угроза срыва строительных работ, а тем самым и отодвижки сроков пуска первой очереди завода стала совершенно реальной» (цит. по: В. М. Зуйков. КПСС — организатор и вдохновитель строительства гигантов черной металлургии на Урале. «КПСС в борьбе за создание и развитие тяжелой индустрии на Урале». Свердловск. 1969, стр. 170). Политика фирмы объяснялась в известной степени скептическим отношением ее руководителей к возможности создания в СССР такого гиганта, каким мыслился ММК (см. «Магнитострой. Строительство и эксплуатация Магнитогорского металлургического комбината. 1929—1933 гг.». Свердловск — Магнитогорск. 1934, стр. 3).

²⁷ Г. В. Васильев, А. И. Иванов. Большая Магнитка. Челябинск. 1964, стр. 13.

²⁸ «Магнитострой», стр. 3.

ММК подготовлен в основном силами советских специалистов, и лишь пятая часть проектных работ выполнена иностранными фирмами²⁹.

31 января 1929 г. приказом ВСНХ был создан Магнитострой, начальником которого назначен С. М. Зеленцов (вскоре он заболел, и его заменил В. А. Смольяников, старый большевик, работавший еще при В. И. Ленине управляющим делами Совнаркома РСФСР). 10 марта 1929 г. к горе Магнитной прибыли первые строители³⁰. Началась невиданная по своим масштабам всенародная стройка «опорного пункта индустриализации СССР». Ожила и заговорила разноязычной речью степь, запылали «золотые ночные костры» у горы Магнитной, тысячами потянулись люди на Магнитострой (в марте 1929 г. там насчитывалось 35 строителей, в декабре их было уже свыше 3 тысяч). Навсегда ушли в историю санный путь и гужевая связь Магнитки с внешним миром: 30 июня железнодорожная ветка связала строительную площадку с узловой станцией Карталы (в 145 км). В 1929 г. строители обживали гору Магнитную: возвели 52 барака, 10 рубленых домов, две временные бани, столовую-кухню, гараж, пожарное депо, конные дворы, складские помещения и т. д. В том же году начались планировочные работы, строительство кирпичного завода, временной электростанции³¹, в августе — добыча и отгрузка руды для уральских заводов (до конца года было отгружено 22 тыс. тонн)³².

С самого начала на Магнитострое создавалась сложная обстановка: строительство и проектирование завода шли, по существу, одновременно. Отсутствие окончательного проекта сковывало производственную инициативу строителей. Целый год на Магнитострое преобладал ручной труд, и только к середине 1930 г. появились первые экскаваторы³³. Поэтому темпы и масштабы строительства в 1929 г. далеко не отвечали тому напряженному плану, который был определен Магнитострою. Первоочередной задачей, требовавшей безотлагательного решения в кратчайшие сроки, в 1930—1931 гг. было обеспечение будущего гиганта черной металлургии водой, электроэнергией, рудой. Поэтому в числе главных объектов магнитогорской стройки 1930—1931 гг. значились плотина, центральная электростанция, рудник. В 1930 г. началось строительство основных цехов комбината — коксохимического и доменного, ибо выполнение плановых заданий правительства было предельно ограничено сроками, не позволявшими завершить подготовительные работы до начала сооружения основных производственных объектов.

Яркой страницей в летописи трудовых подвигов магнитостроевцев явилось строительство плотины № 1, которая должна была дать воду будущему комбинату. Борьба за плотину стала на Магнитострое первой школой ударных темпов и передовых методов труда, профессиональной и идейной закалки людей, смелых инженерно-технических решений³⁴. Героическими усилиями строителей была возведена значительно раньше проектного срока самая длинная тогда в мире, почти километровая железобетонная многоарочная плотина³⁵.

В мае 1931 г. вступил в эксплуатацию рудник, в октябре центральная электростанция дала ток³⁶, в декабре коксовая батарея выдала пылающий огнем коксовый «пирог» — первый на Урале высококачественный металлургический кокс³⁷. С осени 1931 г. в решающую фазу вступило сооружение домны № 1 — главного объекта строительства по степени важности и очередности. 20 августа городской комитет партии объявил 40-дневный штурм, участником которого стало практически все трудоспособное население Магнитки. Массовые коммунистические субботники в

²⁹ В. Н. Елисева. Из истории проектирования и строительства Магнитогорского металлургического комбината. «Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале», стр. 139.

³⁰ «Магнитка», стр. 292—293.

³¹ Там же.

³² А. И. Секерин. Указ. соч., стр. 41.

³³ А. Кондаков. Указ. соч., стр. 20.

³⁴ И. Г. Вовк. «Даешь Магнитку!». «Вопросы истории», 1972, № 4.

³⁵ Основная часть плотины была построена за 74 дня (по проекту отводилось 120 дней). Полностью плотина вступила в строй в апреле 1931 г., когда завершилось сооружение водосливной ее части (А. И. Секерин. Указ. соч., стр. 53).

³⁶ «Из истории...», стр. 107.

³⁷ «Магнитка», стр. 57.

те дни стали одной из основных форм борьбы за пуск домны. С августа по ноябрь в субботниках на строительстве домны участвовало около 42 тыс. человек³⁸. В октябре домна была поставлена на сушку, а в ноябре пущены кауперы (аппараты для подогрева воздуха, вдуваемого в доменную печь). Магнитогорск жил тогда в напряженном ожидании пуска первой домны... Оставались считанные дни. Честь задуть первую домну выпала горновым Т. Королеву, Г. Герасимову, С. Переверзеву, старшему газозвизу М. Куприянову, инженерам Н. Герасимову, И. Тюлину, В. Тихонову, мастеру С. Удовецкому. Руководство пуском домны было поручено начальнику цеха Н. Соболеву. 1 февраля 1932 г., в 9 час. 30 мин. вечера, пошел первый магнитогорский чугуун. Один из участников пуска, в будущем значительный металлург страны, Герой Социалистического Труда Н. И. Савичев, позднее так рассказывал об этом волнующем моменте: «На литейной площадке, на горячих путях собрались тысячи людей. Они развели костры и грелись у этих костров. Они не уходили домой потому, что каждому хотелось собственными глазами увидеть, как будет выдан первый чугуун. У печи тоже напряженное ожидание. Внешне как будто бы все спокойно. А у каждого на душе, как говорится, кошки скребут... Подходит начальник смены. Горновые зашевелились у горна. Открывают летку. И вдруг все кругом озарилось ярким светом — пошел чугуун... Кругом закричали: «Ура!». Люди обнимаются, целуются, женщины плачут от радости. Эта радость перекинулась с литейной площадки в бараки»³⁹. На следующий день председательствовавший на XVII Всесоюзной партийной конференции М. И. Калинин под бурные, долго не смолкавшие аплодисменты делегатов огласил телеграмму строителей и металлургов Магнитки: «Москва. XVII партийная конференция. 1 февраля в 9 часов 30 минут вечера получен первый чугуун Магнитогорской домны № 1. Домна работает нормально. Обслуживающие механизмы работают исправно». Под телеграммой стояли подписи начальника Магнитостроя Я. Гугеля, секретаря горкома партии Ф. Карклина, председателя завкома металлистов Н. Старожилова.

В ответ нарком Серго Орджоникидзе телеграфировал: «Искренний братский привет всему коллективу строителей Магнитогорского металлургического гиганта. С пуском первой домны одержана первая большая победа...»⁴⁰. С. М. Киров писал магнитостроителям: «Вашей борьбой, вашей железной настойчивостью вы на деле доказали, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики. Задута 1-я домна, равной которой нет в мире»⁴¹. В первые дни февраля на стол начальника Магнитостроя легли сотни телеграмм, в их числе приветствие Председателя ЦК Компартии Германии Э. Тельмана, в котором говорилось: «ЦК Германской Компартии и ее центральный орган «Роте фане» шлют большевистский привет трудящимся Магнитогорска — сердцу стального Урала и горячо поздравляют уральский пролетариат с пуском 1-й домны»⁴².

Магнитогорский гигант перевернул важную страницу своей трудовой биографии... Стройка продолжалась. Магнитогорцы возводили и осваивали пущенные в ход производственные мощности. Что касается строительства металлургического комбината у горы Магнитной, то, как подчеркивалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г., «оно должно стать практической школой создания новых методов и форм социалистического труда, техники и подготовки кадров для дальнейшей индустриализации Союза»⁴³. Магнитка должна была стать кузницей кадров и школой передового опыта.

Самый факт грандиозных масштабов стройки со всей остротой поставил на повестку дня проблему кадров. Ее решение имело государственное значение. Опыт показал, что в условиях дефицита квалифицированной рабочей силы, ограниченности материальных ресурсов проблема кадров на крупных производственных объектах могла успешно решаться только комплексно, за счет умелой комбинации государственных усилий (организованный набор рабочей силы), непосредственной помощи строи-

³⁸ Ю. Петров. Указ. соч., стр. 57.

³⁹ Цит. по: «Магнитка», стр. 61—62.

⁴⁰ «Магнитогорский рабочий», 4.II.1932.

⁴¹ Там же, 5.II.1932.

⁴² Там же, 9.II.1932.

⁴³ «Справочник партийного работника». Вып. 8. М. 1934, стр. 459.

тельных организаций и промышленных предприятий, массового добровольческого движения, местных возможностей (подготовка специалистов непосредственно на строительной площадке).

В 1929—1932 гг. на Магнитострое трудились представители свыше 50 наций и народностей нашей страны⁴⁴. Около 80 заводов, железных дорог, институтов, хозяйственных организаций готовили кадры рабочих и специалистов для Магнитогорского комбината⁴⁵. «Вся страна помогала строить Магнитогорский завод... Магнитка стала знаменем страны», — говорил в этой связи Г. К. Орджоникидзе⁴⁶. С 1930 г. по 1936 г. на комбинате работало также свыше 700 подданных США, Германии, Чехословакии и других стран⁴⁷. Практика строительства ММК убедительно доказала, что главной цементирующей силой коллектива первых строителей стали рабочие прежних ударных строек страны. Они принесли с собой пролетарские традиции и трудовой энтузиазм, знание дела и передовой производственно-технический опыт. В мае 1930 г. с Днепроостроя, Турксиба, Сталинградского тракторостроя было направлено в Магнитогорск 120 коммунистов и 3500 квалифицированных рабочих-строителей, в июле — дополнительно 1000 московских строителей и 2000 рабочих сталинградских и саратовских предприятий⁴⁸. Этот перечень посланцев страны, как правило, передовиков производства, можно было бы продолжить. Типичен пример бригады арматурщиков Н. Калье, прибывшей со Сталинградского тракторостроя в 1930 году. Руководство Магнитостроя всегда посылало эту бригаду на самые ответственные участки. Стиль ее работы отличали четкая организация труда, дисциплина, постоянный рационализаторский поиск, неиссякаемый энтузиазм. В суровую зиму 1930/31 г., когда нависла угроза простоя на бетонировании домны, бригада проработала 36 часов без сна и отдыха. Из месяца в месяц, в условиях 40-градусных морозов план выработки не опускался ниже 160—170%⁴⁹.

По мере наращивания темпов и масштабов строительства и формирования ядра коллектива с середины 1931 г. центр тяжести в борьбе за кадры для Магнитки переносится непосредственно на Магнитострой⁵⁰. Уже с начала года во всех бригадах и артелях был введен «техчас», а вскоре создан городской штаб по овладению новой техникой. За год через систему технических кружков и курсов прошло 12 тыс. рабочих Магнитостроя⁵¹. К середине 1933 г. системой технической учебы было охвачено 75% рабочих и инженерно-технических работников завода⁵². Предельно сжатые сроки строительства и пуска Магнитогорского комбината обусловили своеобразие решения проблемы кадров на Магнитострое, заключавшееся в том, что Магнитке одновременно были нужны и строители и специалисты, способные привести в действие готовые производственные мощности. Поэтому на Магнитострое характер массового движения приобрела переквалификация бывших строителей в доменщиков, сталеваров, горняков, прокатчиков. Партийная организация и руководство стройки и комбината всемерно поддерживали это движение, ибо, с одной стороны, оно в известной мере удовлетворяло возраставшие потребности Магнитки в металлургах, с другой — способствовало стабилизации коллектива (рабочие, прошедшие школу Магнитостроя, становились, как правило, хорошими металлургами).

К началу второй пятилетки, то есть за три года, в Магнитогорске сложился дружный коллектив строителей, горняков, металлургов, железнодорожников. На строительстве и эксплуатации комбината в 1932 г. было занято почти 50 тыс. рабочих и инженерно-технических специалистов⁵³. Коллектив Магнитостроя рос и мужал бу-

⁴⁴ В. Г. Сержантов. Магнитострой — всенародная стройка первой пятилетки, стр. 101.

⁴⁵ В. Г. Сержантов. Металлурги Магнитки в борьбе за освоение новой техники в годы второй пятилетки, стр. 207.

⁴⁶ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. 2. М. 1957, стр. 481—482.

⁴⁷ «Из истории...», стр. 20.

⁴⁸ «Магнитогорский рабочий», 6.VII 1930

⁴⁹ «Дела и люди» Магнитогорск. 1931, стр. 36—39.

⁵⁰ Магнитогорский филиал Государственного архива Челябинской области (ГАЧО), ф. 99, оп. 9, д. 18, л. 31.

⁵¹ А. В. Середкина. Магнитка работает на социализм, стр. 76—77.

⁵² В. Г. Сержантов. Металлурги Магнитки в борьбе за освоение новой техники в годы второй пятилетки, стр. 20.

⁵³ «Магнитострой», стр. 104.

квально на глазах, отбрасывая былые артельные нравы, деревенскую заскорузлость, мелкособственнические привычки. Определяющую роль в этом процессе сыграли целенаправленное воздействие партийной организации, энтузиазм ударников и передовых рабочих. Первым строителям памятна история бригады Алексея Захарова. В начале стройки рогожное «черное знамя» как символ производственной и моральной нерадивости не раз висело у входа в барак, где жила «артель» Захарова, а имя бригадира красовалось на «черной доске» (прогулы, пьянство, бузотерство). Атмосфера стройки и сила коллектива вскоре не оставили и следа от артельного ухарства и разгильдяйства. Бригада Захарова вышла в первые ряды ударных бригад. А сам бригадир выступил инициатором создания фонда имени XIII годовщины Октября (этот почин предусматривал выполнение отдельных сверхплановых работ бесплатно)⁵⁴. Именно многих первых строителей Магнитки известны не только в нашей стране, но и за рубежом. На Магнитострое прошла юность А. Д. Филатова, в будущем крупнейшего металлурга СССР, директора Магнитогорского металлургического комбината (в 1968—1973 гг.), И. П. Комзина, возглавлявшего позднее строительство Куйбышевской ГЭС, лауреатов Государственной премии, знатных сталеваров М. Зиннурова, В. А. Захарова, И. В. Семенова, Л. Г. Анкудинова и других.

Кадры, передовой опыт, новаторство — понятия неразрывные. История Магнитостроя — впечатляющая картина замечательных починов, новаторских приемов, беспримерных по смелости и экономическому эффекту научных и инженерно-технических решений. На Магнитострое воедино слились самоотверженный труд и постоянный, буквально каждодневный поиск таких технических решений, которые максимально сокращали время строительства, давали серьезный производственно-экономический эффект, хотя формально нередко шли вразрез со сложившимися технологическими нормами и теоретическими представлениями. Памятными страницами в летописи героических дел магнитостроителей остались, в частности, события, связанные с монтажом механизмов рудодробильной фабрики, с пуском первой домны и коксохимического производства, с мировыми рекордами Хабибулы Галиуллина, с электромонтажными работами на ЦЭС, с борьбой за внедрение в производство «пушки Брозюса», со стахановскими пятидневками и т. д.

Шел монтаж рудодробильной фабрики. Предстояло поднять на 40-метровую высоту 260-тонную дробилку «Трайлор». Обычно это делалось с помощью кранов. К сожалению, их не оказалось на стройке, и неизвестно было, когда их доставят. Тогда инженер Э. Я. Беккер, сделав соответствующие расчеты, предложил «сумасшедший» (по мнению американских консультантов) план — поднять эту махину с помощью простых лебедок. Заокеанские специалисты пытались урезонить начальника горного управления В. А. Гончаренко, который дал «добро» на предложение Э. Я. Беккера. Более того, они обратились с письмом на имя начальника Магнитостроя, в котором снимали с себя всякую ответственность за последствия «беккеровской авантюры». И все же дробилка была успешно установлена, а один из американцев, Робинс, заявил: «Я снимаю шляпу перед большевистским упорством русских людей»⁵⁵.

Беспрецедентен и факт пуска первой домны в тридцатиградусные морозы. Мировая практика не знала примеров подобного рода, и американские специалисты неоднократно протестовали, считая, что это — технически абсурдное решение. Но опыт Магнитки, связанный с пуском домны в суровых зимних условиях, внес новые существенные коррективы в мировую практику: домна дала первый чугун зимой, выигрыш во времени был равен нескольким месяцам. В коллективной корреспонденции магнитогорцев по поводу пуска домны № 1, направленной в редакции ряда газет («Правда», «Труд», «Уральский рабочий», «Магнитогорский рабочий», «Rote Fahne», «L'Humanité», «Daily Worker»), дана яркая характеристика замечательных починов строителей первой домны Магнитки. В ней, в частности, отмечается: «В борьбе за магнитогорский металл создавалась школа социалистического труда и социалистической техники... На сборке шахты домны впервые были применены для сборки и клепки подвесные люльки, катающиеся по кромке листа. Этот способ дал возможность избежать устройства дорогих наружных и внутренних лесов. Шахта домны была

⁵⁴ «Дела и люди», стр. 12—13.

⁵⁵ Цит. по: «Магнитка», стр. 57.

собрана и склепана в рекордный срок — 14 дней. Монтаж кауперов производился по способу, предложенному инженером Тимофеевым. Сборка проходила с подвесных люлек, и одновременно же велась клепка с кольцевых площадок, подвешенных на кронштейнах. Сборка кауперов проходила без лесов, а клепка и чеканка совершенно не зависели от сборки. Кладка доменной печи... была закончена в 47 дней. В истории кладки доменных печей во всем мире не было еще таких сроков»⁵⁶.

Школой ударных методов труда стало и строительство коксохимического производства. Обычно на кладку коксовой батареи затрачивалось 120 дней. Таковы были мировые стандарты. На Магнитострое первую коксовую батарею построили за 72 дня, вторую — за 68⁵⁷. С коксохимом связаны и мировые рекорды Х. Галиуллина, бригадира бетонщиков, выдающегося мастера своего дела.

В мае 1931 г. бетонщики Харьковского тракторного завода сделали 306 бетонных замесов в смену: это был рекорд, если учесть, что средняя производительность бетономешалок тех лет равнялась 200 замесам в смену. Весть об этом событии быстро распространилась по новостройкам страны. Бетонщики Кузнецкстроя увеличили выработку, доведя ее до 324 замесов. Комсомольско-молодежная бригада Х. Сагадеева, трудившаяся на коксохиме Магнитки, за смену сделала 525 замесов. Рекорд сагадеевцев опрокинул все представления о производительности бетономешалок. Последовали новые рекорды. Эстафета трудовой доблести шла от одной стройки к другой. В соревнование вступили и галиуллинцы, с каждым днем наращивались темпы, наконец был установлен новый рекорд. Бригада Галиуллина за смену, работая на бетонировании фундамента водонасосной башни, сделала 1196 замесов. Это произошло 26 июня 1931 года⁵⁸. Многие бетонщики из этой бригады в будущем стали знаменитыми металлургами, а бригадир позднее возглавлял бетонитовый комбинат, руководил бригадой инструкторов стахановских методов труда в тресте «Магнитострой».

Рука об руку с рабочими на строительстве центральной электростанции самоотверженно трудились молодые инженеры Владимир Фастовский, бывший днепростроевец; Елена Джапаридзе, дочь прославленного бакинского комиссара; совсем юная Лена Волнистова, дочь московского рабочего. Они сутками не знали покоя, поддерживая напряженный трудовой ритм на электромонтаже ЦЭС, неоднократно удивляли иностранных консультантов оригинальными техническими решениями и редким упорством. Примечательно, что монтажные работы на ЦЭС шли одновременно со строительством электростанции и были завершены досрочно и с хорошим качеством. Особенно памятен магнитостроевцам эпизод, связанный с монтажом котлов на ЦЭС. Представитель немецкой фирмы консультант Гартман был возмущен, узнав, что котлы будут монтироваться в здании станции, которая имела только каркас (не было ни крыши, ни стекол). Его возмущение еще более усилилось, когда ему сообщили, что инженер В. Тумасов и бригадир слесарей Н. Банных высказали твердое намерение смонтировать топку котла за 30 дней. Гартман же ориентировал монтажников минимум на два месяца. К его удивлению, наперекор трескучим морозам котел был смонтирован умелыми руками слесарей за 25 дней. Далее шла стадия испытания котла. Гартман потребовал 10 суток. Возмущение консультанта не знало пределов, когда он услышал о «встречном плане» испытания: несколько часов! Инициаторами тоже были наши специалисты. И вот началось испытание. Давление достигло необходимых пределов, 1600 труб котла работали нормально (лишь одна дала небольшую течь). Гартман был поражен и темпами и качеством⁵⁹.

Магнитогорцы хорошо помнят историю с «пушкой Брозиуса» — приспособлением для механической забивки чугунной лётки. Этот механизм был сконструирован и изготовлен самими магнитогорцами. Поначалу больше месяца пушка бездействовала: старым мастерам она казалась ненужной «дикувиной», и они противились ее внедрению в производство. Сила привычки давала о себе знать. В защиту «пушки» выступила общественность: партийный, профсоюзный комитеты комбината, редакция газеты «Магнитогорский рабочий». Решено было провести общественный суд — своеоб-

⁵⁶ «Магнитогорский рабочий», 31.I.1932.

⁵⁷ «Очерки истории Челябинской областной партийной организации (1917—1967)». Челябинск. 1967, стр. 198.

⁵⁸ «Из истории...», стр. 91.

⁵⁹ А. Кондаков. Указ. соч., стр. 30—31.

разную конференцию, на которой свободно высказывали свое мнение как противники «пушки», так и ее защитники. Общая атмосфера Магнитки, стремление к новому и передовому стали залогом победы тех, кто ратовал за внедрение и освоение «пушки». Она безотказно стала работать в руках молодых доменщиков Г. Герасимова, А. Шатилина, С. Переверзева и других ⁶⁰.

История строительства и освоения Магнитогорского металлургического комбината убедительно подтвердила правоту и жизненность ленинских идей о социалистическом соревновании как могучем средстве мобилизации масс, повышения их производительной и социальной активности. Ударничество, стахановское движение неотделимы от истории Магнитостроя. Первая ударная бригада появилась здесь еще в октября 1929 года. Возглавлял ее коммунист Н. Лямин ⁶¹. С тех пор ударничество стало нормой трудовых будней Магнитки, важнейшей формой социалистического соревнования. К началу 1933 г. более 75% кадровых рабочих Магнитогорска было охвачено соревнованием и ударничеством, а по 6 ведущим цехам комбината число соревнующихся и ударников составило 98,8% от общего числа рабочих в цехах ⁶². С осени 1935 г. на Магнитогорском металлургическом комбинате развертывается стахановское движение. В ноябре 1936 г. в цехах предприятия трудились 3655 ударников и 2335 стахановцев. Практически половина рабочих комбината значительно перевыполняла нормы выработки ⁶³. К началу 1939 г. на комбинате было 7 тыс. стахановцев и 5400 ударников ⁶⁴.

Стахановское движение и ударничество послужили стимулом для многих замечательных починов, в частности таких, как совмещение профессий, движение многостаночников, движение женщин за овладение основными металлургическими специальностями, широкое рационализаторство. Так, сталевар К. Бурашников стал работать сразу на двух мартеновских печах большого тоннажа и добился таких показателей производительности труда, которые превосходили на каждом из мартенов выход продукции сталеваров, обслуживавших одну печь. А. Грязнов предложил совместить обязанности мастера и сталевара. Его почин быстро был подхвачен многими металлургами. Перед Великой Отечественной войной на комбинате родилась новая профессия — электрослесарь (совмещение функций слесаря и электрика). В механическом цехе широкое распространение получило многостаночное обслуживание. В начале 1940 г. на ММК появились первые сталевары-женщины: Т. Ипполитова, С. Васильева, Л. Сартакова, П. Ткаченко ⁶⁵. Знаменательно, что новаторские приемы и почини принимали в цехах комбината характер массовых движений. В 1939—1940 гг. широкое распространение на ММК получили стахановские школы — форма обучения передовым приемам труда прямо на рабочем месте. Магнитогорцы стали инициаторами проведения стахановских суток, пятидневок, двенадцатидневок, двадцатидневок, стахановских месячников (1936 г.). Этот почин был одобрен Коммунистической партией и Советским правительством и поддержан сотнями предприятий страны ⁶⁶. Комбинат по праву называли «школой передового опыта и стахановских методов труда» ⁶⁷. За годы стахановского движения производительность труда на ММК по отношению к 1935 г. выросла: в 1936 г. — на 21,8%, в 1937 г. — на 36,5%, в 1938 г. — на 42,8%, в 1939 г. — на 51%, в 1940 г. — на 70%. Выработка продукции на одного человека составили в 1935 г. 11 тыс. руб., в 1936 г. — 16 тыс., в 1937 г. — 17 300, в 1938 г. — 18 700, в 1939 г. — 19 800, в 1940 г. — 22 200 рублей ⁶⁸.

В авангарде борцов за строительство и освоение ММК шли коммунисты. Партийная организация на Магнитострое была создана 1 июля 1929 г. (29 членов и 20 кандидатов в члены ВКП(б)). В 1933 г. она насчитывала уже 8400 человек. Коммунисты трудились на всех решающих участках Магнитостроя. Так, в 1933 г. партийная

⁶⁰ Там же, стр. 68—69.

⁶¹ «Магнитка», стр. 53.

⁶² Магнитогорский филиал ГАЧО, ф. 118, оп. 1, д. 10, л. 13.

⁶³ «Из истории...», стр. 31.

⁶⁴ «Магнитогорский рабочий», 1.II.1939.

⁶⁵ «Становление и развитие города Магнитогорска», стр. 21—22.

⁶⁶ А. В. Середкина. Авангардная роль коммунистов в освоении Магнитогорского металлургического комбината, стр. 162.

⁶⁷ Там же, стр. 164.

⁶⁸ «Магнитогорский рабочий», 28.XII.1940.

прослойка в доменном цехе составляла 46%, мартеновском — 54%, прокатном — 48%. Среди рабочих ведущих профессий доменного цеха партийная прослойка достигала: среди горновых — 69%, старших газовщиков — 80%, машинистов скиповых подъемников — 57%⁶⁹. Коммунисты являлись застрельщиками социалистического соревнования, ударных методов труда и стахановского движения. В доменном цехе, например, в 1932 г. из 588 коммунистов, трудившихся непосредственно на рабочих местах, 420 были членами ударных бригад, 45 — бригадирами ударных бригад. В коксовом цехе из 473 коммунистов 279 были ударниками, 54 — бригадирами ударных бригад⁷⁰. Бригады, возглавленные коммунистами, как правило, перевыполняли производственные задания. Магнитогорская партийная организация пополнялась в основном за счет передовых производственников, рабочих, занятых непосредственно на стройке и в цехах комбината. На примере сотен и тысяч магнитогорцев можно проследить, как росла и формировалась партийная организация Магнитогорска: сначала то были полуграмотные крестьянские парни, затем ударники и стахановцы, в дальнейшем коммунисты.

Славную страницу в историю строительства и освоения гиганта у горы Магнитной вписал комсомол. «В сущности, Магнитогорск создан советской молодежью: 60 процентов рабочих этого строительства моложе 24 лет. Комсомол объявил магнитогорское строительство своим делом и выдвинул из своих рядов большую часть ударников, боровшихся за осуществление строительных планов. Добровольная, но строжайшая дисциплина рабочей молодежи помогла преодолеть многочисленные трудности строительства»⁷¹. Магнитогорск стал первой Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. 26 февраля 1931 г. Магнитогорский горком ВЛКСМ принял решение построить домну № 2 силами комсомольцев. В письме на имя начальника Магнитостроя комсомольцы Магнитки писали: «Сейчас мы решили взять один из ответственных объектов строительства — домну № 2, построить ее силами комсомольцев и молодежи под руководством технического персонала и на ней показать подлинно большевистские темпы и высокое качество работ, обеспечив этим выполнение приказа партии по строительству Магнитогорского комбината. К ударной комсомольской домне мы этим обязуемся подтягивать все остальные участки стройки»⁷².

ЦК ВЛКСМ одобрил инициативу молодых магнитогорцев и объявил набор добровольцев на первую комсомольскую стройку⁷³. Строительство «Комсомолки» стало символом беззаветного служения советской молодежи и комсомолу делу партии и народа, положило начало замечательным традициям всеююзных ударных комсомольских строек. Вот лишь один из эпизодов сооружения домны № 2. Это было осенью 1931 года. Проходил первый городской комсомольский актив. В президиум к секретарю горкома ВЛКСМ И. Фадееву подошел пожилой человек и начал что-то говорить. Фадеев хмурился, кусал губы, а потом, знаком остановив очередного оратора, поднялся: «Вот какие пироги, товарищи; прибыли на станцию вагоны с огнеупорным кирпичом и металлоконструкциями. Людей на разгрузке мало. Завтра стройка домны может стать, если к утру не разгрузить вагоны. У кого какие будут предложения? Зал многоголосо загудел: «А какие могут быть предложения — всем прямо отсюда на субботник... Правильно! Продолжим наш сегодняшний актив на стройплощадке». Комсомольцы трудились всю ночь, до самого рассвета. К утру огнеупоры и конструкции были разгружены на площадке «Комсомолки»⁷⁴. В приветственной телеграмме юношам и девушкам Магнитки по случаю пуска домны № 2 ЦК ВЛКСМ писал: «Вашей работой с полным правом гордится комсомол. Вы показали героические образцы ударной стройки, вписали славную страницу в историю комсомола»⁷⁵. Руками магнитогорских комсомольцев была возведена затем и третья домна.

⁶⁹ А. В. Середкина. Авангардная роль коммунистов в освоении Магнитогорского металлургического комбината, стр. 150—151

⁷⁰ В. Г. Сержантов. Металлурги Магнитки в борьбе за освоение новой техники в годы второй пятилетки, стр. 197.

⁷¹ «Известия», 11.X.1968

⁷² «Магнитогорский рабочий», 7.III.1931.

⁷³ А. П. Орлова. Так начиналась трудовая биография орлеанского комсомола Магнитки. «Человек, труд, коммунизм» Магнитогорск. 1970, стр. 18.

⁷⁴ Ю. Петров. Указ. соч., стр. 63—64

⁷⁵ «Магнитогорский комсомолец», 11.VI.1932.

Магнитогорский комбинат стал действующим предприятием, а строительство продолжалось, ускорялись его темпы, расширялись масштабы. В июне 1932 г. дала первый чугун вторая домна (имени Ленинского комсомола), год спустя — третья домна, в июле—августе 1933 г. вступили в строй блюминг и мартеновская печь. В августе 1934 г. начал действовать прокатный стан «500». С пуском этого агрегата комбинат превратился в предприятие с законченным металлургическим циклом. В 1935 г. Магнитогорский металлургический комбинат дал 10% общесоюзного производства чугуна, 6,3% стали, 6,8% проката, 20% руды, 18,6% кокса⁷⁶. В 1936 г. комбинат выплавлял 11,5% чугуна от общесоюзного производства, 10,2% стали, выпускал 10% проката⁷⁷. За годы второй пятилетки в Магнитогорске были пущены в эксплуатацию 2 домны, 2 коксовые батареи, 12 мартеновских печей, блюминг, 6 прокатных станов, агломерационная фабрика⁷⁸. А за 8 лет (по 1940 г.) Магнитогорский комбинат дал Родине 35,4 млн. т руды, 11,6 млн. т кокса, 9,4 млн. т чугуна, 6,7 млн. т стали, 5,2 млн. т проката⁷⁹, причем с 1936 г. комбинат превратился в наиболее рентабельное металлургическое предприятие страны с самым дешевым чугуном.

История строительства гиганта черной металлургии у горы Магнитной—это вовсе не какой-то путь сплошных побед и триумфов. Величие подвига советского народа и его составной части — магнитогорцев как раз и заключается в том, что эта история — напряженная каждодневная борьба с трудностями и недостатками. Магнитострой испытал на себе и текучесть кадров (особенно в первые годы), и дефицит в механизмах и материальных ресурсах, и нерасторопность поставщиков, и технический консерватизм. Масса проблем вставала в связи с необходимостью освоения новой техники. На Магнитострое постоянно давали о себе знать унаследованные от дореволюционной России технико-экономическая отсталость, мелкособственнические настроения, техническая и общеобразовательная безграмотность. Но созидательная энергия раскрепощенного народа, помноженная на преимущества социалистического строя, стала могучей силой в борьбе за «опорный пункт индустриализации», созданный у горы Магнитной. Магнитострой остался в истории социалистической индустриализации как поистине трудовой подвиг народа. Именно это обстоятельство предопределило и обеспечило успех строительства Магнитогорского металлургического комбината. Большинство принципиальных вопросов, касавшихся проблем Магнитостроя, решались, как правило, на уровне Центрального Комитета ВКП(б) и Совнаркома.

Магнитогорцы чтят имя Серго Орджоникидзе, с которым связано немало замечательных побед строителей и металлургов Магнитки. Так, по приказу Г. К. Орджоникидзе в марте 1932 г. строительство Магнитогорского комбината было взято под особое наблюдение Народного комиссариата тяжелой промышленности. Ежедекадно в Наркомтяжпром представлялись сводки о ходе строительства. «Не было ни одного существенного момента в жизни Магнитостроя,— вспоминал один из работников аппарата наркомата,—которые не были бы вовремя известны Орджоникидзе. Почти ежедневно Серго проверял ход строительства по телефону. Тут же делались необходимые выводы, отдавались распоряжения»⁸⁰. Орджоникидзе не ограничивался только руководством из наркомата, он неоднократно бывал на Магнитострое. Коренные магнитогорцы хорошо запомнили оперативные, деловые решения наркома, его умение быстро вникнуть в суть происходящих событий, нетерпимость к бесхозяйственности и очковтирательству, заботу о простых тружениках. Проблемы Магнитостроя и комбината постоянно держали в центре внимания И. В. Сталин, С. М. Киров, В. В. Куйбышев. Благодаря помощи С. М. Кирова весной 1932 г. в Магнитогорск была направлена крупная партия сборных домов площадью в 6500 кв. метров. В Ленинграде, в Доме-музее С. М. Кирова хранится подарок магнитогорцев — плита с барельефом В. И. Ленина, отлитая из первого чугуна Магнитки. На ней надпись: «Вождю ленинградских большевиков, борцу за магнитогорский гигант Кирову. 1 февраля 1932 г.»

⁷⁶ А. В. Середкина. Авангардная роль коммунистов в освоении Магнитогорского металлургического комбината, стр. 153

⁷⁷ «Сталинская стройка». Магнитогорск. 1939, стр. 17.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ А. Кондаков. Указ. соч., стр. 70.

⁸⁰ «За индустриализацию», 29.X.1936. Подробнее о роли Г. К. Орджоникидзе в создании ММК см. «Человек, труд, коммунизм», стр. 20—26.

Страна всемерно помогала Магнитострою. В годы первой и второй пятилеток развернулось всенародное движение по своевременному и качественному выполнению заказов Магнитки. В то время не было практически ни одного крупного отечественного промышленного центра, который не работал бы на Магнитострой. Так, его заказы выполнялись в Москве на 29 заводах, в Ленинграде — на 45, в Харькове — на 7, в Одессе — на 7, в Криворожье — на 11, в Днепропетровске — на 6 и т. д. (а всего — на 300 предприятиях)⁸¹. В условиях напряженного графика железнодорожных перевозок, максимальной загруженности стальных магистралей первостепенное значение приобретала проблема своевременной доставки грузов к горе Магнитной. И опять на помощь пришла вся страна: повсеместно формировались ударные эшелоны, которые сопровождали представители заводов-поставщиков. На пути следования эшелонов действовали посты сквозного контроля, которые обеспечивали «зеленую улицу» грузам, идущим на Магнитострой. Активным помощником Магнитостроя стала советская пресса. В газетах «Правда», «Известия», «За индустриализацию», «Уральский рабочий» и других центральных и областных газетах ежедневно публиковались материалы, посвященные Магнитострою. «Рабочая газета» и журнал «Крокодил» объявили себя шефами Магнитки.

История строительства и освоения ММБ неотделима от истории становления и развития города Магнитогорска. Буквально за несколько лет у горы Магнитной вырос новый индустриальный и культурный центр, который по своим масштабам не уступал городам, строившимся десятилетиями и даже столетиями. К концу 1936 г. в Магнитогорске действовали 17 библиотек, 22 клуба, театр, кино, 2 стадиона, 2 водные станции, 21 ясли, 47 детских садов, 45 школ, 3 техникума, 2 института (горно-металлургический и педагогический), 18 поликлиник, детский санаторий, больница на 1100 коек и пр. Создание гиганта черной металлургии и города у горы Магнитной — великая победа советского народа, подтверждение преимуществ социалистического строя, реальное воплощение в жизнь ленинских идей. Магнитка произвела ошеломляющее впечатление на капиталистический мир. Даже враги социализма были вынуждены признать колоссальные возможности Советского Союза, его народов. Газета «Chicago Tribune» писала: «Магнитогорск производит наибольшее впечатление из всех промышленных предприятий России... Этот завод по праву должен вызвать глубочайшие размышления о значении русских пятилеток»⁸².

Еще в предвоенные пятилетки Магнитка стала великой труженицей, неутомимо работавшей на социализм. А в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны она превратилась в один из «стальных щитов» нашей Родины. Партия и Родина высоко оценили героический трудовой подвиг металлургов Магнитки, наградив коллектив комбината орденом Ленина (1943 г.) и орденом Трудового Красного Знамени (1945 г.).

Остались позади 40 лет самоотверженного труда магнитогорцев. Свыше 250 млн. т стали дал Родине Магнитогорский металлургический... В 1971 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР комбинат награжден третьим орденом — орденом Ленина — за образцовое выполнение коллективом комбината заданий по обеспечению народного хозяйства металлом и достижение высоких технико-экономических показателей. А в настоящее время флагман отечественной металлургии Магнитогорский комбинат переживает свое второе рождение: началась его коренная реконструкция.

В. Ф. Романов

⁸¹ В. Г. Сержантов. Магнитострой — всенародная стройка первой пятилетки, стр. 103.

⁸² А. Кондаков. Указ. соч., стр. 59.

ВОСПОМИНАНИЯ

В ГЕРМАНСКОМ ПЛЕНУ

(1914—1920 гг.)

Б. И. Гринштейн

22 октября 1914 г., тяжело раненный, я попал в германский плен. Это произошло в боях за Сувалки, около села Филиппово. Большую группу раненых солдат русской армии немцы подобрали на поле боя и отправили в Ландсберг. Везли нас в грязных вагонах, предназначенных для перевозки скота. В них было так тесно, что не только лечь, но и сесть было невозможно. Двери вагонов не открывались, и люди задыхались, теряли сознание, умирали. В Ландсберге многих, в том числе и меня, поместили в госпиталь. Тех из нас, кто не нуждался в госпитализации, повезли прямо в лагерь для военнопленных.

Группа раненых, среди которых был и я, оставалась в госпитале до февраля 1915 года. Затем, в наказание за протесты против плохого питания, всех нас отправили в лагерь для военнопленных—Гальбе, около Берлина. Условия жизни в нем были кошмарными. Вообще жизнь русских военнопленных во всех германских лагерях была очень тяжелой, особенно в 1915—начале 1916 года. За самые незначительные проступки строго, порою изощренно, наказывали. Военнопленных подвешивали на столбе в полуметре от земли. В таком состоянии человек оставался в течение одного-двух часов, пока не терял сознание. пытки, издевательства, голод, антисанитарные условия, эпидемии приводили к высокой смертности. В первое время только в лагерях Гальбе и Кроссен умерло свыше 1,5 тыс. наших товарищей. Вместо одежды на нас висели лохмотья, покрытые вшами.

Жили мы в сырых бараках без всякого освещения. В долгие осенние и зимние вечера, меняясь местами друг с другом, мы грелись около убогой печурки, которую сами построили. Здесь велись разговоры о нашей судьбе. Все наши помыслы были направлены на то, чтобы утолить постоянный голод, дожидаться свободы. Среди нас были рабочие, крестьяне, служащие, попадались дети священников, торговцев—люди с далеко не одинаковыми взглядами, но объединенные ненавистью к войне. Правда, пока разговоры о действительных причинах войны почти не велись. В этой обстановке всеми владело одно стремление: «Выжить!».

Находясь в плену, мы в первое время никакой связи с Россией не имели и, что там происходило, не знали. Царское правительство совершенно не интересовалось судьбой своих бывших солдат, попавших в плен. Зато французские и английские военнопленные были в привилегированном положении. Они поддерживали регулярную переписку с родственниками, получали помощь от своих правительств в виде продовольствия, одежды, обуви. Им не приходилось испытывать тех унижений, которые выпали на долю русских военнопленных. Отношение к ним со стороны немецких охранников не было таким жестоким, как к русским. Нам запрещалось собираться группами, громко разговаривать, в то время как на англичан и французов эти ограничения не распространялись.

В марте или апреле 1915 г. мы узнали, что в наш лагерь приезжает какое-то высокопоставленное лицо из России. Все очень обрадовались, надеясь, что наконец-то царское правительство постарается облегчить наше положение. Этим «высокопоставленным лицом» оказалась жена бывшего командующего 2-й русской армией Северо-Западного фронта генерала Самсонова, которая приехала в Германию, чтобы

забрать тело своего мужа, погибшего в Восточной Пруссии. Она ходила по лагерю в сопровождении коменданта и других немецких офицеров. Для встречи с нею вывели все 7 тыс. военнопленных, находившихся в лагере. Наше положение было тогда особенно тяжелым: тиф косил людей, умерших не успевали хоронить. Самсонова сообщила, что ей поручено посетить лагерь русских военнопленных и по прибытии в Россию рассказать об увиденном. Она сказала, что привезла нам привет с родины, а также крестики и молитвенники, и обещала добиться для нас какой-нибудь помощи. Такой «привет» вызвал у нас возмущение. Тогда генеральская вдова стала призывать нас к терпению и успокаивать «словом божьим». Ее выступление звучало примерно так: «У государя и помимо вас много забот, бог нам поможет, тогда и о вас подумаем...». Нам стало ясно, что на содействие самодержавия рассчитывать нельзя. Один из нас, бывший вольноопределяющийся (фамилии его не помню), с гневом крикнул, что, когда военнопленные вернутся в Россию, царь встретит не два миллиона освобожденных из плена, а два миллиона революционеров! Его поддержала многотысячная толпа военнопленных. Тут Самсонова пригрозила, что для нас готова сибирская каторга. После этого, сопровождаемая криками возмущения и свистом, она ушла из лагеря.

Это был первый случай стихийно возникшего массового протеста со стороны военнопленных в лагере Гальбе. Затем случаи организованного протеста военнопленных участились. В нашем лагере в ряде барачков, в каждом из которых жило до 200 человек, были случаи коллективного отказа от пищи. К нам просачивались сведения, что и в других лагерях военнопленные начинают выражать массовое недовольство тяжелыми условиями жизни, причем в ряде мест—организованно и активно. Эти события совпали с решением немецких властей начать широкое использование военнопленных для работы вне лагерей. Они, видимо, преследовали двоякую цель: за счет эксплуатации военнопленных восполнить нехватку рабочей силы в стране, образовавшуюся из-за систематических мобилизаций на фронт, и, кроме того, разбить военнопленных по рабочим командам, разобщить их и предотвратить совместные организованные выступления. С конца 1915—начала 1916 г. в лагерях начали формировать из военнопленных рабочие команды. Германские власти стремились обеспечить дешевой рабочей силой в первую очередь хозяев крупных заводов, шахт, лесоразработок, а также помещичьи имения. В их распоряжение направлялись команды по 100 и более военнопленных с конвоями. Спустя некоторое время военнопленных как дешевую рабочую силу стали требовать зажиточные немецкие крестьяне. В их хозяйства посылались группы по 10—20 человек с одним-двумя конвоирами. Иногда надзор за военнопленными осуществляли старосты населенных пунктов.

В начале 1916 г. вместе с некоторыми другими военнопленными меня перевели из Гальбе в лагерь Кроссен на Одере, где мы оставались до освобождения из плена и отъезда в Россию. Условия жизни, работы, отношения к военнопленным со стороны немецкой администрации в этом лагере были примерно такими же, как и в других местах.

Если в первое время русские пленные в германских лагерях вели преимущественно борьбу за существование, за кусок хлеба, то в дальнейшем, со второй половины 1916 г., происходит постепенный рост их политического сознания. Этому способствовали тяжелые условия жизни в плену, издевательства лагерных властей, вызывавшие протест и возмущение, а также расширение общения с местным населением, появление возможности читать газеты и журналы, узнавать о событиях, происходящих в мире. В основном военнопленные были неграмотными или малограмотными крестьянами, чаще всего из глухих уголков России. Большинство из них — верующие, но встречались и атеисты. Некоторые из лагерных товарищей до войны работали на промышленных предприятиях и участвовали в революционном движении, состояли в социал-демократической и в других политических партиях. Среди нас были люди самых различных взглядов и убеждений, сторонники революции и ее противники, но всех сближала мысль о необходимости борьбы за улучшение условий жизни в плену. Некоторые революционно настроенные военнопленные начали разъяснять своим товарищам значение классовой борьбы против помещиков и капиталистов, а впоследствии пропагандировали и большевистские идеи (этих людей кто-то из военнопленных назвал «прогрессистами», и с тех пор их так начали называть все).

К ним относились находившиеся среди нас рабочие из Москвы, Иваново-Вознесенска, Петербурга, Екатеринослава, Орла, Минска, Калуги. Впоследствии многие из них были избраны в состав лагерных исполкомов и стали первыми коммунистами в партийных организациях лагерей. В лагерных бараках, в рабочих командах после изнурительного труда «прогрессисты» начинали разговоры о минувших событиях, участниками которых они были, — о стачках в России, о столкновениях с полицией, о распространении подпольных листовок и газет, о массовках. Это вызывало воспоминания других военнопленных о рассказах их отцов или дедов, участвовавших в крестьянских волнениях. Потом беседа обычно переходила на темы жизни в плену. Возвращавшиеся с работ рассказывали, что среди немцев, даже зажиточных, растет недовольство войной. Из разговоров немцев между собой военнопленные узнавали, что в разных местах Германии происходят антивоенные демонстрации, выступления, вызванные недостатком продовольствия.

К началу 1917 г. режим в лагерях несколько смягчился. Причиной тому было усилившееся недовольство в среде военнопленных и нарастание революционных событий в Германии. Постепенно росло единство военнопленных, устанавливалась связь с местным населением и лагерной охраной. Нас чаще стали посылать на работы без конвоя. Военнопленные встречались с немецкими крестьянами, рабочими, ранеными солдатами, вернувшимися с фронта и теперь служившими в охране. Те рассказывали, что война и для них стала ненавистной. В отличие от прежних охранников фронтовики понимали нас, таких же бывших солдат-фронтовиков. Начала налаживаться почтовая связь с родными и близкими, которую помог организовать Международный Красный Крест. Иногда его представители навещали лагерь, знакомились с положением в них, периодически отправляли для нас посылки. Из писем с родины мы узнавали о революционных событиях в России, о том, что сельское хозяйство запущено, промышленность пришла в упадок, рабочих рук не хватает.

Февральская революция вызвала большое оживление в среде военнопленных. Не все отнеслись к событиям в России одинаково. Многие военнопленные симпатизировали большевикам, но были и сторонники Керенского. Определенное революционизирующее значение имели рассказы солдат, попавших в германский плен во время июньского наступления, организованного Керенским в 1917 году. Судя по этим рассказам, становилось ясно, что ждать от Временного правительства прекращения войны нельзя. В лагере Кроссен, как и в других лагерях, активно работала группа «прогрессистов». В нее входили: Снегирев — впоследствии председатель большевистской партгруппы лагеря Кроссен, Корнев и Шатобриан — в будущем члены руководства Русской секции при КПГ, Ионов — избранный позднее председателем лагерного исполкома, Федоров, Ватман, Кимстач и другие. В эту группу входил и я.

С большим трудом, но к нам в лагерь все же попадали большевистские листовки, газета «Правда». Мы тайно передавали их из рук в руки, следили за событиями на далекой родине. Нам стали известны слова В. И. Ленина, обращенные к военнопленным вскоре после Февральской революции, в марте 1917 г., в листовке «Товарищам, томящимся в плену»: «...Вернитесь в Россию, как армия революции, как армия народа, а не как армия царя... И мы скажем восставшим рабочим и солдатам: на ваших братьев, томящихся сейчас в плену, вы можете положиться. Они сыны народа, и они пойдут вместе с нами в бой за свободу, в бой за республику, против царя»¹. Кто и как доставлял в лагерь пропагандистские материалы и литературу, многие из нас, по понятным причинам, тогда не знали. Только спустя много лет мне стало известно, что ими снабжала лагерь в Германии «Бернская с.-д. комиссия интеллектуальной помощи военнопленным при Комитете заграничной организации РСДРП», созданная большевиками в 1915 году². Комиссия провела большую работу по налаживанию связей и организации пропаганды среди русских военнопленных. Наличие в лагере Кроссен большевистских материалов и литературы позволяет по-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 66. В «Примечании» к этой листовке подчеркивается, что «Ленин придавал большое значение работе среди пленных, которым предстояло, вернувшись на родину, участвовать в революционной борьбе» (там же, стр. 518).

² А. П. Якушина. Работа большевиков среди русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии (1914—1918 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1963, № 3.

лагать, что среди нас были товарищи, поддерживавшие нелегальные связи с этой комиссией. Члены упомянутой группы нашего лагеря разъясняли военнопленным характер Февральской революции, реакционную сущность политики Временного правительства. Даже самым отсталым из пленных становилось понятным, что только большевики стоят за прекращение войны, за раздел помещичьей земли между крестьянами, что правительство капиталистов и помещиков ничего не предпримет для выхода России из войны, для освобождения нас из плена и возвращения на родину.

О работе большевиков под руководством В. И. Ленина среди русских военнопленных, о связях с ними еще до победы Октября вспоминала Н. К. Крупская: «Написал Ильич письмо и к «Товарищам, томящимся в плену», где рассказывал им о прошедшей революции и о предстоящей борьбе. Нельзя было не написать им. Еще когда мы жили в Берне, начата была и довольно широко поставлена переписка с русскими пленными, томившимися в немецких лагерях... Мы помогали, чем могли, писали им письма, посылали литературу. Завязался ряд очень тесных сношений. ...В плен мы посылали нелегальную литературу, переслали брошюру Коллонтай о войне, которая имела громадный успех, ряд листовок и пр. За несколько месяцев до нашего отъезда в Цюрихе появились двое пленных: один — воронежский крестьянин Михалев, другой — одесский рабочий. Они бежали из немецкого плена, переплыв Боденское озеро. Заявились они в нашу Цюрихскую группу. Ильич много с ними толковал... Михалев был куском живой жизни. Таким же куском были и письма пленных, присылаемые в нашу комиссию помощи пленным. Не мог уехать Ильич в Россию, не написав им о том, что больше всего волновало его в эту минуту»³.

Февральская революция сыграла определенную роль в расширении рабочего движения в Германии. До нас доходили сведения, что пролетариат Берлина, Лейпцига и других городов весной и летом 1917 г. провел крупные забастовки. Большим революционным событием явилось восстание летом 1917 г. военных моряков в Вильгельмсхафене.

Однако только Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала мощный подъем политической активности как в Германии, так и среди военнопленных. Известие о победе в России трудового народа, о создании рабоче-крестьянской власти и формировании Советского правительства во главе с В. И. Лениным значительно усилило стремление военнопленных быстрее попасть на Родину и принять участие в революции и строительстве новой жизни. Весть о социалистической революции в России быстро облетела Германию. Мы знали, что Советскую республику искренне приветствовали трудящиеся этой страны. А после подписания Брестского мира среди военнопленных усилилось движение за создание действенного самоуправления. Все настойчивее шли разговоры, что нам нужно иметь руководящий орган для организованной борьбы за улучшение условий нашей жизни, за освобождение. В апреле 1918 г. по инициативе «прогрессистов» на площади лагеря Кроссен собралась большая часть военнопленных. В присутствии коменданта начался митинг. Военнопленные требовали, чтобы их быстрее отправили на Родину. Мы понимали, что после прекращения военных действий между Германией и Россией создались реальные возможности для освобождения нас из плена, причем окрестное население, с которым мы часто встречались на работах, с пониманием и сочувствием относилось к нашему желанию вернуться домой. На митинге раздавались голоса: «Нечего держать нас в плену, нечего терпеть нам лишения!». С Восточного фронта возвращались отдельные солдаты, но немцы продолжали воевать и не думали пока об освобождении русских военнопленных, которые нужны им были как рабочая сила.

За тысячи километров от лагеря, на нашей родине шла борьба за существование молодой Республики Советов. Страстное желание увидеть родную землю не покидало нас. Мы знали о трудностях в Советской России: о голоде, топливном кризисе, разрухе, об интервенции. Знали мы и о победах Красной Армии над силами внутренней и иностранной контрреволюции. Этим победам мы радовались, ими гордились. Мы были уверены, что Советская власть не забудет о миллионах своих сыновей, томящихся в плену, и выручит нас из неволи. Эта уверенность усилилась, когда мы

³ Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине. М. 1968, стр. 293.

прочитали в газете «Известия ВЦИК» декрет от апреля 1918 г., подписанный В. И. Лениным, «Об учреждении Центральной коллегии по делам военнопленных и беженцев».

Контрреволюционные эмигранты, бежавшие в Германию из России после Октябрьской революции, создали в Берлине и других немецких городах различные реакционные организации. Особенно они усилили антисоветскую деятельность с весны 1918 г., когда началась интервенция против Советской России. Агенты белогвардейских армий пытались организовать вербовку среди военнопленных в целях пополнения своих войск. Одновременно они старались удержать нас от побегов и развернули пропаганду за возвращение в те районы России, которые были заняты белыми армиями. Белогвардейские агенты использовали для своей пропаганды газету «Голос России», которую выпускало еще Временное правительство, а затем она перешла в руки реакционной эмиграции. Эта газета печатала провокационные статьи о том, что возвращающихся в Россию из плена, не высаживая из эшелонов, якобы отправляют в тюрьмы и на каторгу, что большевистское правительство скоро падет и пополнение военнопленными белогвардейских формирований только поможет этому. К нам в лагерь забрасывали и другие контрреволюционные газеты, в частности издававшуюся в Чехословакии петлюровскую газету.

Большую активность проявляла петлюровская миссия Центральной Рады. Однако попытка отколоть украинцев от общей массы военнопленных с целью вербовки их на сторону контрреволюции успеха не имела. Нашлись лишь отдельные националисты, которые пошли за петлюровцами. Еще какая-то организация пыталась отколоть мусульман от общей массы военнопленных. Из этого тоже ничего не вышло. К нам в лагерь приезжали и другие агенты, предлагавшие русским военнопленным переезжать в Швецию и Норвегию. Я не помню, чтобы кто-нибудь на это согласился. Представители белогвардейского генерала Бермонта-Авалова пытались вербовать в лагере Кроссен солдат в Прибалтику. Провокационную работу старались проводить в лагерях также представители различных контрреволюционных религиозных организаций. Помню посланцев из так называемого Союза христианских студентов, которые стремились вербовать людей в свои секты. Они представлялись как «бескорыстные друзья военнопленных», которые из-за большевиков якобы не могут попасть на родину. Для «облегчения» нашего положения эти «друзья» давали различные адреса для писем в Данию, Нидерланды, США. Из этих стран по письмам некоторых пленных, поддавшихся влиянию церковников, приходили иногда продовольственные посылки. Но людей, которые писали такие письма, было мало. Сталкиваясь с разного рода провокаторами, мы понимали, что они старались задержать нас в плену и затем, обработав соответствующим образом, подготовить к борьбе против Советской республики. Поэтому их потуги были, как правило, тщетны. Антивоенная пропаганда, проводившаяся в лагерях большевиками под руководством Заграничной организации РСДРП, а в дальнейшем ЦК Русской секции при КПГ, привела к тому, что вербовочные действия контрреволюции фактически провалились.

Мы читали в газетах и видели сами, что в Германии назревают революционные события. Из-за голода и растущей нищеты росло недовольство трудящихся войной, ширились массовые забастовки и политические стачки в промышленных центрах. В ноябре 1918 г. в Германии вспыхнула революция. К концу года в лагере Кроссен находилось более 3 тыс. русских военнопленных. Известие о начале революции и свержении кайзера Вильгельма II было встречено общим ликованием. Все население лагеря высыпало из барakov. Первый возглас был: «Домой!». Стихийно возникли митинги, на которых огромная масса пострадавших людей требовала улучшения условий жизни и быстрой отправки на Родину. Началось братание с солдатами из охраны. Комендант лагеря вначале растерялся, потом сорвал с себя погоны и заявил, что он тоже «за революцию»...

После свержения кайзера и прекращения военных действий на Западе английские и французские военнопленные были отправлены по домам. В то же время создавались самые различные препятствия для возвращения нас в Советскую Россию. Нам стало известно, что правительства стран Антанты обещали поддерживать освобождение и отправку в Россию лишь тех, кто даст согласие служить в белых

армиях. Особенно усердствовали в этом направлении американцы. Они завозили в лагеря продовольствие и одежду, требуя взамен, чтобы военнопленные отказывались возвращаться в Советскую Россию и ехали на пополнение белогвардейских войск. Помню такой случай. Примерно в декабре 1918 г. в лагерь Кроссен прибыли два, как нам сказали, американских офицера. По распоряжению коменданта 250—300 военнопленных было собрано в бараке, где обычно нас знакомили с приказами лагерной администрации (большинство населения лагеря в этот день находилось на различных работах). Вначале выступил комендант. Он сказал, что в Германии тяжелое экономическое положение и немецким властям трудно прокормить большое число военнопленных. Поэтому, продолжал он, американское правительство хочет выполнить «великодушную миссию» по обеспечению военнопленных питанием и одеждой. Затем к нам с длинной речью обратился американский офицер. Переводил один из военнопленных. Выступление офицера было проникнуто враждебностью к Советской России. Он старался запугать нас голодом, лишениями, царившими в России из-за «злодеяний большевиков»: Американец сказал, что военнопленные не виновны в этих «злодеяниях» и не должны стремиться в Россию, где «пока еще орудут» большевики. Потом он говорил, что Америка кормит всю Европу и в «гуманных» целях пришла также на помощь бедным русским военнопленным в Германии. Помощь будет предоставлена, однако при условии выполнения лагерного режима и прекращения саботажа на работах. После выступления американского офицера комендант объявил, что распределением одежды и продовольствия будет заниматься лагерная администрация. Многие наши товарищи выступили и заявили, что военнопленные примут помощь при условии, если хранением и распределением продуктов и одежды будет заниматься специальная комиссия, избранная военнопленными. Комендант вынужден был согласиться. Вскоре одежда и продукты начали поступать на лагерный склад. Узнав об этом, военнопленные, находившиеся в рабочих командах, стали уходить в лагерь. Это совпало с возвращением немецких солдат с Западного фронта (после перемирия в ноябре 1918 г.), и нужда в военнопленных как рабочей силе резко сократилась. Уходу из рабочих команд немецкие власти теперь особенно не препятствовали.

В это время обстановка в лагере Кроссен сложилась следующим образом: одни военнопленные еще находились в рабочих командах, другие — в лагере. Вся трехтысячная масса военнопленных никогда не собиралась вместе. Побег часто не удавался, но и отдельные случаи удачных побегов не решали дела освобождения. Так как за работу выплачивали кое-какие деньги, некоторые военнопленные начали пьянствовать, заниматься карточной игрой, спекуляцией. «Прогрессисты» обсудили создавшееся положение. Стало ясно, что главной задачей является необходимость сплочения людей. Прежде всего нужно было усилить требования о нашем освобождении из плена. Очень важно было так подготовить военнопленных, чтобы они прибыли на Родину как активные советские граждане, готовые к участию в борьбе за укрепление Советской власти.

Мы пришли к выводу, что пора создать авторитетное лагерное самоуправление, осуществляемое исполнительным комитетом лагеря. В феврале 1919 г. по инициативе группы товарищей, о которой я писал выше, с разрешения коменданта собралось общее собрание военнопленных. Основным вопросом на нем было избрание исполкома лагеря. На собрании выступили Ионов, Билик, Федоров, Снегирев, Кимстач, Родионов и я. Выступавшие внесли предложение создать исполком как орган самоуправления военнопленных, а также потребкооперацию, библиотеку, кружки по ликвидации неграмотности, организовать художественную самодеятельность. Все эти предложения были в дальнейшем выполнены исполкомом. В исполком были избраны Снегирев, Кимстач, Федоров, Билик, Ватман, Ионов, я и другие лица. Председателем исполкома избрали Ионова. Комиссия, ведавшая складом, была ликвидирована, и ее функции взял на себя исполком. Немецкой администрации, опиравшейся на антисоветски настроенную часть военнопленных, удалось протолкнуть в исполком некоторых своих людей, таких, как Прохоров, Лapidус, и им подобных. Однако все их попытки сколотить вокруг себя побольше единомышленников оказались безрезультатными. Военнопленные видели в лице большинства членов исполкома действительных защитников своих интересов. В результате напряженной борьбы в самом исполкоме спустя некоторое время антисоветчики были из него выведены.

Деятельность исполкома была довольно широкой. Ведущим в его работе стала подготовка людей к освобождению. Поэтому, в отличие от ликвидированной комиссии, исполком занимался не только распределением продуктов и вещей, но уделял основное внимание сплочению военнопленных, повышению их политической и общей грамотности, а также культурного уровня. Была создана библиотека. Исполком организовал несколько кружков по ликвидации неграмотности. Занятия проводили Снегирев, Кимстач, я и другие. Одновременно в кружках мы разъясняли газетные сообщения о Советской России, законы Советского правительства, рассказывали о Советской власти. Исполком организовал также кружок художественной самодеятельности и духовой оркестр. Среди военнопленных нашлись музыканты, а инструменты для духового оркестра имелись в городе в свободной продаже. Их мы купили в складчину.

Таким образом, с самого начала своей деятельности исполком стал вовлекать военнопленных в самостоятельные коллективы. Через различные кружки и организации исполком сплачивал военнопленных. Был выделен один барак для лагерного клуба, где размещались и работали библиотека и кружки. Этот барак стал центром всей политико-воспитательной работы в лагере. Вскоре исполком создал швейную и сапожную мастерские, кухню, баню. Работали в них сами военнопленные. Исполком добился от администрации лагеря права для военнопленных на более свободный выход в город. Каждому старшему по бараку выдавали два-три пропуска, и по его усмотрению люди отпускались после обеда на определенные часы за пределы лагеря. Члены исполкома, библиотекари, музыканты получили постоянные пропуска на право выхода. Пользуясь тем, что право выхода в город все же оставалось сравнительно ограниченным, некоторые спекулянты уходили из лагеря, дав охране взятку. В городе они закупали продовольствие, вещи, а затем в лагере при попустительстве немецкой администрации все это продавали по повышенным ценам. Для пресечения спекуляции исполком в середине 1919 г. организовал потребительскую кооперацию. Она сыграла большую роль в сплочении военнопленных, улучшении их материального положения. Кооперация лишила спекулянтов возможности наживы, создала условия для помощи, в первую очередь больным, лекарствами и питанием. Меня избрали председателем ревизионной комиссии потребкооперации. Большой победой было то, что лагерная администрация все свои распоряжения начала отдавать только через исполком, и даже на работу военнопленные не направлялись без его ведома. Комендатура только давала наряды с указанием, куда, на какие работы и сколько нужно рабочих. Рабочих среди военнопленных исполком стал подбирать на основе добровольности, а не назначать, как было раньше. Исполком иногда даже сокращал количество рабочих, подбирая людей так, чтобы характер работы соответствовал их специальности. Имея такой авторитетный орган самоуправления, как исполком, и видя, что он может многого добиться, военнопленные отвечали теперь на произвол со стороны лагерной администрации коллективным протестом, отказом подчиняться распоряжениям комендатуры.

Известно, что в других лагерях также были созданы исполкомы. Они сыграли большую роль в сплочении и поднятии политической активности военнопленных. Под руководством исполкомов широко развернулась воспитательная и организаторская работа в лагерях, усилилась борьба за дальнейшее улучшение условий нашей жизни, свободу передвижения, за облегчение условий труда. Исполкомы активно препятствовали вербовке военнопленных в белогвардейские армии, усилили требования об освобождении и отправке на Родину. Многие военнопленные прошли исполкомовскую школу воспитания, а ряд их стал впоследствии активными членами Коммунистической партии.

Хочу подробнее остановиться на наших взаимоотношениях с местным населением за пределами лагеря. Активную работу по установлению нелегальных связей за пределами лагеря Кроссен с местными немецкими рабочими, особенно социал-демократами, а позднее с коммунистами, а также между самими лагерями проводил военнопленный из нашего лагеря Корнев (или Корнев, точно не помню, впоследствии член руководства Русской секции, часто уезжавший в Берлин). Он же привлек к этой работе Ватмана и других. Местные коммунисты и рабочие социал-демократы устанавливали явочные квартиры, куда приходили для встречи с нашими связными. Здесь

они информировали связанных о политических событиях, передавали литературу, газеты, листовки. Ватман мне потом рассказал, что он приходил с паролем к одному немцу в Берлин на Фридрихштрассе, и тот передавал ему пропагандистскую литературу для лагеря. (Точного адреса он не помнил, а фамилию немецкого товарища вообще не знал.) Мне известно также, что в Мюнхенберге была явочная квартира у немца-кустара, у которого работал военнопленный Изба, родом из Белоруссии. Через него исполком, а позднее коммунистическая организация лагеря Мюнхенберг также получали политическую литературу. После образования Русской секции и коммунистических групп в лагерях наши интернациональные связи с немецкими коммунистами укрепились. В памяти у меня навсегда сохранилась немецкая семья Шейн. Сын и дочь главы семьи были активными членами КПГ. Особенно отличалась политической активностью Эмма Шейн, секретарь коммунистической группы в г. Кроссен. Она снабжала нас пропагандистскими материалами, сумела поместить в местной газете статью партруппы о производе и вымогательстве лагерных надзирателей, постоянно помогала нам. Из печатных материалов, которыми снабжали нас немецкие коммунисты, а ранее социал-демократы, помню газеты «Rote Fahne» («Красное знамя») — орган Центрального комитета КПГ, и «Freiheit» («Свобода») — орган СДПГ. «Freiheit» нередко была в городе в свободной продаже, но продажа «Rote Fahne» запрещалась. Кроме того, мы иногда получали от коммунистов листовки на немецком языке. В них говорилось о событиях, не всегда известных из газет. В листовках разоблачалась антинародная политика кровавого режима Носке и публиковались призывы к рабочим и солдатам Германии обратить оружие против реакционного правительства. Все эти материалы широко использовались для пропагандистской работы среди военнопленных.

Начало 1919 г. ознаменовалось новыми революционными выступлениями немецкого пролетариата. Значительным событием было образование 13 апреля Советской республики в Баварии. В боях за республику участвовала группа добровольцев из военнопленных. В лагерях, из которых эти товарищи скрытно ушли, администрация объявила, что все они будут по возвращении расстреляны. Но никто не вернулся: все они погибли на баррикадах Мюнхена.

Созданный в середине 1919 г. ЦК Русской секции при КПГ принял решение об издании коммунистической газеты «Красный набат». Она нелегально распространялась в лагерях и сыграла выдающуюся роль в пропаганде большевистских идей, в революционной борьбе военнопленных. В первом номере, вышедшем 15 января 1920 г., передовая объясняла: «Красный набат» будет красной газетой. «Красный набат» будет коммунистической газетой. «Красный набат» будет писаться коммунистами-большевиками и только большевиками. Но «Красный набат» предназначен не только для коммунистов-большевиков... И вот к военнопленным мы обращаемся в первую очередь: нам хорошо известно, — ибо из наших сотрудников большинство бывшие пленные, — что большая часть сидящих по лагерям товарищей сочувствует не только Советской власти, но и коммунистам (большевикам)... Мы желаем познакомить пленных с духом коммунизма... Мы будем систематически излагать идеи самого коммунизма... Вы все знаете, какими отчетами, особенно о русских событиях, заполнены буржуазные газеты всего света. Мы никогда не будем лгать, как лгут эти газеты... Итак, мы уверены, что газета наша сослужит хорошую службу и пленным, и коммунизму. Мы будем гордиться, если нам удастся достигнуть того, что наши товарищи по возвращении из Германии на родину смогут сказать: «Мы подготовлены понять все новое в России, чего мы еще не видели, но с чем нас познакомили, с чем мы сами познакомились в Русской секции Коммунистической партии Германии. А теперь забьем в набат, в красный набат и примемся за работу — на пользу коммунизма, т. е. всего трудящегося света».

С программными и передовыми статьями в «Красном набате» выступали члены ЦК Русской секции. В их статьях разъяснялось, как следует вести пропагандистскую работу в лагерях и в рабочих командах, описывались жизнь в Советской России и борьба с контрреволюцией, жизнь и борьба немецких рабочих. Большое внимание газета уделяла подготовке военнопленных к новой жизни по возвращении на родину, к тому, чтобы стать настоящими советскими гражданами. Перечень одних только заго-

ловков статей уже дает некоторое представление о содержании «Красного набата»: «Как организована Советская власть в России», «Программа коммунистов», «Советское правительство и военнопленные», «Польское нападение на Россию», «Мы — весна жизни», «IX партийный съезд», «Конец денкинищины на Кавказе». Первый номер начинался словами партийного гимна «Интернационал». Часто печатались стихи пролетарского поэта Демьяна Бедного («Рабочие — солдатам», «Пора!», «Богатырский бой»). На видном месте газета публиковала воззвания, обращения, призывы к коммунистам и другим военнопленным, а также к интернированным осенью 1920 г. красноармейцам из конного корпуса Г. Д. Гая, попавшим в Германию из Польши. Под рубрикой «Лагерная хроника» печатались статьи и сообщения, присылаемые парторганизациями лагеря.

После создания партгруппы в лагере Кроссен мы также направили в «Красный набат» несколько информации. Они рассказывали о работе, способствующей росту политической сознательности военнопленных, разоблачали лагерных надзирателей и фельдфебелей-взятчиков, расхищавших имущество военнопленных. В одном из наших сообщений говорилось: «Кроссен, 18 июня 1920 г. В лагере ведется упорная борьба с пьянством и картежной игрой. Заметно, что многие товарищи исправились и бросили порочные забавы.— Пора товарищам отрезвиться и одуматься, что настало время, требующее от каждого из нас сознательной и серьезной жизни и работы...»⁴. Военнопленные полюбили газету и с нетерпением ждали выхода очередного номера. «Лагерь Мунстер. 23 мая 1920 года. Вчера получили, наконец, № 5—6 «Набата». Вечером во всех бараках замечалось сильное оживление. Люди делились впечатлениями от прочитанного вслух и судили, и рядили о новых порядках в России»⁵. Письмо из лагеря Зальцведель: «От имени товарищей всего лагеря приветствуем пролетарскую газету и шлем всем товарищам сотрудникам искренние пожелания сил и энергии для работы на благо всего пролетариата...»⁶. В целом «Красный набат» верно и последовательно служил идеалам нового мира, вел огромную организаторскую и воспитательную работу среди военнопленных.

В некоторых лагерях ранее уже были коммунисты, проводившие подпольную работу под руководством Заграничной организации РСДРП (через вышеназванную Бернскую комиссию)⁷. Кроме того, среди нас становилось все больше людей, разделявших взгляды большевиков и активно работавших по сплочению военнопленных. Таких мы называли сочувствующими. ЦК Русской секции при КПГ через своих представителей в лагерях изучал людей, которых он считал подготовленными к вступлению в партию, и приступил затем к созданию нелегальных коммунистических партийных организаций в лагерях. «Красный набат» в № 2 от 1 февраля 1920 г. призывал: «Образуйте коммунистические группы в лагерях!». В лагере Кроссен партийная организация была создана так. 20 марта 1920 г. в лагерь прибыл военнопленный из Мюнхенбергского лагеря Абдулов (бывший учитель из Орловской губернии), который был связным между ЦК Русской секции и некоторыми лагерями военнопленных. От него я узнал, что в феврале 1920 г. ЦК Русской секции при КПГ созвал в Берлине I Коммунистический съезд русских военнопленных в Германии. Абдулов рассказывал, что делегаты съезда — коммунисты, а также сочувствующие коммунистическому движению, которых вскоре после съезда ЦК Русской секции принял в партию, были разосланы по лагерям для создания там коммунистических групп. В лагере Кроссен эту задачу и выполнил Абдулов. (Он говорил, что ушел из Мюнхенбергского лагеря, подкупив немецкого часового.) По предложению Абдулова 20 марта недалеко от г. Кроссена в лесу тайно собралось человек 20, среди которых большинство были членами исполкома. Мы заслушали Абдулова, и тут же 13 человек (Снегирев из Калужской губернии, Федоров из Сибири, Кимстач из Белоруссии, Билик из Каменец-Подольской губ., я из Херсонской губ. и другие) подали заявления о приеме в партию. Оформление приема в партию производилось ЦК Русской секции при КПГ в Берлине на основании поданных нами заявлений. Вскоре мы получили парткарточки из плотной бумаги голубого

⁴ «Красный набат», I.VII.1920.

⁵ «Красный набат», I.VI.1920.

⁶ «Красный набат», 15.VI.1920.

⁷ А. П. Якушина. Ленин и заграничная организация РСДРП. 1905—1917 гг. М. 1972, стр. 360—373.

цвета, размером 6 на 9 сантиметров. Сверху шла надпись: «Русская секция при КПГ»; ниже — фамилия, имя, отчество и время вступления в партию. Обратная сторона карточки была разделена на клетки с названием месяцев для уплаты членских взносов. Так организовалась подпольная партийная группа лагеря Кроссен. Снегирева избрали ее председателем, меня — секретарем. Председатель осуществлял общее руководство партийной работой в партгруппе и вовлекал новых членов в партию, а секретарь занимался массово-политической работой: политическим просвещением, ликвидацией неграмотности, библиотекой, изданием лагерной газеты.

После создания партийной организации в лагере исполком работал под ее влиянием и руководством. Именно через исполком нелегально существовавшая партийная организация руководила всей организаторской и политической работой в лагере Кроссен. Партийное влияние на работу исполкома обеспечивалось тем, что свыше 70% состава исполкома были коммунисты, а почти все остальные — сочувствующие. Вскоре партгруппа приступила к изданию нелегальной газеты под названием «Товарищ». Редактором газеты избрали меня (мой псевдоним был Власов). Псевдоним в нелегальных условиях был необходим, так как среди военнопленных встречались провокаторы, связанные с немецкой администрацией. Кроме газеты, издавались листовки, посвященные красным праздникам: 1 Мая, годовщине Октябрьской революции. Иногда мы выпускали стенные газеты. Они писались от руки и вывешивались в клубном бараке. В стенгазетах публиковались заметки о жизни военнопленных. Газета «Товарищ» выпускалась эпизодически; размножали ее на гектографе в количестве 20—25 экземпляров. В ней писали о гражданской войне в России, о советском патриотизме, о борьбе за отправку на Родину, велась пропаганда за усиление требований о дальнейшем улучшении условий нашей жизни. Газету «Товарищ» мы распространяли также по другим лагерям, а взамен получали через связных издававшиеся там нелегальные газеты. Так, в лагере Зальцведель выпускалась газета «Красный Восток», в Целле — «Молот», в Гаммеле — «Наш журнал», в Сольдау — «На чужбине».

В апреле 1920 г. в нашем лагере состоялось организованное ЦК Русской секции при КПГ нелегальное партийное совещание представителей партгрупп 15 лагерей военнопленных. Это совещание было созвано следующим образом. Наша партгруппа согласовала с ЦК Русской секции время открытия памятника, сооруженного на скудные средства военнопленных, нашим товарищам, умершим в лагере Кроссен. Под предлогом открытия памятника исполком, состоявший преимущественно из коммунистов и сочувствующих, добился разрешения коменданта на приглашение представителей военнопленных из других лагерей. Это были коммунисты — представители партгрупп лагерей, направленные в лагерь Кроссен по указанию секции (якобы специально на открытие памятника). Съехалось человек 15. Руководство секции представлял Четвергов (или Четвериков), который по ее поручению и провел партийное совещание. К сожалению, не помню, из какого он был лагеря. Самый факт созыва такого совещания сыграл большую роль в установлении прямых контактов с партгруппами многих лагерей. На совещании была заслушана информация о работе партгрупп и принято решение об усилении политической работы среди населения лагерей. Был выработан меморандум, который исполком каждого лагеря должен был направить в германское военное министерство через Бюро русских военнопленных. В меморандуме выдвигались требования расширения прав военнопленных, улучшения жизненных условий, ускорения отправки на родину.

Под руководством партийных групп организованность в лагерях значительно возросла. Основной задачей парторганизации было усиление требований о быстрейшем освобождении военнопленных и, главное, воспитание и подготовка к возвращению их в Россию активными гражданами молодой Советской республики. Одно из воззваний, опубликованное в «Красном набате», гласило: «Товарищи! Отправка хотя и медленно, но началась. Многие из вас скоро должны будут принять активное участие в жизни вновь возрождающейся новой России, а потому призываем вас: готовьтесь к новой жизни! Организуйте коммунистические кружки, привлекайте в них наиболее развитых товарищей, а потом пропагандируйте идеи коммунизма в широкой массе товарищей пленных»⁸.

⁸ «Красный набат», 1.VI.1920.

Партийная группа лагеря Кроссен систематически работала над расширением своих рядов. Численный состав партгруппы постепенно увеличивался. Коммунисты изучали и хорошо знали людей. Немало военнопленных полностью становилось на идейные позиции большевиков. Коммунисты в качестве членов исполкома и активистов кружков давали им различные поручения, вовлекая в партийную работу. Прием в партию происходил на нелегальных партийных собраниях. Заявления обсуждались собранием и в случае утверждения поступали на рассмотрение ЦК Русской секции при КПГ. Оттуда мы получали через Корнева и Шатобринана парткарточки для принятых. На партийных собраниях решались также многие другие вопросы: как вести пропаганду и кому ее поручить; об усилении требований по ускорению отправки на Родину; об улучшении условий жизни военнопленных. Многие мероприятия партгруппа проводила, как уже говорилось, через исполком. Изредка (конечно, нелегально) к нам приезжали представители ЦК Русской секции. Тогда мы проводили партийные совещания ночью, притушив свет и выставив дозорных.

По заданию партгруппы исполком периодически созывал сходки. На них, иногда в присутствии коменданта, обсуждались вопросы лагерной жизни. Коммунисты, живя вместе с массой военнопленных, проводили среди них большую работу. Эта работа строилась на основе имевшихся в партгруппе сведений о положении в бараках, в рабочих командах, в лагере в целом, в городе, в Германии и Советской России. Трудность заключалась в том, что всю партийную работу приходилось проводить скрытно и в условиях непрекращающейся борьбы с имевшимися среди военнопленных меньшевиками, эсерами, черносотенцами и определенным количеством их сторонников.

ЦК Русской секции прислал нам Программу партии, принятую на VIII съезде РКП(б). Члены исполкома коммунисты Снегирев, Билик, Федоров, я и другие неоднократно собирали старших барачников — человек 16—18, знакомили их с программой, инструктировали, как вести работу с военнопленными по ее разъяснению. Старшие барачников назначались исполкомом, большинство их было коммунистами. Программа партии пропагандировалась также через лагерную газету «Товарищ». Членами партийной группы было организовано чтение брошюры В. А. Карпинского «Что такое Советская власть и как она строится». Ее читали по разделам, после чего вели беседу о советском строе, о борьбе на родине за укрепление Советской власти. Широко разъяснялись статьи из газет «Правда» и «Известия», которые писали тогда о борьбе с врагами, с разрухой, о декретах Совета Народных Комиссаров. Обычно часа в 4 дня, после окончания работы комендатуры, когда все чиновники уходили из лагеря, часто можно было видеть такую картину: на траве отдыхает группа людей, к ним подходят члены партии с газетой, вслух читают ее, заводят разговор на политические темы, помогают разобрать письмо с родины или написать ответ. В ходе пропагандистской работы коммунисты разъясняли политическую суть событий, лживость антисоветских измышлений реакционной буржуазной пропаганды.

Насколько я знаю, партийные организации активно работали во многих лагерях: Губен, Кюстрин, Шнайдемюль, Мюнхенберг и других, где я бывал по заданиям ЦК Русской секции (для налаживания связей с партгруппами и обмена опытом). Нередко мне приходилось встречаться с членами ЦК Русской секции.

Особенно много о работе партийных групп мы узнавали благодаря «Красному набат»⁹. Он печатал такие, например, сообщения: «Лагерь Кэнигсмор. 20 мая 1920 г. ...До появления у нас кружка среди нас не было ни единения, ни организованности... Но за последнее время замечается некоторое оживление... Перед нами встало решение: или голодная смерть, или же борьба не на жизнь, а на смерть». Для успешной борьбы, говорилось в информации, за улучшение пищи был организован стачечный комитет, предъявивший коменданту требования. После отказа коменданта их выполнить была объявлена голодовка, которая завершилась победой: питание улучшилось⁹. «Эрфурт... У нас уже давно существует крепкая товарищеская организация, но мы особенно страдаем от недостатка литературы и, конечно, живого слова». «Бад-Брамштедт. 11 июня 1920 г. Комендантом лагеря арестован весь состав лагерного комитета и под конвоем отправлен в Пархим». «Гарделеген. Наша организация крепнет с каждым днем. Мы почти полностью применяем систему выборов Советов... Планомерно

⁹ Там же.

осуществляется улучшение экономического и правового положения, успешно ведется дело всестороннего образования... Нам удалось доказать, что путь к нашему полному раскрепощению и освобождению из неволи лежит только через посредство Советского правительства». «Кэнигсмоор. Дела нашей группы развиваются успешно; товарищи все более убеждаются в необходимости крепкой организации. Нами была помещена в немецкой газете заметка о тяжелых условиях жизни в лагере. Комендант обиделся и потребовал опровержения. Мы отказались. Тогда храбрый лейтенант сократил и без того незначительную раскладку. Мы решили бороться, послав делегата в Берлин»¹⁰. Все это позволяло получать представление о партийной работе в лагерях в целом.

В июле 1920 г. в Берлине состоялся II съезд Русской секции при Коммунистической партии Германии. Съезд проходил нелегально в одном из ресторанов на Фридрихштрассе. Хозяин ресторана сочувствовал коммунистическому движению. Он предоставлял ЦК Русской секции помещение для проведения подпольных собраний, а во время поездок из лагерей в Берлин военнопленных-коммунистов заботился об их размещении и оказывал другую помощь. В подвале ресторана я видел типографский станок. Из разговора между собою членов руководства Русской секции, который я слышал, у меня сложилось мнение, что на станке печатались некоторые материалы секции. От партийных групп лагерей на съезде присутствовало около 80 делегатов. Я участвовал в работе съезда как делегат от партгруппы лагеря Кроссен. Были заслушаны сообщения о численном росте парторганизаций, об их работе по повышению политического сознания военнопленных, о положении в лагерях. Об этом докладывали те члены руководства Русской секции, которые сами жили в лагерях, и представители партгрупп. Я сделал два кратких сообщения об обстановке в нашем лагере¹¹.

На съезде был сделан также доклад об успешном наступлении Красной Армии против белополяков, о боях с Врангелем. С речью выступил представитель КПГ. Съездом было принято решение усилить требования о быстрейшем освобождении из плена. Цель съезда заключалась в том, чтобы лучше ознакомить огромную массу военнопленных с обстановкой в Советской России и задачами, стоящими перед ними по возвращении домой. На съезде была отмечена плодотворная работа партийных организаций лагерей под руководством ЦК Русской секции по сплочению и коммунистическому воспитанию огромной массы военнопленных. Подчеркивалась большая роль контактов коммунистов из партгрупп лагерей с местными организациями КПГ и рекомендовалось расширять интернациональные связи.

К освобождению из плена и отъезду на Родину в лагере Кроссен готовилась последняя группа — около 1200 человек. ЦК Русской секции рекомендовал, чтобы члены партии уезжали в последнюю очередь, после того, как организуют отправку остальных военнопленных¹². Кстати, партийная группа нашего лагеря, созданная 20 марта 1920 г. в составе 13 человек, выросла ко дню отъезда — 12 сентября 1920 г. — до 90 членов партии и значительного числа сочувствующих. Для условий и возможностей того времени это была немалая цифра. 12 сентября 1920 г. к лагерю подошла группа рабочих города, человек 40 с оркестром, чтобы нас проводить. Среди них было несколько членов подпольной коммунистической группы Кроссена. Мы выстроились и в сопровождении своего духового оркеста и оркестра провожающих прошли по всему городу. Жители выходили на улицы, махали платками, пожимали нам руки. На вокзале мы погрузились в вагоны, вывесили в окнах красные флаги и зеленые ветки. Так ехали до Штеттина (ныне Щецин), где была произведена посадка на германский пароход. 20 сентября 1920 г. мы прибыли в Петроград.

¹⁰ «Красный набат», 15.VI.1920.

¹¹ «Красный набат», 15.VIII.1920. (В целях конспирации «Красный набат» в отчете о съезде не называл фамилий выступавших представителей парторганизаций лагерей, а указывал лишь название лагеря.)

¹² В постановлении этого съезда было записано: «Съезд выражает свое решение о том, чтобы в интересах партии, т. е. подготовки массы русских военнопленных в духе коммунистическом, предложить коммунистическим группам на местах не оставлять лагерь без работников при уходе транспортов и им оставаться до последнего транспорта или оставлять на своих местах вполне подготовленных работников» («Красный набат», 15.VIII.1920).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ЗА КУЛИСАМИ НОБЕЛЕВСКОЙ МОНОПОЛИИ

И. А. Дьяконова

«Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» («Бранобель») являлось наиболее мощной и влиятельной нефтяной монополией в России. В 1901 г. В. И. Ленин охарактеризовал ее как предприятие, которое «держится объединенным трудом десятков и сотен тысяч рабочих, занятых добыванием нефти, переработкой ее, доставкой ее по нефтепроводам, железным дорогам, морям и рекам, занятым постройкой необходимых для этого машин, складов, материалов, барж, пароходов и пр. Все эти десятки тысяч рабочих работают на все общество, а распоряжается их трудом горсточка миллионеров, которая присваивает себе всю прибыль, приносимую этим организованным трудом масс»¹. Развитие «Бранобеля» было бурным и хищническим. Основными хозяевами на всем протяжении его существования оставались представители предпринимательской династии Нобелей, обанкротившейся в Швеции еще в первой половине XIX в., но вновь разбогатевшей уже на российской почве, сначала путем реализации военных изобретений, а затем посредством чрезвычайно прибыльного участия в поставках царской армии вооружения и снаряжения со своих постепенно разраставшихся петербургских металлообрабатывающих предприятий в ходе двух крупных военных конфронтаций (Восточной войны 1853—1856 гг. и русско-турецкой войны 1877—1878 гг.).

Основной капитал «Бранобеля», официально оформленного в виде акционерного общества в 1879 г., был, бесспорно, российского происхождения, а его заправили — представителями российской буржуазии, несмотря на скандинавские семейные истоки. Вместе с тем возникают вопросы: предпринимались ли на протяжении XIX в. попытки «дерусификации» капитала «Бранобеля», исконно связанного с эксплуатацией труда российских рабочих? Если предпринимались, то сохранил ли он в дальнейшем независимость от иностранного капитала? С чем связано вытеснение в 1911 г. из российского нефтяного бизнеса основного соперника «Бранобеля» — парижского банкирского дома Ротшильдов? Какова подспудная причина специфики действий «Бранобеля» в дизелестроении по мере превращения нефтепродуктов из средства освещения в опору энергетики? В данном очерке предпринята попытка ответить на некоторые из этих вопросов на основе привлечения новых документов.

В советской историографии история нобелевского концерна обычно затрагивается лишь в общих исследованиях, касающихся проблем нефтяной промышленности дореволюционной России. Специальных монографических работ на эту тему пока нет, а потому личная переписка руководителей «Бранобеля», святая святых любой монополистической корпорации, практически почти не использовалась. В буржуазной литературе бытует версия, будто эта переписка погибла в 1917 году². Однако это не соответствует действительности. Сохраненные архивистами Ленинграда во время блокады города в 1941—1943 гг. фолианты личной переписки находятся сейчас в ЛГИА СССР и ЦГИА СССР. Имеющиеся в их составе конфиденциальные письма заправили «Бранобеля» на шведском, норвежском, немецком, французском и английском языках послужили основным источником для очерка.

Первым из Нобелей, обратившим внимание на Россию в качестве сферы наживы,

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 83—84.

² См.: Н. Pauli. Alfred Nobel. Dynamite King—Architect of Peace. N. Y. 1942.

был Э. Нобель, родившийся в 1801 г. в шведском городке Евле. Оставшись в 16-летнем возрасте без средств, он нанялся на корабль матросом, в Египте сошел с судна и работал на различных стройках у египетского правителя Мухаммеда-Али. Изучив несколько ремесел и вернувшись в 1820 г. в Швецию, Э. Нобель обратил на себя внимание сооружением триумфальной арки в честь посетившего его родной город короля. Последний обеспечил ему возможность получить техническое образование. В 1828 г. на средства из приданого невесты предприимчивый Э. Нобель организовал собственную мастерскую. В 1829 г. в семье родился сын Роберт, впоследствии ставший инициатором вовлечения своих братьев в нефтяной бизнес, в 1831 г.— Людвиг, будущий первый глава российской нефтяной монополии, в 1833 г.— Альфред-Бернхард, будущий изобретатель динамита и организатор двух международных динамитных трестов³.

В 1837 г. Э. Нобель, успевший к тому времени обанкротиться из-за неудачного порой изобретательства, оставив семью в Швеции и спасаясь от преследований кредиторов, переехал в Петербург, где предложил царскому правительству через посредство вел. кн. Михаила Павловича образцы сконструированных им сухопутных и морских мин. Правительство выдало Нобелю субсидию в 25 тыс. руб., взяв с него обязательство остаться в России и устроить мастерскую для изготовления подводных мин⁴. Нобель при поддержке военного инженера Э. И. Тотлебена (сыгравшего в 1854 г. заметную роль в организации Севастопольской обороны) оборудовал в Петербурге специальное механическое заведение. В 1841 г., получив от военного ведомства еще 40 тыс. руб. за изготовление сухопутных мин, он расширил производство вооружения на своем заводе и наладил литейное дело⁵. Нобелевский завод вскоре превратился в крупное по тому времени предприятие с более чем 1 тыс. рабочих и высокой предпринимательской прибылью⁶. К 1852 г. шведский банкрот, на российской почве превратившийся в процветающего промышленника и первой гильдии купца, не только расплатился со своими скандинавскими работодателями, но и сам начал предлагать помощь своим родственникам, оставшимся в Швеции⁷.

Несколько ранее Крымской кампании, в предвидении возможного нападения английского флота на Петербург, Нобелю было поручено установить изготовленные на его заводе мины для прикрытия Кронштадта и Свеаборга⁸. На втором году Восточной войны нобелевский завод получил от царского правительства выгодный заказ на постройку паровых двигателей для кораблей военно-морского флота. Было изготовлено 11 паровых машин мощностью от 200 до 500 л. с. каждая. Нобель кооперировался с петербургским промышленником Н. И. Путиловым⁹ в изготовлении механизмов для других кораблей, а по окончании войны занялся выполнением частных заказов: было построено 50 волжских пароходов, выпускалось оборудование для собственных нужд завода (в частности, 300-пудовый паровой молот). Однако такое направление производства в условиях дореформенной России оказалось недостаточно рентабельным. Нобелю грозила растрата уже накопленного фонда прибылей.

Нобель-старший еще в начале 40-х годов XIX в. перевез семью из Швеции в Россию и усиленно обучал своих детей русскому языку. В 1858 г. А. Нобель (младший сын) был отправлен семейством в Англию и Францию на поиски займа для капитальной реконверсии предприятия, но эта попытка окончилась неудачей¹⁰.

Вскоре Нобель-старший вернулся на родину, где вместе с сыном занялся производством взрывчатых веществ, построив нитроглицериновый завод. Альфред, прославившийся умением подбирать энергичных сотрудников, хотя бы за счет (как он

³ «Alfred Nobel och hans släkt». Stockholm. 1926, ss. 46—47; Н. С у н у. Nobel de la dynamite et les prix Nobel. P. 1970, p. 64.

⁴ R. H e n n i g. Alfred Nobel. Der Erfinder des Dynamits und Gründer der Nobelstiftung. Stuttgart. 1912, S. 9.

⁵ N. H a l a s z. Nobel. N. Y. 1959, p. 18.

⁶ R. S o h l m a n, H. S c h ü c k. Nobel. Dynamite and Peace. N. Y. 1929, p. 41.

⁷ Н. P a u l i. Op. cit., p. 31.

⁸ «Механический завод «Людвиг Нобель». 1862—1912». Б. м. Б г., стр. 2.

⁹ F. H e n r i k s s o n. The Nobel Prizes and Their Founder Alfred Nobel. Stockholm. 1938, p. 32.

¹⁰ Ch. M a r v i n. The Region of the Eternal Fire. L. 1884, p. 286; N. H a l a s z. Op. cit., pp. 38—39.

сам выражался) «совести, подобной индийской резине», быстро сколотил себе состояние и после смерти отца в 1872 г. стал главою заграничной ветви династии Нобелей. Его финансовое процветание зиждилось в основном на производстве динамита, изобретателем которого он был признан повсеместно (с оформлением соответствующих патентов). А. Нобель был ярко выраженной космополитической фигурой. «Моя родина там, где я действую, а действую я везде», — заявлял он. Динамитный король, сконструировавший, между прочим, специальный аппарат для бесшумного самоубийства (отдаленный прототип электрического стула), поражал своей безапелляционной наглостью и цинизмом суждений даже выдавших виды компаньонов. К людям он относился с едва скрываемым презрением, сравнивая человечество со «стаей бесхвостых обезьян, носящихся по мировому пространству, уцепившись за земной шар». Подобное кредо ни в коей мере не препятствовало ему, конечно, шагать вверх по лестнице капиталистической иерархии. В дальнейшем при его активном участии сложился два динамитных треста: англо-германский («The Nobel Dynamite Trust») с правлением в Лондоне и «латинский» («Société Centrale de dynamite») с правлением в Париже¹¹.

Российская ветвь этой промышленной династии после отъезда Э. и А. Нобелей за границу была возглавлена Людвигом, действовавшим рука об руку с третьим из братьев, Робертом. Они также были далеки от того, чтобы ограничивать себя ролью статистов большого бизнеса. Оба строили свое благополучие на крупных прибылях с заводов в Петербурге, имевших весьма разнообразную номенклатуру механического производства — от простых сверл до бурового оборудования. В 1867—1875 гг. там было переделано более 100 тыс. винтовок старого образца, заряжавшихся ранее с дула, на замковое устройство. Сблизившись в этой связи с представителем военного ведомства П. А. Бильдердингом, позднее отставным генералом и членом правления «Бранобеля», Л. Нобель арендовал совместно с ним на 8-летний срок казенный Ижевский оружейный завод и выпустил там за это время свыше 453 тыс. винтовок¹². Нобелевскими заводами выпускалось также артиллерийское вооружение. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. они поставили царской армии все снаряды некоторых калибров, а также ряд видов другой военной продукции. Одних только снарядов было изготовлено 920 тысяч. Прибыльное участие в военных поставках приумножило ресурсы заводов Нобелей и укрепило их ориентированный именно на эксплуатацию российских рабочих характер. Значительно упрочились и связи Нобелей с высокопоставленными деятелями самодержавия.

На нефтепродукты как на потенциально главный источник наживы братья Нобель впервые обратили внимание в конце 60-х годов прошлого века, вскоре после запрещения властями (из-за частых взрывов) кустарного производства нитроглицерина в Финляндии. Тогда Р. Нобель организовал в этой части Российской империи торговлю привозным керосином¹³. В 1872 г. прежняя система откупа нефтеносных земель была заменена системой торгов. К этому времени Р. Нобель оказался на Кавказе благодаря знакомству А. Нобеля с грузинским семейством кн. Дадияни. Поводом для поездки явился поиск массивов орехового дерева, необходимого для выделки ружейных прикладов. Но вскоре надобность в нем отпала, так как военное ведомство разрешило использовать на эти цели березовую древесину. Вояж на юг дал иные результаты: с 1873 г. Р. Нобель окончательно переключил свое внимание на нефтяное дело. Братья Нобель, будучи предприимчивыми дельцами, верно оценили момент для внедрения в бакинскую нефтяную промышленность: у Роберта был опыт торговли керосином, Людвиг мог обеспечить выпуск значительной части оборудования, Альфред в случае надобности мог оказывать своим действовавшим в России братьям финансовую поддержку. К 1876 г. братья Нобель, обзаведшиеся собственным керосиновым заводом, имели образцы нефти из своей буровой скважины¹⁴, а три года спустя новое нефтяное предприятие было акционировано и стало называться «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель».

¹¹ E. Bergengren. Alfred Nobel. The Man and His Work. L. 1962, pp. 87—92.

¹² «Механический завод «Людвиг Нобель», стр. 7.

¹³ N. H a l a s z. Op. cit., p. 128.

¹⁴ Р. Э. Нобель — Г. В. Абику 5.VI.1876; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 2, д. 379, лл. 1—2.

Русская нефть в качестве основного объекта бизнеса оказалась исключительно привлекательной для Нобелей, поскольку затраты промышленников на рабочую силу были в России минимальными. Даже позднее, когда под давлением рабочего движения эти расходы несколько возросли, они по своим размерам не превышали дотаций «Бранобеля» на содержание полиции. В 1901 г. при выработке 1 пуда керосина на оплату рабочей силы затрачивалось 0,75 коп. при 8,2 коп. общей себестоимости выработки «Бранобелем» каждого пуда керосина; в том году «Бранобель» реализовывал керосин в среднем по 1 руб. за пуд на внутривоспольском рынке и по 35 коп. за пуд на экспортном рынке¹⁵. Один из английских инженеров, много лет работавший в бакинской нефтяной промышленности, в энциклопедическом справочнике для бизнесменов, «оперирующих или собирающихся оперировать в российской нефтяной промышленности», с нескрываемым удовлетворением констатировал, что в условиях Баку, где расходы на заработную плату рабочих до того низки, что смертность нефтяников имеет аналог лишь в виде смертности рабочих на золотых копях английской части Африки,—налицо неограниченные возможности получения высоких прибылей¹⁶.

Именно на нефти Нобели наживались особенно безудержно, став одними из ведущих организаторов изощренно жестокой, потогонной системы эксплуатации российских рабочих, лишенных не только элементарных жилищных условий, но зачастую даже пригодной для употребления пресной воды. Нобелевские нефтеналивные суда, отвозившие нефтепродукты из Баку в Астрахань, на обратный рейс загружались волжской водой, которая использовалась для рабочих столовых и для считавшихся первоочередными нужд орошения парка. В этом парке находилась резиденция местной администрации «Бранобеля». «Задыхаемся без бань, без хорошей воды»,—заявляли рабочие в своих петициях. Фотоснимки донесли до наших дней многочисленные изображения целых групп тружеников, вынужденных работать буквально по пояс в нефти, чтобы устранить неисправность какого-либо старого трубопровода или проложить новый. Эпидемии холеры косили трудовой люд беспрепятственно, чему способствовала и скученность жилья. «Наши дети задыхаются в тяжелых условиях балаханской жизни и мрут, как мухи... Летом смертность доходит до 80%»¹⁷,—писали позднее рабочие. Даже известный буржуазный журналист С. Д. Протопопов, брат одного из царских министров, после посещения бакинского нобелевского предприятия записал в дневнике: «Были мы в Черном городке на заводе Нобеля... Стучит, гремит, и тысячи рук работают в грязи над приготовлением керосина и обогащением хозьяев. С технической стороны — прелестно, с гуманитарной — черно, черно...»¹⁸.

Наживавшиеся за счет российских тружеников прибыли нобелевской нефтяной компании росли, словно снежный ком: только за 1879—1883 гг. они увеличились почти в 17 раз (с 183 тыс. руб. до 3,088 млн.). При этом «Бранобель» сметал с пути мелких конкурентов и увеличил свою долю в общероссийской добыче нефти с 1,4% до 25,9%, а долю в общероссийском производстве керосина — с 4,5% до 49,1%. Правда, еще в ходе этого первого взлета нобелевской монополии стало очевидным, что с окончанием строительства железной дороги Баку — Батум у Нобелей появятся серьезные соперники, заинтересованные в экспорте российского керосина.

А. Нобель, числившийся долгие годы одним из руководителей «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель», но так ни разу и не посетивший Баку («безводная, грязная, пропитанная нефтью пустыня не привлекает меня; предпочитаю пребывать под сенью деревьев»¹⁹), вместе с тем так же ревностно, как и его родственники в России, интересовался проблемами извлечения наибольших бары-

¹⁵ С. и Л. Першке. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис. 1913, стр. 124—125; «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914». М.—Л. 1961, стр. 271, 753.

¹⁶ A. V e e b y - T h o m p s o n. The Oil Fields of Russia and the Russian Petroleum Industry. L. 1908, p. 66 etc.

¹⁷ «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914—1917». Л. 1973, стр. 64.

¹⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 389, оп. 1, д. 9, л. 8.

¹⁹ H. P a u l i. Op. cit., p. 165.

шей из русской нефти. В конфиденциальных письмах в Россию он выдвигал далекошедшие планы максимального увеличения прибыли. Эта закулисная финансовая «кухня» «Бранобеля» предстает в обнаженном виде при ознакомлении с перепиской братьев. Если Л. Нобель, ставший с 1880 г. фактически единоличным распорядителем «Бранобеля»²⁰, придерживался традиционных взглядов на возглавляющуюся им фирму как на своеобразный «семейный дом», то А. Нобель, видимо, лучше улавливавший монополистические тенденции развития фирмы, журил брата за недостаточное внимание к расширению ее финансовой базы на современной банковской основе, считая, что для широкого разворота дела в мировом масштабе собственными капиталами Л. Нобеля и его сателлитов не обойтись. «По моему мнению,— писал он в марте 1880 г.,— нужно брать расчет на использование подавляющей массы капиталов, ибо это отпугивает конкуренцию. Насколько я понимаю, капитала потребуются в действительности около 200 млн. руб.»²¹.

Непосредственно собственный капитал «Бранобеля» составлял к тому времени лишь 4 млн. рублей. Зная об этом, А. Нобель спрашивал Людвиг: «Почему ты не хочешь предоставлять больше $\frac{1}{3}$ иностранным капиталам? Ведь не вредит же делу мое личное участие известной долей»²². Альфред располагал к тому времени в капитале «Бранобеля» 115 тыс. руб. против людвиговых 1 610 тыс. и 930 тыс. руб. отставного царского генерала П. А. Бильдердинга²³. Ко времени смерти Альфреда (1896 г.) размер имевшегося у него в «Бранобеле» капитала увеличился почти до 2 млн. руб., однако и это составляло опять-таки меньше $\frac{1}{20}$ доли общих капиталов фирмы. Для расширения финансовой мощи монополии Альфред рекомендовал Людвигу привлечь французского капиталиста и министра П. Барба, компаньона А. Нобеля по «латинскому» динамитному тресту: «Барб тоже мог бы войти в бакинское предприятие примерно с 50 млн. руб.»²⁴.

Из многочисленных конфиденциальных посланий А. Нобеля в Россию с полной очевидностью выявляется его стремление поставить нефтяное предприятие на столь широкую ногу, чтобы в дальнейшем превзойти по размаху рокфеллеровский трест «Стандард ойл». Достичь этой цели он предполагал посредством установления тесных связей «Бранобеля» не только со шведскими, но и с другими, более крупными иностранными капиталистами, в частности из числа способствовавших финансированию производства взрывчатки. При этом А. Нобеля не беспокоила вероятная потеря финансовой самостоятельности «Бранобеля». Л. Нобель придерживался более осторожной тактики, ставя себе относительно ограниченные задачи и отдавая должное роли налаженных ранее тесных связей с государственным аппаратом России для процветания его предприятий. Благодаря связям Людвиг сумел добиться отмены в 1877 г. на 10 лет казенного акциза на российский керосин и введения запретительной пошлины (в золотом исчислении) на ввоз американского керосина.

Хотя в прошлом А. Нобель являлся учеником русского химика Н. Н. Зинина, в своих письмах брату он высказывался против налаживания самостоятельного производства динамита в России. Принимая к сведению мысль Л. Нобеля о том, что «настало время основать динамитную фабрику в России», он высказал по этому поводу сомнение: «А не собирается ли русское правительство, под влиянием недавнего безумного покушения²⁵, принять в качестве первого ответного шага меры по затруднению изготовления и транспорта взрывчатых веществ?» Это производство Альфред считал сферой личной компетенции и брату отводил в данной области вспомогательную роль подставного лица. В марте 1880 г. он просил Людвига выслать ему доверенность на право голосования на собраниях акционеров североамериканского «Атлантического порохового общества»: «Мне стыдно беспокоить тебя насчет доверенности, но формалисты из Сан-Франциско настолько придирчивы, что никак не

²⁰ В 1880 г. Р. Нобель заболел туберкулезом, отошел от дел и переселился в Западную Европу.

²¹ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 225, л. 289.

²² Там же.

²³ «25-летие Т-ва нефтяного производства бр. Нобель». СПб. 1904, стр. 49.

²⁴ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 225, л. 288.

²⁵ Имеется в виду взрыв в Зимнем дворце, организованный С. Н. Халтуриным (5 февраля 1880 г.).

могу обойтись без этого»²⁶. Из письма видно, что Альфред вкладывал в указанное акционерное общество свои личные капиталы от имени Людвиг, стремясь обеспечить за собой таким путем повышенные возможности при решении дел голосованием в руководстве пороховой компании.

В ряде случаев А. Нобель, как бы обучая Л. Нобеля особенностям рекомендованного им значительного вовлечения в дело иностранного капитала, упрекал «нефтяного брата» за небрежность в финансово-банковских вопросах. Особенно характерно письмо от 20 сентября 1883 г., в разгар первого взлета монополизационных успехов «Бранобеля», когда Людвиг, увлекшись техническим расширением удачливого предприятия, стал пренебрегать точным выполнением условий обращения с ротшильдовскими векселями. «Это может положить конец кредиту»²⁷, — предупреждал А. Нобель. Он понимал, что положение являлось в тот момент вдвойне опасным для «Бранобеля», так как именно с мая 1883 г., после «чернового» завершения Закавказской железнодорожной линии Баку—Батум, открывшей возможность экспорта российского керосина на Запад, парижский банкирский дом Ротшильдов начал подготавливать путем мер по затруднению кредита для «Бранобеля» вторжение в российский нефтяной бизнес (оно произошло в широком масштабе в 1886 г.). В этих условиях малейшее пренебрежение документами грозило повлечь за собой в самый неподходящий момент полное прекращение кредитования «Бранобеля» со стороны Ротшильдов, а также банка «Лионский кредит»²⁸.

А. Нобель не ограничивался платоническими советами брату и временами оказывал ему финансовую поддержку. По внутренним отчетным документам прослеживается увеличение собственного капитала «Бранобеля»²⁹ не только за счет бешено возраставших прибылей, но и в связи с дополнительными вложениями со стороны А. Нобеля. Л. Нобель, отнюдь не пренебрегавший возможностями взаимодействия с «динамитным королем», писал ему: «Помощь, которую ты нам оказываешь, очень ценна, и я надеюсь, что теперь люди перестанут говорить, что фирма братьев Нобель является, в сущности, фирмой одного Людвиг Нобеля». Между прочим, узнав об этом довольно тривиальном комплименте при ознакомлении с нобелевскими архивами в Швеции, шведский буржуазный историк Э. Бергенгрэн использовал его как повод для необоснованного преувеличения роли А. Нобеля и тем самым нероссийского капитала в «Товариществе нефтяного производства братьев Нобель»³⁰.

Документы, хранящиеся в архивах СССР, позволяют уточнить ряд существенных обстоятельств: «Бранобель» под руководством Л. Нобеля стоял к тому времени достаточно уверенно на собственных ногах, то есть строил свое процветание на высоких прибылях от эксплуатации труда рабочих, что позволяло ему мобилизовывать финансовые средства путем выпуска и распространения облигаций и акций внутри России. Помощь же со стороны А. Нобеля брату строилась столь расчетливо, что означала переливание части средств из российской нефтяной промышленности в карманы Альфреда, а не наоборот. Одновременно та же переписка свидетельствует о том, что А. Нобель не был полновластным хозяином в созданных при его участии динамитных трестах Запада. В январе 1884 г. он писал Людвигу: «Как видно из сообщения Белямина (один из директоров «Бранобеля». — И. Д.), в Петербурге путем операций с продажей акций удалось получить больше, чем затрачено. Поэтому хотелось бы просить тебя распорядиться о переводе мне причитающейся чистой разницы»³¹. Удобнее всего, если ты переведешь 27 958,65 марки Динамитному акционерному обществу в Гамбурге (я являюсь их должником), а остальную сумму, в виде 40 529,57 франка, перешлешь мне чеком на Париж»³². В том же письме он

²⁶ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 225, лл. 289, 291.

²⁷ Там же, л. 285.

²⁸ Там же, лл. 284—285.

²⁹ «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914», стр. 750.

³⁰ E. Bergengren. Op. cit., pp. 79—83.

³¹ А. Нобель взыскивал со своих российских родственников любую, даже грошовую задолженность: «В счетоводстве нужна точность», — напоминал он (ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 225, л. 298).

³² Там же, л. 295.

сообщал о «своих расходах по синдикату», подробно разбирал выгодность проведенных операций и указывал, что закупленные для него лично акции «Бранобеля» временно зарегистрированы во Франко-Русском банке и в банке И. Гольдшмидта («для того, чтобы не указывать Петербургской бирже, кто именно купил акции»), а также советовался с Л. Нобелем, как лучше оформить последующее распоряжение приобретенными ценными бумагами. Наряду с личным приобретением добавочного количества ценных бумаг «Бранобеля» А. Нобель время от времени содействовал Л. Нобелю при заключении последним краткосрочных займов вне пределов России.

После смерти Л. Нобеля в 1888 г. основное руководство «Бранобелем» вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей эксплуататорский строй в России, осуществлял сын Людвиг Эммануэль. С племянником Альфред задолго до смерти брата наладил такую же оживленную и доверительную переписку, как и с Людвигом. В августе 1889 г. Альфред предпринял недвусмысленную попытку повлиять на Эммануэля в том же направлении «дерусификации» капиталов «Бранобеля», в каком старался воздействовать на Людвиг. При этом он хотел включить в эксплуатацию российских нефтяных богатств не только свои капиталы (чаще частично было сделано) или капиталы П. Барба, но и средства созданных на Западе динамитных трестов. «Барб в принципе соглашается, — сообщал он, — со следующим вариантом: капитал в трех равных долях — от трестовской группы, Барба и меня. Ты предоставляешь имя и соблюдаешь общие интересы»³³. Этому широко задуманному плану европеизации «Бранобеля» не суждено было осуществиться. Барб вскоре умер. В октябре 1889 г. А. Нобель выдвинул новый вариант расширения финансовой базы «Бранобеля», предлагая привлечь к российскому нефтяному бизнесу средства крупнейших германских и отчасти швейцарских банков через налаженные связи с банкиром И. Гольдшмидтом, которому должен был причитаться 1% комиссионных. В плане вводной операции по реализации нобелевских ценных бумаг Альфред отвел Эммануэлю («тебе и твоей группе») 60%, а себе — 40%³⁴, отразив довольно точно обоюдное соотношение в их финансовой мощи и уступив пальму первенства племяннику по общей сумме контролируемых капиталов.

Ход споров вокруг имущества Альфреда Нобеля после его смерти подтвердил тот факт, что российская ветвь семейства сумела сохранить самостоятельность: прибыли от беспощадной эксплуатации труда российских рабочих были настолько велики, что как раз в первую очередь за счет средств, нажитых на имя Альфреда в «Бранобеле» (около 2 млн. руб.; по валютному курсу к началу 1897 г. это составляло 3,84 млн. шведских крон)³⁵, оказалось возможным выполнить его завещание об организации фонда Нобелевских премий³⁶. Большая часть капитала Альфреда была разбросана вне пределов России и в значительной степени присвоена различными родственниками, компаньонами и другими лицами после многолетней судебной тяжбы, в которой российская ветвь Нобелей участия не приняла, ограничившись получением двухлетней рассрочки для передачи в фонд Нобелевских премий принадлежавших Альфреду сумм³⁷. Капитал «Бранобеля» (акционерный, облигационный и запасный) превзошел в 1897 г. 32 млн. руб., и выделение из него 2 млн. руб. в течение двух лет особых трудностей не представляло. В конце того же года один из бабковских деятелей России, А. Ю. Ротштейн, в доверительном сообщении ротшильдовскому банкирскому дому, ставшему к тому времени основным соперником нобелевской монополии в сфере российского нефтяного бизнеса, информировал ротшильдовское руководство о том, что акции «Бранобеля» «находятся почти целиком в русских руках»³⁸.

³³ Там же, л. 286.

³⁴ Там же, лл. 299—300.

³⁵ H. Schück, R. Sohlman. Nobel. The Man and His Prizes. Amsterdam—London—New York. 1962, p. 64.

³⁶ Даже весьма пристрастный к своему кумиру А. Нобелю Э. Бергенгрен вынужден признать, что не что иное, как решение именно российской ветви Нобелей об изъятии части средств из российской нефтяной промышленности и передаче их в этот фонд, оказалось «фактически решающим фактором того, что Нобелевские премии вообще смогли возникнуть» (E. Bergengren. Op. cit., p. 146).

³⁷ ЛГИА СССР, ф. 479, оп. 20, л. 513.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 626, оп. 1, д. 1386, л. 14.

Рубеж XIX и XX столетий принес России кризис 1900—1903 гг., глубоко поразивший промышленность и тяжело отразившийся на всем народном хозяйстве. На этом фоне особенно рельефно выглядели хищнические успехи нобелевской монополии. За годы кризиса доля «Бранобеля» в суммарной первоначальной прибыли всех нефтяных фирм России увеличилась с 32% в 1899 г. до 58% в 1903 году. «Бранобель», осуществляя комплексный охват ключевых отраслей нефтяного дела (добыча, переработка, транспортировка, сбыт нефтепродуктов) и превращаясь в концерн, вместе с тем делал основной упор на монополизацию внутриросийского керосинового рынка. С 1879 г. и до 1917 г. доля продажи керосина «Бранобелем» в России по отношению к совокупному итогу продаж никогда не опускалась ниже 50,1%, а в отдельные годы доходила до 89,3%; по сумме полученных денежных поступлений она ни разу не опускалась ниже 61,6%, а порою доходила до 94,8%. Степень охвата «Бранобелем» внутрисийского сбыта керосина поднялась с 2,3% в 1879 г. до 51,9% в 1911 году. На захват экспорта российского керосина за границу «Бранобель» никогда особого упора не делал, и его доля тут ни в одном году не поднималась выше 33,9% по весу, тем более что там приходилось иметь дело с более мощными нефтяными монополиями, прочно захватившими рынки до «Бранобеля» и всегда готовыми применить демпинг для удержания их за собой.

На внутрисийском же рынке заправили «Бранобеля» чувствовали себя настолько сильными, что, не считаясь с другими фирмами, спокойно снижали или вздували цены на некоторые нефтепродукты. Ознакомление с хладнокровными и циничными, не предназначавшимися для широкой публики эпистолярными документами нобелевской монополии дает возможность осветить ряд сторон деловой активности нефтяных магнатов. Так, в 1908 г. в одном из конфиденциальных документов давались указания о тактике негласной закупки нефти у других нефтедобытчиков по низким ценам, а затем делался вывод: «Политика наша, следовательно, сводится к тому, чтобы теперь, не повышая цен, заручиться товаром, а впоследствии, с наступлением времен более крупных заправок в России, поднять их путем открытого выступления на рынке в качестве покупателя»³⁹. Задуманный маневр удался. В 1908 г. «Бранобелем» было закуплено 46 599 тыс. пуд. нефти, в 1909 г.— 51 526 тыс. пуд. по средней цене 21 коп. за пуд, в 1910 г.— 55 043 тыс. пуд., в 1911 г.— 47 443 тыс. пудов. Каждый пуд этой нефти был затем реализован «Бранобелем» с огромной прибылью: в 1911 г. она продавалась в среднем по 33 коп., в 1912 г.— по 44 коп., в 1913 г.— по 55 коп. за пуд. Созданная «Бранобелем» разветвленная по всей стране система складов («крепостей») позволяла выгоднейшим образом проводить тактику выжидания либо массового выброса на рынок нефтяных продуктов. Примерно такая же политика осуществлялась в отношении керосина. Если в 1908 г. «Бранобелем» в дополнение к собственному производству было закуплено 18 108 тыс. пудов его, то в 1909 г.— 25 470 тыс. (собственное производство составляло тогда 18 846 тыс.). Закупки шли по 60 коп. за пуд, а продажа в указанные годы проводилась по 1 руб. 21 коп., то есть с высокой монопольной прибылью. В 1908 г. нобелевскому концерну удалось сосредоточить в своих руках 56,9% всего внутрисийского сбыта керосина.

Роль «Бранобеля» в произвольном снижении и вздувании внутрисийских цен вскрывается и другими архивными документами: конфиденциальными посланиями нобелевских заправил Ф. Лэину, главе английской нефтеторговой фирмы «Лэйн энд Макэндру», игравшей важную роль в торговом распределении нобелевского керосина в Англии. В 1909 г. Лэйн был доверительно информирован о том, что низкий уровень тех цен, по которым «Бранобель» будет сбывать нефть и керосин за границу, объясняется его желанием освободиться от накопившихся у него в России запасов, чтобы иметь возможность затем взвинтить цены⁴⁰. «Бранобель» выполнил этот план: в 1909 г. он несколько снизил цены на нефть и керосин, а к 1912 г. повысил среднегодовую цену на керосин, продаваемый внутри России, с 1 руб. 21 коп.

³⁹ Там же, ф. 1458, оп. 1, д. 1747, л. 126

⁴⁰ Буквально так в тексте: «We want to get rid of the surplus which we have on our interior markets, in order to be able to put prices up in Russia» (ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 1747, л. 185).

до 1 руб. 33 копеек. За границу же «Бранобель» продавал керосин в 1909 г. по 50 коп. за пуд, в 1912 г.— по 59 копеек. Иначе говоря, зарубежный потребитель стабильно получал керосин по цене несравненно более низкой, чем внутрироссийский потребитель.

Архивы донесли до нас любопытные данные о том, какими мотивами руководствовался нобелевский концерн, проводя игру с ценами на керосин. В одном из писем нобелевского директора Э. К. Грубе другому директору «Бранобеля» И. О. Ольсену (зятю Э. Л. Нобеля) речь идет о стремлении концерна превратить казну, в частности казенные железные дороги, в источник покрытия расходов по борьбе за монополизацию—за счет широких масс налогоплательщиков. Грубе откровенно пояснял этот маневр: «Еще до того, как мы вызвали искусственное повышение цен в Баку, я обратился к министру финансов Коковцову, а также в департамент железнодорожных дел министерства с просьбой о снижении тарифа за перевозку между Баку и Батумом»⁴¹. Действия «Бранобеля» задели не менее корыстные интересы Ротшильдов. В последние годы первого десятилетия XX в. французский капитал в лице парижской ветви Ротшильдов все более убеждался в недостаточной для себя выгоды соперничества с «Бранобелем» на той основе, которая сложилась исторически. Ротшильды действовали главным образом в сфере нефтяной торговли, подчинив себе Батумское нефтепромышленное и торговое общество (БНИТО) и учредив торговое общество «Мазут». «Бранобель», начавший свою деятельность в области российского нефтяного бизнеса раньше Ротшильдов, проник в основные нефтяные отрасли — добычу, переработку, транспортировку и сбыт. По сравнению с Ротшильдами на стороне «Бранобеля» оказалось такое преимущество, как дешевизна более раннего приобретения нефтеносных земель: десятина земли, стоившая в начале 70-х годов XIX в. всего несколько десятков руб., в XX в. нередко ценилась в сотни тысяч рублей.

Переписка нобелевских директоров с Ротшильдами в конце первого десятилетия XX в. приобрела своеобразный характер. В декабре 1908 г. «Бранобель» просил сообщить, «намерены ли Ротшильды идти с нами, как хотелось бы надеяться, или же они думают действовать иначе». Из другого письма ясно, что «Бранобель» решил «заставлять Ротшильдов идти за нами даже в тех случаях, когда они не согласны с нашими намерениями»⁴². Нобелевские руководители отдавали себе отчет в том, что некоторые совместные мероприятия «Бранобеля» и банкирского дома Ротшильдов являются плодом брака не по любви, а по расчету и что в подобных временных союзах важно быть всадником, а не конем. «Несмотря на все уважение к величю Ротшильдов,—писал Грубе,—я сказал им, что в САИК (общество, основанное в 1900 г. для торговли российскими смазочными маслами в Западной Европе.— И. Д.) у нас значительно более крупные интересы, и поэтому мы должны занимать в этом обществе доминирующее положение. Иначе говоря, я заявил этим господам, что они должны всегда следовать за нами; однако они считают, что не могут давать подобных обязательств на вечные времена»⁴³. В 1909 г. тот же Грубе пришел к выводу об «усталости» Ротшильдов от победоносного для «Бранобеля» соперничества на внутрироссийском рынке. Этот вывод подтверждает сравнительный анализ балансовых данных из «Ежегодников министерства финансов» России. Общероссийская средняя норма прибыли в нефтяной промышленности в 1909 г. равнялась 21,8%; у Нобеля она составляла 36%, у Ротшильдов — 8,9%; в 1910 г. соответственно — 12,3%, 40,4% и 13,3%. Иными словами, «таинственная» для некоторых зарубежных историков причина ухода Ротшильдов в 1911 г. из российского нефтяного бизнеса имела весьма прозаические основания!

Грубе в 1909 г. предполагал, что Ротшильды через некоторое время уступят свое влияние в БНИТО и «Мазуте» англо-голландскому нефтяному тресту Детердинга («Ройял Датч Шелл»), а последний постарается договориться с американской «Стандард ойл» о более выгодном для себя разделе мирового нефтяного рынка. «Все это могло бы показаться чистой игрой моей фантазии, если бы Детердинг не прояв-

⁴¹ Там же, л. 464.

⁴² Там же, лл. 133, 200.

⁴³ Там же, лл. 198—199.

для уже желая купить предприятия Олеум и БОРН и не закидывал к нам удочки насчет совместного приобретения компании Манташева»⁴⁴. Вступление Детердинга вместо Ротшильдов в российское нефтяное дело оказалось для широкой публики сенсационным событием. 1 февраля 1912 г. Г. Детердинг уведомил Э. Л. Нобеля об этом «шаге, который сделал нас так сильно заинтересованными в русском нефтяном бизнесе», и выразил надежду, что «при сотрудничестве с Вашей крупной фирмой могут быть сделаны большие дела»⁴⁵. Однако из конфиденциальной переписки руководителей «Бранобеля» становится очевидным, что Детердинг, недаром прозванный «нефтяным Наполеоном», втихомолку и упорно готовил решительный рывок, уклоняясь от предварительных консультаций с «Бранобелем» и явно желая поставить нобелевскую фирму перед свершившимся фактом.

В одном из писем Лэйну в 1909 г. Грубе просит доверительно информировать его о замыслах Детердинга в отношении России. Детердинг к тому времени уже трижды соглашался встретиться с Грубе, но каждый раз откладывал свидание. Поэтому Грубе интересовался: «Быть может, я прав, предполагая, что г-н Детердинг тянет время, водит меня за нос»⁴⁶. В 1910 г. Грубе сообщал, что на маньчжурском рынке между «Бранобелем» и Детердингом установилось своего рода устойчивое перемирие, выражавшееся в том, что представителю «Бранобеля» в Маньчжурии удается договариваться с действующим там и находящимся под эгидой Детердинга обществом «Эйшиетик» о ценах на продаваемые нефтепродукты. Руководители нобелевской нефтяной корпорации придерживались линии на сговор, хотя бы временный, с Детердингом, надеясь при его поддержке обеспечить себе устойчивую долю мирового рынка. «До меня дошли сведения, — писал один из директоров «Бранобеля» Детердингу весной 1910 г., — что общество «Эйшиетик» в конечном счете договорилось со «Стандард ойл» относительно торговли керосином в Маньчжурии. Как Вы мне говорили в Берлине, Вы не можете начинать переговоры с нами, не договорившись предварительно с компанией «Стандард ойл». Поэтому я прошу сообщить, соответствуют ли действительности дошедшие до меня сведения»⁴⁷.

Ради соглашения с детердинговским трестом нобелевская монополия готова была идти на значительные уступки, отказываясь от самостоятельного сбыта ряда видов своей продукции за границей: «Наше производство бензина стало ныне столь обширным, что мы неспособны сбыть этот продукт полностью в России и поэтому вынуждены искать выхода для излишков за границей. Думается, для «Эйшиетик» было бы выгодно закупать у нас эти излишки»⁴⁸. Контакт с Детердингом руководители «Бранобеля» искали и в дальнейшем. В марте 1911 г. Ольсен сообщил Э. Л. Нобелю как о достижении, что в Париж «прибывают также Лэйн и Детердинг, чтобы встретиться с тобой и договориться о взаимодействии между детердинговским «Русским стандартом» и нашим Товариществом»⁴⁹. Если в отношениях с оказавшимися в нефтяных делах не столь сильными Ротшильдами руководители «Бранобеля» действовали в какой-то мере с позиции силы и предпринимали порою шаги, близкие к ультиматуму, то по отношению к детердинговскому тресту, более мощному, чем «Бранобель», последний держался менее уверенно, а в будущем руководители «Бранобеля» предвидели в конечном счете сговор Детердинга с Рокфеллером и установление фактического господства «Стандард ойл» на мировом рынке.

Несмотря на неверие его руководителей в перспективность соперничества с более мощными зарубежными нефтяными монополиями на зарубежных рынках, «Бранобель» в 1906—1910 гг. предпринял попытку наладить выгодный сбыт российского керосина за границей, используя наметившиеся там противоречия. Количество продаваемого «Бранобелем» на экспорт керосина начинает устойчиво расти, хотя и не доходит до максимума, достигнутого в 1899 г., во время наиболее напряженного, но неудачного для «Бранобеля», раунда борьбы за экспортные рынки. В 1906 г.

⁴⁴ Там же, л. 277.

⁴⁵ «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914», стр. 529—530.

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 1747, л. 253.

⁴⁷ Там же, л. 322.

⁴⁸ Там же, л. 327.

⁴⁹ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 232, л. 21.

«Бранобель» экспортировал 3,165 млн. пуд. керосина, в 1907 г.— 4,597 млн., в 1908 г.— 6,783 млн., в 1909 г.— 8,877 млн., в 1910 г.— 9,857 млн. (последняя цифра составила 31,4% от общероссийского экспорта керосина). Такой рост не случаен. Период 1906—1910 гг. почти полностью совпадает со временем существования так называемого «Европейского нефтяного союза», созданного под эгидой «Дейче Банк»; крупнейшего из немецких банков, контролировавшего примерно треть всех капиталов Германии. «Дейче Банк», прочно обосновавшийся к тому времени в румынской нефтяной промышленности, намеревался использовать также русскую нефть, создавая тем самым противовес засилью на германском рынке рокфеллеровского треста «Стандард ойл».

Заправили «Бранобеля» надеялись путем участия в «Европейском нефтяном союзе» сделать для себя таким же выгодным экспорт керосина на zahraniчные рынки, как это удалось в свое время Рокфеллеру. Однако отвоевать у американских воротил уже захваченный ими европейский керосиновый рынок «Бранобелю» не удалось. Если в начале существования «Европейского нефтяного союза» «Бранобель» располагал в нем некоторым влиянием, то позднее ему отводится подчиненная роль. Экспортировавшийся «Бранобелем» керосин оплачивался в 1906 г. по 53 коп., в 1908 г.— по 52, в 1909 г.— по 50 коп. за пуд; внутри же России «Бранобель» продавал его по среднегодовым ценам от 1 руб. 17 коп. до 1 руб. 35 коп. за пуд. В августе 1910 г. Грубе направил Э. Л. Нобелю письмо, в котором рассматривалась расстановка сил в «Европейском нефтяном союзе»: предполагался створ Ротшильдов с Детердингом и здесь; поэтому делать дополнительные вложения средств «Бранобеля» в «Европейский нефтяной союз» считалось нецелесообразным⁵⁰. А через месяц Грубе сообщал Ольсену: «Европейский нефтяной союз, к сожалению, не является учреждением, предназначенным для размещения того керосина, который не находит сбыта у нас и у румын. Союз всегда покупает товар там, где он дешевле. Закупки у аутсайдеров снижают цены на наш керосин, да и среди непосредственных участников Союза царит конкуренция, причем оказалось, что мы неспособны состязаться в экспортных ценах с румынами... «Европейский нефтяной союз» плохо служит нашим интересам... Нам следует думать в первую очередь о том, как бы поднять наш сбыт внутри самой России»⁵¹. Вот прямое признание поражения в борьбе за экспортные рынки. В самом деле, начиная с 1911 г. и до краха эксплуататорского строя в России экспорт керосина «Бранобелем» непрерывно падает, постепенно сходя на нет.

Если в экспорте керосина положение «Бранобеля» никогда не было блестящим и вывоз керосина за границу временами становился даже убыточным, хотя и поощрялся царским правительством (по валютным соображениям) в форме снятия акциза с экспортируемого керосина, то в сфере смазочных масел дело обстояло иначе. Насколько тогдашняя бакинская нефть была хуже пенсильванской с точки зрения получения из нее керосина⁵², настолько она была лучше в отношении выработки смазочных масел. Американские дельцы, неуклонно препятствовавшие своей конкуренцией, доходившей до демпинга, сбыту российского экспортного керосина, менее энергично противодействовали проникновению на мировые рынки русских смазочных масел, поскольку не могли с достаточной выгодой удовлетворить количественными параметрами своего производства беспрерывно возрастающие потребности машинного парка США и Западной Европы. К тому же в России, где был сравнительно небольшой машинный парк, смазочные масла не находили удовлетворительного сбыта. «В России,— писал Э. К. Грубе,— мы не можем сбыть смазочные масла, здесь для них нет покупателей, поскольку промышленность в целом недостаточно развита. Нам волей-неволей приходится сбывать наши смазочные масла за границу. Существующее для данной цели общество САИК работает гораздо лучше, чем «Европейский нефтяной союз». Однако в составе этого общества можно различить две группы с сильно расходящимися интересами: производители заинтересованы в пол-

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 1747, лл. 406—410.

⁵¹ Там же, лл. 425—426

⁵² Нормальная выработка керосина из бакинской нефти составляла 31% против 75% из пенсильванской («Нефтяное дело», 1902, № 3, стр. 173).

ном сбыте товара даже без высоких прибылей, торговцы заинтересованы в получении высоких прибылей. Поэтому САИК иногда торгует не только нашими, но и чужими смазочными маслами, затрудняя тем самым наш сбыт»⁵³. Смазочные масла были одним из тех нефтепродуктов, с которыми нобелевской корпорации удалось «пробиться» на зарубежные рынки. Однако в целом «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель», наживавшееся за счет эксплуатации российских рабочих и преимущественного обирания российских потребителей, ориентировало сбыт подавляющей части видов своей продукции именно на внутренний рынок.

Комплексный характер этой монополии, ее перерастание в концерн с широкой номенклатурой выпускаемой продукции позволили руководителям «Бранобеля» уделить большое внимание тому повороту в энергетическом значении нефти, который стал намечаться на рубеже XIX—XX вв. и был связан с изобретением Р. Дизелем двигателя внутреннего сгорания. Значительная часть конфиденциальной переписки заправил концерна связана с их стремлением как можно быстрее воспользоваться открывавшимися новыми, потенциально еще более прибыльными перспективами в энергетическом использовании нефти. В частности, предполагалось переоснастить принадлежавшие компании каспийский нефтеналивной флот и промышленное хозяйство на дизельные двигатели и даже создать собственное производство дизелей, тем более что их изобретатель не сразу нашел деловое сочувствие у ведущих промышленных магнатов в Германии, почуявших угрозу для судеб германской экономической гегемонии в Европе: при избытке, как и в Англии, каменного угля, обеспечивавшего тогдашнее индустриальное могущество, Германия практически не имела собственной добычи нефти⁵⁴. Р. Дизель, патенты которого на изобретение не принимались во внимание, был вынужден обратиться за вспомоществованием (в форме Нобелевской премии) к Э. Л. Нобелю. Просительное послание изобретатель направил ему «лично и доверительно», назвав его при этом «одним из самых первых покровителей дизельного дела»⁵⁵.

Еще в 1892 г. машиностроительный завод «Людвиг Нобель» в Петербурге издал «Руководство по уходу за керосиновыми двигателями» и пытался наладить их производство. Однако использование керосина в качестве энергетического средства не решало проблемы: керосин и без того находил широкий сбыт в качестве осветительного средства, а основной вопрос состоял в использовании остальных, более тяжелых фракций нефти, которые при тогдашнем бакинском варианте нефтедобычи составляли свыше $\frac{2}{3}$ от общего веса сырой нефти. Они, сначала считавшиеся бросовыми, находят затем сбыт в качестве дешевого топлива в паровых котлах, что стало возможным после распространения распылительной форсунки для сжигания мазута, несложное производство которой было освоено, в частности, машиностроительными предприятиями Нобеля. Мазут стал занимать все большее место в сбыте. «Бранобель» довел запасы мазута на собственных и контролируемых им складах с 1888 г. по 1908 г. с 11,5% до 94,7% годового общероссийского потребления. Хорошо освоенное производство форсунок и сосредоточение фирмой больших количеств пригодного для них мазута, распространенность в российской промышленности и транспорте паровых машин делали для «Бранобеля» весьма прибыльным затаянное использование начинавшей уже устаревать паровой энергетики.

Однако игнорировать столь существенный технический переворот, как появление двигателей внутреннего сгорания с их в 5—6 раз более высоким коэффициентом использования тех же нефтепродуктов, которые сжигались «нобелевскими форсунками» под паровыми котлами, было немислимо для «Бранобеля» с точки зрения его выгод. Поэтому и возник у его заправил интерес к дизелестроению и моторостроению.

К 1914 г. началось широкое распространение двигателей внутреннего сгорания. На своих заводах Э. Л. Нобель выпускал относительно небольшое количество дизелей; так, в 1913 г. был произведен 81 двигатель общей мощностью 15 081 л. с.⁵⁶,

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 1747, л. 427.

⁵⁴ J.-J. Vergeby. Histoire mondiale du pétrole. P. 1961, p. 157.

⁵⁵ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 269, л. 201.

⁵⁶ «Отчет акционерного общества машиностроительного завода «Людвиг Нобель» за 1913 г.». Б. м. Б. г., стр. 11.

из них 34 — для военно-морского ведомства, поскольку тесно связанный с последним Путиловский завод неизменно отдавал предпочтение двигателям петербургского завода Нобеля, даже если они обходились дороже⁵⁷. Однако собственное производство в корыстном понимании Нобеля отнюдь не ограничивалось пределами России. С немалым рвением он налаживал выпуск дизелей за рубежом, во взаимодействии с капиталистами Швеции («Эншильда банк») и Германии (Б. Бинг). Влияние Э. Л. Нобеля на эти предприятия было существенным. Один крупный английский судовладелец жаловался Э. Л. Нобелю, что на двух судовых дизелях, «полученных от дизельного предприятия Ваших друзей в Стокгольме», при длительной работе «на полной мощности в 800 л. с. греются подшипники», и выражал надежду на его вмешательство⁵⁸.

Нобелевские заправила переоснастили значительную часть своего нефтеналивного флота на суда с дизельными двигателями и предприняли меры по захвату в свои руки производства двигателей внутреннего сгорания. Однако сначала «Бранобелью» было выгоднее ориентировать остальную российскую промышленность и транспорт на морально устаревавшие паровые машины с нобелевскими мазутными форсунками, одновременно сдерживая собственную нефтедобычу и следуя правилу «продавать меньше, но дороже». Этот своеобразный экономический саботаж «Бранобель» последовательно проводил в жизнь с начала XX в. и сокращал добычу нефти (с 79,845 млн. пуд. в 1901 г. до 65,884 млн. в 1913 г.), а вместе с тем повышал спекулятивные закупки нефти у других фирм, укрепляя свое монопольное положение на рынке. В организации заклейменного В. И. Лениным в 1913 г. «нефтяного голода» с бешеным вздутием цен на нефть и извлечением нефтепромышленниками максимальных прибылей⁵⁹ «Бранобель» сыграл ведущую роль. Его нефтепромышленные прибыли за 1912—1916 гг. превысили 119 млн. рублей. Вот один из локальных прообразов того «энергетического кризиса», который недавно искусственно организовали в развитых капиталистических странах современные монополии.

Представляет также интерес вопрос, как складывались в начале XX в. отношения «Бранобеля» с шведским капиталом. Как показывает та же переписка, «Эншильда банк» — крупнейший банк Швеции, традиционно принадлежавший финансовой династии Валленбергов, находился под значительным влиянием российских Нобелей, хотя и не столь решающим, как Волжско-Камский банк, где Э. Л. Нобель был председателем совета и пользовался правом ревизии⁶⁰. Через «Эншильда банк» он возвратил германскому банку «Дисконто гезельшафт» в начале 1910 г. взятые ранее 4 млн. марок⁶¹ и проводил другие финансовые операции. От усмотрения Э. Л. Нобеля в решающей степени зависело получение кредитов как в Волжско-Камском, так и в «Эншильда банке». Имевший 1,5-миллионные обороты в Петербурге шведский предприниматель И. Пальмгрен не случайно обращался в октябре 1910 г. именно к Э. Л. Нобелю с заискивающей просьбой: «Если бы Вы, господин действительный статский советник, захотели бы замолвить за меня словечко в дирекции Волжско-Камского банка об открытии мне дисконтного кредита, я был бы Вам весьма благодарен»⁶². Почти аналогичные просьбы поступали к Э. Л. Нобелю и по поводу получения кредитов из «Эншильда банк». Более того, переписка Э. Л. Нобеля показывает, что через одного из руководителей «Эншильда банк» и Стокгольмского торгового банка К. Фриска влияние Нобеля стало распространяться также на Стокгольмский торговый банк. Характерны письменные просьбы из Швеции об оказании поддержки развитию тамошней авиационной промышленности, которая в дальнейшем должна была способствовать сбыту нобелевского бензина; об организационной помощи шведской торговой палате в России; об издании в России про-шведской торгово-промышленной газеты; о передаче работ по переоборудованию петербургской канализации шведско-русскому инженерному обществу⁶³. Нобелевский

⁵⁷ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 263, л. 242.

⁵⁸ Там же, д. 274, л. 134.

⁵⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 32—35.

⁶⁰ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 243, л. 39.

⁶¹ Там же, д. 224, л. 362.

⁶² Там же, л. 301.

⁶³ Там же, д. 256, лл. 106, 108; д. 273, л. 62; д. 275, л. 232.

концерн был типичным представителем финансового капитала, являясь как производственной, так и финансирующей организацией.

Э. Л. Нобель поддерживал тесные связи со своими родственниками, имевшими предприятия в Швеции. Взаимный обмен письмами и визитами носил регулярный характер. Сыновья Роберта Нобеля Ялмар и Людвиг, руководившие в Швеции акционерными обществами «Бастадский пригород» и «Нитроглицерин», постоянно советовались со своим двоюродным братом даже по мелким вопросам вроде подбора «лично знакомых скульпторов» для изготовления бюстов основателей «Бранобеля». Более показательно, что шведские родственники регулярно сообщали в Россию о положении с сырьем, заработной платой и дивидендами на Дьюрскольмском заводе взрывчатых веществ, обращаясь при этом к Э. Л. Нобелю как крупному пайщику предприятия⁶⁴. Кроме того, последний вошел в качестве основного пайщика в создававшуюся в 1910—1912 гг. под эгидой «Эншильда банк» шведскую авиационную промышленность⁶⁵. Связи с шведским капиталом были у Э. Нобеля настолько налаженными, что по его рекомендации на тамошние пороховые заводы пропускали российских военных экспертов для ознакомления с производством. «Мы охотно примем упомянутого артиллерийского офицера, покажем ему часть подробностей порохового производства и опытные стрельбы,— писал весной 1912 г. Э. Л. Нобелю директор акционерного общества «Нобелькрут — Бофорс», бывший ранее ближайшим сотрудником А. Нобеля.— Мы имеем соглашение с динамитным трестом, кончающееся 18 апреля; согласно этому соглашению, мы до упомянутого срока не можем продавать или предлагать порох для военно-морских сил России, за исключением пробных поставок... После указанного дня у нас нет препятствий, чтобы договориться о более крупных сделках»⁶⁶.

Нобелевский концерн, будучи одним из самых крупных российских финансово-промышленных предприятий и имея основные интересы на территории России (сотни нефтяных вышек и нефтеналивных судов, более 500 крупных складов, нефтеперерабатывающие и металлообрабатывающие заводы), вместе с тем был тесно связан финансовыми и производственными нитями с шведским капиталом, стараясь использовать его как своего сателлита, чтобы закрепить известную свободу действий по отношению к нефтяным монополиям мирового масштаба. В целом «Бранобель» проявил относительно высокую способность усваивать и ассимилировать, не теряя самостоятельности, иностранный капитал, причем роль шведского капитала была сведена в «Бранобеле» к вспомогательной и спорадической. Не имели решающего значения и капиталы из других стран, в том числе Германии, хотя услугами немецкого капитала «Бранобель» временами охотно пользовался. К маю 1916 г. из германских банков в числе владельцев «Бранобеля» числился лишь «Дисконто гезельшафт», а доля его акций не превышала 2%⁶⁷. Напротив, в ряде случаев (например, в 1913 г. для расширения производства взрывчатых веществ на заводе в Шлиссельбурге, поставлявшем нитропорох военно-морскому флоту) «Бранобель» сам предоставлял крупные кредиты (в данном случае — 0,5 млн. руб.) германским монополиям⁶⁸. Вот лишь одно из многочисленных проявлений деятельности «Бранобеля» как финансирующей организации.

В. И. Ленин считал нефтяную промышленность одной из самых монополизированных отраслей экономики дореволюционной России. «Возьмите нефтяное дело,— писал он накануне Великого Октября.— Оно «обобществлено» уже предшествующим

⁶⁴ Там же, д. 216, л. 177.

⁶⁵ Там же, д. 256, л. 107.

⁶⁶ Там же, д. 269, лл. 310, 312. Э. Л. Нобель имел возможность оказывать влияние даже на смещение и назначение градоначальников. Достаточно было управляющему Бакинским отделом «Бранобеля» пожаловаться ему на местного «отца города» («К сожалению, подбор на пост бакинского градоначальника генерала Коневского оказался не совсем удачным: у него не хватает власти и крепкой воли; конечно, мы по-прежнему немного, прежде чем предпринимать необходимые шаги для его замены»), как через некоторое время он уже сообщил: «В настоящее время Баку относительно спокоен, новый градоначальник Мартынов, видимо, подходящий человек» (там же, д. 216, л. 10; д. 217, л. 190).

⁶⁷ См. «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914—1917», стр. 133.

⁶⁸ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 273, л. 43.

развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей — вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, собираем сказочных прибылей с «дела», уже организованного фактически, технически, общественно в общегосударственных размерах...»⁶⁹.

«Бранобель» был ведущим капиталистическим хищником в сфере российского нефтяного бизнеса. Достигнутая степень монополизации позволяла его заправилам получать высокие прибыли от изощренной до предела эксплуатации рабочих. Великая Октябрьская социалистическая революция, впервые в истории принесла подлинное освобождение трудящимся, прозвучала похоронным звоном для эксплуататоров, в том числе и для «Бранобеля». 13 ноября 1917 г. в Баку была провозглашена Советская власть, а 28 мая 1918 г. Совнарком РСФСР принял предложение В. И. Ленина о национализации нефтяной промышленности. Четыре дня спустя Бакинский Совнарком издал декрет о национализации нефтяного дела в Азербайджане и сразу же был вынужден принять меры против подрывной деятельности, развернутой директорами нобелевской и детердинговской монополий.

Советской стране тогда предстояли еще тяжелые годы борьбы с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией. Нефтеносные районы были на ряд месяцев насильственно отрезаны от основных промышленных центров. В этот период «Бранобель» взял курс на соглашение с американским монополистическим капиталом, попутно пытаясь использовать его противоречия с английским. Летом 1919 г. во Владивостоке был заключен договор, в котором указывалось, что «для продажи и хранения керосина фирмы «Стандард ойл Ко» в Нью-Йорке, Товарищество предоставляет всю свою торговую организацию на Дальнем Востоке и в пределах Сибири»⁷⁰. По другому соглашению, подписанному в Париже, «Бранобелем» была продана той же американской корпорации крупная партия бакинского керосина для вывоза через находившийся под контролем английских интервентов Батум.

Однако в апреле 1920 г. была восстановлена Советская власть в Баку. Надежды заправил «Бранобеля» на сохранение какой-то доли самостоятельности внутри капиталистического нефтяного бизнеса быстро улетучились, и 30 июля 1920 г. бежавшие еще ранее за границу главари «Бранобеля» перешли к спешной распродаже акций. Половина их попала в руки рокфеллеровской «Стандард ойл» за сумму в 11,5 млн. долларов. Фактически «Бранобель» получил лишь 6,5 млн. долл.; остальную часть американские монополисты обещали выплатить либо после падения Советской власти, либо в том случае, если Советское правительство признает права Нобеля⁷¹. Ни того, ни другого, естественно, не случилось. Все средства производства, в том числе и в нефтяной промышленности, навсегда перешли в нашей стране в надежные руки их подлинных хозяев — трудящихся.

⁶⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 169

⁷⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 2309, оп. 1, д. 87, л. 51.

⁷¹ См. А. А. Фурсенко. Можно ли считать компанию Нобеля русским концерном? «Исследования по социально-политической истории России». Л. 1971, стр. 360.

ВЕНЕЦИЯ МЕЖДУ ГВЕЛЬФАМИ И ГИБЕЛЛИНАМИ

Н. П. Соколов

Раздоры между гвельфами и гибеллинами в течение трех столетий (XII—XIV вв.) потрясали экономически развитую часть средневековой Италии. Для городов-республик Северной и Центральной Италии это была прежде всего внутренняя междоусобица, соперничество двух социальных сил — феодального дворянства и бюргерства. Время от времени эта борьба осложнялась соперничеством двух политических сил — папства и империи. Гибеллины видели в императорах защитников их феодальных интересов и в качестве таковых своих естественных союзников, вследствие чего гвельфам не оставалось ничего другого, как стать на сторону пап, хотя папство отнюдь не было носителем идеалов политического и экономического прогресса. При всем том состав этих партий не был всегда и безусловно постоянным: пополаны ряда городов бывали на стороне гибеллинов; некоторые гвельфы при изменившихся обстоятельствах становились гибеллинами; обе партии иногда действовали совместно. «Гвельфы и гибеллины — алгебраические знаки, за которыми может скрываться любой смысл»¹. И все же это было как бы отступлением от того общего правила, что итальянское бюргерство выступало под гвельфским знаменем, а их социальные противники — под знаменем гибеллинов.

Если столкновение папы Григория VII и императора Генриха IV сравнительно мало затрагивало итальянские коммуны, да и спорившие партии еще только набирали силы, то во второй половине XII в. итальянские города-республики были полностью втянуты в водоворот этой борьбы. Именно тогда они и приняли на себя наименования гвельфов и гибеллинов. Названия эти пришли из Германии, где они появились в первой половине XII в. в связи с соперничеством баварского герцогского дома Вельфов (гвельфы) с императором из дома Гогенштауфенов Конрадом III (гибеллины). Развитые города Средней и Северной Италии вышли победителями из этой борьбы, поскольку речь шла об абсолютистских притязаниях Фридриха Барбароссы, но внутренние противоречия остались, равно как остался незавершенным и спор между папством (гвельфы) и империей (гибеллины).

Во второй четверти XIII в. внутренние противоречия в городах Италии еще раз тесно переплелись с очередной вспышкой борьбы между папством и Гогенштауфенами. Тогда развернулись события, преисполненные глубочайшего драматизма. Гвельфы и на этот раз стали победителями, города отстаивали свою политическую независимость; но внутренние противоречия сохранились и в XIV в., хотя гибеллины уже не могли рассчитывать на помощь с севера.

Особое место среди развитых городов-республик Северной Италии занимала Венеция. Здесь не наблюдалось борьбы между гвельфами и гибеллинами, так как не было социальных сил, ведших эту борьбу в других городах. Господствующий класс Венеции, патрициат, состоял из купцов и ростовщиков, но уже в VIII в. его представители были одновременно и получателями феодальных рент, равно как и владельцы феодов занимались торговлей и ростовничеством². Земельные владения венецианского нобилитета были сосредоточены в основном за пределами лагун: в Истрии и Далмации, на Апеннинском полуострове в районах Падуи, Тревизо и др., а с XIII в. также и в колониальных владениях Венеции на Востоке. Вместе с тем феодальная рента вене-

¹ «История Италии». Т. I. М. 1970, стр. 233.

² Н. П. Соколов. Метрополия Венецианской колониальной державы во второй половине XIII в. «Ученые записки» Горьковского университета, вып. XXVI, 1954, стр. 61—62.

цианской аристократии составляла лишь скромную часть ее бюджета: торговля и ростовщичество были главными источниками доходов. Венецианский патрициат, таким образом, состоял из лиц с одними и теми же социальными интересами.

Во время, когда в других городах Италии борьба гвельфов и гибеллинов принимала все более острый характер, в Венеции до начала XIV в. обстановка была более или менее спокойной, если не считать мелких вспышек недовольства городских низов политикой правившей аристократии³. Венеция скоро стала предметом удивления современников, следивших за борьбой претендовавших на власть партий в других городах-республиках. Автор одной их хроник XIII в. писал: «Счастлива Венецианская коммуна! Граждане ее во всех делах своих заняты только общими интересами, так что имя венецианское стало чем-то вроде символа (порядка)»⁴. Венеция спокойно наблюдала за расприями в других городах-коммунах; но дело коренным образом менялось, когда эти распри осложнялись борьбой посторонних сил. Венецианские политики справедливо считали, что независимость и благополучие республики могут быть гарантированы лишь до возникновения в Италии, в непосредственной близости от Венеции, сильного государства. Склонная вообще жить в мире с императорами, пока они занимались далекими от Венеции делами, республика круто меняла свою политику, когда они пытались свою номинальную королевскую власть в Северной Италии превратить во власть вполне реальную. Поведение республики св. Марка в ожесточенных столкновениях между папством и империей, между гвельфскими и гибеллинскими республиками Италии во второй половине XII и первой половине XIII в. наглядно продемонстрировало это.

Венецианская республика находилась в хороших отношениях с империей при последнем короле Франконской династии, Генрихе V (1092—1125 гг.), и при его преемнике Лотаре (1125—1137 гг.) из Саксонского дома, и, наконец, при Конраде III Гогенштауфене (1137—1152 гг.). Довольно долго такие отношения Венеции с империей сохранялись и при втором Гогенштауфене Фридрихе Барбароссе. В 1154 г., во время своего первого пребывания в Италии, он подтвердил Венеции все права и привилегии, которые были дарованы ей его предшественниками. На сейме 1157 г. в Безансоне венецианские послы приветствовали императора от имени дожа. Но все это продолжалось лишь до тех пор, пока Фридрих не обнаружил стремления стать подлинным распорядителем судеб Северной и Средней Италии.

Еще в 1154 г. на Ронкальских полях Фридрих изложил свою политическую программу, не сулившую северным городам Италии ничего хорошего. При этом император не ограничился декларацией. Милан воевал в этом году с гибеллинской Павией, ему было приказано прекратить военные действия. В следующем году император осаждал Тортону и опустошает поля Милана за помощь осажденному городу. В 1157 г. Милан вновь вызвал гнев Фридриха: город опять начал войну с Павией и победил ее. Император ответил на это при своем втором появлении в Италии в 1158 г. осадой Милана, овладел им и взял заложников. В следующем году Милан снова выступает против императора, оказав помощь осажденной им Креме. За это область его вновь была опустошена, а Крема в 1160 г. взята и сожжена⁵.

События принимали серьезный оборот. Политика сильной власти, которую проводил Фридрих в Северной Италии, заставила венецианцев опасаться за свою судьбу. Венецианские хронисты обвиняют Фридриха в стремлении подчинить себе и Венецию⁶. В 1161 г. Венеция все еще пытается поддерживать мирные отношения с императором, в этом году послы Фридриха еще были в Венеции; но развернувшиеся в это время в Италии события заставили республику св. Марка круто изменить свою политику.

³ См. Н. П. Соколов. Социальные группировки и социальная борьба в Венеции в период раннего средневековья. Сборник «Средние века». Т. VII. М. 1955, стр. 231, 232.

⁴ «Chronicon Rolandini Patavini». «Monumenta Germaniae historica». Scriptorum (далее—MGH. SS). Vol. XIX, p. 62.

⁵ «Annales Mediolanenses». MGH. SS. Vol. XVIII, pp. 360—367; «Annales Pisani Bernhardi Marangonis». MGH. SS. Vol. XIX, pp. 242—244.

⁶ «Annales Venetici breves». MGH. SS. Vol. XIV, p. 71; «Historia ducum veneticorum». MGH. SS. Vol. XIV, p. 76.

В 1160 г. возникло первое объединение городов Ломбардии — Ломбардская лига. Германский император немедленно начал войну против образовавшегося союза. В 1161 г. поля Милана были опустошены, а затем осажден и сам непокорный город. В марте 1162 г. он капитулировал. На примере Милана император хотел показать, как он будет карать непокорные города Италии, он приказал разрушить дома, стены и башни города, засыпать рвы, «сровнять город св. Амвросия с землей», и «почти вся Ломбардия принимала участие в этой работе»⁷.

Для Венеции наступило время действовать. Весной 1162 г. гибеллины Падуи, Вероны, Феррары, Адрии и Ариано напали на город Коварчере и захватили его. Дож Витале Микеле отбил захваченный город и опустошил владения Адрии и Ариано, Фридрих ответил на это жалованной грамотой Генуе, которая, правда, не особенно усердно держала сторону императора. Эта грамота, датированная июнем 1162 г., показывает, что отношения между Венецией и императором испортились окончательно. «Городу Генуе, — писал император, — предоставляем мы полное право изгонять провансальских купцов, совершающих путешествие по морю с торговыми целями, а также купцов всего Венецианского принципата, если только они не сумеют снискать нашу благосклонность и доброе расположение». Нечто вроде блокады было объявлено Венецианской республике и на суше: «Теперь венецианцы не смели никуда больше показываться, кроме моря», — сообщает анонимный автор «Истории дождей венецианских»⁸.

Венеция приступила к организации враждебного Фридриху союза на территории Веронской марки. «В это время (1164 г.), — говорится в «Анналах Лоди», — жители Вероны, Падуи, Виченцы и других городов этой марки, за исключением небольшого числа оставшихся верными императору, восстали против него частью потому, что получили деньги от венецианцев, которые уже раньше стали императору в оппозицию, частью потому, что, как они говорили, были обременены вымогательствами императора»⁹. Затем созданный Венецией Веронский союз объединился со вновь возродившимся и усилившимся союзом городов Ломбардии. Папа Александр III прилагал все усилия к укреплению этого союза. С 1164 г. Фридрих с полным основанием считал республику св. Марка «возбудительницей мятежа и непокорности против нас и империи нашей»¹⁰.

Дела императора в Италии принимали дурной оборот: попытки бороться с могущественной лигой, предпринятые в 1163 и 1166 гг., не дали результатов, попытка направить против Венеции патриарха Аквилеи и тревизанцев закончилась разгромом этого прелата и пленением его венецианскими войсками. Между тем обстановка в Германии складывалась так, что до 1174 г. Фридрих не мог появиться в Италии. Враждебные императору силы крепили все более и более: в 1168 г. против Фридриха образовалась могущественная итальянская конфедерация в составе более чем 14 городов Северной и Средней Италии. Папа был душою союза. Норманны с юга Италии поддерживали его, и даже византийский император некоторое время помогал союзу деньгами, которые поступали через Венецию.

Все говорило за то, что автократические планы Фридриха в Италии рухнули. Теперь Венеция решила, что ее участие в лиге гвельфских городов не является больше для нее необходимым. Не разрывая с союзом формально, Венеция ведет в 70-х годах независимую от гвельфов политику, и «венецианское правительство начало играть в театре событий роль зрителя в гораздо большей степени, чем актера»¹¹. В 1171 г. византийским императором Мануилом был нанесен тяжелый удар венецианской торговле во всех владениях империи, и когда войска Мануила появились в Анконе, Венеция без колебаний вступила в переговоры с Христианом, архиепископом Майнцским, который представлял тогда интересы Фридриха в Италии. В 1173 г. ве-

⁷ «Annales Mediolanenses», p. 373.

⁸ См. Н. Kretschmar, Geschichte von Venedig. T. I. Gotha. 1905, S. 466; «Historia ducum veneticorum», p. 77.

⁹ «De rebus Laudensibus Acerbi Morenae continuatio». MGH. SS. Vol. XVIII, p. 642.

¹⁰ Из грамоты с привилегиями для Феррары от 1164 г. (см. Н. Kretschmar, Op. cit., S. 466).

¹¹ R. Cessi. Storia della Repubblica di Venezia. Vol. I. Milano—Messina. 1944, p. 164.

нецианский флот и немецкие войска общими усилиями взяли Анкону. Легко себе представить негодование гвельфских союзников Венеции: республика клялась в верности союзу на 20 лет и изменила ему через два года!

В дальнейшей борьбе Ломбардской лиги с Фридрихом Венеция сохраняла строгий нейтралитет, вследствие чего не могла увенчать себя лаврами битвы при Леньяно (1176 г.), однако ухитрилась, вопреки воле ломбардских городов, но с соизволения папы, выступить с оливковой ветвью мира на Венецианском конгрессе 1177 г.; где она в первую очередь позаботилась о расширении своих торговых привилегий во владениях побежденного Фридриха.

Подобным же образом вела себя Венеция и в XIII в., когда Гогенштауфены еще раз попытались овладеть непокорными городами Италии. Положение республики св. Марка на этот раз было нелегким. В начале века было закончено образование Венецианской колониальной империи. Политические заботы венецианского правительства резко возросли. В Истрии и Далмации венецианским владениям угрожали венгерские короли. На Крите участились восстания греческого населения против «латинского» господства. Негропонт раздирали распри местных феодалов, в которые была втянута в качестве союзника и Венеция. Никея угрожала Латинской империи и привилегированному положению в ней республики. Венецианские колонии на восточном побережье Средиземноморья были свидетелями происходившего здесь окончательного крушения Иерусалимского королевства.

Однако, как ни важны были для Венеции восточные интересы, ее взоры в первую очередь были устремлены на то, что происходило в непосредственной близости от ее лагун. Удары, которые судьба могла ей нанести на Востоке, были бы ранами на ее конечностях, а на Западе она была бы поражена в самое еердце.

За исключением мелких столкновений с Падуей, Тревизо и Аквилеей, которые имели место в первой четверти XIII в., Венеция сохраняла мирные отношения с большинством городов Северной и Средней Италии, так как еще до начала 30-х годов XIII в. для дальновидных венецианских политиков стало ясно, что в Италии разгорается политическая борьба, исход которой не мог быть безразличным для Венеции. В Италии опять появилась сила, беспрепятственное развитие которой было бы очень опасным для Венеции,—этою силой был опять, как и в XII столетии, император, на сей раз внук Барбароссы, Фридрих II, бывший одновременно королем обеих Сицилий.

В его лице папство и гвельфские республики Ломбардии встретились с самым опасным врагом, который обладал не только силой, как Фридрих Барбаросса, но и был гонким дипломатом, чему могли позавидовать и «наместники св. Петра». Уже папа Иннокентий III почувствовал опасность соединения на голове этого Гогенштауфена императорской короны с тремя королевскими, но он умер в то время, когда эта опасность еще не приняла осязательных форм. При уступчивом преемнике Иннокентия, Гонории III (1216—1227 гг.), дело Фридриха II продвинулось довольно далеко по пути, намеченному этим императором; но взаимоотношения папы и императора резко обострились, когда понтификат перешел к решительному Григорию IX (1227—1241 гг.). Трактат С. Джермано 1229 г. и свидание между императором и папой, состоявшееся в 1230 г. в Ананьи, означали как будто торжество политики «св. престола» над «коварным Гогенштауфеном», но они принесли с собой не мир, а только кратковременную передышку, необходимую Фридриху для упорядочения дел в Германии и Сицилии,—борьба немедленно возобновилась, как только руки императора на севере и на юге оказались развязанными.

У Фридриха на первых порах не было никаких оснований ссориться с могущественной республикой Адриатики. В 1220 г. он подтвердил в своей грамоте прежние права и привилегии Венеции. Император именовал дожа самым лестным для того титулом — «светлейшим дожем венецианским, герцогом Хорватии и Далмации, властителем четверти и полчетверти Романии». В грамоте, по сравнению с пожалованиями предшественников императора, было сделано существенное добавление: в пункт 10-й, где речь шла о беспошлинной торговле венецианских купцов во владениях императора, включено было и королевство Италийское, «королевство наше», как именовал его Фридрих. Наконец, что для Венеции было особенно важно, свобода торговли в Адриатике предоставлялась купцам италийским только до Венеции, «но

не дальше»¹². Однако император благосклонно относился и к Генуе с Пизой, покровительствовал сицилийским купцам и признал за патриархом Аквилеи верховные права над Истрией, что создавало угрозу положению Венеции в истрийских городах. Венеция попробовала платить той же монетой, и когда в 1226 г. появилась вторая Ломбардская лига, то она объявила о своем нейтралитете и не оказала потом никакого содействия императору в его походе на Восток.

Фридрих еще раз попытался привлечь республику на свою сторону. В 1232 г. он приказал некоторым своим германским вассалам и сыну Генриху, королю Германии, явиться в Аквилею. Венецианцы не подали в виду, что поведение императора кажется им подозрительным,— они торжественно приняли его, а Фридрих, со своей стороны, «поклонился св. Марку» и сделал богатые подарки¹³. При этом венецианские политики не преминули воспользоваться случаем для того, чтобы расширить действие грамоты 1220 г., распространить ее также и на королевство Сицилийское. Привилегия 1232 г. обеспечивала венецианцам полную свободу и безопасность как личную, так и имущественную; предоставляла им право свободного вывоза и ввоза товаров во всех областях этого королевства; торговые пошлины устанавливала только в 1,5% при полном отсутствии всякого обложения золотом, серебром и монетой и строго ограниченном корабельном сборе; освобождала венецианских купцов от «берегового права» и обязывала чинов королевства всячески содействовать операциям венецианских торговых людей и т. д.¹⁴. Но Венеции не удалось воспользоваться полученными льготами.

Италия разделилась на два лагеря. На стороне императора были Кремона, Бергамо, Реджо, Мутина, Парма и «некоторые другие, но немногие», как свидетельствует падуанская хроника Роландино¹⁵. Союз городов Ломбардии, Мархии, Романьи включал, кроме Милана, Брешии, Мантуи и Болоньи, также Фавенцу, Падую, Виченцу, Тревизо, владения маркиза д'Эсте. Верона некоторое время колебалась, но скоро стала на сторону императора. В городах, верных Ломбардской лиге, были, однако, враждебные партии, которые облегчали императору борьбу с гвельфскими противниками; но не было также, разумеется, единства и в гибеллинских городах. Гвельфы избивали и изгоняли гибеллинов, гибеллины — гвельфов. Жестокая политическая борьба потрясала Италию. Папе хотелось видеть на своей стороне могущественную Венецианскую республику. Григорий IX еще в 1227 г. особой грамотой установил, что город может быть подвергнут интердикту только со стороны самого «св. престола», а не каких-либо других представителей церкви¹⁶.

В Венеции очень внимательно следили за развитием событий. Представители ее аристократических фамилий, рассеянные в качестве подеста по городам Ломбардии, Мархии и Романьи, умело действовали в нужном для их родного города направлении. Пока чаша весов в развертывавшейся борьбе не склонялась определенно ни на ту, ни на другую сторону, Венеция выжидала. Скоро, однако, выяснилось, что продолжение такой политики становится более невозможным. Осенью 1236 г. войска Фридриха овладели Виченцей, разграбили и сожгли ее. Тогда же области Падуи и Тревизо были наводнены войсками императора и его сторонников, и только осложнение в Германии заставило Фридриха пока оставить их в покое, но не надолго: в феврале 1237 г. злейший враг гвельфов, вассал Фридриха Эццелино да Романо, захватил Падую, а затем и Тревизо. В августе в Северной Италии появился сам Фридрих и тотчас же овладел Монтекьяро, предместьем Брешии. Несколько позднее пала Мантуя. Затем ломбардцам был нанесен еще один удар: вассал Фридриха Салингерра овладел Феррарой. Год закончился ужасной катастрофой под Кортенуова, где болонцы, новарцы, верчелльцы, брешианцы под предводительством старого врага Гогенштауфенов, Милана, были наголову разбиты императором и его союзниками, гибеллинами

¹² MGH. Leges. Constitutiones. Vol. I, pp. 93—95.

¹³ «Annales Placentini Guelfi». MGH. SS. Vol. XVIII, pp. 453, 454.

¹⁴ F. Carabellèse. Le relazioni commerciali fra la Puglia e la Repubblica di Venezia. Recherche e documenti. Vol. I—II. Trani. 1897—1898. Vol. I, doc., p. 52.

¹⁵ «Chronicon Rolandini Patavini», p. 61.

¹⁶ «Fontes rerum austriacarum» (далее—FRA). Diplomata et acta (далее—DA). Vol. XIII, p. 264.

Италии. Сын дожа Якопо Тьеполо — Пьетро, подеста Милана, был взят в плен и вместе со священной колесницей Милана отправлен в Апулию¹⁷.

Медлить больше было нельзя. Еще в этом же несчастном для лиги 1237 г. венецианский подеста Пьяченцы Р. Дзено, осуществляя указания дожа, всячески препятствует установлению мира между лигой и императором и изгоняет из города местных гибеллинов. Кортенуова и соединенные силы императорского сицилийского флота и гибеллинской Пизы заставили Венецию и Геную внять голосу неутомимого Григория IX и протянуть друг другу руки: в 1238 г. в Риме был заключен союзный договор, оставшийся некоторое время секретным¹⁸. Морские силы обеих республик должны были взаимно поддерживать друг друга в водах Сицилии, Калабрии, Апулии и Принчипато, неся на своих кораблях отличительные знаки обеих республик. Венеция постаралась оградить себя от необходимости стать на сторону Генуи против «сарацин», — республики договаривались о совместной борьбе лишь против императора. Они взяли на себя перед Григорием IX обязательство не заключать без его согласия в течение ближайших 9 лет мира с Фридрихом II: республики св. Марка и св. Георгия вместе со «св. престолом» готовились к длительной борьбе. Договор, впрочем, должен был возобновляться каждые четыре года. Несколько позднее в Ананьи был подписан между Венецией и Григорием IX дополнительный договор, облеченный 5 сентября 1239 г. в форму папской грамоты, по которой папа «великодушно» уступал Венеции любой пункт в Сицилийском королевстве, который попал бы в руки венецианцев, в качестве «лена дожу и коммуне на вечные времена»¹⁹.

Фридрих уже давно заметил, что по крайней мере некоторые затруднения с Италией были вызваны политикой Венеции: рука св. Марка чувствовалась в действиях венецианских подеста по итальяским городам: ее он видел в суровой непреклонности римского первосвященника, ему на нее указывал его союзник патриарх Аквилеи. Он начал действовать против республики ее же оружием: заключил союз с Иоанном Ватаци, императором Никеи, наносившим Латинской империи удары, которые болезненно ощущались в Венеции; строил козни против венецианцев и императора Латинской империи в Болгарии при дворе Асеня II, способствовал рассеянию крестоносного ополчения, которое с таким трудом было собрано в Венеции на помощь восточному филиалу «св. престола»; несколько позднее подтолкнул на выступление против Венеции ее далматинских и истрийских вассалов.

Борьба в Италии между тем продолжалась. Обе стороны яростно осаждали враждебные города, опустошали поля вражеских областей, избивали пленных. Наступил 1239 год, который принес с собой папский интердикт против императора и открытое выступление Венеции на стороне гвельфов. Обиженный император Альберико да Романо, брат Эццелино, внезапным ударом захватил Тревизо, прикрыв тем самым часть фланговых позиций Венеции на материке. Это дало возможность венецианцам принять живое участие в организации похода против Феррары. Основной причиной выступления Венеции на стороне гвельфов была боязнь образования в непосредственной близости от ее лагун сильного централизованного государства, каким обещало быть государство Фридриха II; но направление отдельных конкретных ударов по враждебному гибеллинскому лагерю диктовалось также и другими соображениями, и прежде всего экономическими интересами. Именно такого рода ударом был поход против Феррары.

Феррара с ее известными ярмарками играла в конце XII и начале XIII в. важную роль в торговле Северной Италии. Венеция стремилась занять ее место. До поры до времени республика св. Марка воздерживалась от враждебных актов по отношению к своей сопернице — в 20-х годах XIII в. их взаимоотношения были мирными. В конце 30-х годов XIII в. создалась ситуация, при которой можно было добиться поставленной цели под вполне благовидным предлогом. С тем большей готовностью выступила Венеция против Феррары и скоро заняла в этом гвельфском походе руко-

¹⁷ «Chronicon Sycardi de S. Germano «notarii». MGH. SS. Vol. XIX, p. 375; «Chronicon Rolandini Patavini», p. 67; «Annales Justinae Patavinae». MGH. SS. Vol. XIX, p. 156.

¹⁸ Известную роль при этом сыграла также и неудачная попытка генуэзцев договориться с императором Никеи Иоанном Ватаци о совместных действиях на Востоке (A. Danduli. Chronicon. Muratori. RIS. Vol. XII, col. 350).

¹⁹ F. Carabellèse. Op. cit., doc., pp. 52—53.

водящее положение. Совместно с папским легатом Григорием Монтелонго, мантуанцами, болонцами, маркизом д'Эсте и епископом Феррары венецианцы осадили город с суши, а их флот перерезал его сообщение с гибеллинскими городами по воде. Вассал Фридриха Салингерра мужественно защищал Феррару, имея в своем распоряжении несколько сотен немцев и милицию Кремоны, Пармы, Реджо, Мутины и Вероны. Занятый борьбою в папской области, Фридрих не мог оказать помощь осажденному городу, и в начале июня 1240 г. Феррара капитулировала, после того как венецианцы получили подкрепление из Венеции во главе с самим дожем Якопо Тьеполо. Салингерра сдался дожу и папскому легату. По распоряжению дожа пленник был отправлен в Венецию, где он и нашел свой конец в одной из тюрем²⁰.

В том же году венецианский флот под начальством Джованни Тьеполо направился к берегам Апулии, нападая на корабли дружественных Фридриху городов и опустошая Апулийское побережье. Высадившись здесь, венецианские моряки и пехота овладели Роды, Вестней и Бестиче. Непосредственная угроза нависла над Бриндизи, но в это время в Адриатике появились императорские корабли. Венецианский флот, прекратив сухопутные операции, отразил нападение с моря и возвратился в Венецию. Император приказал в качестве мести ненавистному врагу повесить взятую в плен при Кортенуова сына дожа и брата венецианского адмирала Пьетро²¹. Опустошив территорию Анконы, взяв Равенну, Фридрих приступил к осаде Фавенцы. Только в следующем, 1241 г. после нескольких месяцев осады Фридриху удалось овладеть этим небольшим городом.

В 1241 г. непримиримый враг Гогенштауфенов Григорий IX умер, но его второй преемник, избранный в 1243 г., Иннокентий IV, оказался не менее упорным и отважным противником. Войне в Италии не предвиделось конца. На каждый удар Фридриха его враги отвечали контрударом. Бежавший под защиту французского короля римский первосвященник созвал в Лионе церковный собор, который должен был судить императора. Лион формально находился на территории империи, но Иннокентий IV чувствовал себя здесь в безопасности и усиленно разжигал пламя войны и в Италии и в Германии. Дальновидные венецианские политики безошибочно определили, что острота кризиса и опасность войны, по крайней мере для Венеции, миновали: абсолютистские притязания императора встретили непреодолимое препятствие.

Теперь можно было отойти в сторону, так же, как это сделала Венеция в 70-х годах XII века. Обида, нанесенная дожу императором, была велика, но глава венецианского правительства не мог руководствоваться личными мотивами при разрешении дипломатических вопросов. В 1245 г. состоялся созванный Иннокентием IV Лионский собор. На нем от Венеции присутствовали трое представителей светлейшей синьории — Райнерио Дзено, Марино Моросини и Джованни да Канале. Венецианские послы на обратном пути были захвачены герцогом Савойским, который отправил их в распоряжение своего сюзерена. С ним и начаты были переговоры. Разумеется, никаких решений венецианские послы принять не могли, — у них не было на это необходимых полномочий, но, будучи отпущены домой, они унесли с собой убеждение в мирных намерениях императора²². Не нарушая формально соглашения с

²⁰ M. da Canal e. Chronique des Veniciens. Vol. VIII. 1845, p. 378; «Annales Veroneses». MGH. SS. Vol. XIX, p. 11; A. Danduli. Op. cit., col. 351—352.

²¹ «Annales Placentini Gibellini». MGH. SS. Vol. XVIII, p. 484.

²² В литературе можно встретить прямо противоположное истолкование этой политики Венеции: Венеция считала дело Фридриха верным, победу его обеспеченной и не хотела больше терять деньги и людей (см., например, Н. K r e t s c h m a u g. Op. cit. T. II, S. 46). Никаких доводов в пользу подобного взгляда сторонники его не приводят, и нужно признать ни на чем не основанное утверждение, что послы Венеции на Лионском соборе заключили с императором мирный договор. Это неверно уже по одному тому, что в незначительном объеме военные операции против Фридриха Венеция продолжала и после 1245 г., и, кроме того, это можно установить из рассказа Дандоло, который, приведя слова Фридриха, обращенные к венецианским послам, — «Вы не должны воевать против императора, не в ваших это интересах», — добавляет далее: «На что послы мудро принесли ему красиво выраженные, но неистинные извинения» (A. Danduli. Op. cit., col. 356). Из всего этого следует, что никакого мирного договора Фридриха с Венецией в 1245 г. заключено не было, потому не удивительно, что «условия его остались неизменными», как пишет, например, один из сторонников приводимого взгляда (A. Schaubе. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelalters bis zum Ende der Kreuzzüge. B. 1909, S. 496).

Генуей, которая продолжала вести ожесточенную борьбу с союзником Фридриха Пизой, не разрывая со «св. престолом», Венеция постепенно и незаметно выходила из потерявшей для нее смысл борьбы, ей теперь было ясно, что сильного государства в непосредственной от нее близости уже нет. Это, может быть, был и «мудрый, продиктованный соображениями общего блага», как пишет историк Венеции Р. Чесси²³, поворот в венецианской политике, но такой, который отчасти граничил с изменой общему делу. Правда, в «Больших анналах Пармы» мы находим краткое упоминание об участии венецианцев в продолжавшейся войне и после 1245 г.— в 1247 г. в большой союзной армии под руководством кардинала Октавиана, которая действовала в районе Пармы, мы видим среди прочих союзников также и венецианцев,— но не видно, чтобы они здесь играли сколько-нибудь значительную роль²⁴. Война для Венеции была практически окончена.

Прогнозы венецианских политиков оказались верными: император был не в состоянии одолеть своих многочисленных противников, и когда он в 1250 г., по выражению хрониста св. Юстины в Падуе, «сошел в преисподнюю, не унеся с собою ничего, кроме мешка с грехами»²⁵, то дело его было окончательно проиграно, хотя борьба все еще продолжалась. Для Венеции, однако, в процессе борьбы против гибеллинов в непосредственной от нее близости возникла такая политическая ситуация, с которой она примириться не могла в силу принципа — не допускать рядом с собой никакого сильного государства. Таким опасным соседом оказался в 40-х годах XIII в. уже упоминавшийся выше Эццелино да Романо. В ходе борьбы своего сюзерена с папой и его союзниками Эццелино создал большой комплекс владений в Ломбардии и «марках». Ему принадлежали Верона, Падуя, Виченца, Эсте, почти вся Тревизанская марка, за исключением самого города Тревизо, в котором правил его брат Альберико, в то время еще союзник гвельфов. Эццелино стремился овладеть Тревизо,— по понятной причине венецианцы чинили ему в этом препятствия, поддерживая Альберико. Это побудило Эццелино начать в 1248 г. враждебные действия против самой Венеции. В непосредственной близости от города Эццелино возвел укрепления в районе С. Иларио и отсюда мешал венецианцам в ловле рыбы и добыче соли и причинял им всякий другой вред и насилия. Начал он все это делать, впрочем, лишь после того, как все его попытки договориться с могущественной республикой не привели к положительным результатам.

Венеция тогда же, в 1248 г., снарядила против Эццелино военную экспедицию во главе с сыном дожа Джовани Тьеполо. Ему удалось овладеть укреплениями, из которых гарнизон Эццелино «вредил» венецианцам. Взятые при этом пленные, в составе которых было немало падуанцев, находившихся под властью Эццелино, встретили к себе милостивое отношение дожа, так как Венеция надеялась сделать Падую своей союзницей в дальнейшей борьбе. По этой же причине венецианский главнокомандующий не подверг опустошению падуанскую территорию, на что, по тогдашним понятиям, он имел основание по праву войны. Здесь источник об этих событиях, Канале, не без основания указывает и другую причину такой политики венецианцев: Венеция на территории Падуи имела значительные экономические интересы, которые могли бы пострадать, если бы война с Эццелино переросла в войну против этого города,—в Падуанской области, особенно в районе Монселиче, у венецианской знати, церквей и монастырей были многочисленные феодальные владения, которые надо было щадить²⁶.

Устранив непосредственную опасность для своих владений, не расположенная вести войну с новоявленным тираном один на один, Венеция в 1249 г. прекратила военные операции. Это было как раз вовремя. Пизанцы, мощь которых уже значительно была подорвана, но все еще не сломлена Генуей, организовали пиратское нападение на венецианские корабли. Это побудило Венецию направить в район Стимфалии небольшой флот под начальством Доменико Сануто, который и нанес серьезное поражение пизанским кораблям: из трех пизанских галер две были захвачены вместе с находившимися на них экипажами.

²³ R. C e s s i. Op. cit., p. 233.

²⁴ «Annales Parmenses Majores». MGH. SS. Vol XVIII, p. 674.

²⁵ «Annales Justinae Patavinae», p. 161.

²⁶ M. d a C a n a l e. Op. cit., p. 414.

После этих событий Венеция в течение некоторого времени наслаждалась миром. В этом была заслуга энергичной политики дожа Якопо Тьеполо, который в 1249 г. умер после 20 лет правления. Его место занял Марино Моросини (1249—1253 гг.). «Время его правления прошло без войны,—пишет Канале.—Венецианский флот ходил в морские дали без конвоя из галер... Море было очищено от пиратов, и венецианцы привозили товары в Венецию, а купцы со всех стран покупали эти товары здесь на самых разнообразных условиях и развозили их по своим странам»²⁷.

Мир этот, впрочем, не был продолжительным. Уже при преемнике Марино Моросини доже Ройнерио Дзено (1253—1268 гг.) война сделалась для Венеции неизбежной, и опять с Эццелино. Причина была все та же: Эццелино явно стремился превратиться в могущественного государя Италии. Ходили слухи, что после смерти Фридриха II он склонен рассматривать себя в качестве его наследника, по крайней мере в отношении его североиталийских владений. Авторы гвельфских анналов Италии XIII в. рисуют этого феодала в самых мрачных красках, не скупясь на такие выражения в его адрес, как «слуга сатаны, рогоносец дьявола, кровопийца рода человеческого, ненасытный враг церкви, убежище еретиков»²⁸. Вероятно, многое в этих характеристиках было плодом ненависти папистов, из среды которых происходили авторы этих хроник; но также несомненно и то, что это был один из ранних представителей тирании в городах Италии, не стеснявшийся в выборе средств борьбы против своих политических врагов,—даже гибеллинские анналы Пьяченцы называют его «мужем со свирепейшей душой»²⁹. Эти черты характера и поведение Эццелино побуждали Венецию вдвойне враждебно относиться к росту его могущества и принимать самое деятельное участие в борьбе с ним папства и городов Северной Италии.

В 1254 г. умер непримиримый враг гибеллинов папа Иннокентий IV; но борьба гвельфской партии и папства с преемниками Гогенштауфенов продолжалась. Венеция поддерживала гвельфов, когда речь шла об уничтожении могущества Эццелино, но вовсе не желала втягиваться в борьбу с Манфредом, управлявшим Южной Италией от имени малолетнего Конрадина. Манфред не представлял опасности для Венеции, а коммерческие интересы республики требовали беспрепятственной торговли с Апулией и Сицилией, причем для Венеции особое значение имели закупки хлеба в этих районах. По этой причине республика св. Марка вступила в переговоры с Манфредом, закончившиеся заключением договора между обоими государствами в 1257 году. В своих пожалованиях от имени сицилийского короля Конрада V (Конрадина Гогенштауфена) Манфред воспроизводил привилегию Фридриха II, дарованную Венеции в 1232 году. Кроме того, Манфред разрешал венецианским купцам производить в его владениях закупку хлеба и организовывать свои консульские пункты, где бы они ни пожелали. Венеция, со своей стороны, обязывалась не чинить препятствий деятельности апулийских и сицилийских купцов на венецианском рынке, поскольку они сбывали здесь товары своего местного производства,—для таких операций был даже установлен льготный тариф; но категорически воспрещался завоз всяких других товаров во все порты от Задара до Анконы, равно как не допускались операции по торговле с иноземными купцами на венецианском рынке. Республика св. Марка при этом сохранила за собой право судить в своих собственных судах апулийских и сицилийских купцов, нарушавших обусловленный в договоре порядок торговли.

Условия договора были выгодны для обеих сторон: Манфреда они избавляли от одного из опаснейших потенциальных врагов, Венеции они предоставляли рынок для закупки и продажи товаров. По этой причине условия данного соглашения в 1259 г. еще раз были возобновлены, причем Манфред, над которым сгулялись тучи гвельфской угрозы, пошел на дальнейшие уступки. Обложение торговых операций было снижено до 0,5% с одних товаров и до 1%—с других. Хлеб можно было вывозить независимо от уровня цен на местных рынках из ряда портов, которые при этом были перечислены. Не только венецианские, но также задарские и дубровницкие купцы, поскольку Задар и Дубровник находились теперь в зависимости от Венеции, могли

²⁷ Ibid., p. 416.

²⁸ «Annales Justinæ Patavinae», p. 159.

²⁹ «Annales Placentini Gibellini», p. 510.

пользоваться выгодами этого договора. На этот раз экономические статьи трактата дополнялись политическим соглашением, в силу которого Манфред брал на себя обязательство не вступать ни в какие соглашения с врагами Венеции, так как это могло повредить республике, а она, в свою очередь, обещала Манфреду нейтралитет в предстоящей ему борьбе³⁰.

Иной была позиция Венеции по отношению к Эццелино да Романо. Возраставшая мощь этого феодала угрожала не только безопасности республики, но также и ее экономическим интересам: в случае упрочения его положения рынки Северной Италии оказались бы в его руках, обширные земельные владения венецианской знати и клира в «марках» попали бы в полную зависимость от него. Все это могло обойтись слишком дорого венецианскому правящему классу, чтобы он мог остаться безучастным к возраставшей мощи этого вассала Гогенштауфенов. В 1256 г. в Венецию прибыл папский легат архиепископ Равенны Филипп. Здесь в торжественной обстановке, в присутствии многочисленных представителей высшего венецианского духовенства и прелатов других городов и областей Италии, в том числе и патриарха Аквилей, который на этот раз оказался в одном лагере с Венецией, от имени папы Александра IV был объявлен крестовый поход против «врага церкви и св. престола» Эццелино. Дождь Райнерио Дзено держал речь перед собранием венецианской знати о необходимости действовать в духе сотрудничества со «св. церковью».

Венеция, поставив во главе своих войск Томмазино Джустиниани, вместе с эмигрантами из Падуи, выбравшими себе в качестве подеста также венецианца Марко Квирины, направили свои силы к Падуе. Город защищал вассал Эццелино Анседизий. Под городом собрались, кроме венецианцев и падуанских эмигрантов, также феррарцы, тревизанцы и некоторое количество войск из Виченцы. Идейно-политическое руководство было за папским легатом, военное — за венецианцем Марком Бадзоэро³¹. К началу лета 1256 г. Падуя была взята. Часть ее защитников вместе с Анседизием бежала к Эццелино, который не смог вовремя помочь своему осажденному в Падуе вассалу. Марко Квирины стал теперь общепризнанным главой в городе. Вслед за этим союзники овладели Монселиче, и таким образом вся Падуанская область оказалась в их руках.

Эццелино, получив известие о падении Падуи, сконцентрировал свои войска в районе Вероны. Союзники же, пополнив свои силы новыми отрядами, в самом начале июня 1256 г. выступили против Эццелино. Однако наступательные действия пришлось прекратить, так как на стороне Эццелино теперь оказался его брат Альберико, перебивший гвельфское знамя на гибеллинское. Венецианцы и их союзники — маркиз д'Эсте, патриарх Аквилей, падуанцы возвращающиеся в Падую. Скоро здесь появился Эццелино со своей армией, в состав которой входили гибеллины из Виченцы, Павии, Фельтре, Кремоны, Беллуно, Бергамо и других городов Северной Италии. Эццелино искал открытого сражения, но венецианцы, игравшие главную роль в обороне Падуи, по приказу дожа держались оборонительной тактики. Эццелино овладел рядом пригородов Падуи и даже самым городом, но не был в состоянии захватить его цитадель, где засели венецианцы с их союзниками. Несколько предпринятых им штурмов не принесли желаемого успеха. Тогда Эццелино, прекратив осаду, в конце лета 1256 г. направился к Брешии, которую защищали гвельфы под командованием папского легата.

В последующие два года борьба шла с переменным успехом. Не только венецианские, но и падуанские источники утверждают, что Венеция в этой борьбе проявила особую настойчивость и упорство³². Преследуемые в гибеллинских городах гвельфы ищут спасения в Венеции. Особенно много бежало сюда бывших сторонников Альберико, тревизанцев, которых он жестоко преследовал. После того, как Эццелино разбил войска папского легата Филиппа, а его самого захватил в плен, после того, как им была взята Брешия и опасность стала угрожать Милану, Венеция с неослабевающей энергией продолжала войну. Канале сообщает, что на папскую проповедь

³⁰ F. Carabellese. Op. cit., doc., pp. 53—58.

³¹ M. da Canale. Op. cit., pp. 422—427.

³² «Annales Justinae Patavinae», p. 168; «Chronicon Rolandini Patavini», pp. 124 ss.; M. da Canale. Op. cit., p. 438.

нового крестового похода против удачливого последыша Гогенштауфенов Венеция откликнулась с полной готовностью вести борьбу до конца³³, несмотря на то, что и в Сирии и в пределах Латинской империи ход событий требовал со стороны республики св. Марка самого пристального внимания.

1259 год принес наконец долгожданную удачу. Сторонники папы под руководством папского легата продолжили военные действия. Эццелино добился новых успехов: он победил при Форли—склонил на свою сторону даже часть миланцев, «уже дух Эццелино воспарял в высоту»³⁴, по выражению Падуанской хроники, но судьба подстерегала его. На реке Адде в сентябре 1259 г. он с небольшим отрядом был окружен войсками папского легата, ранен, взят в плен и через короткое время умер в замковой тюрьме маркиза д'Эсте. «Могущественное племя венецианское,— писал находившийся в Венеции хронист св. Юстины Падуанской, которое столь часто по милосердию божию торжествовало над своими врагами, услышав, что пал ненавистный тиран, сильно возрадовалось»³⁵. И было отчего: противник республики, в руках которого находилась значительная часть Северной Италии, более не существовал, теперь, добив сторонников Эццелино, можно было вплотную заняться восточными делами. Разложение в стане Эццелино пошло быстрыми темпами: смирилась Виченца, сдались Бассано и Тревизо. Альберико, искавший здесь спасения, вынужден был укрыться в расположенном недалеко от Тревизо замке св. Зенона. Венеция оккупировала Тревизо, в городе появился венецианский подеста. Последовательная в своих действиях республика вместе с падуанцами и тревизанцами осадила Альберико в его убежище. В 1260 г. все было кончено: Альберико сдался, шесть его сыновей на глазах у отца были умерщвлены, был обезглавлен затем и он сам, а его жена и две дочери были сожжены заживо на одной из площадей Тревизо³⁶.

Последние годы XIII и первая половина XIV в. были временем трех вспышек внутривитальной борьбы в Венеции: заговора Бокконио в 1300 г., восстания Баямонто Тьеполо в 1310 г. и попытки низвержения олигархического режима, предпринятой дожем Марино Фальери в 1355 году. Из них наибольшее значение по размаху движения имело восстание Баямонто Тьеполо, и именно в связи с этим восстанием боровшиеся тогда за власть партии названы в источниках гвельфами и гибеллинами. Это — свидетельство падуанского гуманиста Альбертино Муссато, современника событий и хрониста Джованни Виллани. Муссато в своем сочинении, которое он назвал «Историей о делах итальянских после императора Генриха VII», писал: «Знатнейший город, владычица Адриатики... Венеция жила морскою торговлей, свободная от ужасов (борьбы) гвельфской и гибеллинской партий... И вот в этом городе, куда стекались со всех сторон богатства; обнаружился порок зависти, прирожденное соперничество знати из-за преобладания». Для Муссато Баямонто Тьеполо был главой гвельфской партии, а его противник, дож республики Пьетро Градениго, возглавлял гибеллинскую часть знати³⁷. Виллани говорит о восстании Тьеполо в девятой книге своих «Флорентийских историй» и также именуется вождем восстания и его сторонников гвельфами, а главу венецианского правительства и стоявшую за ним знать—гибеллинами. Вторую главу девятой книги хроники Виллани так и называл рассказом о том, «Как гвельфская партия была изгнана из Венеции». «Это было,— замечает он,—первым случаем внутреннего раздора, когда-либо имевшего место в Венеции»³⁸.

Нельзя согласиться с такой трактовкой этого движения, если, конечно, не считать названия гвельфов и гибеллинов «алгебраическими знаками», за которыми может крыться что угодно. Прежде всего сами участники движения, сторонники Б. Тьеполо, и его противник, дож П. Градениго, гвельфами и гибеллинами себя не назы-

³³ M. da C a n a l e. Op. cit., p. 438.

³⁴ «Chronicon Rolandini Patavini», p. 137.

³⁵ «Annales Justinae Patavinae», p. 175; M. da C a n a l e. Op. cit., p. 442.

³⁶ «Chronicon Rolandini Patavini», p. 146.

³⁷ A. M u s s a t o. De gestis italicorum post Henricum Septimum Caesarem historia. Muratori. RIS. Vol. X, lib. II, col. 583; G. V i l l a n i. Istorie Fiorentine. Muratori. RIS. Vol. XIII, lib. IX, XI.

³⁸ G. V i l l a n i. Istorie Fiorentine. RIS. Vol. XIII, col. 445.

вали. Как та, так и другая группа участников борьбы принадлежала к одному и тому же социальному слою. «Гвельф» Б. Тьеполо был крупным феодалом, имел большие владения на Балканском полуострове, «гибеллинская фамилия» Градениго принимала активное участие во всех видах деятельности, которые обогащали торговую республику. Эта схватка двух родственных социальных группировок напоминала скорее борьбу двух Андроников и двух Иоаннов в Византии, Белой и Алой роз—в Англии, арманьяков и бургундцев во Франции. Муссато, не вдаваясь в социальную суть дела, просто воспользовался привычными наименованиями соперничавших тогда партий в городах-республиках Италии³⁹. Причины, побудившие Виллани навязать гибеллинство венецианскому правительству, объясняются им в одиннадцатой книге своего труда, где речь идет о событиях 1308 г., когда Венеция покушалась на овладение Феррарой, за которую вступились папа и Флоренция. По этому поводу Виллани пишет: «Венецианцы стали естественными сторонниками императора и гибеллинами, в то время как флорентийцы, душой преданные св. церкви, были гвельфами»⁴⁰. При таком понимании дела было вполне логично видеть в венецианском правительстве Градениго гибеллинов, что автоматически превращало Тьеполо в гвельфа.

В действительности Венеция никогда не была ни гвельфской, ни гибеллинской. Только непосредственные интересы республики, ее независимость, могущество и богатство были близки ее правящей олигархии. Нейтралитет в борьбе гвельфов и гибеллинов был для Венеции краеугольным камнем политики, ее политической традицией, и если она на протяжении двух столетий дважды на некоторое время становилась под гвельфское знамя, то только потому, что в гибеллинских домогательствах Гогенштауфенов она видела главную для себя опасность. В XIV и в начале XV в. политическая обстановка в Германии была такова, что императорам не приходилось серьезно думать об упрочении своей власти в Италии, поэтому итальянские походы Генриха VII, Людовика Баварского и Карла IV не походили на абсолютистские покушения Гогенштауфенов. Перед Венецией вставали новые трудности и заботы как на Востоке, так и на Западе, но они уже не были связаны с затихавшей борьбой гвельфов и гибеллинов.

³⁹ Этим же объясняется и позиция хроники св. Юстины Падуанской, которая также называет правительственную партию гибеллинской. «Annales Justinae Patavinae», p. 599.

⁴⁰ G. Villani. Op. cit., col. 786.

В высшей школе

НОВЕЙШИЕ ПОСОБИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В настоящем обзоре идет речь о тех учебно-методических пособиях, изданных в течение последних 6—7 лет, которые затрагивают узловые проблемы истории феодализма и в приложении к которым опубликованы источники по важнейшим вопросам медиевистики, в том числе и впервые переведенные на русский язык. Этот вид пособий является наиболее интересным и находит все более широкое применение в работе со студентами исторических факультетов университетов, а также пединститутов.

Генезис феодализма в Западной Европе — фактически первая большая и серьезная проблема, с которой начинается изучение курса истории средних веков. Преподаватели, ведущие практические занятия, сталкиваются с трудностями, обусловленными недостаточной подготовленностью второкурсников, а также теоретической сложностью и многоплановостью самой проблемы. Конкретно-исторический материал к этой теме в большинстве случаев не отличается особой яркостью, и преподавателю приходится приложить максимум усилий, чтобы научить студентов за кажущейся простотой и описательностью источников увидеть качественные изменения в структуре раннесредневекового общества, проследить важнейшие процессы и закономерности исторического развития.

Опыт проведения таких занятий позволяет положительно оценить пособие по истории возникновения и формирования феодальных отношений, изданное Московским университетом и принадлежащее перу А. Р. Корсунского¹. Два выпуска этого пособия, отчасти дополняющие и продолжающие друг друга, включают характеристику комплекса вопросов социально-экономического и политического развития ряда областей Западной Европы в период перехода от рабовладельческого и первобытнообщинного строя к феодальному. В отличие от других ранее изданных методических пособий общего характера, затрагивавших отдельные стороны генезиса феодализма², данное пособие, и особенно его второй выпуск, содержит глубокую методическую разработку широкого круга вопросов, логически тесно связанных между собой. Материал исторических источников, рекомендованных пособием, строго систематизирован и соответствует назначению — помочь студентам выявить закономерности и конкретно-исторические формы возникновения феодальной формации. Научный уровень этого пособия вполне отвечает современным требованиям. Кроме того, оно вводит в научный оборот для исследовательской работы студентов большое количество новых источников в переводе самого составителя и других авторов.

Второй выпуск пособия состоит из шести разделов — шести больших тем. Содержащийся в них материал вполне обеспечивает практические занятия и постановку спецсеминара. Ряд тем, например, «Общественный строй древних германцев», «Франкское общество в конце V — начале VI в.», ставших теперь классическими, ориентированы на использование старого, сложившегося фонда источников. Однако формулировка многих частных вопросов (докладов), на которые разбиваются эти темы, звучит вполне современно. Тема «Процесс феодализации во франкском обществе в VI—

¹ А. Р. Корсунский. Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников II курса исторических факультетов государственных университетов. Вып. 1 и 2. М. 1968, 1973.

² См., например, Ю. М. Сапрыкин, Н. М. Сидорова. История средних веков. Тематика докладов для студентов-заочников II курса исторических факультетов государственных университетов. М. 1968.

IX вв.» до издания разбираемого пособия была недостаточно оснащена источниками. Теперь же стало возможным глубокое изучение процесса феодализации во франкском обществе благодаря публикации источников в приложении к двум выпускам пособия А. Р. Корсунского. Студенты могут использовать готовую подборку ценных исторических материалов — статьи из «Рипуарской правды», капитулярии франкских королей, «Анжерские формулы», главы из «Истории франков» Григория Турского³. Темы «Англосаксонское общество VII—X вв.» и «Социально-экономические отношения в Италии при остготах и лангобардах» рассчитаны на использование источников, опубликованных в последнее время и в основном в приложении к данному пособию. Изучение этих тем предполагает знакомство с новейшими выводами советской историографии генезиса феодализма; в результате перед студентами как бы развертывается картина формирования феодальных отношений в Западной Европе, при этом упор делается на двух различных проявлениях одного и того же процесса — на территории Англии в VII—X вв., где синтез римских и германских общественных элементов почти отсутствовал, и в Италии при остготах и лангобардах, где удельный вес римских элементов был значительно больше.

Таким образом, содержание пособия подводит студентов вплотную к пониманию актуальной проблемы типологии генезиса феодализма, проблемы общего и особенного в историческом процессе. Пособие, помогающее студентам изучить эти трудные проблемы, отличается глубиной раскрытия сути процессов и явлений. Можно ожидать выхода последующих выпусков, в которых будет продолжена публикация источников, расширено количество тем за счет приращения материала по истории других областей Западной Европы этого периода, а также найдется место и для культурно-идеологического аспекта генезиса феодализма.

Пособие по истории восстания Дольчино, подготовленное В. В. Самаркиным⁴, предназначено для студентов-заочников, но оно может быть использовано и студентами дневного и вечернего отделений при изучении истории крестьянских движений в Западной Европе в XIV—XVI веках. По своему содержанию это пособие шире названия: его методическая часть, помимо общих рекомендаций по подготовке докладов и курсовых работ, содержит перечень тем по истории средневековых крестьянских восстаний с прилагаемым к каждой теме списком источников и литературы. Тематика этой узловой проблемы разрабатывалась и раньше в общих и специальных пособиях⁵, так или иначе отразивших успехи советской историографии в исследовании истории классовой борьбы при феодализме. В. В. Самаркин, предоставляя студентам возможность выбора, ввел в свое издание как старые, классические темы (например, «Английское крестьянство XIII—XIV вв.» и др.), так и обновленные (например, «Жагерия и французский город» и др.) и совсем новые темы («Идеология английского крестьянства XIII—XIV вв.»), соответствующие направлениям советских исследований в области средневековья.

Пособие В. В. Самаркина вызывает особенный интерес и потому, что оно вводит в круг вопросов, доступных для самостоятельной работы студентов, очень важную и относительно мало изученную проблему: место и значение в истории народных движений восстания североитальянских крестьян под руководством Дольчино. В центре внимания составителя находятся две темы — «Ересь апостольских братьев» и «Восстание Дольчино», которые снабжены обстоятельными методическими указаниями. Основная часть пособия (около 3/4 всего объема) представляет собой публикацию важнейших источников по восстанию Дольчино в переводе на русский язык В. В. Самаркина и Т. П. Гусаровой. Эти источники вышли из-под пера ярких врагов плебейско-крестьянского движения. Самые ранние из приведенных в пособии — отрывки из «Хроники» Салимбене, протоколы Болонской инквизиции — рассказывают о первом периоде деятельности (со второй половины XIII в.) апостольской секты, о братьях-апостоликах, выступавших в качестве бродячих проповедников и пропагандистов сво-

³ «История франков» Григория Турского занимает значительную часть приложений к пособию А. Р. Корсунского. Думается, что после представленной публикации нетрудно будет подготовить и полное издание этого интересного источника.

⁴ В. В. Самаркин. Восстание Дольчино. М. 1971.

⁵ См. Ю. М. Сапрыкин. Крестьянские движения в Западной Европе в XIV—XVI вв. М. 1960, и др.

его учения, о популярности их еретических идей в народе, об ареале, охваченном влиянием секты, наконец, о социальной принадлежности лиц, сочувствовавших проповеди апостоликов. Тратат инквизитора Бернардо Гви «О секте тех, которые называют себя принадлежащими к ордену апостолов» — пока единственный из известных источников, где приведены извлечения из двух не дошедших до нас посланий Дольчино, теоретика общины апостоликов и руководителя восстания. В источнике отчетливо отразился тот факт, что пророчества Дольчино о царстве божьем на Земле носили характер революционных призывов к борьбе и число его сторонников в Ломбардии было «сверх всякой меры». О начале восстания и ходе борьбы крестьян повествует фрагмент анонимной хроники «История ересиарха фра Дольчино». Страх церкви перед лицом народного возмущения, ее стремление любыми методами вырвать с корнем еретические идеи из сознания народа хорошо прослеживаются в отрывках из «Наставления по практике инквизиционного расследования» Бернардо Гви. Даже это краткое описание содержания приводимых материалов дает достаточное представление об их значении.

Подборка разнохарактерных источников, комментарии, предпосланные документам, свидетельствуют о серьезном намерении составителя дать в руки студентов пособие, направляющее самостоятельную разработку предложенных тем. Эта задача вполне реальна, поскольку подкреплена разработкой методологических подходов к перечисленным темам, намеченным в известных статьях акад. С. Д. Сказкина и Е. В. Гутновой⁶. Но как же реализуется этот принцип составителя — ориентировать студентов на самостоятельный анализ источников — в методических указаниях к этим темам (стр. 17—22)? Нам думается, что здесь проявилась некоторая непоследовательность позиции В. В. Самаркина — его указания порой содержат излишние подробности, подсказывающие студентам пути работы и снижающие тем самым уровень столь трудно достигаемой студенческой самостоятельности. На стр. 20—21, например, дана схема разработки вопросов о социальном составе восставших, о стихийном характере движения и т. д. Подобная практика составления методических указаний к предлагаемым темам не нова: она применялась в учебных пособиях 60-х годов, применяется и в пособиях 70-х годов. Но, может быть, стоит нарушить эту традицию, если рекомендованная к теме литература помогает студентам разобраться в материале источников? Это побудит их активнее использовать знания, полученные из рекомендованных работ.

Другое небольшое замечание, ни в коей мере не умаляющее достоинств пособия В. В. Самаркина, является лишь попыткой поддержать разговор о практических занятиях, ведущийся сборником «Средние века» в разделе «Медиевистика в высшей школе» (см. вып. 26, 27, 35). Стоит ли так категорично во всех случаях осуждать студенческие работы, где последовательность изложения, аргументация заимствованы из исследований советских историков (см. пособие, стр. 7)? Нет ничего страшного в том, что на практических занятиях будут поставлены один-два доклада, воспроизводящие систему доказательств по избранному вопросу автора рекомендованной монографии. Подобный доклад нельзя считать лишь подготовительной, второстепенной работой: для студентов второго курса тщательный разбор серьезного исследования, выявление концепции автора — труд нелегкий, включающий элемент самостоятельного анализа. Кроме того, в настоящее время мастерство исследовательского процесса нельзя постигнуть, не познакомившись с приемами источниковедческой работы, логикой аргументов выдающихся советских ученых.

К пособию В. В. Самаркина тематически примыкает сборник документов по крестьянской войне 1525 г. во Франконии, подобранных и переведенных В. А. Ермолаевым⁷ и изданных Саратовским университетом. Нет необходимости говорить об ак-

⁶ С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино. Избранные труды по истории. М. 1973; его же. Восстание Дольчино. «Преподавание истории в школе», 1949, № 4; Е. В. Гутнова. Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья. «Вопросы истории», 1966, № 4.

⁷ «Крестьянская война 1525 года во Франконии». Сборник документов. Учебно-методическое пособие к курсу истории средних веков по теме «Крестьянская война в Германии». Составил и перевел В. А. Ермолаев. Вып. 1. Саратов. 1968; вып. 2. Саратов. 1969.

туальности проблем Реформации и Крестьянской войны 1524—1525 гг. в Германии. Драматизм событий, значительность и сложность проблемы в целом, разнообразие аспектов ее исследования как нельзя лучше отвечают любознательности студентов. Но круг доступных для учебной работы источников по истории Германии этого периода долгое время был весьма ограниченным, рассчитанным лишь на то, чтобы проиллюстрировать общий лекционный курс по истории средних веков. Поэтому рассматриваемый сборник — своевременное и необходимое издание, дающее студентам обширный материал для создания письменных работ и докладов по истории Германии в XV—XVI веках.

В первый выпуск вошло свыше 40 источников, сгруппированных в три раздела: а) Социальная борьба в Германии накануне Великой крестьянской войны; б) Ход Крестьянской войны во Франконии и в) Программные документы Крестьянской войны во Франконии. Основная часть этих материалов взята из хроник современников Крестьянской войны — Лоренца Фриса и Томаса Цвейфеля, которые не только подробно описали события своего времени, но и включили в свои хроники большое количество документов, впоследствии утраченных. Источники второго выпуска более разнообразны и характеризуют социально-экономические предпосылки Крестьянской войны во Франконии. Они составили два раздела: а) Аграрные отношения во Франконии перед Крестьянской войной; б) Положение во франконских городах перед Крестьянской войной. Все эти источники позволяют представить живую действительность Германии конца XV — первой четверти XVI в., конкретно ощутить, как прозябали себя здесь в то время важнейшие исторические закономерности. Специальных методических указаний сборник не содержит, однако многие источники сопровождаются комментариями. В предисловии к каждому выпуску предложены темы докладов, которые могут быть выполнены на материале опубликованных ранее и вошедших в этот сборник источников. Некоторые темы рассчитаны на создание работ описательного характера (например, «Ход Крестьянской войны во Франконии» или «Положение населения мелких городов Франконии»), но без этой описательности нельзя решить важные теоретические задачи. Думается, что В. А. Ермолаев достиг своей цели — документы убеждают в специфике событий Крестьянской войны во Франконии, где «крестьянские силы были менее разбросаны, города приняли наиболее активное участие в восстании, союз бюргерства и крестьянства был более длительным, .. а национальная задача создания централизованного государства, получившая свое отражение в известной Гейльброннской программе, ставилась здесь наиболее определенно и решительно» (вып. I, стр. 4).

Обширной и столь непростой в методологическом отношении проблеме — средневековый город — за последнее пятилетие, к сожалению, посвящено лишь одно изданное МГУ учебно-методическое пособие В. В. Стоклицкой-Терешкович и С. Л. Плешковой⁸. Первая часть пособия включает введение, методические указания и четыре узловых вопроса, или раздела, к которым приложены списки необходимых источников и литературы, а также рекомендованы темы небольших докладов. Публикация фрагментов из различных источников в переводах В. В. Стоклицкой-Терешкович и С. Л. Плешковой составляет вторую, большую часть пособия.

Первые три раздела, по-видимому, были рассчитаны на активное вовлечение в учебный процесс тех источников по истории западноевропейских средневековых городов, которые ранее публиковались на русском языке в различных изданиях. В основном это материалы по истории французских, немецких и английских городов. Сама по себе такая задача не может вызвать каких-либо возражений. Она же до некоторой степени оправдывает и тот факт, что темы этих разделов акцентируют внимание студентов на проблемах, ставившихся в советской медиэвистике предшествующего периода (до начала 60-х годов), как-то: привилегии и вольности средневековых городов XII—XIII вв., организация цехового ремесла в средневековом городе, социально-политическая борьба внутри города в XIV—XV веках. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в формулировке тем для докладов отсутствует необходимая целенаправленность. Например, «Города-коммуны Лан, Бовэ и Руан»,

⁸ В. В. Стоклицкая-Терешкович, С. Л. Плешкова. Средневековый город в Западной Европе в XI—XV веках. Вып. 1. М. 1969.

«Немецкий город под властью феодалов». Подобная постановка темы, конечно, не исключает проблемного построения доклада и выбора новых аспектов при освещении материала, однако, думается, что следует специально обсудить вопрос о формулировке тем для студентов II курса. Нужно учитывать, что она может не только организовать, но и рассеять их внимание при работе над источником. В этом отношении удачнее сформулированы подобные темы в пособии Саратовского университета⁹, например, «Система эксплуатации города сеньором (выяснить из анализа древнейшего городского права Страсбурга, XII в.)» или: «Причины, формы и цели освободительной борьбы горожан (выяснить из анализа истории Ланской коммуны)»; «Основные типы городского самоуправления» и другие.

Самый интересный в пособии В. В. Стоклицкой-Терешкович и С. Л. Плешковой раздел — «Организация и характер средиземноморской и северной торговли в средние века». Большинство источников, включенных в приложение, предназначено для работы над этим разделом. В кратком обзоре невозможно дать характеристику всей публикации новых материалов. Следует лишь отметить, что многие из документов вносят необходимый элемент новизны в наши знания о южнофранцузских городах, об организации морской торговли в средние века и т. д. Любопытны также фрагменты из морского права различных областей Европы. Недавно на русском языке появился еще один важный источник по истории морского права в Средиземноморье — «Морской закон» родосцев¹⁰. По-видимому, в дальнейшем можно будет предложить студентам новые темы по истории средиземноморской торговли городов как Западной, так и Восточной Европы. К сожалению, на русском языке пока еще нет компактной подборки источников по истории итальянских городов и их торговли в Средиземном море¹¹. Естественно поэтому, что составители не могли уделить итальянским городам должного внимания. Однако непонятно, почему в списках литературы к этому и другим разделам не указаны исследования по истории итальянских городов. Многие из этих работ имеют далеко не частное значение.

Касаясь пособия в целом, нельзя не отметить, что в список литературы не вошло большое количество изданных в 60-е годы работ по истории средневековых городов. Последними из указанных в этих списках оказались исследования, опубликованные в 1963 году. Не нашли отражения в пособии и проблемы, поставленные в новейших работах (например, взаимовлияние города и деревни, специфика социальной природы патрициата и др.). Таким образом, использование этого пособия на практических занятиях несколько затруднено из-за ограниченности круга поставленных вопросов и недостаточного привлечения новейшей исторической литературы. Можно надеяться, что во второй выпуск этого пособия будут внесены необходимые дополнения. Однако широта общей темы — средневековый город — заставляет предположить, что для ее разработки потребуется еще не одно учебно-методическое пособие¹².

Особого внимания заслуживает первая на русском языке хрестоматия по истории средневековых европейских университетов, подготовленная и изданная Г. И. Ли-

⁹ «Методическое пособие по истории средних веков». Для студентов-заочников. Составитель Н. И. Девятайкина. Под редакцией С. М. Стама. Саратов. 1974. Кафедра истории средних веков Саратовского университета плодотворно работает над созданием учебно-методических пособий. Пособие Н. И. Девятайкиной нами не рассматривается, так как не содержит публикации источников. Однако оно дает интересные рекомендации по проблемному чтению лекционного курса для студентов-заочников и обновляет тематику курсовых работ. Соответствие этого пособия современному уровню знаний по ряду узловых вопросов дает основание рекомендовать его преподавателям и студентам других университетов.

¹⁰ «Морской закон». Предисловие и перевод М. Я. Сюзюмова. «Ангицкая древность и средние века». Вып. 6. Свердловск. 1969.

¹¹ В известных изданиях документов по истории итальянских городов источники опубликованы на итальянском языке (см., например, «Итальянские коммуны XIV—XV веков». Сборник документов из архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР. М.—Л. 1965).

¹² Новые пособия по частным вопросам истории средневекового города уже начали выходить в свет (см., например, «Венецианский цех в XIII—XV веках». Учебное пособие для практических занятий студентов исторического отделения. Ч. 1. Составитель Н. А. Фионова. Под ред. Н. П. Соколова. Горький. 1971).

патниковой¹³. Сейчас становится очевидным, что без знания университетской жизни, городской культуры нельзя полностью разобраться в антифеодальных народных движениях, процессах централизации европейских государств и т. д., равно как и в идеологической борьбе средневековья. Источники, подобранные Г. И. Липатниковой, в определенной мере восполняют пробелы в наших знаниях по истории культуры и образования в средние века, помогают разобраться в истинном отношении светской власти и католической церкви к университетам. Свидетельства документов (раздел второй, стр. 57) убеждают в намерении церкви поставить университеты на службу своим целям и разбивают попытки буржуазной историографии приписать церкви особые заслуги в развитии европейской науки и образования.

Тематика докладов, предлагаемая в конце пособия, может быть использована в работе спецсеминара. В сборнике нет особых методических указаний, однако их вполне могут заменить предисловие А. Е. Москаленко и вступительная статья Г. И. Липатниковой. В предисловии дан краткий историографический очерк всех работ по истории университетов, опубликованных на русском языке, во вступительной статье в сжатой форме изложены новейшие взгляды главным образом зарубежной историографии по основным проблемам истории университетов и намечены направления возможных в дальнейшем исследований. Примечания к каждому разделу значительно раздвигают тематические рамки пособия и содержат ценный справочный материал об античных и средневековых философах и их сочинениях, о направлениях в тогдашней европейской науке и т. д. Таким образом, студент может извлечь из этого сборника все необходимые для серьезной самостоятельной работы рекомендации.

Рассмотренные учебно-методические пособия представляют собой определенный вклад в нашу учебную литературу и историографию. Содержащиеся в них методические рекомендации обобщают накопленный многими преподавателями опыт практической работы со студентами, и теперь уже невозможно себе представить проведение занятий и выполнение курсовых работ без использования этих пособий¹⁴. Нам думается, что подобные издания открывают перед учеными и педагогами широкие возможности в будущем. В тематике опубликованных пособий далеко не исчерпаны те проблемы современной медиевистики, которые уже получили достаточно глубокое освещение в статьях и монографиях советских ученых и которые могут быть предложены для самостоятельной работы студентов. Таковы проблемы генезиса феодализма, аграрных отношений в Византии, в славянских странах Юго-Восточной Европы, в Южной Италии, Испании, в скандинавских странах и т. д. Эпоха расцвета феодализма, представленная в пособиях лишь темами по истории крестьянских движений и развитию городов в отдельных странах, также должна получить более широкую разработку. Возможно, следует подготовить учебный материал, показывающий эволюцию форм земельной собственности и видов феодальной ренты параллельно в нескольких странах Европы, а также подборку источников, отразивших развитие рыночных связей, созревание предпосылок для возникновения капиталистических отношений. Сложнейшие процессы периода позднего средневековья, связанные с генезисом капитализма, мало затронуты в пособиях, хотя они требуют пристального внимания на занятиях.

Рассмотренный вид пособий позволяет наиболее быстро использовать новейшие результаты исследований советских историков в учебном процессе, вводить студентов в круг актуальных вопросов исторической науки и давать им необходимый материал для первых шагов в самостоятельной исследовательской работе.

Н. П. Мананчикова

¹³ «Документы по истории университетов Европы XII—XV вв.». Учебное пособие. Вступит. ст., пер. и примеч. Г. И. Липатниковой. Под ред. и с предисл. А. Е. Москаленко. Воронеж, 1973.

¹⁴ Хрестоматийный фонд источников хорошо иллюстрирует лекционный курс по истории средних веков, но он слишком фрагментарен и стабилен для целенаправленной работы на семинарских занятиях (см. «Хрестоматия по истории средних веков». Под ред. акад. С. Д. Сказкина. Т. I. М. 1961; т. II. М. 1963, и др.).

Рецензии

В. Я. СИПОЛС. *Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933—1939*. М. «Мысль». 1974. 430 стр. Тираж 8 000. Цена 1 р. 87 к.

Важное место среди проблем войны и мира занимают внешняя политика и международные отношения Советского Союза, в частности периода 1933—1939 гг., когда наша страна боролась за создание системы коллективной безопасности в Европе и во всем мире. В последние годы советскими историками уделяется большое внимание этому периоду, особенно раскрытию дипломатической подготовки буржуазными государствами второй мировой войны и борьбе СССР против агрессивных действий фашистского блока. Монография заведующего сектором Института всеобщей истории АН СССР доктора исторических наук В. Я. Сиполса вносит значительный вклад в изучение этой проблемы. Главная идея, которая проходит красной нитью через всю книгу,— это освещение с марксистско-ленинских позиций последовательной, гибкой, настойчивой борьбы Советского Союза за мир в Европе и во всем мире, за сплочение демократических сил, против империалистических агрессоров.

Монография представляет собой целостное исследование. Автор использует обширный конкретно-исторический материал, раскрывающий, что зачинщиками второй мировой войны выступили три империалистических государства: гитлеровская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония. Другой лагерь составляли Англия, Франция и США, поделившие после империалистической войны 1914—1918 гг. мир по своему усмотрению и стремившиеся сохранить и даже приумножить свои противоречия. В. Я. Сиполс показывает, что правительства Англии, Франции и США боялись войны между двумя группировками империалистических держав, они страшлись революционных потрясений, не без оснований опасаясь, что если разразится война между двумя империалистическими группировками, а СССР останется в стороне, вне войны, то по окончании ее позиции капиталистической системы могут оказаться ослабленными, в то время как Советский Союз укрепит свою мощь.

В работе говорится о том, что сотрудничество Англии и Франции с Советским Союзом могло бы предотвратить войну, а

если бы война все же разразилась, надежно обеспечило бы победу в ней. Мюнхенцы не хотели сотрудничать с СССР, так как это обеспечивало мир или же победу в войне не только Англии и Франции, но также и Советскому Союзу. Не можем же мы, утверждали мюнхенцы, собственными руками содействовать усилению Советского Союза, то есть укреплению позиций коммунизма! Автор, привлекая большой документальный материал из советских и зарубежных архивов, еще раз обосновывает тезис о том, что единственное, что устраивало реакционные круги западных держав,— это война между Германией и Японией, с одной стороны, и СССР — с другой, в которой истощили бы свои силы их империалистические конкуренты и одновременно было бы ослаблено или даже уничтожено Советское государство. Одним из средств, которое могло бы направить германскую агрессию против СССР, правящие круги Англии и Франции считали международную изоляцию Советского Союза. По их мнению, нужно было, чтобы агрессоры, напад на СССР, могли не беспокоиться о позиции других стран. Монография документально подтверждает, что изоляция Советского Союза была одной из целей мюнхенского сговора. Англия и Франция, пытаясь добиться этого, в итоге изолировали сами себя. Предопределить направление дальнейшей агрессии фашистской Германии им не удалось, поскольку гитлеровцы решили этот вопрос по собственному усмотрению и намечали очередные жертвы, исходя из своих сил и возможностей.

Основное внимание в книге уделено показу усилий Советского Союза по предотвращению навигавшейся войны. Наша страна, заинтересованная в продолжении мирного социалистического строительства, делала все возможное, чтобы коллективными усилиями ряда стран обуздать агрессоров. Этим целям служили и советское предложение об определении агрессии, и проект Восточного пакта, и предложение о заключении Тихоокеанского пакта, и попытки укрепить Лигу наций, и стремление к созданию надежного коллективного фронта

защиты мира во время московских переговоров 1939 года.

Автор подчеркивает одну важную особенность внешней политики Советского Союза — его борьба за мир, против агрессии соответствовала коренным жизненным интересам народных масс всех стран. Советское государство, являясь воплощением передовых идеалов современности, было надежным оплотом против войны и фашистского мракобесия, последовательным защитником дела прогресса и мира во всем мире. Если бы правящие круги Англии и Франции заботились о жизненных интересах своих народов, отмечается в монографии, и стали на путь сотрудничества с СССР с целью создания коллективного фронта защиты мира, — то на пути агрессоров можно было поставить надежные преграды.

В. Я. Сиполс оценивает политику попустительства агрессорам как политику позорную, которая дала возможность германской и японской военщине подготовить и развязать вторую мировую войну. Он polemизирует с буржуазными историками, пытающимися в искаженном виде представить причины возникновения второй мировой войны, оправдать политику правящих кругов Англии, Франции и США, которые, по существу, открыто провоцировали нападение фашистской Германии на первое в мире социалистическое государство.

Приводимые в книге многочисленные факты позволяют сделать вывод, что уроки войны нельзя забывать и о них необходимо напоминать новым претендентам на мировое господство, стремящимся создать новые очаги войны в различных частях земного шара. Сейчас положение в мире существенно изменилось. Против попыток империалистических кругов развязать новую мировую войну выступают вместе с Советским Союзом другие социалистические государства, прогрессивные и революционные силы в странах «третьего мира». Однако задача сохранения и упрочения мира стоит на современном этапе не менее остро, чем прежде. Внешняя политика СССР, направленная на разрядку междуна-

родной напряженности, на превращение этой разрядки в необратимый процесс, как и раньше, вносит неоценимый вклад в достижение этой благородной цели.

В. Я. Сиполс ввел в научный оборот большое количество новых интересных документов, раскрывающих позиции Советского Союза на международной арене в исследуемый им период. Что касается материалов из архивов зарубежных стран, использованных в монографии, то многие из них уже были опубликованы в журналах и работах советских историков. Автору следовало более широко представить итоги трудов своих научных коллег, имея в виду то, что было уже сделано ими ранее при изучении данной проблемы. В монографии очень подробно воссоздается историческая картина предвоенного периода, что, конечно, положительно характеризует исследование. Однако В. Я. Сиполса, да и авторов других работ на эту тему можно упрекнуть за то, что они не всегда делают теоретические выводы из рассматриваемых событий. Хотелось бы, чтобы в будущем — а тема еще далеко не исчерпана — на основе исторического анализа наши ученые подняли ряд теоретических проблем. Исключительно богатый материал монографии позволяет, например, более обстоятельно подойти к рассмотрению вопроса о соотношении войны и мира, о влиянии сил мира и социализма на решение проблемы предотвращения войн и т. п. Думается, что автору следовало больше уделить внимания классовому содержанию борьбы Советского Союза за мир и безопасность накануне второй мировой войны.

В рецензируемой работе успешно решена главная задача — дана аргументированная картина борьбы Советского Союза за мир и безопасность. Высокий в целом теоретический уровень, обширные конкретные данные, последовательный партийный подход к анализу изучаемой проблемы — все это является достоинством книги В. Я. Сиполса, которая сослужит пользу тем, кто занимается историей международных отношений и внешней политики Советского Союза.

В. Н. Егоров

Т. Д. ИОНКИНА. *Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры*. М. Изд-во «Наука». 1974. 278 стр. Тираж 3350. Цена 1 руб. 7 коп.

По истории Советов периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, а также первых лет Советской власти созданы уже фундаментальные работы¹. Значительное место в них уделяется Всероссийским съездам. Общие сведения о них содержатся в учебных пособиях, обобщающих труды по истории советского общества, исследованиях, посвященных отдельным проблемам Великого Октября и гражданской войны, но специальных работ до сих пор не было.

Монография старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР, кандидата исторических наук Т. Д. Ионкиной — первый опыт создания обобщающей работы по истории Всероссийских съездов Советов, проходивших в первые годы существования диктатуры пролетариата. Эти съезды имели особое значение. Они действовали в условиях, когда главные усилия пролетариата были направлены на то, чтобы удержать власть. Это усложнялось тем, что против взявших власть рабочих и крестьян выступили силы не только внутренней контрреволюции, но и международного империализма. Борьба против этих сил продолжалась до конца 1920 г., когда с разгромом войск Врангеля война, навязанная белогвардейцами и империалистами, «оказалась ликвидированной»² и на первый план выдвинулись задачи хозяйственного возрождения страны и социалистического строительства.

Объектом исследования автора являются шесть съездов, начиная со второго, провозгласившего Советскую власть, и кончая седьмым — последним съездом, который проходил в условиях гражданской войны. Т. Д. Ионкина поставила задачу рассмотреть работу и решения этих съездов под углом зрения их роли в становлении и укреплении диктатуры пролетариата, в сплочении всего трудового народа на борьбу с врагами Советской власти, на успешное завершение гражданской войны. На первый план автор выдвинула проблемы, связанные с проведе-

нием через съезды Советов политики большевистской партии, с воздействием работы съездов на процессы развития и углубления социалистической революции, на расширение и укрепление социальной базы диктатуры пролетариата.

В монографии широко использованы статьи и речи В. И. Ленина за 1917—1920 гг., его выступления на съездах Советов. Важным источником послужили решения съездов, конференций и пленумов ЦК большевистской партии, документы и материалы ее Центрального Комитета, а также выступления руководящих деятелей партии, председателей ВЦИК Я. М. Свердлова и М. И. Калинина. Наряду с изучением широкого круга литературы и опубликованных источников автором привлечено немало документов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, а также материалы периодической печати 1917—1920 гг., мемуары советских и партийных деятелей. В результате работы по выявлению, анализу и сопоставлению источников Т. Д. Ионкиной удалось обстоятельно показать состав, работу, решения первых Всероссийских съездов Советов, их значение в поступательном развитии и утверждении принципов диктатуры пролетариата.

Автором изучено более 6300 анкет и 7 тыс. мандатов делегатов съездов. Анализ содержащихся в них сведений, представленный в ряде случаев в виде таблиц, имеет большую ценность. Приведенные на основе подсчетов конкретные цифры социального состава наглядно свидетельствуют о том, что Всероссийские съезды Советов были широкопредставительными органами, абсолютное большинство их делегатов составляли рабочие и крестьяне, которых Советская власть пробудила к активной политической деятельности, сделала главными творцами новой государственности, нового общественного строя. Автор показывает, что в решении важнейших государственных вопросов наряду с русскими принимали участие представители трудящихся других народов многонациональной России. Провозгласив равенство всех наций и народностей, право их на самоопределение, съезды последовательно утверждали принципы пролетарского интернационализма. Книга дает информацию о поддержке Советской власти грядущимися всех нацио-

¹ Н. М. Андреев. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М. 1967; «Советы в первый год пролетарской диктатуры». М. 1967; Е. Г. Гимпельсон. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М. 1968, и др.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 130.

нальностей, о стремлении их к единству с русским рабочим классом в борьбе за создание нового, справедливого общественного строя.

Анализ состава съездов, их деятельности дает богатый материал о подлинно народном характере Советской власти. Этот материал убедительно опровергает попытки буржуазных фальсификаторов представить диктатуру пролетариата как насилие над массами.

Диктатура пролетариата в лице Всероссийских съездов Советов предстает перед читателем как подлинная пролетарская демократия, демократия высшего типа. В книге характеризуются политические задачи упрочения диктатуры пролетариата, которые партия определяла в каждый конкретный исторический период развития революции и которые должны были решаться органами Советской власти: укрепление власти Советов, выход из войны и заключение мира, социалистическое строительство, разрывание социалистической революции в деревне, создание Красной Армии, защита Советской республики от объединенных сил внутренней и международной контрреволюции. В монографии показана острая, полная драматизма борьба делегатов-большевиков за политическую линию своей партии, выражавшей интересы рабочего класса и всех трудящихся, с представителями мелкобуржуазных партий, занимавших антинародные позиции.

Заслуживает внимания обстоятельная характеристика партийных фракций, социальных корней их позиций на съездах. Приведенный в книге конкретный состав партийных фракций убедительно свидетельствует о том, что фракции мелкобуржуазных партий имели очень незначительный процент рабочих, тогда как костяком большевистской фракции были рабочие, причем преимущественно высококвалифицированные, связанные с крупным промышленным производством. Большевистская фракция съездов отражала общее состояние партии и отношение к ней широких трудящихся масс. Рост их доверия к ленинской партии проявлялся в том, что от съезда к съезду количество большевиков в составе съездов росло, а представителей мелкобуржуазных партий уменьшалось. Опираясь на поддержку и доверие трудящихся масс, большевистские делегаты на съездах стойко и последовательно отражали все попытки мелкобуржуазных партий использовать съезды для того, чтобы свернуть страну с социалистического

пути, вернуть ее к буржуазным порядкам. Осуществленный Т. Д. Ионкиной анализ хода обсуждения вопросов повестки дня и утвержденных по ним решений показывает, что принятие съездами большевистских резолюций не означало «большевистского командования», а было результатом того, что абсолютное большинство делегатов (включая даже рядовых членов мелкобуржуазных партий) убеждалось в правильности и необходимости мер, предлагаемых большевиками. В книге показано, что большая роль в этом принадлежала В. И. Ленину, выступления которого на съездах вносили ясность во все вопросы, давали четкие, научно обоснованные и в то же время доходчивые объяснения. В монографии содержатся данные, подтверждающие крах мелкобуржуазных партий (сначала меньшевиков и эсеров, а в середине 1918 г. и левых эсеров), полную потерю ими доверия и поддержки трудящихся, вследствие чего и утвердилась с конца 1918 г. однопартийная система в нашей стране.

Много внимания в книге уделено анализу решений Всероссийских съездов Советов, направленных на укрепление политической, социальной и экономической базы диктатуры пролетариата. В широко известных решениях II съезда Советов, в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и резолюции «О федеральных учреждениях Российской республики», принятых III съездом, а также в Конституции РСФСР, утвержденной V съездом, автор стремится выявить и подчеркнуть те главные моменты и положения, которые были нацелены на оформление и укрепление Советов как политической основы диктатуры пролетариата. Это сделано и при рассмотрении решения VI съезда о слиянии комбедов с Советами и постановления VII съезда о советском строительстве. Четко и последовательно утверждается в монографии мысль, что съезды Советов были тем Всероссийским органом власти, который рабочий класс и его партия использовали для привлечения широких непролетарских слоев трудящихся.

Значительное место в книге занимает рассмотрение роли Всероссийских съездов в упрочении международного положения Страны Советов и осуществлении принципов международной пролетарской солидарности. Характеризуя выступления на съездах представителей рабочих организаций других стран, автор подчеркивает, что в них звучало признание величия Октябрьской револю-

ции и огромного ее воздействия на развитие мирового рабочего движения, на судьбы всех стран.

Т. Д. Ионкина убедительно показывает, что в работе и решениях всех Всероссийских съездов Советов в первые годы диктатуры пролетариата проявлялись подлинно демократические принципы и методы, коренным образом отличающие высшие органы Советского государства от буржуазных представительных органов; что Всероссийские съезды Советов, как Советы Советов, объединяющих всех трудящихся без различия профессий, были главным звеном гибкого и сравнительно широкого, весьма могучего пролетарского аппарата, «посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого,

при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*»³.

Можно надеяться, что автор продолжит работу по изучению истории последующих, VIII—X Всероссийских съездов Советов, то есть доведет исследование до образования СССР. Некоторые вопросы, поставленные в книге, нуждаются в более подробном освещении. Так, очень кратко изложена история разработки первой Советской Конституции, мало сказано о значении ее для дальнейшего развития и укрепления советской государственности. Более подробно следовало объяснить, почему вопрос о советском строительстве был поставлен на VII съезде Советов.

Б. М. Морозов

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 31.

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО, Л. В. МИЛОВ. *Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа*. М. Изд-во «Наука». 1974. 413 стр. Тираж 1600. Цена 2 руб. 78 коп.

Книга чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко и старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР Л. В. Милова — это прежде всего новый и очень серьезный шаг вперед в применении математических методов в исторических исследованиях. Авторы работают в данной области уже давно, однако они неоднократно проверяют допустимость и точность использованных ими приемов. Благодаря добросовестности, полноте и точности книга представляет собой своеобразное пособие по применению математических методов, прежде всего корреляционного анализа, в экономико-исторических исследованиях. О том, с какой осторожностью авторы подходят к применению математических методов, свидетельствует следующий пример. Они ставят вопрос о том, не является ли корреляция между ценами зерновых культур в разных районах просто отражением корреляции урожайности в тех же районах, и сами же его решают. Они указывают, что утверждения о том, будто корреляция в динамике цен каких-либо регионов является простым отражением корреляции данных о движении урожайности в этих же регионах, будет несостоятельны, если, например, имеется высокий уровень тесноты и сопряженности в колебаниях

хлебных цен разных регионов и одновременно не во всех губерниях, из которых состоят эти районы, наблюдается тесная зависимость движения местных цен на хлеб от движения местных урожаев. Привлекая данные о колебаниях урожайности озимых по трем периодам (1808—1819, 1845—1855 и 1890—1900 гг.), И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов убедительно доказывают, что корреляция хлебных цен не была простым отражением корреляции урожайностей.

Вопрос о временных трендах подвергнут в книге довольно основательному изучению, но только с точки зрения математических методов. Однако на эту проблему можно смотреть и в более широком плане. Корреляционный анализ, применяемый И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым, дает, как известно, своеобразную картину застывшего времени. Между тем при изучении процесса становления рынка важно получить картину развития. Преодолеть это противоречие можно только одним путем, который и применяют авторы, — путем проведения корреляционного анализа данных за разные периоды. Сопоставляя результаты этого анализа, можно выяснить, какие изменения наблюдались во времени. Это своеобразный, отличный от традиционных

методов способ изучения динамики; на данном аспекте своего исследования могли бы несколько остановиться и сами авторы.

Процесс становления единого всероссийского сельскохозяйственного рынка раскрывается в книге шаг за шагом. В середине XVIII в. в Европейской России образовалось два обширных региона — Волжский и Центрально-Черноземный. В первый входили почти все города Севера и Северо-Запада и северной части Центрально-Промышленного района, Среднего и Нижнего Поволжья. Второй напоминает гигантский треугольник — на севере в него входят города юга Московской и, кроме того, Тульской, Переяславль-Рязанской, Воронежской и Белгородской провинций. Если, кроме данных о ценах на рожь, проанализировать и данные о ценах на овес, то обнаруживается, что если цены на рожь в середине XVIII в. проявили тенденцию к увеличению разрыва между ценами на севере и юге страны, то данные о ценах на овес говорили о сближении цен юга и севера.

Во втором десятилетии XIX в. процессы развития аграрного рынка вступили в свой следующий этап. В Прибалтийско-Волжском регионе внутренние корреляционные связи в некоторой степени слабеют. Границы Центрально-Черноземного региона в 1809—1819 гг. заметно расширяются. В него наряду с Москвой теперь входит и Владимир (этим объясняется ослабление взаимосвязей последнего с Волжским регионом). На юге этот регион расширил свои границы за счет Тамбова. Корреляционная матрица натуральных динамических рядов цен на рожь в 1809—1819 гг. позволяет выделить и третий, совершенно новый регион. Он охватывает Среднее и Нижнее Поволжье, частично Урал, Предкавказье и Причерноморье. Причудливая конфигурация района включает гигантские просторы земель, бывших в XVIII в. объектом интенсивной колонизации и заселения. Видимо, освоение этих земель во втором десятилетии XIX в. достигло стадии, когда можно констатировать образование здесь экономического района. Черноморско-Уральскому региональному рынку была присуща одна важная особенность — его северная оконечность и часть центра совпадали с Прибалтийско-Волжским регионом. В то же время уже в начале XIX в., судя по ценам на овес, заметно проявляется тенденция к оформлению на территории Европейской России не нескольких, а одного регионального рынка. Примерная территория этого

рынка, фиксируемого на уровне колебаний натуральных цен, охватывает Северо-Запад, Прибалтику, Промышленный центр, Черноземный центр, отчасти Украину и Причерноморье.

В 30-х—50-х годах XIX в. рынок ржи претерпел эволюцию, кардинально преобразовавшую систему региональных рынков. В центре сливались Центрально-Черноземный рынок и районы Среднего Поволжья. В орбиту Центрально-Черноземного рынка окончательно вовлекаются основные губернии Промышленного центра. На просторах старого Черноземного центра, Украины и Бессарабии в середине XIX в. происходит совмещение трех региональных рынков: Центрально-Юго-Западного, Западного и Юго-Западного. При сложном взаимном переплетении территорий региональных рынков появляются обширные «смежные зоны». Вовлечение основных территорий Промышленного центра в орбиту Центрально-Юго-Западного рынка привело к разрушению наиболее древнего Волжского региона. Колебания цен Прибалтики, Литвы, отчасти Белоруссии и Северо-Запада перестали идти в общем русле с колебаниями цен района Верхнего и Среднего Поволжья. Разрушение традиционного Волжского рынка вызвало переориентировку западных районов на плодородные просторы Правобережной Украины и западной оконечности Черноземного центра. По составу губерний, образующих этот новый региональный рынок, он мог бы получить название Центрально-Северо-Западного. В следующий регион — Поволжье и Урал — вошли губернии Нижнего и Среднего Поволжья и Пермский край.

Анализ колебаний цен на овес дает представление уже о едином всероссийском рынке, хотя его формирование к середине XIX в. еще не закончилось. В границы единого всероссийского рынка на овес вошел теперь и Север. Для 80-х годов XIX в. корреляция натуральных цен на рожь дает уже единый рынок, включающий в свой состав всю Европейскую Россию.

Авторы не ограничиваются описанием эволюции рынка, они указывают на значение и внутренний смысл полученных ими результатов. Так, они отмечают, что увеличение числа региональных рынков в середине XIX в. было бы неверно истолковывать как деградацию в эволюции рынка ржи, так как это увеличение было признаком того, что появляются регионы качественно нового типа. Основным структуро-

образующим фактором в них стала товарищеская крестьянская хозяйственная и включение в единую рыночную конъюнктуру одновременно районов и преимущественного развития мануфактурного производства и чисто аграрных. В монографии подвергаются анализу и другие показатели и аспекты сельскохозяйственного рынка — цены на землю, тягловую и рабочую силу.

Анализ динамики и вариации цен на землю в пореформенное время отчетливо обнаруживает ряд важных моментов. До конца XIX в. и в плане соотношений уровней цен на землю, и в сопряженности их динамики происходила как бы перестройка рыночных отношений на новой основе. Конец 1890-х и 1900-е годы были новым этапом в развитии земельного рынка. Во-первых, четко определились обширные зоны, в пределах которых уровни цен на землю варьировали в ограниченных пределах, а скорости изменения цен были весьма близкими. Во-вторых, начало XX в. знаменовалось тем, что в черноземной полосе (то есть в районах, игравших ведущую роль в купле и продаже земли) межгубернские различия цен на землю и их динамика находились в соответствии с размерами и динамикой арендной платы и ценами на сельскохозяйственную продукцию (то есть подчинялись закономерностям, присущим товарно-капиталистическим отношениям).

Формирование в конце XIX в. единого рынка средств производства хотя и не достигло уровня сопряженности общих изменений цен на рабочий скот, но получило значительный размах и обрело вполне определенный характер. Выделились пространственные регионы, в которых случайные колебания цен на рабочий скот в основном определялись общими факторами, регулировались единой для каждого района стоимостью рабочего скота. Вместе с тем шел процесс интеграции этих районов.

В отношении поденной платы пеших работников в конце XIX в. образовалось два региона: Центрально-Волжско-Приуральский и Центрально-Черноземный. В начале XX в. почти вся нечерноземная полоса Европейской России и некоторые примыкающие к ней черноземные губернии составляли оптовый рынок рабочей силы, на котором случайные колебания поденной платы пешим работникам на собственном содержании определялись в основном единичными факторами.

И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов используют полученные ими результаты для

внесения дополнительной ясности в вопрос о характере аграрных отношений, господствовавших в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Характер процесса и достигнутый уровень развития всероссийского рынка в начале XX в. ясно говорят о том, что мы имеем дело с капиталистическим, но незавершенным развитием, то есть таким его этапом, когда капиталистические отношения еще не достигли своих высших форм. При этом авторы убедительно показывают, что незавершенность процесса становления всероссийского рынка именно в отношении земли явно свидетельствует о том, что причина этой незавершенности крылась в области земельных отношений, то есть в сохранившихся тут крепостнических порядках. Так как помещичий класс (который оказался в роли руководителя как в развитии торгово-денежных отношений в земледелии, так и в процессе становления всероссийского рынка) был не в силах разрешить историческое противоречие между заинтересованностью в крупных прибылях и неспособностью полностью перейти на капиталистический способ производства, то единственным выходом, продиктованным и ходом экономического развития, являлась революционная ломка полукрепостнических отношений.

Вступительная историографическая часть книги представляет самостоятельную ценность. Но она не совсем органически связана с основным ее содержанием. Наряду с анализом цен авторы могли бы больше внимания уделить движению самых товарных потоков. Во вступительной части довольно обстоятельно разобран вопрос о том, в какой мере становление и развитие всероссийского рынка представило собой и развитие «буржуазных связей». В основных главах монографии, к сожалению, эта тема не получила достаточного развития, хотя изучение корреляции цен могло бы пролить дополнительный свет и на эту проблему. Так, цитируемый авторами итальянский историк Э. Серени использовал именно этот метод для того, чтобы точнее охарактеризовать процесс усиления экономических связей и становления экономического единства Италии, ставший основой для буржуазного национального движения в этой стране в середине прошлого века.

*Член-корреспондент АН
Эстонской ССР
Ю. Ю. Кахк*

Не только применение совершенных статистических методов сообщает труду И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова черты новаторства. Если в зарубежной литературе эти методы нередко используются лишь для выявления формально-количественных соотношений, то у советских исследователей они служат раскрытию глубинных общественно-экономических процессов в свете марксистско-ленинской методологии. Именно такое применение методов количественного анализа и составляет то новое и значительное, что привлекает в рецензируемой книге. Авторами обработан широкий статистический материал, взятый в основном из старых статистических изданий и в некоторой части из архивных документов.

Помимо главных выводов исследования, о которых пишет выше Ю. Ю. Какх, в книге содержится немало и других значительных, хотя и более частных достижений. Обращают на себя внимание далеко идущие выводы из обнаруженного авторами самого по себе частного факта: аномалии в соотношении цен на зерно и муку (стр. 229—240). Эта аномалия оценивается как показатель особого положения на рынке крестьянина в качестве продавца произведенного им хлеба,— его зависимости, приводящей к убыточным торговым сделкам. Можно думать, что в этом же факте проявилось и другое обстоятельство: независимость крепостника-помещика от законов товарного обращения. Для проблемы развития капитализма в России во второй половине XIX в. важное значение имеет исследование соотношения цен на землю с величиной арендных платежей и учетного процента (стр. 265—272). Сам факт ненормально высокой арендной платы по отношению к цене земли уже отмечался в литературе. Но у И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова он получил конкретную разработку; сведения по этому вопросу справедливо квалифицируются как показатели значительности сохранявшихся в пореформенное время пережитков крепостничества. Не только в плане общей темы монографии, но в известной мере и самостоятельное значение имеет также изучение вопроса о зависимости величины оплаты труда сельских рабочих от величины урожая (стр. 334—337). Авторы приходят к выводу, что «в начале XX в. не наблюдалось сколько-нибудь существенной зависимости фактических цен на рабочую силу

от урожайности как текущего, так и предыдущего года» (стр. 337).

Приведенные примеры показывают, что, помимо разработки основных данных о росте и развитии единого сельскохозяйственного рынка (это понятие более точно указывает предмет исследования И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова. «Аграрный рынок» — термин, фигурирующий в названии книги,— в строгом смысле слова означает обращение на рынке участков земли, которые исследуются лишь в одной из глав монографии), в данном труде рассматривается много других существенных, хотя и побочных для главной темы, вопросов.

В качестве одного из показателей прогресса внутреннего рынка авторами признается нивелировка уровня цен (стр. 91, 217, 352 и др.). Подобное истолкование представляется односторонним. Развитие торгового обращения, конечно, несет в себе тенденцию к уравниванию цен, но оно же порождает и обратное течение. Зарождение и развитие дифференциации на «производящие» и «потребляющие» районы — плод прогресса общенациональных торговых связей, но эта дифференциация предполагает различие цен на сельскохозяйственные продукты в обоого типа районах. И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова отмечают многие особенности изучаемых ими категорий товаров как предметов купли-продажи. К сказанному ими на этот счет можно добавить, что сельскохозяйственный рынок почти не испытывал воздействия одного из наиболее значительных факторов уравнивания цен: возможности переноса производства на иные территории и в иные сферы — туда, где прибыль была значительнее.

Можно согласиться с тем, что наиболее существенным свидетельством взаимовлияния рыночных конъюнктур в разных местностях следует считать скоррелированность движения цен и особенно их случайных колебаний. В многочисленных таблицах книги содержится обширный материал о такой корреляции между парами городов. Естественно, что при изучении этот огромный материал должен каким-то образом обобщаться. В монографии такое обобщение проводится через выведение средних по губерньским показателям коэффициентов корреляций. При подобных подсчетах корреляционное соотношение по каждой паре городов приобретает одинаковое влияние на итог исчисления. Отрицательные послед-

ствия такой «уравниловки» в некоторой мере снижаются тем, что таблицы строятся по региональному принципу, но это лишь частично исправляет положение, поскольку каждая таблица содержит сведения по большому количеству пунктов, в том числе и таких, в отношении которых трудно представить, в чем реально могли выражаться их торговые связи.

Конечно, идеальным способом обобщения было бы исчисление не простой, а взвешенной погубернской средней по степени интенсивности товарооборота между пунктами. Однако из-за состояния источников и непомерного объема работы этого нельзя сделать. Но можно было бы ориентироваться не столько на средние погубернские показатели, сколько на крайние (наивысшие) значения коэффициента корреляции по каждой губернии, поскольку интенсивность общения с широким рынком не определяется тем, с каким количеством губерний связана данная губерния. Вот один лишь пример. В таблице корреляции натуральных динамических рядов цен на рожь за 1809—1819 гг. (стр. 131, табл. 28) Вологда отмечена низким средним показателем (0,69 при среднем по 27 губерниям 0,76), но связь ее с Нижним Новгородом (этим главным центром национального рынка) высокая, так же, как с Вяткой, откуда Север издавна получал массу потребляемого хлеба, и с отдельными пунктами Центрально-промышленного и Верхневолжского районов (коэффициенты корреляции 0,80—0,91). Близкие соотношения показателей по Вологде с показателями по пунктам, торговая связь с которыми имела для нее первейшее значение (откуда поступали основные массы хлеба), дают достаточное основание для утверждения о прочном включении Вологды в соответствующий район, низкий же среднегубернский коэффициент лишь затемняет истинное положение.

Координация движения цен прежде всего должна рассматриваться в качестве показателя значительности торговых связей между отдаленными районами. Думается, что такое понимание не противоречит более абстрактно выраженному определению предмета исследования, которое содержится в книге, — оно лишь в некоторой мере конкретизирует его. По словам авторов, их замысел состоит в том, чтобы через установленную степень нивелировки и сопряженности изменений цен «выявить масштабы и глубину единого воздействия закона стоимости на цены» (стр. 42).

Усвоив основной вывод И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова о постепенной интеграции рыночных связей, читатель, естественно, захочет получить подробный и ясный ответ на вопрос о том, в чем состоит глубокий социально-экономический смысл этого явления. Авторы в разных местах книги стараются ответить на этот вопрос, однако не всегда их ответы кажутся достаточно конкретными. Примерами могут служить утверждения, что приблизительное равенство в уровне цен и общая направленность их эволюции — показатели «общности тенденций аграрно-экономического развития» (стр. 98) или что проявления уравнивания цен «определялись почти исключительно едиными объективно-экономическими факторами» (стр. 354). Расплывчатость подобных утверждений порождает чувство неудовлетворенности. Нельзя забывать о том, что материалы о ценах не дифференцированы в социальном плане. В различных районах страны преобладали разные категории владельцев товара. Особенности их классового положения не могли не сказываться на ценообразовании. Продают ли крестьяне свой хлеб в условиях крайней нужды в деньгах или на рынок идет крупная партия хлеба из помещичьей экономики, хозяин которой мог спокойно дожидаться наступления выгодной рыночной конъюнктуры, — этим во многом определялся уровень цен в данное время и в данном месте. Поэтому говорить об общности факторов ценообразования можно лишь с большой степенью относительности.

Заслугой авторов является то, что они подвергли анализу тот материал, который давно (по крайней мере в таком широком масштабе и так серьезно) не анализировался. Это сведения о размерах заработной платы сельскохозяйственных рабочих, данные о стоимости рабочего скота и земельных участков. Но в отношении последних с особой силой сказывается осередненность показателей, лежавших в основе исследования. Сведения о средних ценах десятины земли при покупке крупных и мелких участков, при сделках дворян, купцов, крестьян показывают их большую дифференциацию. Это дает основание утверждать, что земельный рынок в капиталистической России представлял из себя как бы конгломерат самостоятельных рынков, каждый из которых эволюционировал по своим законам. Убедительные выводы о степени интеграции земельного рынка не могут быть сделаны без учета этого обстоятельства.

Эволюция сельскохозяйственного рынка, прослеживаемая в книге начиная с середины XVIII до конца XIX — начала XX в., охватывает две формации: поздний феодализм и зрелый капитализм, переходящий в империализм. Общая структура монографии предполагает обособленное рассмотрение аграрно-товарного (вторая часть монографии) и капиталистического аграрного рынка (третья часть). В вводном разделе авторы напоминают, в чем заключается различие обоих видов рынка в теоретическом плане. Нельзя не признать, что в условиях феодализма и капитализма направление и содержание эволюции рынка, имея общие черты, все же не были вполне едиными. Однако в монографии изменение цен и их колебаний в основном изучается в одном направлении — постепенного их выравнивания. При конкретном рассмотрении различия между рынком феодальной и капиталистической эпох сводится почти только к резкому нарастанию темпов интеграции во втором периоде по сравнению с первым, что объединяет общую картину эволюции.

Такие присущие капиталистической эпохе явления, как угнетение промышленно развитыми районами сельскохозяйственных территорий, рост противоположности города и деревни, различные ситуации в центральных губерниях и в районах внутренних колоний, в экономическом смысле слова выражались помимо прочего и в балансе стоимостных отношений, в нарастающей пространственной дифференциации цен. Несколько схематизируя, можно сказать, что если эпоха капитализма быстро завершила издавна возникший процесс выравнивания условий товарного обращения, то она же одновременно порождала «обратную волну» — дифференциацию рыночных условий и уровней цен соответственно специфическим для капиталистической эпохи противоречиям. Исследуя движение рыночных отношений в одном, заданном еще в феодальную эпоху направлении, авторы не выявляют тенденций, порождаемых новым временем. Правда, может сложиться впечатление, что высказанные здесь теоретические предположения об их возникновении нереальны, поскольку не подтверждаются фактическим материалом, приведенным в книге, который ясно свидетельствует о быстром развитии процесса нивелировки цен в 80-х годах XIX — начале XX в., отмеченного еще за полтора столетия до этого времени. Но такое впечатление будет слишком поспешным. Обнаружение социально-экономических процес-

сов, возникших в новое время, возможно лишь при достаточно детализированном изучении материала, прежде всего в территориальном плане, поскольку развитие экономической жизни делало картину хозяйственного строя страны все более мозаичной. Сравнительно однородный облик больших территорий сменился резкой контрастностью соседних ограниченных по размерам районов. Например, в Петербургской губернии 4 уезда показывали высшие проявления промышленно-капиталистической системы, тогда как в других уездах царили весьма примитивные формы экономической жизни. Промышленные Кинешемский, Нерехотский, отчасти Костромской уезды резко противостояли огромному костромскому Заволжью. Повсюду интенсивная индустриализация была узко локализована. Если в XVIII — начале XIX в. при сравнительно «сплошном быте» народа губернские границы более или менее (хотя и тогда уже не полностью) были приемлемы для экономико-географического районирования, то в конце XIX — начале XX в. погубернские показатели нейтрализовали существенные различия. По нашим исчислениям, в пределах губерний коэффициент вариации цен на рожь за пятилетие 1894 — 1898 гг. в Центрально-промышленной полосе по уездам доходил до 104—170%¹. Столь высокие показатели говорят об ограниченной научной значимости среднегубернских цен, на которых базируется исследование И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова. Возникает предположение (оно, конечно, нуждается в подтверждении): не потому ли не проявляет себя возникающая в условиях капитализма дифференциация цен, что крайние устаревшие губернские рамки маскируют эту дифференциацию?

В монографии поставлен вопрос о выборе для изучения либо погубернских, либо поуездных показателей. Предпочтение первым обосновывается невозможностью многократно увеличивать и без того большой объем исчислений. С этим нельзя не согласиться. К тому же такое раздробленное исследование и в научно-познавательном отношении вряд ли было бы целесообразно, так как картина чрезмерно бы атомизировалась. Но это не снимает вопроса о целесообразности учета поуездных сведений. Они нужны не для того, чтобы каждый уезд сделать самостоятельной единицей изуче-

¹ «Материалы по статистике хлебной торговли». Вып. 2. СПб. 1899.

ния, а лишь для того, чтобы сконструировать для сопоставления экономически более однородные территории, которые не маскировали бы возникающую в капиталистических условиях дифференциацию, а, наоборот, помогали бы ее выявить.

Эпоха капитализма в монографии в историко-ведческом отношении уступает времени позднего феодализма. Опора для конца XIX — начала XX в. только на сведения из издания «...год в сельскохозяйственном отношении» авторами не обосновывается. Давно установлено, что преобладание среди корреспондентов, дававших сведения для этого издания, помещиков и других сравнительно зажиточных элементов отражалось на сообщаемых сведениях, в частности о размерах урожайности, которые оказывались завышенными в этом источнике, поскольку корреспонденты более всего ориентировались на положение дел в собственных хозяйствах. Возникает вопрос: не сказывалось ли данное обстоятельство и на указываемых в этих сведениях продажных ценах на зерно и скот? Преобладание помещиков, управляющих имениями и арендаторов среди корреспондентов истолковывается И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым лишь как показатель того, что все они «были вполне компетентны в вопросах, на которые давали ответы» (стр. 245). Между тем во вводных разделах к выпускам «...год в сельскохозяйственном отношении» содержатся сообщения о том, как получались материалы о ценах, из которых видно, что первичные данные определенным образом препарировались. Авторы же почему-то обходят эти важные для историко-ведческого анализа показания.

Основная часть монографии обрамлена критическим разбором литературы. Во введении авторы вступают в давно ведущийся в советской историографии спор о социально-экономической основе установления широких национальных торговых связей начиная с XVII века. Этот вопрос мало связан с основным содержанием монографии. Связь теоретических положений, высказываемых здесь, с анализом фактического материала в основных разделах книги не устанавливается прежде всего из-за различия времени и еще больше потому, что дискутируется вопрос об основах становления национального рынка в целом, а предметом рассмотрения в книге является лишь сельскохозяйственный рынок. Сам метод спора, поддерживаемый Л. В. Миловым и И. Д. Ковальченко, вряд ли даст надежные

результаты. Заметим еще, что при решении вопроса о времени складывания и экономическом содержании общенациональных торговых связей нельзя не учитывать, что начинающего капиталиста на определенной стадии его эволюции невозможно квалифицировать либо только как торговца, либо только как промышленника, а также и того, что капиталистические отношения появляются еще до становления капиталистического производства.

В то же время безусловно правильны положения заключительной части книги о том, что в эпоху развитого капитализма последний не просто сосуществовал как наиболее распространенный и развитый уклад в ряду других социально-экономических укладов, а становился их общим стержнем (стр. 368). Небесполезно также напоминание ленинского положения, что отработочная система представляла собой низшую, неразвитую форму капитализма и что, следовательно, видеть в ней лишь проявление полукрепостничества недостаточно (стр. 369). В связи с этим уместно указание на необходимость всегда учитывать содержание и формы капитализма в аграрном развитии, поскольку «капитализм бывает разный»².

Вместе с тем полемика в заключительной части, так же как и во введении, страдает иногда излишней размашистостью. Например, рассмотрение вопроса о различных путях развития капитализма в монографии не имеет фактического обоснования, и потому суждения авторов на этот счет вряд ли покажутся убедительными.

Монография И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова наглядно показывает, что хорошо известные и часто привлекаемые источники в результате усовершенствованных приемов их изучения могут дать основания для новых и важных выводов. Можно предвидеть, что развитие методики исследования социально-экономических процессов в дальнейшем ознаменуется слиянием традиционных и современных количественных приемов анализа. Отмеченный высокий культурой мысли, новаторский труд И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова способствует продвижению методики исторического исследования в этом направлении.

Из всего сказанного следует, что рецензируемая монография является выдающимся научным достижением.

П. Г. Рындзюнский

² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 6; т. 1, стр. 518; т. 7, стр. 222.

Ю. А. ТИХОНОВ. *Помещичьи крестьяне в России. Феодалы рента в XVII — начале XVIII в.* М.: Изд-во «Наука». 1974. 335 стр. Тираж 2500.
Цена 1 руб. 68 коп.

Исследование доктора исторических наук Ю. А. Тихонова посвящено рентным отношениям как экономической форме феодальной собственности на землю. Иными словами, объектом изучения является важнейший аспект политэкономии феодализма. В теоретическом плане эта проблема в той или иной степени разработана в нашей литературе¹. Слабее обстоит дело с изучением конкретной истории ренты и рентных отношений, в особенности применительно к русскому феодализму. Лишь в последнее время наметился поворот в сторону рассмотрения форм и размеров феодальной ренты в России на основе сплошной обработки источников, содержащих массовую информацию о повинностях крестьян и других категорий феодально-зависимого населения. Первым обстоятельным трудом такого рода стала «Аграрная история северо-запада России»². В нем исследуется поместье как социально-экономическая ячейка феодального общества и крестьянское хозяйство как его основа; главное внимание уделяется составу и объему повинностей. Непосредственным продолжением именно этой линии исследования и является рецензируемая монография, затрагивающая, однако, не северо-запад России, а ее центр, замосковские уезды.

До Ю. А. Тихонова рентные отношения XVII — начала XVIII в. в России рассматривались историками на материале отдельных вотчин — патриарших, дворцовых, крупных феодалов и т. п.³ Однако изучени-

ем рентных отношений помещичьих хозяйств XVII — начала XVIII в. (составлявших основной костяк феодального землевладения и главную опору самодержавия) в широком масштабе никто еще не занимался. Ю. А. Тихонов поставил перед собой цель выявить формы и размеры феодальной ренты, удельный вес каждой из основных ее форм и определить тяжесть помещичьего тягла для крестьянского хозяйства (стр. 36). Решение такой задачи в рамках всей территории России XVII в., разумеется, не под силу одному историку. Ю. А. Тихонов взял междуречье Оки и Волги, Замосковский край — район, который достаточно велик территориально, являлся центром страны того времени, был однородным по аграрному облику и отличался высоким удельным весом помещичьего землевладения.

Выбирая круг источников для исследования, автор пришел к выводу, что наиболее ценную информацию о повинностях помещичьих крестьян содержат книги поместно-вотчинных дел Поместного приказа (отказные, отписные, отдельные, раздельные и т. п.). До настоящего времени эти книги были изучены очень слабо. Перед автором прежде всего встали задачи их историко-ведческого анализа. По его данным, за время с 1597 по 1757 г. имеются десятки тысяч книг поместно-вотчинных дел, переплетенных в 600 единицах хранения. Для их изучения потребовался бы многолетний труд большого коллектива ученых. Ю. А. Тихонов избрал для сплошной обработки все имеющиеся 17 380 книг по трем уездам — Московскому, Галицкому и Рязанскому. По ряду остальных городов подмосковного региона им просмотрены лишь отписные книги как наиболее ценные для изучения феодальной ренты. В общей сложности проштудировано 38 215 книг, заключенных в 227 делах. В итоге удалось выявить сведения о населении, господском хозяйст-

¹ Б. Ф. Поршнев. Очерк политической экономики феодализма. М. 1956; его же. Феодализм и народные массы. М. 1964; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М. 1972.

² «Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.». Л. 1971; «Аграрная история северо-запада России XVI века. Новгородские пятины». Л. 1974.

³ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М. 1937; К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1700—1885). М. 1947; Е. И. Заозерская. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII в. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сборник IV. М. 1960; Е. И. Индова. Дворцовое хозяйство в России. Первая по-

ловина XVIII в. М. 1964. А. Н. Сахаров. Русская деревня XVII в. М. 1966; Д. И. Петрикеев. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л. 1967; С. М. Троицкий. Районирование форм феодальной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 г.». Л. 1972.

ве и повинностях по 1 147 имениям 46 центральных уездов (стр. 91—93).

Источниковедческое исследование книг помещтно-вотчинных дел, предпринятое Ю. А. Тихоновым, существенно восполнило пробел в изучении материалов приказного делопроизводства. Источниковедческий анализ всей избранной автором совокупности книг включает рассмотрение разновидностей книг, условий и процесса их составления, оформления, степени сохранности и, наконец, достоверности имеющихся в них сведений. Ю. А. Тихонов весьма критически и взыскательно подходит к оценке избранного им источника, вскрывает его особенности и недочеты, что позволяет ему избежать в дальнейшем преувеличения данных, полученных в результате статистической обработки книг и говорить лишь о тенденциях развития изучаемых явлений.

Данные о помещице и крестьянском хозяйстве, как известно, не лежат на поверхности или в итоговом виде в изучаемом источнике. Для извлечения их и сведения в таблицы потребовалась большая работа, выполнение которой немисливо без хорошо продуманной методики. За различные отрезки времени автор располагает весьма неравновеликими данными. Например, за период до 1649 г. средние размеры крестьянского тягла определены по 34 имениям, за 1649—1679 гг. — по 74 имениям, за 1680—1725 гг. — по 257 имениям. В основу исследования, таким образом, положен выборочный метод; изменения размера выборки по периодам отражают рост числа помещтных хозяйств и увеличение источниковедческой базы. Другой особенностью методики автора является широкое применение осреднения показателей с одновременным выведением амплитуды колебания индивидуальных показателей наиболее часто повторяющихся явлений; это дает возможность «прикинуть» удельный вес каждого из индивидуальных показателей барщины, денежного оброка и др., а также средних подворных и душевых норм каждой формы ренты по каждому из периодов. Следует согласиться с автором, что «средние дворовые и душевые нормы обеспечивают возможность сопоставления вычисленных показателей по всем имениям независимо от их размеров» (стр. 97).

Вопросы метрологии, состояния монетной системы и движения цен автор рассматривает в соответствии с существующими в литературе данными, дополняя их в отдельных случаях своими наблюдениями. Основу

исследования составляют таблицы (их 60), в которых сосредоточен материал о ренте, почерпнутый из книг помещтно-вотчинных дел. Таблицы делятся на два вида — первый включает материалы первичной обработки источника; второй — результаты статистической обработки первичных данных в различных аспектах и с различной степенью обобщения.

Историю рентных отношений XVII — первой четверти XVIII в. Ю. А. Тихонов делит на три периода: первая половина XVII в. (до Уложения 1649 г.); 1649—1679 гг. (от Соборного уложения до введения подворного обложения); 1680—1725 гг. (от установления подворного обложения до введения подушной подати). Легко заметить, что периодизация носит двойственный характер. С одной стороны, Уложение 1649 г. является закономерным рубежом в развитии ренты; Ю. А. Тихонов вскрыл и показал возрастание феодальной ренты после 1649 г. как следствие усиления крепостного права, связанного с Уложением. С другой стороны, в основу периодизации кладется смена форм государственного обложения. Эти критерии периодизации не являются равнозначными; второе должно быть подчинено первому. Поэтому структуру книги было бы целесообразно сделать двуступенчатой, соподчинив оба вида периодизации.

Внутреннее членение материала по периодам в основной его части однотипно — каждый вид ренты изучается отдельно в такой последовательности: отработочная, продуктовая, денежная. Такое абстрагирование от действительного положения вещей (при котором в подавляющем числе имений сосуществуют или все три вида ренты, или два из них) логически вполне оправдано самой целью исследования. Однако определенное затруднение дифференцированное изучение форм ренты встречает в связи с тем, что численно значительную группу составляют поместья, в которых отмечено наличие барщины без указания на оброк. И тем не менее результаты, полученные автором при исследовании динамики каждого вида ренты по периодам и за весь отрезок времени, подтверждают целесообразность избранной им методы. Правда, указанный прием влечет за собой два неудобства: всякий раз приходится возвращаться к одним и тем же имениям, если в них сосуществовали два или все три вида ренты; утрачивается комплексное представление о каждом имении в отдельности. Учитывая последнее об-

стоятельство, Ю. А. Тихонов и в ходе изложения и в ряде таблиц дает общую характеристику тягла по отдельным поместьям и даже селениям в них.

В целом автор вполне успешно справился с первой поставленной им задачей — выявление форм и размеров феодальной ренты и удельного веса каждой из основных ее форм на протяжении XVII — первой четверти XVIII в. по замосковным уездам⁴. Однако вторая задача — «определение действительной тяжести» помещичьего тягла для крестьянского хозяйства — решена лишь частично, в плане определения размеров тягла. Представление же о его «тяжести» может быть получено только в том случае, если будет известен бюджет крестьянского двора. В литературе таких данных по XVII в. нет. Для их получения необходимо провести самостоятельное большое исследование, которое, разумеется, выходит за рамки рассматриваемой монографии.

Ценной стороной работы является изучение огромного нового материала по истории рентных отношений в связи с развитием законодательства, ростом крепостного права и товарно-денежных отношений. Известно, что в нашей литературе применительно ко второй половине XVI в. идут дебаты о взаимоотношении барщины и крепостничества. Ю. А. Тихонов присоединился к тем историкам, которые крепостное состояние выводят из барщины. Однако при-

менительно к изученному им времени, установив факт широкого распространения барщины, автор не склонен давать однозначный ответ на этот спорный вопрос, справедливо подчеркивая, что «в свою очередь, установившийся режим крепостного права... явился предпосылкой для укрепления барщинных порядков». «На протяжении XVII — начала XVIII столетия, — справедливо пишет он, — размеры барщинного тягла постепенно возрастали по мере укрепления крепостнического режима» (стр. 307—308).

Автор приходит к выводу, что незначительный рост владельческого тягла в первой четверти XVIII в. был обусловлен резким подъемом государственных налогов и повинностей в годы Северной войны. Более того, складывается впечатление, что рост владельческих повинностей отставал от темпов развития крепостного права и крепостничества. В таком случае поставленную автором задачу установить воздействие на помещичье имение и систему эксплуатации крестьян развития крепостнического хозяйства и оформления крепостного права (стр. 37) следует считать удачно решенной. Что касается тезиса о воздействии на те же процессы зарождающихся буржуазных отношений (стр. 37, 309), то он не подкреплен фактическим материалом. Доказанное автором широкое территориальное распространение барщины, ее высокий удельный вес и рост наряду с нею денежной ренты вполне объяснимы высоким уровнем товарного производства и рыночных отношений, который характерен для рассматриваемого времени.

Изучение рентных отношений в России периода позднего феодализма, основанное на огромном новом материале, подвергнутом статистической обработке и тщательному анализу, начатое Ю. А. Тихоновым, должно быть продолжено.

А. Г. Маньков

А. Е. КУНИНА. *Идеологические основы внешней политики США. М.*
 Политиздат. 1973. 224 стр. Тираж 16 000. Цена 73 коп.

Вопрос об идеологических основах внешней политики империализма принадлежит к числу важнейших проблем международных отношений. Особенно велико его значение сегодня, в условиях разрядки между-

народной напряженности и усиления роли идеологической борьбы. Закономерно в этой связи то внимание, с каким советские исследователи изучают проблемы идеологической борьбы в международных отноше-

ях¹. Авторы этих работ, анализируя философские, историко-социологические проблемы идеологической борьбы, описывая структуру и функции пропагандистского аппарата империалистического государства, не ставили себе, однако, целью специально исследовать идеологические основы внешней политики США, не стремились проследить идеологические концепции во внешней политике США в их совокупности и развитии на протяжении длительного исторического периода. Разрешению этой задачи посвящено монографическое исследование доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института США и Канады АН СССР А. Е. Куниной.

Как и многие другие, вопрос об идеологических основах внешней политики империализма преднамеренно запутан и искажен буржуазными теоретиками, представляющими дело так, будто империалистические государства руководствуются соображениями справедливости, гуманности, миролюбия. Если сегодня в международных отношениях все больший вес приобретает принцип мирного сосуществования, то говорят иные теоретики на Западе, это всего лишь естественное продолжение присущих Западу тенденций, выражение идеологических основ его политики. Рецензируемая

книга, однако, показывает, что подлинные цели внешней политики империализма, как правило, никогда не провозглашались открыто, а тщательно маскировались с помощью системы идеологических мифов. В совокупности, как подчеркивает автор, эти мифы составляют идеологическое оправдание внешней политики империализма, но не имеют ничего общего с ее подлинными идеологическими основами. Для того, чтобы выявить их содержание, А. Е. Кунина обращается к историческому анализу.

Содержание подлинных идеологических основ внешней политики империализма выявляется уже в период подготовки и осуществления первой войны за передел мира — испано-американской. Идеологическое кредо правящих кругов США четко прозвучало в произведениях ранних экспансионистов: защита системы частной собственности и эксплуатации, антинародная, антиреволюционная направленность внешней политики, милитаризм, шовинизм, стремление к мировому господству. Подъем антимонопольной борьбы трудящихся, рост политической активности народных масс привели к тому, что правящие круги США все чаще прибегали к фальсификации, направленной на то, чтобы скрыть от народа подлинные черты проводимой ими внешней политики, замаскировать и приукрасить свои экспансионистские цели.

Принципиальное значение в работе имеет глава VII, в которой охарактеризован начальный период борьбы американского империализма против завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Роль антикоммунизма как главного идейно-политического оружия империализма наиболее отчетливо проявилась в годы «холодной войны». Для идеологического «оправдания» политики «с позиции силы» широко использовалась реакционная концепция «коммунистической угрозы», которую буржуазные философы, социологи, экономисты пытались «обосновать научно», при помощи различных теорий «тоталитаризма».

Анализируя буржуазно-либеральные поиски новых концепций в условиях разразившегося в конце 50-х годов нового этапа общего кризиса капитализма, автор отмечает их характерную особенность: переход от модели, противопоставляющей социалистическое общество капиталистическому (теории «тоталитаризма», «американская исключительность»), к моделям, якобы объединяющим их («теории единого индустриального общества») (стр. 135, 158—160). При

¹ См. А. Н. Яковлев. Идеология американской «империи». Проблемы войны, мира и международных отношений в послевоенной американской буржуазной политической литературе. М. 1967; С. И. Беглов. Монополии слова. М. 1969; В. Н. Келин. Внешняя политика и идеология. Роль идеологии во внешней политике империализма. М. 1969; Г. Б. Хромушин. Развешенные мифы. Критика доктрины «американской исключительности». М. 1969; Г. А. Арбатов. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М. 1970; В. М. Кулаков. Идеология агрессии. М. 1970; Ю. М. Мельников. Внешнеполитические доктрины США. Происхождение и сущность программы «новых рубежей» президента Д. Кеннеди. М. 1970; Е. Д. Моджинская. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М. 1970; П. Н. Федосеев. Коммунизм и философия. М. 1971; А. И. Власов. В конфликте с реальностью. Кризис внешнеполитической пропаганды США. М. 1972; А. В. Валюженич. Внешнеполитическая пропаганда США. Историко-политический очерк. М. 1973; Б. А. Шабалд. Кризис идеологии антикоммунизма. М. 1973; В. Д. Кортунов. Идеология и политика. Битва идей и эволюция идеологических концепций антикоммунизма в 1950—1970 годы. М. 1974.

этом социализм уже не отрицается огульно, как прежде, а признается в качестве одного из вариантов «индустриального общества». Как отмечается в книге, «теория единого индустриального общества» используется как идеологическое обоснование подрывной тактики в отношении развивающихся стран и «мирного проникновения» в социалистические страны. Подлинный смысл политики «мирного проникновения» (которая питалась теориями «эволюции», «конвергенции», «либерализации») раскрылся в ходе чехословацких событий 1968 года.

В конце 60-х годов буржуазные теоретики, как показано в книге, пытались использовать в классовых целях ряд важных явлений современности, в частности научно-техническую революцию. Была выдвинута концепция «мирового сообщества», предусматривающая объединение высокоразвитых капиталистических стран (США, Западной Европы, Японии) для совместной борьбы против мировой социалистической системы и национально-освободительного движения. В обновленном виде культивируется также идея «эволюции» социалистических стран. Если раньше эта «эволюция» мыслилась как результат в основном социально-политических процессов, то теперь утверждается, что она явится следствием научно-технического прогресса.

Наряду с концепциями буржуазно-либерального направления, в которых подлинные цели империализма тщательно замаскированы, представители консервативного и ультраправого направлений по-прежнему твердят о «коммунистической угрозе» и необходимости применения силы. В этих «концепциях» особенно выпукло проявляется преемственность классовых идеологических основ внешней политики империализма.

В разделе, озаглавленном «Новые веяния» (гл. VI), анализируются наиболее распространенные новейшие концепции идеологического обоснования внешней политики империализма. Здесь отмечается, что в условиях, когда мировая система социализма все более становится решающим фактором исторического развития, а система капитализма с ее войнами и эксплуатацией получает осуждение все более широких слоев общественности, правящим империалистическим кругам приходится вносить известные коррективы в свой внешнеполитический курс, учитывать реальную действительность. На идеологическом фронте выявляются в последнее время тенденции

приспособления империализма к современным реальностям. Меняются не только формы защиты и обоснования его внешней политики. В отдельных случаях империализм вынужден идти на уступки и по существу. Именно такой уступкой является признание многими государственными деятелями и буржуазными теоретиками идеи мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Историческое значение имеют в этом отношении советско-американские встречи на высшем уровне.

Автор показывает, как утверждаются ленинские принципы мирного сосуществования, согласно которым неизбежна между двумя противоположными социальными системами классовая борьба на международной арене переводится из плоскости военных столкновений в русло экономического соревнования, сопоставления политических систем и образов жизни, противоборства идеологий. Именно поэтому, а не в силу какого-то присущего им «миролюбия» империалистические страны вынуждены соглашаться на разрядку напряженности. В результате в международных отношениях начался новый этап, который характеризуется переходом от «холодной войны» к налаживанию мирного сосуществования.

Характеризуя кризис буржуазной идеологии, автор констатирует, что теоретики империализма не в состоянии выдвинуть идеи, которые бы действительно отражали объективные закономерности исторического развития и соответствовали бы чаяниям народных масс. Поэтому империализм пытается превратить идеологическую борьбу в «психологическую войну» (стр. 199—202), означающую грубое вмешательство во внутренние дела других государств, что служит одним из источников международной напряженности и угрозы миру.

Книга подводит читателя к заключению: для того, чтобы давать должный отпор идеологическим пронкам империализма, необходимо знать и умело разоблачать аргументацию буржуазных теоретиков. При этом чрезвычайно важно уметь отличать подлинные идеологические классовые основы внешней политики империализма от тех идей и концепций, которые призваны их замаскировать и приукрасить.

В работе А. Е. Куниной подвергнуты научной критике главные концепции внешней политики США ведущих американских буржуазных авторов, прослеживаются их эволюция и трансформация, проанализированы

новейшие попытки обоснования внешней политики империализма. Автор вводит в научный оборот широкий круг источников. Им использованы также работы советских и американских теоретиков. Было бы, правда, желательнее полнее осветить ту критику идеологических концепций империализма, которую дают американские прогрессивные авторы, расширить философский анализ буржуазных теорий и более углубленно раскрыть взаимосвязь концепций американ-

ских и западноевропейских буржуазных идеологов. Следовало бы также подробнее проанализировать идеологические концепции империализма периода между двумя мировыми войнами.

В целом же рецензируемый труд существенно дополняет наши представления об идеологических основах внешней политики империализма, помогает борьбе с буржуазной идеологией.

И. М. Краснов

«Положение и борьба британского рабочего класса». Редакционная коллегия: Н. В. Матковский (отв. редактор), А. Н. Байкова, И. Н. Ундасынов. М. Изд-во «Наука». 1974. 352 стр. Тираж 1 650. Цена 1 руб. 22 коп.

Советское англоведение пополнилось новым трудом по истории британского пролетариата. Авторы¹ в предисловии назвали его книгой очерков. Эти очерки можно рассматривать в двух дополняющих друг друга аспектах: во-первых, в плане характеристики сегодняшнего положения и классовой борьбы пролетариата в этой старейшей стране современного капитализма (кстати, не совсем точно названной в том же предисловии «самой старой капиталистической страной мира») и, во-вторых, в плане сугубо историческом, проливающим, в частности, свет на историю лейборизма. Очерки «Левейбористское движение: сущность, состав, история» и «Эволюция лейборизма 1914—1920 гг.» интересны и свежи своими мыслями, они свидетельствуют о стремлении дать обобщенный взгляд на историю лейборизма (периодизация левого течения, характеристика отдельных этапов эволюции партии). Большинство же очерков посвящено нынешнему дню английско-го рабочего движения современной жизни, труду и борьбе британского пролетариата. Актуальность и политическая важность этой проблематики не вызывают сомнения, особенно в свете событий конца 60-х — начала 70-х годов, когда классовая борьба в Англии впервые после 1926 г. достигла столь высокой степени напряженности.

Авторский коллектив поставил перед со-

бой в качестве главной цели рассмотрение сдвигов, происходящих в наши дни в разных сферах рабочего движения, имея в виду и объективную и субъективную его стороны. Мобилизовав весь арсенал доступных источников, авторы применяют самые различные методы их обработки. Представляется, однако, не совсем удачной формулировка, как бы разграничивающая «исторические методы исследования», с одной стороны, и «экономический и социологический анализ» — с другой, поскольку первые не исключают, а напротив, обязательно предполагают, как нам думается, приемы экономического и социологического изучения.

Структура издания продуманна и удачна. Открывающий книгу раздел «Проблемы социально-экономического развития» создает необходимый фундамент для всего последующего изложения. Очерк «Современные социально-экономические проблемы Великобритании и положение трудящихся» вводит читателя в специфику экономической конъюнктуры Англии с конца 60-х годов, отмеченной девальвацией фунта стерлингов в 1967 г., отказом от традиционной валютной политики с 1972 г., вступлением в «Общий рынок» (1973 г.). Участие в процессе западноевропейской интеграции уже с очевидностью обнаружило свои негативные последствия и в первую очередь инфляционный рост цен. «Объективно сузившиеся возможности социального маневрирования, — делается вывод в очерке, — толкают правящие круги на прямую конфронтацию с рабочим классом и другими отрядами трудящихся» (стр. 12).

¹ Авторский коллектив: А. Н. Байкова, Ф. Э. Бурджалов, Б. И. Дубсон, Л. Е. Кертман, Л. С. Малинский, Н. В. Матковский, М. Е. Орлова, С. П. Перегудов, В. В. Пещанский, Н. М. Степанова, И. Н. Ундасынов.

В этой связи в очерке рассматриваются «политика цен и доходов», которую начало осуществлять лейбористское правительство в 60-е годы, «новый курс» консерваторов, направленный на понижение уровня жизни трудящихся путем перераспределения национального дохода в пользу буржуазии.

В книге охарактеризовано отрицательное влияние политики господствующего класса на положение английских рабочих: рост абсолютных и относительных размеров безработицы, усиление интенсификации труда, «замораживание» уровня реальной заработной платы, введение трехдневной рабочей недели на промышленных предприятиях, «экономия» в государственных расходах на социальные услуги (медицинское обслуживание, образование, жилищное строительство и т. д.). «Закручивание гаек» в области рабочей политики, особенно активно проводившееся консерваторами, вызвало отпор пролетариата, что и явилось одной из причин (если не главной) падения правительства Э. Хита. Пришедшие к власти лейбористы считают своей первоочередной задачей «сведение остроты классового конфликта к возможному минимуму»². К сожалению, этот принципиально важный по своему содержанию очерк слишком лаконичен.

Другой очерк того же раздела фиксирует внимание прежде всего на одном из важных условий социально-экономического статуса английских рабочих — на системе коллективных договоров (кстати, вряд ли верно называть Великобританию безоговорочно «родиной коллективного договора» (стр. 37), подобные соглашения существовали не только в Англии и не только в XIX в., но и, например, в Голландии XVIII века). Как новую тенденцию, которая обозначилась после войны (преимущественно в частном секторе) и продолжается до настоящего времени, автор выделяет децентрализацию коллективного договора (распространение местных соглашений в противовес национальным отраслевым). Эта тенденция обусловлена многими факторами, но с конца 60-х годов немаловажная причина этого явления состоит в повышении активности рядовых трудящихся, в давлении, оказываемом более чем 200-тысячной армией шоп-стюардов на определение условий труда. Однако оценка местных договоров не однозначна. В очерке показан противоречивый характер этих соглашений, раскрывает-

ся механизм воздействия государства с его «политикой доходов» на заключение и функционирование коллективных договоров, прямого государственного вмешательства, рассчитанного, по существу, на ликвидацию права организаций трудящихся защищать интересы своих членов. «Политика доходов» способствует тому, что любое правительство при любых обстоятельствах получает возможность постоянно вмешиваться в переговоры между трудом и капиталом» (стр. 54). В этом плане автором анализируется закон «Об отношениях в промышленности», а также реакция на него в рабочем движении и кампания протеста против этого закона. Заслуживает быть отмеченной следующая мысль: «Рабочее движение в Великобритании достигло такого уровня, что юридические барьеры, которые ставит на пути его развития капиталистическое государство, оказываются в принципе преодолимыми» (стр. 68).

Из проблем социально-экономической структуры английского общества в книге рассматривается вопрос о наемных рабочих нефизического труда, то есть о служащих, «белых воротничках», или, как их называл теоретик и историк лейборизма Дж. Коул, «черных скютуках». В очерке «Служащие и рабочие, направления и пределы социально-экономического сближения» отмечается, что эта тема, чрезвычайно злободневная, дискуссионная и широко обсуждаемая в зарубежной литературе, весьма актуальна в политическом и теоретическом планах «для оценки перспектив общественного развития современного капитализма» (стр. 73) и определения границ и структуры современного рабочего класса в капиталистических странах. Автор исследует положение служащих, особенно из низших слоев, сопоставляет его с условиями жизни и труда «синих воротничков», рассматривает вопрос о степени пролетаризации рядовых наемных работников нефизического труда. По разным показателям прослеживается в очерке степень «проникновения» служащих в социальные пределы рабочего класса. Автор отказывается от крайностей полного отождествления рядовых служащих с рабочими, с одной стороны, и догматического противопоставления их работникам физического труда — с другой. «Пока еще можно говорить скорее о сближении, чем о слиянии двух категорий лиц наемного труда в одну» (стр. 102). Однако, как нам представляется, при сравнении необходимо больше учитывать неод-

² «Financial Times», 8.I.1974.

народность положения различных категорий служащих и рабочих.

Целый комплекс важных вопросов объединен в разделе «Подъем массовой борьбы». Сдвиги в сознании организованных рабочих». Едва ли не центр всей книги составляет материал о стачечном движении британского пролетариата в конце 60-х — начале 70-х годов. Подспудные, далеко не всегда различимые перемены в социально-экономической сфере как бы всплывают на поверхность и зримо ощущаются именно в актах классовой борьбы пролетариата. Автор стремится осмыслить качественные отличия борьбы рабочих на современном этапе (возрастание упорства открытых конфликтов, усиление напряженности битв, повышение эффективности стачек, перерастание экономических забастовок в политические и т. д.). Особый интерес вызывает исследование таких форм экономической борьбы, как «захват» рабочими предприятия и продолжение производственного процесса в принудительном для капиталиста порядке (сначала на судостроительных верфях Клайда, а затем на более чем 100 предприятиях различных отраслей) и подобная же «оккупация» для проведения обычной стачки. Высоко оценивая «оккупационную» тактику, журнал английских коммунистов писал: «Британский рабочий класс как будто стал выше ростом, он расправляет плечи»³. Вместе с тем не остались незамеченными автором и слабые моменты рабочего движения, ставшие традиционными в стране классического тред-юнионизма (цеховая узость, неприятие идеи всеобщей политической стачки, реформистская позиция лидеров БКТ и т. д.).

О повороте влево английского рабочего движения в конце 60-х — начале 70-х годов свидетельствуют не только факты стачечного подъема, но и другие показатели повышения боевитости и политизации профсоюзов: известное ослабление позиций профбюрократии, избрание некоторых левых деятелей на руководящие посты в профсоюзах, отмена многих старых запретов против коммунистов, включение в уставы ряда профсоюзов требования национализации, которую профсоюзные массы рассматривают как составную часть социалистических преобразований. Весьма интересный анализ процесса политизации, тяги членов профсоюзов, роста их интереса к политической жизни, политическим организациям являет-

ся подступом к изучению сложной проблемы сдвигов в сознании британского рабочего класса.

Процесс полевения пролетариата Англии исследуется и в очерке «Сдвиги в рабочем движении и лейбористская партия (конец 60-х — начало 70-х годов)». Новые черты радикализации лейборизма тесно переплетены с изменениями в профсоюзах, в организованном рабочем классе. «Политическим итогом этих новых процессов в профсоюзном движении явилось превращение тред-юнионов из фактора, стабилизирующего и закрепляющего господство правого реформизма в лейбористской партии и рабочем движении, в главный фактор, нарушающий прежнюю стабильность и устойчивость и вызывающий «дрейф» влево» (стр. 256). Автор вполне обоснованно подчеркивает, что груз старых тред-юнионистских традиций еще чрезвычайно велик и преодолеть его по-прежнему нелегко. В условиях обостренной классовой конфронтации, обнаружившейся в последние годы, несоответствие между объективным положением профсоюзов в лейбористской партии, поставляющих основную массу ее членов и обеспечивающих ее финансирование, с одной стороны, и более чем скромным реальным политическим весом тред-юнионов в партии, — с другой, должно было в какой-то, пусть самой минимальной степени поколебаться. В очерке приводятся убедительные данные об усилении роли профсоюзов в партии, об идейно-политической борьбе в ее рядах в связи с нерешенностью проблем взаимоотношений партии и тред-юнионов, о позиции правого крыла лейбористов в новой ситуации и линии поведения левого течения. Материал очерка проливает свет на компромиссную в своей основе программу действий нынешнего лейбористского правительства.

Книга откликается и на животрепещущую проблему Олстера. Большой интерес представляют, в частности, данные о различиях в социально-экономическом статусе рабочих-католиков и протестантов, свидетельствующие о дискриминации первых. Это обстоятельство объясняет, почему именно католическое меньшинство рабочих масс выдвинулось в первые ряды антимонополистической борьбы, в то время как протестантское большинство встречает ожесточенным сопротивлением любое серьезное демократическое преобразование.

Завершает книгу очерк «Коммунистическая партия Великобритании — боевой

³ «Comment», 1971, vol. 9, № 21, p. 338.

авангард английского пролетариата», хотя и в остальных очерках тема компартии также постоянно присутствует. Компартия на нынешнем этапе острой классовой борьбы по-прежнему стремится установить широкое сотрудничество с левыми силами, организовать совместные выступления. Решения последних съездов коммунистов вновь подчеркнули жизненную потребность в объединении всех антимонополистических сил во круг рабочего класса.

Выше отмечены (разумеется, далеко не полно) новые моменты в современном положении и борьбе английских рабочих, которые освещены в книге. Она подводит оп-

ределенные итоги разработки советскими историками и экономистами проблем рабочего движения Великобритании и этим способствует уяснению путей их дальнейшего изучения. На очереди более детальный анализ структуры рабочего класса: положения, настроений и роли неорганизованной в тред-юнионы части пролетариата; влияние, которое оказало на положение пролетариата ослабление позиций британского империализма; социальной психологии пролетариата, морально-идейного облика современного английского рабочего.

Н. М. Мещерякови

НОВЫЕ КНИГИ

В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов 1917—1922 гг. М. Политиздат. 1975. 680 стр., 60 000 экз. 1 руб. 16 коп.

История СССР

Абраменко М. Н. *Низшая профессиональная школа в дореволюционной Белоруссии*. Минск. «Высшая школа». 1975. 62 стр. 1 000 экз. 36 коп.

Абрамов А. *Часовые поста № 1*. Из истории почетного караула у Мавзолея Ленина. 3-е, доп. изд. М. Политиздат. 1975. 95 стр. с илл. 200 000 экз. 19 коп.

Аракелян М. А. *Историческая победа*. К 30-летию победы Советской Армии над фашизмом. Ереван. Изд-во Ереванского ун-та. 1975. 254 стр. 2 000 экз. 80 коп.

Археологические памятники Прииссыкулья. Фрунзе. «Илим». 1975. 176 стр. 1 000 экз. 68 коп.

Бабалашвили И. П. *Вклад Грузии в общее дело победы над фашизмом*. 1941—1945 годы. Тбилиси. «Мецниереба». 1975. 286 стр. с илл. 5 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Бессмертная слава. Сборник статей. Сост. Б. С. Прахье. Одесса. «Маяк». 1975. 240 стр. с илл. 75 000 экз. 56 коп.— К 30-летию освобождения Одессы.

Буганов В. И. *Отечественная историография русского летописания*. Обзор советской литературы. М. «Наука». 1975. 344 стр. 4 000 экз. 1 руб. 39 коп.

Васильева Л. М. *Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века*. Историографический очерк. Орджоникидзе. «Ир». 1975. 174 стр. 1 500 экз. 59 коп.

Волгин В. П. *Очерки истории социалистических идей*. С древности до конца XVIII в. М. «Наука». 1975. 295 стр. 4 300 экз. 1 руб. 48 коп.

Георгиев В. А. *Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30—*

начале 40-х годов XIX в. М. Изд-во Московского ун-та. 1975. 200 стр. 2 365 экз. 90 коп.

Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков. 1941—1945 гг.: 5-е, испр. и доп. изд. М. Политиздат. 1975. 512 стр. с илл. 300 000 экз. 80 коп.

Год 1941. Юго-Западный фронт. Воспоминания, очерки, документы. Изд. 2-е, доп. Львов. «Каменяр». 1975. 351 стр. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 15 коп.

Гушин А. *Осенние гвардейским стягом*. М. «Молодая гвардия». 1975. 126 стр. с илл. (Серия «Честь. Отвага. Мужество»). 200 000 экз. 17 коп.— Воспоминания бывшего командира крейсера «Красный Кавказ».

Дробышевский Л. *На берегу Нарвы*. 2-е, доп. изд. М. «Московский рабочий». 1975. 151 стр. 30 000 экз. 26 коп.

Егоров М., Кантария М. *Знамя Победы*. Бой первый—бой последний. М. «Молодая гвардия». 1975. 112 стр. с илл. 100 000 экз. 30 коп.— Воспоминания Героев Советского Союза, водрузивших знамя Победы над рейхстагом.

Жуйков Г. С. *Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда»*. Л. Лениздат. 1975. 328 стр. 5 000 экз. 56 коп.

Занин В. А. *Ленинское учение о революционно-демократической диктатуре и Советы*. Большевики Северного Кавказа в борьбе за установление демократической власти и социалистического народовластия Советов. Краснодар. Книжн. изд-во. 1975. 272 стр. 2 000 экз. 90 коп.

Зубов Н. *Первый председатель Малого Совнаркома*. Предисл. Т. Ф. Людвиной. М. «Сов. Россия». 1975. 239 стр. 50 000 экз. 50 коп.— Книга об одном из ближайших помощников В. И. Ленина, М. Ю. Козловском.

Игнатъев Г. С. *Москва в первый*

год пролетарской диктатуры. М. «Наука». 1975. 379 стр. с илл. 2 900 экз. 1 руб. 49 коп.

Ильин С. *Как нас обнимала гроза...* Алма-Ата. «Казахстан». 1975. 119 стр. 26 000 экз. 16 коп.— Воспоминания комсомольца 20-х годов.

Исаков И. *Звезды славы Киргизии*. О полных кавалерах ордена Славы. Фрунзе. «Кыргызстан». 1975. 204 стр. с илл. 7 000 экз. 35 коп.

Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов. Нальчик. «Эльбрус». 1975. 796 стр. с илл. 2 000 экз. 1 руб. 64 коп.

Корешкова З. Н. *Советские женщины на трудовом фронте Великой Отечественной войны*. На материалах Саратовского Поволжья. Саратов. Изд-во Саратов. ун-та. 1975. 40 стр. 1 000 экз. 7 коп.

Кострикин В. И. *Земельные комитеты в 1917 году*. М. «Наука». 1975. 336 стр. 1 750 экз. 1 руб. 20 коп.

Кузнецов Н. Г. *Курсом к победе*. М. Воениздат 1975. 510 стр. с илл. (Военные мемуары). 200 000 экз. 1 руб. 29 коп.

Леонов В. *Уроки мужества*. М. «Молодая гвардия». 1975. 80 стр. с илл. 100 000 экз. 16 коп.— Воспоминания фронтового разведчика, дважды Героя Советского Союза.

Лисовский Н. К. *Долой самодержавие*. 1905 год на Южном Урале. Челябинск. Южно-Уральское книжн. изд-во. 1975. 237 стр. 7 000 экз. 21 коп.

Люди нарочанского края. Воспоминания участников революционной борьбы и Великой Отечественной войны. Предисл. А. И. Залесского. Минск. «Беларусь». 1975. 589 стр. с илл. 75 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Ляпунова Р. Г. *Очерки по этнографии алеутов*. Конец XVIII—первая половина XIX в. Л. «Наука», Ленингр. отд-ние. 1975. 200 стр. с илл. 1 300 экз. 1 руб. 20 коп.

Малафеев Л. Ф. *Свет Октября и тени антикоммунизма*. Свердловск. Средне-Уральское книжн. изд-во. 1975. 216 стр. 3 000 экз. 39 коп.

Мельников А. Б. *Хранитель партийных тайн*. Очерк жизни и деятельности С. И. Радченко. М. Политиздат. 1975. 168 стр. с илл. 100 000 экз. 40 коп.

Молдавия в эпоху феодализма. Т. 7. Ч. 1. Переписи населения Молдавии. 1772—1773 и 1774 гг. Сост., вступил. статья П. Г. Дмитриева. Кишинев. «Штинца». 1975. 606 стр. 1 000 экз. 5 руб. 52 коп.

Мордовия в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Материалы к 30-летию Победы над фашистской Германией. Саранск. Мордовское книжн. изд-во. 1975. 119 стр. 2 000 экз. 14 коп.

Намазов Д. Н., Хасанов Х. И., Шукуров Н. Г. *Развитие народного хозяйства и культуры Бухарской области*. Ташкент. «Фан». 1975. 128 стр. 2 000 экз. 90 коп.

Народные мстители. Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. Предисл. В. Е. Быстрова. Изд. 2-е,

перераб. и доп. Воронеж. Центр.-Черноземное книжн. изд-во. 1975. 207 стр. с илл. 30 000 экз. 51 коп.

Ольховский Е. Р. *Ленинская «Искра» в Петербурге*. Л. Лениздат. 1975. 359 стр. с илл. 10 000 экз. 57 коп.

Оразов К. Ю. *Рабочий класс Казахстана в Великой Отечественной войне*. Алма-Ата. «Наука», Каз.ССР. 1975. 133 стр. с илл. 3 300 экз. 57 коп.

Панеях В. М. *Холопство в XVI—начале XVII века*. Л. «Наука», Ленингр. отд-ние. 1975. 268 стр. 3 300 экз. 1 руб. 43 коп.

Поглубко К. А. *В борьбе кавалось братство*. Кишинев. «Карта молдовеняскэ». 1975. 111 стр. 3 000 экз. 14 коп.

Поляков Ю. А. *1921-й: победа над голодом*. М. Политиздат. 1975. 112 стр. с илл. (Серия «Страницы истории Советской Родины»). 100 000 экз. 18 коп.

Порицкий В. А. *Ленинский Декрет о земле и его буржуазные критики*. М. «Мысль». 1975. 126 стр. 7 000 экз. 60 коп.

Пособие по истории СССР для поступающих в вузы. Изд. 2-е, испр. и доп. М. Изд-во Моск. ун-та. 1975. 200 000 экз. Ч. 1, 192 стр. 45 коп. Ч. 2, 112 стр. 27 коп.

50 лет с именем Ленина. Кишинев. Изд-во ЦК КП Молдавии. 1975. 112 стр. 5 000 экз. 15 коп.

Романовский В. Ф. *Против фальсификации истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны*. Минск. «Наука и техника». 1975. 127 стр. 6 000 экз. 46 коп.

Ростков А. *Первые гвардейцы-танкисты*. Предисл. М. Каткуова. М. «Моск. рабочий». 1975. 351 стр. с илл. 50 000 экз. 61 коп.

Руководство Компартии Узбекистана коммунистическим воспитанием. Ч. 1. Ташкент. «Фан». 1975. 283 стр. 2 000 экз. 2 руб. 28 коп.

Семенов Л. С. *Россия и Англия*. Экономические отношения в середине XIX в. Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1975. 165 стр. 2 070 экз. 88 коп.

Силин А. С. М. И. Калинин на Воронежской земле. Воронеж. Центрально-Черноземное книжн. изд-во. 1975. 157 стр. с илл. 10 000 экз. 46 коп.

Синицын А. М. *Всенародная помощь фронту*. О патристическом движении советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М. Воениздат. 1975. 341 стр. 30 000 экз. 78 коп.

Советско-чехословацкие отношения. 1961—1971. Документы и материалы. М. Политиздат. 1975. 703 стр. 1 руб. 89 коп.

Солдатские звезды. Очерки о кавалерах ордена Славы. Саранск. Мордов. книжн. изд-во. 1975. 198 стр. 3 000 экз. 39 коп.

Степanian С. *Армения в политике империалистической Германии*. Конец XIX—начало XX века. Ереван. «Айастан». 1975. 244 стр. 5 000 экз. 91 коп.

Сульженко И. Г. *Чоювцы*. Страницы из жизни пишпекских комсомольцев двадцатых годов. Фрунзе. «Кыргызстан». 1975. 144 стр. 10 000 экз. 23 коп

Тастанов Ш. Ю. *Советский опыт формирования и развития интеллигенции ранее отсталых народов*. Алма-Ата. «Казахстан». 1975. 200 стр. 5 500 экз. 82 коп.

Томан Б. А. *За свободную Россию, за свободную Латвию*. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти. М. Политиздат. 1975. 296 стр. 50 000 экз. 1 руб. 23 коп.

Тюленев И. В. *Крах операции «Эдельвейс»*. Предисл. Г. Жукова. Орджоникидзе. «Ир». 1975. 176 стр. с илл. 40 000 экз. 34 коп.

Хлебников Н. М., Евлампиев П. С., Володихин Я. А. *Легендарная Чапаевская*. Изд. 3-е, доп. М. «Знание». 1975. 430 стр. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 14 коп.

Царанов В. И. *По пути индустриализации*. Осуществление социалистической индустриализации и дальнейшее развитие промышленности Молдавской ССР. Кишинев. «Штиинца». 1975. 329 стр. 1 450 экз. 1 руб. 70 коп.

Царев А. *Здесь жил Александр Матросов*. Биограф. очерк. Саратов. Приволж. книжн. изд.-во. Ульянов. отд.-ние. 1975. 40 стр. с илл. 50 000 экз. 10 коп.

Шпак А. А. *Подвиг юности*. Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне. Изд. 3-е, испр. и доп. Петрозаводск. Карелия. 1975. 247 стр. с илл. 10 000 экз. 40 коп.

Всеобщая история

Борьба за освобождение португальских колоний в Африке. 1961—1973. Сборник статей. М. «Наука». 1975. 304 стр. 2 200 экз. 2 руб. 10 коп.

История и экономика стран Арабского Востока и Северной Африки. Сборник ста-

тей. М. «Наука». 1975. 395 стр. 2 800 экз. 2 руб. 68 коп.

Манчха П. И. *В авангарде революционно-освободительной борьбы в Африке*. М. Политиздат. 1975. 254 стр. 15 000 экз. 1 руб. 3 коп.

Поспелов Б. В. *Японская общественно-политическая мысль и маоизм*. Критика антимарксистских концепций сущности маоизма. М. «Наука». 1975. 224 стр. 6 200 экз. 72 коп.

Шумовский Т. А. *У моря арабистки*. По страницам памяти и неизданных документов. М. «Наука». 1975. 344 стр. 10 000 экз. 1 руб. 17 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Дэвидсон Б. *Африканцы*. Введение в историю культуры. Пер. с англ. Отв. ред. и авт. предисл. В. Б. Иорданский. М. «Наука». 1975. 279 стр. 7 800 экз. 1 руб. 42 коп.

Коньо Ж., Жоанес В. *Морис Торез — человек, борец*. Пер. с франц. Предисл. Ж. Марше. М. «Прогресс». 1975. 160 стр. 48 коп.

Уоддис Д. *«Новые» теории революции*. Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе. Пер. с англ. Общ. ред. и предисл. Ю. А. Красина. М. «Прогресс». 1975. 521 стр. 13 000 экз. 2 руб. 3 коп.

Установления о соли и чае. Пер. с кит., вступит. статья Н. П. Свистуновой. М. «Наука». 1975. 279 стр. 1 500 экз. 1 руб. 72 коп.— Источник по истории средневекового Китая.

Хаджиниколов В. *Георгий Димитров и советская общественность. 1934—1945*. Сокр. пер. с болг. М. «Прогресс». 1975. 295 стр. с илл. 93 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Народы Азии и Африки» № 3, 1975. Тридцатилетие великой Победы; Ю. Г. Александров. Крестьянство развивающихся стран Азии и Северной Африки как общественный класс; В. Г. Гельбрас. Извращение маоистами вопросов социалистического строительства; Г. Н. Вейц, Ю. В. Маретин, С. И. Тюльпанов, В. Л. Шейнис. Актуальные проблемы стран Азии и Африки (в связи с выходом в свет труда «Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран»); А. Ф. Миллер. Революция 1908 г. в Турции и Мустафа Кемаль; В. В. Черновская. Офицерский корпус Египта как социальная группа (1850—1952); Л. Д. Спекторов. Частновладельческие земли в Камбодже (середина XIX в.).

«Проблемы Дальнего Востока» № 1, 1975. М. В. Михайлова. Принципы Бандунга

и великодержавный курс КНР в «третьем мире»; В. С. Ольгин. Экспансионизм в пограничной политике Пекина; Е. А. Григорьева, Е. Д. Костинов. Спекуляции маоистов понятием «неравноправный договор»; И. П. Беляев. Африканская политика Пекина; И. Гетель. Современные тенденции развития Южной Кореи и их воздействие на ее внешнюю политику; Г. Хидаши. Об антимарксистской сущности маоизма; В. Я. Сидихменов. Научный коммунизм и его фальсификаторы; В. И. Глунин. О роли пролетариата в китайской революции (к 50-летию IV съезда КПК); С. И. Иваншин, И. А. Осотов. Народ Вьетнама в борьбе за выполнение Парижского соглашения; В. М. Алексеев. Китайская история в Китае и в Европе; Л. З. Эйдлин. Несколько замечаний к статье академика В. М. Алексеева; С. А. Далин. Китайские мемуары;

П. Е. Скачков. «Бичуринский период» русской синологии.

«Советская этнография» № 3, 1975. Бесмертный подвиг советского народа; В. К. Соколова. Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны; Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования); М. Я. Жорницкая. Отражение в современном хореографическом искусстве этнокультурных связей в СССР; Г. С. Маслова. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник; Н. Л. Сухачев. Лингвоэтнографические атласы романских языков; В. Н. Вологодина. Языковая ситуация в Гане; И. В. Мордасова. Разложение родового строя и формирование фаталистических представлений (социально-психологический аспект); А. В. Чернецов. К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий; Б. Н. Комиссаров. Этнографические исследования академика Г. И. Лангсдорфа; В. П. Курyleв. Материалы по земледелию казахов Мангышлака в конце XIX—начале XX в. (к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана); Т. Ташбаева. Из истории аренды (нжора) и товаризма (ширкат) в сельском хозяйстве дофеодалного Узбекистана; Н. Ф. Мокшин. Вторые имена у мордвы; В. А. Троицкий. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке; Э. В. Померанцева. Ярилки.

«Вестник древней истории» № 2, 1975. Н. В. Козырева. Сельская округа в государстве Ларса; Г. А. Меликишвили. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ; И. В. Пьянков. Массегеты Геродота; **К. В. Голенко**. А. М. Раджабли. Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье; И. Ш. Шифман. Угаретский юбилей; Г. Т. Залюбовина. Политическая борьба в Афинах в 403—387 гг. до н. э.; В. В. Вальченко. Исангелия в деле Леократа; А. Г. Лундин. «Дочери бога» в южноаравских надписях и в Коране; С. В. Шкунаев. Раннеирландское общество и его отражение в законах.

«Украинский исторический журнал» № 5, 1975. А. Д. Скаба. СССР—защитник мира, свободы и безопасности народов; П. П. Гудзенко, С. В. Кульчицкий. Формирование единого народнохозяйственного комплекса СССР; А. В. Санцевич. Исследования истории Украинской ССР периода развитого социализма (1959—1975 гг.); Н. П. Савичев. В. И. Ленин о первых русских революционерах; Н. Ф. Хорошайлов. Коммунистическая партия во главе восстановления народного хозяйства Советской Украины; Г. М. Езикян. Братская помощь железнодорожников Закавказья Украинской ССР (1943—1945 гг.); Д. Ф. Григорович. Величие победы и бессилие фальсификаторов; В. В. Иваненко. Деятельность организаций

МОПР Украинской ССР по интернациональному воспитанию трудящихся (1933—1937 гг.); В. А. Нерод. Солидарность трудящихся УССР с политическими заключенными капиталистической Польши (1929—1933); П. А. Сорока. Деятельность партийных организаций по подбору, расстановке и воспитанию специалистов сельского хозяйства (1966—1970 гг.); В. М. Костах. Патриотическое и интернациональное воспитание молодежи республики (1959—1970 гг.).

«Украинский исторический журнал» № 6, 1975. В. Е. Романцов. Рабочий класс Украинской ССР в период развитого социализма; Ю. В. Бабко, М. Г. Безпалко. Создание и развитие партийных органов пропаганды (1920—1941 гг.); А. К. Волощенко, О. А. Парасунько. Первая пролетарская организация в России; В. И. Стрельский. Отбор фактов при историческом исследовании в свете ленинской теории познания; Н. Ф. Вилков. Коммунистическая партия—организатор массовой подготовки боевых резервов для фронта; Д. Н. Клыченко. Боевое содружество войск с партизанами и подпольщиками при освобождении Правобережной Украины; С. Я. Елисаветский. Участие иммигрантов во французском движении сопротивления (1943 г.); С. В. Виднянский. Руководящая и организующая роль КПЧ в консолидации профсоюзного движения Чехословакии (апрель 1969 г.—июнь 1972 г.); Р. Д. Кайда. Социально-экономические последствия социалистической индустриализации в Польской Народной Республике (1950—1955 гг.); Г. И. Чернявский. Крах заговора русских белогвардейцев в Болгарии; Г. Я. Буртяк. Печать, радио, телевидение и совершенствование партийной информации в годы восьмой пятилетки (на материалах Украинской ССР); С. Т. Василенко, И. М. Горват. Осуществление ленинского кооперативного плана на Закарпатье; И. Г. Шульга. Из истории экономических связей Украины с Молдавией во второй половине XVIII в.

«Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук» № 6, вып. 2, 1975. П. А. Жилин. Всемирно-историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне; Н. И. Кузнецов, Р. П. Елизарьева. Об эвакуации промышленных предприятий в Восточную Сибирь в годы Великой Отечественной войны; М. М. Ефимкин. Динамика изменений источников и форм пополнения рабочего класса в период развитого социализма; И. Ф. Масленников. Образование Сибирского областного управления Народного комиссариата внешней торговли; В. И. Шикин. Участие Красной Армии в советском строительстве в Сибири (конец 1919—начало 1920 гг.); М. В. Шилковский. О периодизации истории областного движения в Сибири; С. В. Копылова. Тобольский архитектор Федор Уткин; Н. Н. Покровский. К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков».

«Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук» № 2, 1975.

Т. Б. Балакаев. Вклад трудящихся Казахстана в разгром гитлеровской Германии; П. С. Белан, В. Н. Даренко. Воин и ученый (страницы биографии адмирала Л. А. Владимирского); В. И. Белоглазов, Е. Ш. Ибраев. Коммунисты Южного Казахстана в борьбе за развитие цветной металлургии (1941—1945 гг.); Из летописи героической борьбы (к 30-летию Победы Союза ССР в Великой Отечественной войне. Подборка документов); С. Б. Баишев. Строительство материально-технической базы — главная черта развитого социализма; Ф. К. Михайлов. Новый этап в развитии сельского хозяйства (к 10-летию мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС); Т. Омаров. Борьба за технический прогресс в легкой и пищевой промышленности Казахстана (1946—1958 гг.); А. Х. Айдов. Из опыта партийного руководства комсомолом Казахстана (1966—1970 гг.); Р. В. Короткевич. Некапиталистический путь развития в Гвинейской Республике.

«Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук № 3, 1975. К. Ш. Мусабеков. О мерах укрепления колхозного производства в Казахстане; Т. С. Садыков. О распространении передового производственного опыта на предприятиях легкой промышленности Казахстана (1966—1970 гг.).

«Общественные науки в Узбекистане» № 4, 1975. Н. Н. Юсупов. Торжество ленинских идей социалистического соревнования; Х. Латыпова. О роли Ленинского комсомола в системе политической организации развитого социалистического общества; Д. И. Икрамова. О сотрудничестве Узбекской ССР с ЮНЕСКО.

«Сборник статей» Казанского университета. 1974. Революционно-освободительное движение в XIX—XX вв. в Поволжье и Приуралье. Л. П. Бурмистрова. Газета «Очерки» как отражение разночинно-демократического направления в периодике начала 60-х годов XIX века (по материалам раздела «Разные известия»); Н. М. Файзуллина. Расчетная книжка рабочего как исторический источник (на примере бр. Крестовниковых); С. И. Хасанова. К вопросу об изучении интеллигенции дореволюционной России; Р. И. Нафигов. Из истории полемики марксистов с либеральными народниками (по материалам «Волжского вестника» конца 80-х — начала 90-х годов XIX в.); А. А. Элерт. Из истории общественно-политической борьбы в Казанской губернии на выборах в первую Государственную думу; А. Г. Циунчук. О распространении марксистско-ленинской литературы в Поволжье и на Урале в годы реакции (1907—1910 гг.).

«Этнографический сборник» Сибирского отделения Академии наук СССР. Бурятский филиал. Вып. 6. Улан-Удэ. 1974. М. Н. Мельхеев. Карты расселения и перемещения бурятских родоплеменных групп по данным топо- и этнонимии; К. Д. Басаев. Традиционные обычаи и обряды западных бурят, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка; А. С. Шубин. К вопросу об этнографических осо-

бенностях в материальной культуре эвенков Севера Бурятии; Д. Г. Дамдинов. Закаменские (армакские) хамниганы; Ф. Ф. Болонев. Хозяйственные и бытовые связи семейских с местным и пришлым населением Бурятии в XIX и начале XX века; В. И. Кузнецов. Аларские события; М. М. Шмулевич. К истории крестьянской колонизации и возникновения русских сел в Западном Забайкалье в XVIII — первой половине XIX века; Л. В. Машанова. Из истории промыслов Забайкалья конца XVII — начала XVIII века; Н. В. Ким. К биографии Доржи Банзарова; Э. Г. Лосева. К вопросу о двуязычии у бурят; А. Д. Жалсараев. Некоторые предварительные итоги исследования национального самосознания подростков в национально-смешанных семьях; А. А. Плишкина. О культурной жизни советского села (по материалам Бурятской АССР); В. В. Беликов. Социально-профессиональный состав работников совхоза «Кижингинский»; В. П. Мотицкий. Социалистические преобразования и массовый отход русского (семейского) населения Забайкалья от религии (1923—1937 годы); В. Т. Кравцов. Троицкосавская большевистская организация в борьбе против белогвардейцев и интервентов (август 1918 — март 1920 гг.); Л. Г. Ивашина. Материалы к археологии Еравнинской котловины Бурятской АССР; П. Б. Коновалов. О погребальном обряде хунну; П. Б. Коновалов. Раскопки курганов хуннской знати в Ильмовой пади; Е. А. Хамзина. Ранние погребения в Онкулях (долина реки Баргузин).

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971». Вильнюс. 1974. Ю. М. Юргинис. Крестьянские восстания в феодальной Литве; Б. Г. Литвак. Об изучении документов предводителей крестьянских восстаний; Г. В. Абрамович. К вопросу о степени достоверности писцовых книг XVI в. и методике ее установления; В. С. Гольц. Документация массовых отводов конца XVI — начала XVII вв. как исторический источник (по материалам отводных книг по Уфе); Я. Е. Водарский. Сводные источники о земельных угодьях у дворцовых крестьян в конце XVII в. и опыт реконструкции данных о количестве пахотной земли и сенокосов; М. Ф. Спиридонов. Застава — закуп земли государственными крестьянами Белоруссии в XVI в.; В. Д. Назаров, Ю. А. Тихонов. Помещичье имение в России в первой половине XVII в. (Основные демографические и хозяйственные черты); А. А. Зимин. К итогам изучения истории Первой Крестьянской войны в России; Л. П. Лаптева. Классовая борьба чешских крестьян в первой половине XVI в.; П. А. Колесников. Типологическая классификация и группировка земельных угодий в период позднего феодализма (к вопросу о хозяйственной колонизации земель в Русском государстве); М. А. Ючас. Особенности аграрного развития Литвы в XVII—XVIII вв.; П. Г. Козловский. Типы хозяйства и рабочая сила в магнатских поместьях Западной и Центральной

Белоруссии во второй половине XVIII в.; В. И. Мелешко. Военные разорения и восстановление сельского хозяйства на востоке Белоруссии во второй половине XVII — первой половине XVIII в.; М. Д. Рабинович. Одинодворцы в первой половине XVIII в.; А. Г. Маньков. Крепостное законодательство в России в первой четверти XVIII в. (по материалам проекта Уложения 1720—1725 гг.); А. М. Шабанова. Борьба крестьян Александровской Свирской вотчины в первой половине XVIII в.; Е. И. Рубянский. Отклики пугачевского движения в Калужском крае; Н. Н. Покровский. Представления крестьян-старообрядцев Урала и Сибири XVIII в. о светских властях; С. А. Чекименев. Социальные отношения и классовая борьба казачества и крестьянства в Предкавказье в конце XVIII — первой половине XIX в.; В. И. Крутиков. Душевладение и землевладение помещиков Тульской губернии в XVIII — начале XX в.; Л. П. Мулявичюс. К вопросу об изучении истории крестьянских сервитутов; В. Н. Ратушняк. Земельный фонд Кубанской области его распределение в период капитализма; И. Н. Емельянов. Земельный фонд Орловской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции; С. Л. Берлин. Крестьянская аренда земли в Московской губернии конца XIX — начала XX в.; В. И. Пронин. Земельная аренда и арендные отношения в Калужской губернии в конце XIX — начале XX века; Н. И. Удовенко. Рост сельского хозяйства и связь его с развитием железнодорожного транспорта в период капитализма на Северном Кавказе; А. П. Ефременко. Об аграрно-капиталистической эволюции в Литве; С. Я. Боровой, А. С. Коцневский. К вопросу о капиталистической эволюции южноукраинского села в пореформенный период; Д. И. Будаев, Г. Т. Рябов. К вопросу о формировании сельской буржуазии в XIX — начале XX в. (по материалам Смоленской губернии); Л. И. Фурорянский. Расслоение казачьих хозяйств в конце XIX — начале XX в.; Л. П. Минарик. О связях крупных земельных собственников России с промышленностью к началу XX в.; Л. Н. Алексашкина. Социально-экономическое положение чешских крестьян накануне революции 1848—1849 гг.; Х. П. Строд. Цензура на страже феодальных аграрных отношений в Прибалтике в конце XVIII и первой половине XIX в.; Н. Н. Лещенко. Основные этапы, направленность и формы классовой борьбы в украинской деревне в эпоху до монополистического капитализма; В. А. Виноградов, Е. К. Розов. Об источниковедческой базе изучения кре-

стьянского движения (по материалам фондов Калининского, Новгородского государственных областных архивов); Ю. И. Смыков. Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 60—90-х годах XIX в. (к вопросу о методике его статистического изучения); В. А. Степынин. Об участии бывших государственных крестьян в революции 1905—1907 гг. (по материалам Воронежской губернии); С. Д. Зака. Русская поземельная община второй половины XIX в. в трудах Маркса и Энгельса; П. Н. Зырянов. Некоторые черты эволюции крестьянского «мира» в пореформенную эпоху; М. М. Громыко. Община в обычном праве сибирских крестьян 70-х годов XIX в.; С. О. Шмидт. Церковноприходские летописи как источник по истории русской деревни.

«История и историки». Историографический ежегодник. 1973. М. 1975. Т. А. Игнатенко. Изучение истории рабочего класса СССР в Институте истории Коммунистической академии при ЦИК СССР; Н. В. Романовский. Историография июльских событий 1917 г. в Петрограде; Г. З. Иоффе. Некоторые вопросы критики буржуазной историографии Октября в советской исторической литературе; Г. П. Махнова. К истории журнала «Красный архив»; Ю. М. Критский. Эпистолярное наследие историков как историографический источник (середина XIX в.—1917 г.); В. Г. Сироткин. А. Н. Шебунин — историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в.; В. А. Муравьев. Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в древней Руси; М. Г. Вандалковская. В. Е. Чехихин-Ветринский — историк русской общественной мысли и освободительного движения; Р. А. Киреева. А. Л. Иконникова и ее записи по историографии; Б. Г. Могилянский. П. Г. Виноградов как историк исторической науки; Г. А. Невелев. История декабристов в трудах В. И. Семевского; Е. Н. Городецкой. Из истории первых шагов Комиссии по истории партии и Октябрьской революции (Испарт) (Выступление М. С. Ольминского на заседании Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов 7 октября 1920 г. Публикация); М. А. Алпатов, Ю. Н. Емельянов. О мемуарах М. М. Ковалевского «Моя жизнь»; М. М. Ковалевский. «Моя жизнь» (публикация); А. И. Юхт. Из наследия В. Н. Тащицева (материалы об экономическом положении Швеции в первой четверти XVIII в.); А. Е. Москаленко, И. Н. Осиновский. В. Ф. Семенов (1896—1973) и его научно-педагогическая деятельность.

Хроникальные заметки

◆ Институт марксизма-ленинизма при ЦК КГСС, Академия наук СССР, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая партийная школа при ЦК КПСС провели 4 и 7 июля 1975 г. в Москве научную конференцию «Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, социальное и национальное освобождение (к 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала)». Конференцию открыл вице-президент АН СССР акад. П. Н. Федосеев. Вступительное слово произнес член Политбюро, Секретарь ЦК КПСС М. А. Суслев. С докладом «Коммунисты в борьбе против фашизма и войны, за мир, демократию и социализм» выступил кандидат в члены Политбюро, Секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. Доклад «Коммунистическое движение о роли Советского Союза как центра притяжения всех революционных и демократических сил» сделал директор ИМЛ при ЦК КПСС акад. А. Г. Егоров. В докладе А. И. Соболева главное внимание было уделено возрастающей роли рабочего класса и коммунистических партий в современных условиях. С докладом «Борьба рабочего класса и его союзников в условиях обострения общего кризиса капитализма» выступил директор Института международного рабочего движения АН СССР чл.-корр. АН СССР Т. Т. Тимофеев. В докладе В. В. Загладина подчеркивалось, что VII конгресс был примером того, как коллективная мысль коммунистов дала глубокий анализ новой обстановки, сложившейся в мире к середине 30-х годов, и сделала на этой основе конструктивные выводы. Актуальным проблемам развития рабочего класса был посвящен доклад Р. И. Косолапова. На конференции работали секции: «Коммунистическое движение в борьбе за единство всех революционных и демократических сил», «Новые явления в мировом развитии и новые возможности рабочего движения, всех антиимпериалистических сил».

◆ 90-летию со дня рождения выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Я. М. Свердлова было посвящено торжественное собрание 10 июня 1975 г. в ИМЛ при ЦК КПСС. На собрании присутствовали представители института, Центрального музея Революции СССР, ветераны партии, деятели науки и культуры, члены семьи Я. М. Свердлова. С докладом о важнейших этапах революционной деятельности Я. М. Свердлова выступил заместитель директора ИМЛ А. А. Соловьев. Об организаторском таланте, партийной и государственной деятельности революционера-ленинца говорили другие участники собрания.

◆ С 23 по 25 июня с. г. в Москве была проведена международная конференция «Принципы мирного сосуществования в истории международных отношений». Ее организовали институты всеобщей истории,

славяноведения и балканистики, экономики мировой социалистической системы АН СССР, а также Советский комитет за европейскую безопасность и сотрудничество и Советский комитет защиты мира. В конференции приняли участие научные сотрудники упомянутых академических институтов, а также Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, Института общественных наук при ЦК КПСС, Дипломатической академии МИД СССР, работники МИД СССР, ученые из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Великобритании, ФРГ, Финляндии и Франции. Конференцию открыл директор Института всеобщей истории АН СССР акад. Е. М. Жуков; участник конференции приветствовал первый заместитель председателя Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество Н. А. Панков. Всего на конференции выступили 28 человек. В дискуссии затрагивались различные аспекты политики мирного сосуществования в период между мировыми войнами и в послевоенное время.

◆ 30 мая 1975 г. в Московском государственном историко-архивном институте состоялось заседание, посвященное 25-летию научного студенческого кружка источниковедения истории СССР. Вступительное слово произнес научный руководитель кружка, председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт. С докладами выступили: С. А. Морозов — «Деятельность кружка в 1970—1975 гг.»; С. В. Чирков — «Научная работа участников кружка»; С. М. Каштанов — «Кружку источниковедения — четверть века». Собравшихся приветствовали представители Главного архивного управления при Совете Министров СССР, учреждений АН СССР, преподаватели МГИАИ, ветераны кружка. Кружок награжден грамотой МК ВЛКСМ. В адрес кружка поступили приветствия академиков Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, газеты «Комсомольская правда», научных учреждений и вузов. В связи с юбилеем готовится к изданию сборник научных работ участников кружка.

◆ Кафедра истории СССР Ивановского университета провела 13—15 мая с. г. зональную научную конференцию «Рабочий класс и Советы в первой русской революции», посвященную 70-летию первой русской революции и первого в России общегородского Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов. В ней приняли участие работники кафедр истории СССР Ярославского, Горьковского, Кировского, Костромского пединститутов, Калининского университета и сотрудники Института истории СССР АН СССР. Конференция заслушала 17 докладов. С докладами выступили: Н. Н. Демочкин — «Революционное творчество рабочего класса в создании Советов в 1905 году»; И. М. Пушкарева — «Советы рабочих депутатов. Изуче-

ние в советской исторической науке и задачи дальнейшего исследования»; Ю. И. Кирьянов — «Положение рабочего класса России накануне революции 1905—1907 гг.»; Ю. А. Якобсон (Иваново) — «Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 года»; М. М. Бизяева (Иваново) — «Иваново-вознесенские женщины-работницы в революции 1905—1907 гг.»; А. В. Шипулина (Иваново) — «Иваново-вознесенский Совет рабочих депутатов в исторической литературе»; М. Н. Белов (Кострома) — о революционной борьбе рабочих Костромской губернии в 1905 г.; П. Н. Дружинин (Ярославль) — о стачечной борьбе ярославских рабочих; Е. И. Кирюхина (Киров) — о революционных связях иваново-вознесенских и вятских рабочих в начале XX в.; Н. С. Воскресенская (Калинин) — об организационном и политическом руководстве рабочего класса крестьянским движением в Тверской губернии в период революции 1905—1907 гг. и другие.

◆ В Риге в мае 1975 г. проходила научно-теоретическая конференция, посвященная 35-летию восстановления Советской власти в Прибалтике: «Развитие духовной жизни советских наций в условиях развитого социализма». Тема, обсуждавшаяся на первой секции, — «Некоторые методологические проблемы развития духовной жизни советских наций». Здесь рассматривались доклады о духовной общности национальных культур в странах социалистического содружества, о некоторых аспектах изучения процесса становления новой исторической общности людей — советского народа (по материалам Эстонской ССР), о советском народе как межнациональной общности социалистических наций. Обсуждены были также такие вопросы, как советский патриотизм и его интернационалистская сущность, Советские Вооруженные Силы — школа интернационализма и др. С докладами выступили А. И. Арнольдков, чл.-корр. АН ЭССР Ю. Ю. Кяхк, А. И. Холмогоров (Рига), И. К. Апине (Рига), М. А. Свердлов (Волгоград) и др. Вторая секция конференции избрала темой работы культурные, языковые и бытовые стороны жизни советских наций. Здесь выступили К. С. Халлик (Таллин), К. Х. Ханазаров, С. В. Адамовичюте (Вильнюс) и др. Третья секция посвятила свою работу критике современных теорий антикоммунизма по вопросам духовной жизни советских наций. Были заслушаны доклады В. А. Лазутки (Вильнюс), И. Я. Иверта (Рига), И. З. Захарова (Ленинград) и др. С докладом «Диалектика национального и интернационального в духовной жизни советских наций» выступил С. Т. Калтачян. «Критика основных направлений в буржуазной идеологии по теории национального вопроса» — тема выступления Э. А. Баграмова.

◆ В Тбилиси в мае 1975 г. состоялась всесоюзная конференция на тему «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья». В ней

приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Баку, Еревана, Вильнюса и других городов Советского Союза, а также зарубежные гости. На пленарном заседании, которое кратким вступительным словом открыл ректор Тбилисского университета Д. И. Чхиквишвили, с докладами выступили акад. Б. Б. Пиотровский, акад. АН ГрузССР С. Г. Каухчишвили, А. В. Урушадзе (его доклад «Колхида мифическая и реальная» был подготовлен совместно с О. Д. Лордкипанидзе), Д. Б. Шелов, а также зарубежные ученые Ф. Кюнерт (Иена) и И. Ирмшер (Берлин). В трех секциях обсуждались проблемы: «Кавказ и средиземноморские языковые и культурные взаимоотношения», «Восточное Черноморье (Колхида и Иберия) и античный мир», «Византия и грузинская культура».

◆ 3—6 июня 1975 г. в Тбилиси проходила всесоюзная научная сессия, созванная Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» и его грузинской секцией, Институтом истории СССР АН СССР, Институтом истории партии при ЦК КП Грузии и Институтом истории, археологии и этнографии имени И. А. Джавахишвили АН ГрузССР. Вступительным словом сессии открыла Секретарь ЦК КП Грузии В. М. Сирадзе. Были сделаны доклады: «В. И. Ленин и революция 1905—1907 гг.» (А. П. Косульников); «Международное значение первой русской революции» (акад. И. И. Минц); «Историография революции 1905—1907 гг. Итоги изучения и задачи исследования» (акад. А. Л. Нарочницкий); «Пролетариат — гегемон первой русской революции» (В. И. Бovyкин); «В. И. Ленин и революция 1905—1907 гг. в Грузии» (Н. Б. Махарадзе); «Отражение революции 1905—1907 гг. в грузинской литературе» (Т. П. Буачидзе); «Что дала первая русская революция партии большевиков» (М. С. Волин); «Критика современной буржуазной историографии трех русских революций» (В. И. Салов); «Всемирно-историческое значение ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую» (С. И. Мурашов). Всего на сессии было заслушано свыше 40 докладов и сообщений. В ее работе приняли участие ученые Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии; в своих выступлениях они осветили влияние первой русской революции на революционное движение в этих странах. Подводя итоги сессии, акад. И. И. Минц отметил многообразие тем, вынесенных на обсуждение, и комплексность их изучения. Доклады ученых братских стран являлись ярким подтверждением международного характера первой русской революции. Сессия внесла большой вклад в разработку таких проблем, как гегемония пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства, национально-освободительное движение, роль В. И. Ленина в разработке вопросов социалистической революции.

◆ Отделение истории, Институт истории СССР и Институт всеобщей истории АН СССР провели 24 июня с. г. совместное заседание, посвященное 70-летию со дня рождения академика В. М. Хвостова. Вступительное слово произнес академик-секретарь Отделения акад. Б. А. Рыбаков. С докладом «Жизненный путь и научная деятельность академика В. М. Хвостова» выступил акад. А. Л. Нарочницкий.

◆ Монография «Марксистско-ленинское учение о социализме и современность» (М. Политиздат. 1975) посвящена рассмотрению этого учения и практики его воплощения в жизнь. В ней анализируются процессы становления и развития социализма, прослеживаются общие закономерности и особенности, присущие различным социалистическим странам. Большое внимание уделяется в книге характеристике развитого социалистического общества, роли мирового социализма в решении коренных проблем современности.

◆ Политиздат выпустил книгу А. И. Арнольдова «Культура развитого социализма» (М. 1975). Автор рассматривает общие черты и закономерности культуры развитого социализма, возрастание ее роли в жизни общества и в формировании нового человека, а также показывает значение социалистической культуры в борьбе за мир и дружбу народов.

◆ Книга В. К. Белякова, Н. А. Золотарева «Организация удешевляет силы» (М. Политиздат. 1975) посвящена вопросам развития организационной структуры КПСС в 1917—1974 годах. В ней рассказывается о ленинских принципах построения партии, освещается ее деятельность по совершенствованию структуры своих организаций в период строительства социализма.

◆ Книга «Люди бессмертного подвига. Очерки о дважды и трижды Героях Советского Союза» (книга вторая. Изд. 4-е, испр. и доп. М. Политиздат. 1975) рассказывает о советских полководцах, летчиках, моряках, артиллеристах, танкистах, пехотинцах, партизанах — участниках Великой Отечественной войны. В книгу вошли очерки и о пионерах освоения космоса, дважды удостоенных высокого звания Героя Советского Союза.

◆ Вышел в свет сборник воспоминаний «Героическое подполье. В тылу деникинской армии» (М. Политиздат. 1975). Эта книга о гражданской войне содержит множество фактов о самоотверженной борьбе подпольщиков в тылу врага: на Кубани и Дону, в Харькове, Одессе, Киеве, на Черниговщине, в Крыму и Приднестровье.

◆ Изданы воспоминания старого большевика Д. И. Гразкина «За темной ночью день вставал...» (М. Политиздат. 1975), в которых автор рассказывает о трех русских революциях, о борьбе большевиков за армию, о своем участии в работе всероссийских крестьянских съездов, о встречах и беседах с В. И. Лениным, о работе во ВЦИК и ВЧК.

◆ Политиздатом выпущена книга В. Мещерякова, Б. Поклада, Э. Шевченко. «СЭВ:

принципы, проблемы, перспективы» (М. 1975). В ней рассматриваются формы экономического сотрудничества, проблемы его совершенствования и роль Совета Экономической Взаимопомощи в осуществлении Комплексной программы развития социалистической экономической интеграции стран—членов СЭВ.

◆ «Куба — остров созидания» — так называется книга О. Дарусенкова, Б. Горбачева, В. Ткаченко (М. Политиздат. 1975). Авторы рассказывают о визите на Кубу Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева как о событии, открывшем новый этап в советско-кубинских отношениях, знакомят с историей страны, с достижениями кубинской революции, показывают, какие проблемы встают в ходе социалистического строительства, как они решаются Коммунистической партией, правительством, всем народом Кубы.

◆ А. Ф. Костин опубликовал книгу «Боевой орган революции» (к 70-летию газеты «Вперед») (М. «Мысль». 1975). В монографии наряду с рассмотрением историко-партийных проблем предпринята попытка раскрыть творческую лабораторию редакции этого ленинского печатного органа. На конкретных примерах автором показывается роль В. И. Ленина как редактора и публициста, прослеживается участие в газете большой группы старейших литераторов партии — В. Д. Бонч-Бруевича, В. А. Карпинского и других. Для характеристики литературно-редакторской практики газеты «Вперед» привлечены материалы из архивов и редких публикаций.

◆ Вышла в свет книга Т. С. Хачатурова «Советская экономика на современном этапе» (М. «Мысль». 1975). В ней рассматриваются народнохозяйственные проблемы СССР на современном этапе в свете решений XXIV съезда КПСС. Автор показывает достижения экономики СССР, дает характеристику возникающих в ходе ее развития задач и перспектив их решения. В работе анализируются новые явления в народном хозяйстве на этапе развитого социализма и пути дальнейшего строительства материально-технической базы коммунизма.

◆ В сборнике «Проблемы научного коммунизма» (вып. 9: «Рабочий класс и строительство коммунизма» (М. «Мысль». 1975) исследуется одна из актуальных проблем развития социалистического общества — дальнейшее укрепление ведущей роли рабочего класса в строительстве коммунизма. Особое внимание уделяется авторами анализу влияния научно-технической революции на изменение социальной и профессиональной структуры рабочего класса при социализме, социальным источникам его пополнения, особенностям формирования его рядов в ранее отсталых районах.

◆ Издательство «Мысль» выпустило книгу А. М. Малухина «Пэн Бай — герой китайской революции» (М. 1975). Она посвящена одному из видных деятелей Коммунистической партии Китая, организатору и руководителю крестьянского движения в 20-х годах. Он принадлежит к числу тех, кто поднимал народные массы на борьбу

в китайской революции 1925—1927 годов. Книга содержит факты, почерпнутые из редких источников.

◆ В книге И. М. Синельниковой «Фридрих Лесснер» (М. «Мысль». 1975) рассказывается о жизни и деятельности одного из ближайших учеников, соратников и друзей К. Маркса и Ф. Энгельса. В течение 50 лет рядом с великими вождями рабочего класса Лесснер принимал участие в борьбе за создание пролетарской партии, в пропаганде научного коммунизма, боролся за чистоту марксистского учения.

◆ «Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев» — так называется книга А. П. Степина (М. «Мысль». 1975). В ней помимо раскрытия общих закономерностей социалистического строительства в процессе переустройства общественных отношений средних слоев города дается анализ специфики проявления этого сложного процесса, подчеркивается значение опыта Советского Союза в этом вопросе для других социалистических стран.

◆ Из печати вышла монография «Экономическая интеграция и совершенствование механизма сотрудничества стран — членов СЭВ» (М. «Мысль». 1975). Написана она коллективом ученых Академии общественных наук при ЦК КПСС и посвящена совершенствованию экономических отношений стран социализма, повышению эффективности общественного производства в условиях социалистической экономической интеграции. В книге исследуются проблемы развития товарооборота, интенсификации сотрудничества социалистических стран в области сельского хозяйства и др., дается анализ современного этапа развития социалистической экономической интеграции.

◆ Вышла в свет книга Э. Е. Новиковой «Трудящиеся женщины современной Америки» (М. «Мысль». 1975). В ней рассматриваются актуальные проблемы положения женщин в США и их участие в социально-экономической и общедемократической борь-

бе. Исследование положения американских женщин позволяет лучше понять идентичные процессы, происходящие или намечающиеся в других капиталистических странах. Работа основана на обширном документальном материале, часть которого впервые используется в научной литературе.

◆ Марийское книжное издательство выпустило в свет монографию А. С. Патрушева «Марийская деревня в период империализма». В ней рассматриваются история сельского хозяйства и крестьянства Марийского края конца XIX — начала XX в., материально-техническая база сельского хозяйства, крестьянское землевладение и землепользование, положение и повинности крестьян, крестьянское движение в исследуемый период с учетом местных особенностей. Автором привлечен большой архивный материал, выявленный в хранилищах Москвы, Ленинграда и ряда поволжских городов.

◆ Воениздат выпустил книгу И. Коровникова, П. Лебедева, Я. Полякова «На трех фронтах» (М. 1974). Авторы книги, проследивая боевой путь 59-й армии в годы Великой Отечественной войны, уделяют много места героизму ее воинов, их боевому мастерству.

◆ На острове Березань в Черном море, который расположен в устье Днепровского лимана, обнаружено письмо, написанное два с половиной тысячелетия тому назад. Прекрасно сохранились 526 букв (110 слов в 13 строчках), нанесенных на свинцовую пластину. На сером фоне проступала вязь греческих букв: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору». Содержание письма проливает свет на социально-экономическую организацию местного общества того времени, в частности на положение рабов. В тексте содержатся данные о развитии торговли, этническом составе ионийских поселений Причерноморья. Находка передана Ленинградскому Эрмитажу.

Рецензии

Ph. POMPER. *Peter Lavrov and the Russian Revolutionary Movement*. Chicago. The University Press. 1972. 256 p.

Ф. ПОМПЕР. *Петр Лавров и русское революционное движение*

История русского революционного народничества — одна из тем, широко освещаемых в современной буржуазной историографии. Книга американского профессора Ф. Помпера является своего рода обобщением взглядов современных буржуазных историков Англии и США на роль П. Л. Лаврова и лавризма в революционном движении России. Несмотря на то, что автор охарактеризовал свою работу как биографию Лаврова, она значительно выходит за рамки произведений этого жанра. По замыслу автора и издателей, цель книги — прежде всего доказать «единство между личностью Лаврова и его философией, его связь с революционным социализмом вообще и русским революционным движением в частности». Кроме того, автор стремился показать эволюцию взглядов Лаврова, в которой «первостепенными являются уступки Лаврова бакунизму и его в конечном итоге поддержка терроризма как инструмента революций» (аннотация на суперобложке).

Помпер привлек богатый фактический материал. Он хорошо знает произведения Лаврова, часто обращается к мемуарной литературе, использует неопубликованные источники из советских архивов, а также архивов Амстердама, Гуверовского института, русского архива Колумбийского университета и рукописного собрания Национальной библиотеки в Париже. Помпер в достаточной степени знаком с последними исследованиями советских¹ и зарубежных исто-

риков², занимающихся проблемами народничества. По широте используемых материалов и затрагиваемых вопросов автор является одним из наиболее подготовленных буржуазных исследователей народничества.

Однако подход Помпера к источникам, выбор им литературы, разрешение поставленных проблем вызывают ряд критических замечаний. Автор отдает явное предпочтение мемуарной литературе и письмам, то есть источникам, которым, как известно, присущ определенный субъективизм. Из научной литературы на русском языке он привлекает прежде всего дореволюционные работы, а из зарубежной — книги эмигранта М. Карповича и другие. Обращаясь же порой к советской литературе, автор высказывается о ней недоброжелательно.

В книге две основные линии повествования: личная жизнь Лаврова; его философские воззрения и революционная деятельность. По мнению Помпера, развитие философских взглядов и вся революционная деятельность Лаврова определялись рядом своеобразных обстоятельств. Он считает, что «происхождение основных ценностей и

«Общественное движение в пореформенной России». М. 1965; Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. М. 1965; его же. Россия и Парижская Коммуна. М. 1971; М. Г. Седов. Героический период революционного народничества. М. 1966; А. П. Казаков. Теория прогресса в русской социологии конца XIX в. Л. 1969.

² F. A. Walker. The Morality of Revolution in P. L. Lavrov. «Slavonic and Eastern European Review». Vol. 41 (1962); R. A. Kimball. The Early Political Career of Peter Lavrovich Lavrov. 1823—1873. Washington. 1967; e j u s d. The Russian Past and the Socialist Future in the Thought of Peter Lavrov. «Slavic Review», 1971, vol. 30, № 1.

¹ Б. П. Веревкин. Русская нелегальная революционная печать. М. 1960; И. С. Книжник-Ветров. Русские деятелицы первого Интернационала и Парижской Коммуны. М. 1961; Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли. М. 1961;

жизненного стиля Лаврова, которые так или иначе проявились на протяжении всей жизни и деятельности, следует искать в его детстве» (стр. 3). Помпер придает чрезмерно большое значение личной жизни Лаврова, которая представляется ему цепью крушений (стр. 9). К событиям, оказавшим большое влияние на Лаврова и подтолкнувшим его к революционной деятельности, Помпер относит, в частности, неудачные ухаживания Лаврова за Жозефиной Риульман, а также смерть глубоко любимой Лавровым Анны Чаплицкой (стр. 72—77, 134). Биографические данные, изложенные американским историком, дают достаточно полную картину жизни Лаврова, особенно в заграничный период. Однако он разделяет ошибочное мнение ряда буржуазных ученых, которые считают Лаврова человеком слабым, болезненным и неприспособленным к жизни. Говоря о взаимоотношениях Лаврова с Бакуниным, Помпер необоснованно пытается сблизить их доктрины. Он недооценивает значение направления, получившего название «лавризм» и определяемого как «пропагандизм».

Останавливаясь на основных моментах формирования философских взглядов Лаврова, Помпер совершенно справедливо находит взаимосвязь философских исканий Лаврова с выработкой им революционной теории. Он отмечает, что философские взгляды Лаврова формировались под влиянием таких философов, как Ж. Симон, Фихте-сын, Л. Фейербах. Изначальные искания Лаврова (1850—1858 гг.) Помпер сводит к развитию двух основных абстрактных проблем — о долге и уважении. Последующий период (1858—1866 гг.) охарактеризован как период «радикализации». Основным, по мнению Помпера, в эти годы было увлечение Лаврова неокантианством, разработка им теории долга перед народом. Все осмысленное Лавровым за этот период как бы служило одной цели — поиску доктрины, «которая бы сделала борьбу за справедливость и правду этической нормой» (стр. 31). Помпер считает, что к «середине 60-х годов у Лаврова намечается поворот от технических вопросов философии к философии психологии и социологии» (стр. 66). В период ссылки философская база Лаврова, по словам автора, оставалась прежней, но он сконцентрировал свои усилия на проблеме реформации, объединения и усиления интеллигенции (стр. 92). Американский историк утверждает, что антропологиче-

ская система Лаврова была «феноменалистской и субъективной». Однако о философской ориентации Лаврова он высказывается очень неопределенно, указывая лишь, что «многие из работ и действий Лаврова ведут к заключению о том, что он не был истинным сторонником доктрины свободной воли» (стр. 226). Видимо, недостаточное знание философских и исторических концепций Лаврова не позволили Помперу определить его отношение к материализму.

Одной из причин необычности жизненного и революционного пути Лаврова Помпер считает позднее приобщение его к революционной деятельности. «Лавров начал свою революционную карьеру,—пишет он,—поздно, так поздно, что у него не было возможности изменить глубоко укоренившийся образ мыслей и манеру их выражения» (стр. 227). Это высказывание противоречит не только истинному положению вещей, но даже утверждению автора о значительной эволюции взглядов Лаврова (стр. 225). Помпер пишет, что Лавров начал свою революционную деятельность с 1873 года. По его мнению, Лавров до того, как стать революционером, прошел длительный путь радикализации. Однако новейшие исследования советских авторов доказывают, что Лавров был революционером уже в конце 1850-х — начале 1860-х годов³.

В книге справедливо отмечено значительное влияние, которое оказала на Лаврова Парижская Коммуна (стр. 122). Что же касается русского революционного движения, то оно часто выпадает из поля зрения автора, особенно пролетарский период этого движения, совпадавший с последними годами жизни и деятельности Лаврова.

Фрагментарно и с субъективистских позиций рассматривает автор взаимоотношения между К. Марксом и Лавровым, отношение последнего к марксизму и русской социал-демократии. При этом он отождествляет взгляды Лаврова на задачи революционной борьбы в России со взглядами В. И. Ленина (что характерно для буржуазных исследователей) (стр. 218). Упомянув о ленинской критике позиций Лаврова, Помпер, однако, считает, что «собственные позиции Ленина были не столь далеки от пози-

³ В. А. Дьяков. Был ли Лавров революционером 60-х годов? «Вопросы архивоведения», 1962, № 3; В. Ф. Антонов. «Ранний» Лавров в освободительной борьбе. «Освободительное движение в России». Межвузовский научный сборник. Вып. 4. Саратов. 1975.

ций Лаврова», что «Ленину пришлось много потрудиться, чтобы отделить свои позиции от позиций старого народовольца». При этом он даже не указывает, по каким вопросам расходились во мнениях В. И. Ленин и Лавров и в чем была причина этих расхождений. Работы В. И. Ленина и работы Лаврова отразили разные этапы развития революционного движения в России. В статье «Задачи русских социал-демократов» В. И. Ленин показал глубокое отличие социал-демократов от народовольцев в понимании форм политической борьбы. Он дал глубокий анализ взглядов тех и других, указывая, что «социал-демократы иначе понимают политическую борьбу, они понимают ее *гораздо шире*, чем представители старых революционных теорий»⁴. Лавров считал, что пролетариат при самодержавии не в состоянии создать свою партию, поэтому сначала должны объединиться представители интеллигенции и свергнуть царя, и только затем пролетариат сможет организовать для ниспровержения буржуазии⁵. Таким образом, по мнению Лаврова, борьба должна вестись в два этапа.

В. И. Ленин критиковал Лаврова за это; он верил в силы пролетариата и его партии, в то, что пролетариат может одновременно решать и политические и экономические задачи, вести борьбу и с самодержавием и с буржуазией. «С самого своего появления в качестве особого социально-революционного направления русские социал-демократы всегда с полной определенностью указывали на такую задачу своей деятельности, всегда подчеркивали двоякое проявление и содержание классовой борьбы пролетариата, всегда настаивали на неразрывной связи своих социалистических и демократических задач...»⁶.

Попытка показать единство философских и революционных взглядов Лаврова, проследить их эволюцию выделяет монографию Помпера из ряда других исследований о Лаврове в буржуазной исторической науке. Однако субъективная трактовка проблем, стремление представить Лаврова одиночкой, оторванным от корней народнического движения; сильно снижает научную значимость книги.

В. М. Новиков

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 458.
⁵ «Летучий листок» группы народовольцев», 1895, № 4, стр. 21.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 446—447.

I. DELPERRIÉ DE BAYAC. *Histoire du Front populaire*. Paris. Fayard. 1972. 542 p.

Ж. ДЕЛЬПЕРРЬЕ де БАЙЯК. *История Народного фронта*

Борьба за единство и сплоченность левых сил, ставшая важнейшей внутривнутриполитической проблемой современной Франции, усилила интерес к Народному фронту. К этой теме обратились историки, политические деятели, свидетели событий¹. Одна из по-

следних работ по данной проблеме принадлежит перу известного французского журналиста и писателя Жака Дельперрье де Байяка. «История Народного фронта» — не первый опыт автора в историческом исследовании. В 1968 г. он опубликовал книгу «Интернациональные бригады в Испании», годом позже — «Историю фашистской полиции»², за которую был удостоен премии Со-

¹ См., например, G. Dupreux. *Le Front populaire et les élections de 1936*. P. 1959; G. Lefranc. *Histoire du Front populaire*. P. 1965; J. Grandmougin. *Histoire vivante du Front populaire. 1934—1939*. P. 1966. Марксистское освещение темы см. в работах: J. Chambaz. *Le Front populaire pour le pain, la liberté et la paix*. P. 1961; Cl. Willard, J. Chambaz, J. Bruhat, G. Cogniot, C. Gindin. *Le Front populaire (La France de 1934 à 1938)*. P. 1972. Свой вклад в изучение Народного фронта внесли и советские историки: см. М. Кунина, В. Маркова. Борьба коммунистов Фран-

ции за создание Народного фронта. М. 1961; Ю. В. Егоров. Народный фронт во Франции. (Внутриполитическая борьба во Франции в 1934—1938 гг.). Л. 1972; Е. А. Кравченко. Народный фронт во Франции. 1934—1938. М. 1972.

² J. Delperré de Bayac. *Les Brigades Internationales*. P. 1968; eju s.d. *Histoire de la milice*. P. 1969.

противления. Новая книга займет в историографии Народного фронта свое место.

Автор останавливается на тяжелом экономическом и политическом положении Франции в начале 30-х годов: кризисе, безработице, частой смене кабинетов. Значительную долю вины за раскол рабочего движения он возлагает на социалистическую партию, считая, что традиции гедизма были главным тормозом на ее пути к гибкой тактической линии. Конечно, догматизм и сектантство нередко вели к снижению роли рабочего класса в демократическом движении. Но в 30-х годах отнюдь не гедизм, силу традиций которого во французской социалистической партии автор преувеличивает, а главным образом враждебность руководства социалистов к коммунистам и Советской России обрекла на неудачу диалог с коммунистами, решительно вставшими на защиту первой в мире страны социализма.

Приход Гитлера к власти и активизация фашистских лиг во Франции заставили рабочие и демократические силы искать новые пути сближения.

Дельперрье де Байяк неправоммерно связывает выдвижение французскими коммунистами лозунга «Народный фронт» лишь со стремлением Советского Союза к сближению с Францией в связи с германской угрозой (стр. 110). Разумеется, сближение Франции и Советского Союза, наметившееся в начале 30-х годов, не могло не оказать благотворного влияния на отношения между рабочим классом и другими демократическими силами. Однако вклад французских коммунистов в разработку тактики единого и народного фронта, получившей одобрение VII конгресса Коминтерна, был прежде всего результатом глубокого марксистско-ленинского анализа конкретной исторической обстановки в своей стране.

Основное внимание уделяется в книге деятельности правительства Л. Блюма, пришедшего к власти в июне 1936 г., в результате победы Народного фронта на парламентских выборах. По мнению автора, трудности нового кабинета возникли одновременно с его успехами. При этом он ссылается на забастовки, сопровождавшиеся занятием предприятий, сложные экономические и финансовые проблемы, «бегство» капитала и саботаж производства. Внутри самого Народного фронта серьезные препятствия создавали правые радикалы, смыкавшиеся в ряде вопросов с реакцией, и левые экстремисты с их лозунгом «Все воз-

можно», означавшим немедленный переход к социалистическим мероприятиям.

Автор разделяет утвердившуюся в историографии оценку событий, отвергающую характеристику Народного фронта как «неудавшейся революции». Он не считает, что во Франции налицо была революционная ситуация. «Волна мая — июня» 1936 г. еще не представляла собой объявления буржуазии «войны до победного конца» (стр. 231). Однако, считает Дельперрье де Байяк, подъем рабочего движения и замешательство буржуазии позволили Народному фронту осуществить поистине титаническую работу. За два первых месяца правительства Народного фронта было проведено больше реформ в интересах трудящихся, чем за все предшествующее столетие. Автор справедливо указывает, что основные преобразования Народного фронта были осуществлены в первый год после его победы на выборах. Следовавшие один за другим два кабинета К. Шотана (июнь 1937 г. — март 1938 г.) представляли собой значительное отступление от линии Народного фронта, а правительство Э. Даладье, сформированное после нового недолгого пребывания Блюма у власти в марте — апреле 1938 г., бросило открытый вызов его программе.

Дельперрье де Байяк останавливается на внешнеполитических проблемах, от которых зависела судьба и деятельность Народного фронта. Война в Испании оказала свое влияние на события во Франции: она осложнила деятельность Народного фронта и углубила раскол в нем. Важным и убедительным является вывод, что в поисках союзников против надвигавшейся германской угрозы ориентация на франко-советское сближение более всего отвечала национальным интересам французов. Франция заключила 2 мая 1935 г. с Советским Союзом Договор о взаимной помощи, но она так и не дополнила его военной конвенцией, на которой настаивала другая сторона. «Предложения СССР были встречены не очень горячо, и это, конечно, было ошибкой» (стр. 488); — отмечает автор.

Дельперрье де Байяк признает большой вклад правительства Народного фронта в укрепление национальной обороны, но отмечает и просчеты: недооценка предложений де Голля о создании бронетанковой армии и преувеличение стратегического значения линии Мажино. Частичная национализация авиационной и военной промышленности имела положительное значение. На раз-

вите обороны выделялись вполне достаточные средства. В книге приведено свидетельство начальника генерального штаба генерала М.-Г. Гамелена в беседе с известным историком П. Ренувеном: «Нет, Народный фронт нас не стеснял. Он нам предоставлял все, что мы просили» (стр. 492). Однако автор слишком категоричен в оценке тех последствий, которые имело для национальной экономики введение 40-часовой рабочей недели и которые он оценивает как отрицательные. На самом же деле сокращенная рабочая неделя помогла разрешить проблему занятости в стране, известные трудности создавало лишь ее подчас негибкое применение, приводившее к простоям оборудования и нехватке высококвалифицированной рабочей силы. Подлинным тормозом для экономики было не социальное законодательство Народного фронта, а нежелание «делового мира» прекратить вывоз капитала, модернизировать устаревшее оборудование и загрузить предприятия на полную мощность. Буржуазия готовилась к реваншу, ее наиболее правые консервативные круги, лозунгом которых стали слова «Лучше Гитлер, чем Народный фронт», были готовы к предательству национальных интересов.

В заключении книги автор признает, что Народный фронт, хотя и не все ему удалось, оставил большое наследство. Антифашистское законодательство, оплачиваемые отпуска, расширение профсоюзных свобод, помощь городским средним слоям и деревенским труженикам, улучшение положения народов заморских территорий — вот далеко не полный позитивный итог завоеваний тру-

дящихся в эти годы. Многие идеи и планы Народного фронта были восприняты движением Сопротивления и поставлены на повестку дня в период Освобождения. Народный фронт был ценным опытом сотрудничества левых партий и является для них вдохновляющим примером: «Радикалы, социалисты, коммунисты — все оказались необходимыми в этой работе, и все внесли в нее свой вклад» (стр. 497). Народный фронт, пишет автор, боролся «за справедливость, за высокое благородство труда, за человеческое достоинство, за мир и братство между народами и нациями, за национальную независимость» (там же). И если Народный фронт — великое и вечное достояние мира труда, то режим Виши — лишь жалкий позорный удел его врагов, это «белый террор» реакции против дела Народного фронта.

Книга Жака Дельперрье де Байяка основана на большом фактическом материале — свидетельствах участников и современников описываемых событий, архивных документах и газетной информации. Автор передает живое дыхание эпохи, волнующую атмосферу незабываемых дней: многолюдные митинги и колонны демонстрантов, приподнятое настроение бастующих рабочих, «великий страх» буржуазии в ночь Матиньонского соглашения, «испанское лето» и спешившие на помощь Мадриду отряды первых добровольцев, контрнаступление капитала, увидевшего в Народном фронте реальную угрозу своему безраздельному господству.

Е. А. Кравченко

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Bulgarian Historical Review». Sofija. 1975, № 1.

И. Зарчев. Болгарский земледельческий народный союз и социалистическая революция в Болгарии; А. Пантев, Р. Попов, К. Шарова, Е. Стателов

ва, Ц. Тодорова. Внешняя политика оппозиционных партий в Болгарии. 1900—1914; Ст. Дойнов. Болгарское национально-освободительное движение в начале XIX в.; Г. И. Георгиев, Т. Иванов, Г. Джингов. Археологические исследования в Болгарии в последние десятилетия.

«Párttörténeti közlemények». Budapest. 1975, № 2.

К. Соколаи, И. Харшани. К годовщине победы над фашизмом; Т. Эрени. Вопросы революции и реформы в рабочем движении Австро-Венгрии на рубеже столетия; И. Долманьош. Некоторые вопросы венгерского рабочего движения 1906 года; Я. Емниц. Амстердамский конгресс II Интернационала 1904 года; К. Кульчар. О связи истории рабочего движения и социологии; Сообщения.—Т. Хайду. О связи Михая Кароли с КПВ в 20-е годы; Д. Боршани. Арест Бела Куна в 1928 г. в Вене.

«Történelmi Szemle». Budapest. 1974, № 1—2.

И. Болла. Упадок всеобщей свободы в XIII в. (понятия «liber» и «libertas» в период династии Арпадов). Ч. II; Д. Бониш. «Decretalis Intellecto». Гонорий III о неотчуждаемости благ короны; Ю. Пушкаш. Эмиграция из Венгрии в США до 1914 г.; Б. Шарлош. Налоговая реформа в 1909 г. и законы о налогах во время первой мировой войны; Э. Мадараш. Христианские социалисты Австрии за привлечение пролетариата на свою сторону; Я. Жарновски. Польская интеллигенция в XX в.; Сообщения.—И. Пастор. Эмиграция Кошута в Болгарии; Подготовительные работы нового синтеза по истории Венгрии.—Л. Маккаи. Габсбурги и венгерские сословия накануне восстания Бочкаи; К. Бенда. Движение венгерского дворянства в 1790 г.; Теория и методология.—Дж. Кастельян. Психология и история; Дискуссия.—А. Барта. Методологические замечания к статье «Новые данные о финно-угорской и венгерской протонистории»; Ф. Гмац. Развитие буржуазии и национализма в Венгрии в XIX в. (Идейная и социальная история).

«Történelmi Szemle». 1974, № 3.

Б. Беллер. Историко-политическая концепция и историческое изображение руководимой Дожей крестьянской войны в венгерской историографии до 1945 года; М. Сабо. Оформление некоторых новых черт консервативной идеологии континентальной Европы в конце XIX — начале XX века; М. Лацко. Тезисы Блума; Подготовка нового синтеза по венгерской истории.—А. Шиклош. Разложение монархии и правительственный кризис в Венгрии в октябре 1918 г.; Теория и методология.—Ф. Глатц. Специально-научная постановка некоторых вопросов и историко-политическая концепция (Из истории венских лет молодого Дюлы Секфю); Форум.—Э. Нидерхаузер. К вопросу об истории культуры; Л. Маккаи. История культуры как история определенных систем ценностей; Д. Кошари. Место истории культуры в историческом синтезе; П. Ханак. Проблемы синтеза по истории культуры.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1975, № 3.

Г. Штельтнер. Растущее единство стран социалистического содружества. К углублению отношений между братскими партиями в экономической, внешнеполитической, теоретико-идеологической областях (1970—1974 гг.); Г. Кольбе. Некоторые изменения в содержании и формах борьбы рабочего класса против государственно-монополистической системы; Т. Неллес. Развитие боевого содружества Национальной Народной Армии с Советской Армией и с другими социалистическими армиями в начале 60-х годов; Р. Длубек, Э. Кундель. «Критика Готской программы» — основополагающий документ научного коммунизма; Документы и материалы.—Д. Фрикке. Разрыв Э. Бернштейна с журналом «Sozialistische Monatshefte» осенью 1914 года: Научные сообщения.—Я. Г. Рокитянский. Борьба руководства Союза коммунистов против создания немецкого легиона в Париже; Г. Нойхауз. Позиция Социал-демократической партии Германии относительно разногласий внутри австрийского пролетариата в борьбе за создание революционной классовой партии (1871—1874 гг.); К.-Г. Генш. Возвращение К. Маркса в Лондон в 1871 году. К некоторым датам хроники о Марксе; В. Шмидт. Биографический очерк о Вильгельме Вольфе.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1975, № 5.

Ф. Клейн. Состояние и проблемы исследования истории германского империализма до 1945 года; Л. Цумпе. Состояние и проблемы историко-экономического исследования империализма; Ф. Райнерт. Приказ № 209 Советской военной администрации в Германии. Сотрудничество между СВАГ и антифашистско-демократическими органами власти при выполнении программы о крестьянах, получивших землю после земельной реформы; Л. П. Голевой. Национально-государственное деление Средней Азии после установления Советской власти. Против буржуазной фальсификации истории национальной политики в СССР; Сообщения.—Д. Фрикке. «Sozialistische Monatshefte» и империалистическая концепция континентальной Европы (1905—1918 гг.); Э. Вернер. История средневекового дуализма: новые факты и старые концепции; Публикации.—К. Феттер. Бодо фон дер Марвитц. Прусское юнкерство и идеологическая подготовка фашизма.

«Przegląd Historyczny». Warszawa. 1975, № 1.

М. Кочерска. Бракосочетание среди шляхты в Польше позднего средневековья; А. Гонсёровски. Состав городских властей в Познани в период позднего сред-

невековья; Х. Визнер. Армия и литовское общество в первой половине XVII века; З. Станкевич. Томаш Потоцкий и его брошюра «Да или нет...»; Материалы.— С. Курась. Утраченные положения короля Владислава Ягеллы об ответственности за убийство дворянина и о годичной барщине с крестьян (1426 г.); Заметки.— С. Ожел. Новые замечания о падении диктатуры М. Лангевича; Дискуссия.— М. Копсон-Нецько. Польская политическая эмиграция в Соединенных Штатах Америки в XIX веке (в связи с трудом Ф. Стасика); Л. Хасс. Массовство и фашизм в Италии (в связи с трудом С. Серповского).

«Anale de istorie». București. 1975, № 2.

30-я годовщина победы над фашизмом.— И. Коман, К. Олтяну. Исторические уроки победы народов над фашизмом; К. Николае. Антигитлеровская война Румынии — война всего народа; Первое политическое объединение румын под руководством Михая Храброго.— Дж. Хомоштян. 2000 лет основания г. Алба Юлия; Е. Стэнеску. Объединение, осуществленное Михаилом Храбрым на фоне международной жизни тех времен; К. Кэзэништяну. Михаил Храбрый и объединение 1600 г. в сознании и традиции румынского народа; Сообщения.— И. Попеску-Пуцури, М. Мушат. Борьба за единство рабочего класса и объединение всех левых, демократических сил против фашизма, за завоевание власти и строительство социализма; О. Трэсня. Глубокое проникновение в общественную жизнь — главное направление развития руководящей роли РКП; М. Фэту. Общее и частное в народно-демократической революции; Г. Унк, Л. Гергей. Международные связи между рабочим движением Румынии и Венгрии; Обсуждения.— Относительно формирования капиталистического организма народного хозяйства в Румынии (В. Аксенчук); Биографические справки.— Георге Тэнасе; Юбилейные даты.— 75 лет со дня рождения Луиджи Лонго.

«Československý časopis historický». Praha. 1975, № 3.

Я. Обзина. К проблематике революционной власти в Чехословакии после 1945 г.; З. Шмольдас. Чехословацкие летчики в Оставской операции Советской Армии; В. Крал. К вопросу о международных

связях Пражского восстания в мае 1945 г.; И. Бечка. Национально-территориальное размежевание советской Средней Азии; И. Матейчек. Основные факторы и отношения в развитии черной металлургии в Чехии и Моравии с середины 70-х годов до 1914 года.

«Historický časopis». Bratislava. 1975, № 1.

Л. Голотик. Историческое сознание и Словацкое национальное восстание; М. Гронски. Проблемы национально-освободительного движения словаков в 1918 г.; В. Дангл. Словацкая буржуазия в борьбе за законопроекты о воинской повинности (1910—1912 гг.); М. Сухи. Роль Габсбургской монархии и антигабсбургские сословные восстания.

«Historický časopis». 1975, № 2.

К 30-й годовщине освобождения Чехословакии Советской Армией (Л. Голотик); М. Вартикова. Общесловацкая деловая конференция КПЧ в Кошицах — вклад в разработку правительственной программы первого правительства Национального фронта чехов и словаков; М. Потемра. Венгерское избирательное право и выборы в Словакии в 1901—1914 гг.; В. Немцова. Организация и монополизация международной лесоторговли в 1918—1938 гг.; Дискуссия.— П. Раткош. Примечания к первому тому «Словацкого дипломатия»; Р. Маршина. Заметки к примечаниям П. Раткоша.

«Slovanský přehled». Praha. 1975, № 1.

В. Крал. Вклад Словацкого национального восстания в чехословацко-советские отношения; И. Кочи. О словацком вопросе в трудах К.-Г. Боровского; Ч. Аморт. Константин Йиречек и болгары; К. Герман. Чешское рабочее движение и русская культура; Ф. Гейл. К вопросу об идеологии и практике клерофашизма в Словакии; Д. Чиерна Венгрия в переломные годы (1947—1948 гг.).

«Slovanský přehled». 1975, № 2.

В. Крал. Накануне Пражского восстания; Ч. Аморт. Помощь чехословацкого народа Красной Армии в 1944—1945 гг.; В. Мелихар. О некоторых вопросах Пражской операции Советской Армии и Майского восстания чешского народа; М. Госноровски. Чехословацкая эмиграция в США в годы второй мировой войны.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время буржуазной революции конца XVIII века. М. 1971. 453 стр. Рец.: Вугнес Р. Ф.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 123—124.

Белов Е. А. Учанское восстание в Китае (1911 г.). М. 1971. 250 стр. Рец.: Widmer E.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 161—162.

Беляев И. П., Примаков Е. М. Египет: время президента Насера. М. 1974. 399 стр. Рец.: Панев П.—«Международные отношения». София. 1975, кн. 1, с. 123—127.

Бережков В. М. Тегеран, 1943. На конференции Большой тройки и в кулуарах. М. 1971. 128 стр. Рец.: Бодоржий М.—«Исторически гласник». Београд. 1972, бр. 2, с. 181—182.

Блинов С. И. Внешняя политика Советской России. Первый год пролетарской диктатуры. М. 1973. 247 стр. Рец.: Попова Е.—«Международные отношения». София. 1975, кн. 1, с. 120—122.

«Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков». М. 1971. 228 стр. Рец.: Jackson G. D.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 144—145.

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. 1974. 382 стр. Рец.: Shesko G. L.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1975, № 1—2, pp. 1—3.

Гречко А. А. Вооруженные Силы Советского государства. М. 1974. 406 стр. Рец.: Schiel W.—«Einheit». Berlin. 1975, № 4/5, S. 550—554.

«Движение «4 мая» 1919 года в Китае». Сборник статей. М. 1971. 331 стр. Рец.: Doležalová A.—In: «Asian and African Studies». 10.1974. Bratislava—London. 1975, pp. 217—218.

Еремеев Д. А. Этногенез турок. (Происхождение и осн. этапы этнич. истории). М. 1971. 272 стр. Рец.: Корчап V.—In: «Asian and African Studies». 10.1974. Bratislava—London. 1975, pp. 237—238.

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий (1881—1903). М. 1973. 351 стр. Рец.: Fuller W. C.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1975, № 1—2, pp. 48—61.

Иванова Ю. В. Северная Албания в XIX—начале XX в. Общественная жизнь. М. 1973. 256 стр. Рец.: Фрайденберг М. М.—«Исторически записи». Титград. 1973, кн. 30, № 3—4, с. 470—477.

Иконников С. Н. Создание и деятельность объединенных ЦКК—РКИ в 1923—1934 гг. М. 1971. 480 стр. Рец.: Pietsch W.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1973, H. 3, S. 449—451.

Ионова А. И. «Мусульманский национализм» в современной Индонезии (1945—

1965). М. 1972. 283 стр. Рец.: Fatura Š.—In: «Asian and African Studies». 10.1974. Bratislava—London. 1975, pp. 205—207.

«История рабочего класса России 1861—1900 гг.». М. 1972. 319 стр. Рец.: Zelnik R. E.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 140—142.

«История рабочих Ленинграда. 1703—1965». В 2 тт. Л. 1972. Т. 1. 1703—февраль 1917. 555 стр. Т. 2. 1917—1965. 406 стр. Рец.: Campbell R. W.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 139—140.

«История Румынии». М. 1971. Т. 1. 1848—1917. 668 стр. Т. 2. 1918—1970. 742 стр. Рец.: Kostich D. D.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 137—138.

Кирьянов Ю. И. Рабочие Юга России 1914—февр. 1917 г. М. 1971. 307 стр. Рец.: Zelnik R. E.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 140—142.

Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50—60-х годов XIX века. М. 1972. 288 стр. Рец.: Orlovsky D. T.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1975, № 1, pp. 22—30.

Лаптин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX—начала XX в. Киев. 1971. 299 стр. Рец.: Robinson H. S.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, p. 143.

«Международные отношения в Западной Европе». М. 1974. 303 стр. Рец.: Basler G., Godtmann F.—«Berichte» (Institut für internationale Politik und Wirtschaft). Berlin. 1975, H. 3, S. 64—65.

Мукин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М. 1972. 336 стр. Рец.: Zelnik R. E.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 140—142.

«Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в.—первая половина XIX в.». М. 1973. 605 стр. Рец.: Okenfuss M. J.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1975, № 1—2, pp. 4—21.

Петров В. С. и др. Ленинская внешняя политика СССР: развитие и перспективы. М. 1974. 335 стр. Рец.: Аврамов О.—«Международные отношения». София. 1975, кн. 1, с. 118—120.

Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. Т. 1. От мануфактуры к фабрике. М. 1971. 454 стр. Рец.: Kerpel L.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 121—122.

«Россия и Италия. Русский и итальянский средневековый город. Русско-итальянские отношения в 1900—1914 гг.». Материалы IV конференции советских и итальянских историков. Рим. 1969. М. 1972. 477 стр. Рец.: McGrew R. E.—«Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 102—103.

«Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую Советскую Республику 1919 г.». Сборник документов. М. 1972. 255 стр. Рец.: Бодоржий М.—«Исторически гласник», Београд. 1973, бр. 1, с. 188—189.

Самбук С. М. Революционные народники Белоруссии (70-е—начало 80-х годов XIX в.). Минск. 1972. 247 стр. Рец.: Kit-

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в течение мая 1975 года.

ball A. «Amer. Hist. Rev.». Washington. 1975, № 1, pp. 142—143.

Сидоров А. Л. Экономическое положение в России в годы первой мировой войны. М. 1973. 655 стр. Рец.: Siegelbaum L. «Soviet Studies». Glasgow. 1975, № 2, pp. 309—311.

«Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». М. 1968. 451 стр. Рец.: Parrish M.— «Soviet Studies». Glasgow. 1975, № 2, pp. 325—326.

Улуньян А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М. 1971. 205 стр. Рец.: Норре Н.-J.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1973, Н. 3, S. 460—462.

«Франция». М. 1973. 464 стр. Рец.: Dankert J.— «Deutsche Aussenpolitik». Berlin. 1975, Н. 3, S. 428—432.

Фрейденберг М. М. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин. 1972. 253 стр. Рец.: Спремић М.— «Историјски гласник». Београд. 1972, бр. 2, с. 171.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М. 1973. 359 стр. Рец.: Donnert E.— «Zeitschrift für Slavistik». Berlin. 1974, Н. 6, S. 809—810.

«Юго-Восточная Европа в средние века». Сборник. Кишинев. 1972. 376 стр. Рец.: Спремић М.— «Историјски гласник». Београд. 1973, бр. 1, с. 172—173.

«Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма». Кишинев. 1973. 199 стр. Рец.: Спремић М.— «Историјски гласник». Београд. 1973, бр. 1, с. 173—174

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ Книга «Возрастание роли рабочего класса в социалистических странах» — результат совместной деятельности Высших партийных школ при ЦК КПСС, ЦК ПОРП, ЦК КПЧ и ЦК СЕПГ. Основная идея, объединяющая 9 статей, вошедших в сборник, — всемирно-историческая роль рабочего класса, его гегемония в подготовке и проведении социалистической революции, ведущее значение при построении социализма и коммунизма. Авторы обстоятельно разрабатывают проблемы, связанные с деятельностью марксистско-ленинской партии как авангарда рабочего класса и всех трудящихся, рассматривают причины, обуславливающие возрастание руководящей роли рабочего класса в социалистическом обществе, историческое место союза рабочего класса с крестьянством и трудовой интеллигенцией, ведут полемику против концепций буржуазных идеологов, правых и левых ревизионистов («Die wachsende Rolle der Arbeiterklasse in den sozialistischen Ländern»). Berlin. «Dietz». 1974. 319 S.).

◆ Коллективный труд, на страницах которого авторы из СССР, Польши, Чехословакии и ГДР обмениваются опытом по различным проблемам деятельности Совета Экономической Взаимопомощи, выпущен в ГДР. Ряд статей затрагивает вопросы интеграции в сфере научных исследований и перспектив общего развития социалистического содружества. Другие касаются подготовки исследовательских планов, разработки комплексных программ и внедрения результатов этой деятельности в производство («Forschung und Entwicklung im RGW»). Hrsg. von W. Sydow. Berlin. «Die Wirtschaft». 1974. 218 S.).

◆ Другая книга, посвященная Совету

Экономической Взаимопомощи, — справочник, в котором дан обзор результатов и перспектив совместной деятельности стран — членов СЭВ с начала его создания до наших дней. Авторами показаны цели и принципы СЭВ, основные направления деятельности, приведены различные статистические данные и графические материалы («RGW, Bilanz und Perspektiven»). Berlin. «Staatsverlag der DDR». 1975. 309 S.).

◆ Сборник воспоминаний немецких и советских товарищей о первых годах антифашистско-демократических преобразований в Дрездене — книга, идея которой возникла в 1970 г. на фестивале молодежи ГДР и СССР. Тогда в Дрездене собрались, помимо немецких товарищей, советские комсомольцы старшего поколения (в дальнейшем офицеры Красной Армии), которые в 1945 г. бок о бок с немецкими трудящимися принимали участие в восстановлении разрушенного в конце войны города. 16 статей, вошедшие в сборник, свидетельствуют о дружбе между народами СССР и ГДР, выковывавшейся еще в первые послевоенные годы. К сборнику приложены документы и большое количество впервые увидевших свет фотоматериалов («Kampffährten — Weggenossen. Erinnerungen deutscher und sowjetischer Genossen an die ersten Jahre der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung in Dresden»). Hrsg.: H. Wehner in Zusammenarbeit mit A. B. Waks. Berlin. «Dietz». 1974. 439 S.).

◆ Институт международных отношений при Академии государства и права ГДР и Польский институт международных отношений совместно выпустили публикацию «ГДР — ПНР. Союз и сотрудничество», приуроченную к 25-летию ГДР и 30-летию ПНР. В нее вошли следующие материалы.

«ГДР и ПНР как члены социалистического содружества»; «Основы дружбы и сотрудничества между ГДР и ПНР»; «Экономическое и научно-техническое сотрудничество между ГДР и ПНР»; «Культурное сотрудничество, туризм и иные формы дальнейшего сближения народов ГДР и ПНР»; «ГДР и ПНР в борьбе за мир, безопасность и сотрудничество между народами» («DDR — VRP. Bündnis und Zusammenarbeit». Berlin. «Staatsverlag der DDR». 1974. 310 S.).

◆ Государственное издательство ГДР приступило к выпуску документов ООН. Первый том многотомного издания озаглавлен «Возникновение ООН». В нем собраны документы, характеризующие цели и задачи Организации Объединенных Наций, процесс ее начального развития, структуру и формы деятельности. Особое внимание уделено борьбе за разрядку международной напряженности и нормализацию международных отношений. В том включены также первые международно-правовые акты и договоры Советского государства, речь М. М. Литвинова по поводу вступления СССР в Лигу Наций, различные документы антигитлеровской коалиции («Die Vereinte Nationen und ihre Spezialorganisationen». Dokumente. Bd. 1: «Die Entstehung der VNO». Berlin. «Staatsverlag der DDR». 1974. 480 S.).

◆ Вышли из печати избранные статьи и речи известного политического и общественного деятеля ГДР Альберта Нордена «Пять десятилетий на службе своему классу». Ряд материалов публикуется впервые. В книге помещены труды, характеризующие политическую и публицистическую деятельность А. Нордена с 1922 г. до последних лет. Наибольшее внимание уделено его агитационно-пропагандистской работе во имя интересов рабочего класса, его борьбе против фашизма и империализма, за демократию и социализм, за ослабление международной напряженности (A. Norden. Fünf Jahrzehnte im Dienst seiner Klasse. Ausgewählte Aufsätze und Reden 1922—1974. Berlin. «Dietz». 1974. 578 S.).

◆ Коллектив авторов из ГДР написал работу о центральном органе СДПГ газете «Социал-демократ» в 1879—1890 годах. Статьи сборника посвящены роли этого цюрихско-лондонского издания в его борьбе с бисмарковским законом против социалистов, Ф. Энгельсу как одному из авторов газеты и его помощи редакции. В книге исследуются также возникновение газеты, нелегальное ее распространение, идеологическая роль, ее борьба за идеи пролетарского интернационализма и против прусско-германского милитаризма (H. Bartel, W. Schröder, G. Seeber, H. Wolter. Der Sozialdemokrat 1879—1890. Ein Beitrag zur Rolle des Zentralorgans im Kampf der revolutionären Arbeiterbewegung gegen das Sozialistengesetz. Berlin. «Dietz». 1975. 292 S.).

◆ Материалы научного симпозиума на тему «Советско-польский союз в войне против третьего рейха, 1941—1945 гг.» составили содержание сборника, в который вошли статьи: В. Юргелевич «Введение», В. Ковальский «Новые аспекты поли-

тики Польши после нападения Германии на Советский Союз», А. Антосяк «Решающая роль Советского Союза в разгроме гитлеровцев и освобождении народов Европы от фашистского ига», К. Радзивончик «Значение оккупированной территории Польши для западноевропейского театра второй мировой войны», М. Стысьяк «Влияние германо-советской войны на развитие движения Сопротивления в оккупированной Польше», а также материалы дискуссии на симпозиуме («Związek Radziecki i Polska w wojnie z Trzecią Rzeszą, 1941—1945». Warszawa. WIH. 1974. 392 str.).

◆ Опубликован второй том четырехтомной «Истории сорбов». Это первое такое издание после вышедшего в 1884 г. очерка, посвященного истории сорбов в целом. Том охватывает период с 1789 г. по 1917 год («Geschichte der Sorben». Bd. 2. Bautzen. «Domowina». 1975. 328 S.).

◆ «Феодализм в Византии: проблемы способа производства в Византийской империи» — книга, в которой помещены исследование ряда видных европейских византистов: Е. Э. Липшиц «Конец рабовладельческого режима и начало феодализма в Византии», Э. В. Удалцова «О генезисе феодализма в Византии (к постановке проблемы)», Е. Э. Липшиц «Город и деревня в Византии VI — первой половины IX вв.», М. Я. Сюзюмов «Деревня и город в Византии IX—X вв.», А. П. Каждан «Город и деревня в Византии XI—XII вв.», Д. Ангелов «Феодализм на Балканах XIII—XV вв.», Э. Франс «Феодалная система и византийские города в XIII—XIV вв.», Г. Острогорский «Из истории византийской феодальной системы», Г. Цанкова-Петкова «Феодалная рента в болгарских районах под властью Византии» («Le féodalisme à Byzance: problèmes du mode de production de l'empire byzantin». Paris. 1974. 196 p.).

◆ Академия наук ВНР издает серию «Исторические исследования» под общей редакцией Ф. Мучи. Ее вып. 85 составила работа известного медиевиста Антала Барты «Венгерское общество в IX и X столетиях». Вначале автор кратко очерчивает древнюю историю венгерских предков, начиная с угорских племен, которые в III тыс. до н. э., по его мнению, занимали регион смешанных лесов и лесостепей между Окой и Уральским хребтом, причем непосредственные предки венгров размещались в районе от Печоры по Каме к Волге, а затем сместились южнее, где контактировали со скифами и уже в нашу эру — с сарматами. С V в. н. э. древние венгры, по мнению автора, вели полукочевой образ жизни вместе с тюркскими и аланскими племенами в Причерноморье, внося свой вклад в создание салтово-маяцкой культуры и в историю Хазарского каганата. Дальнейшее изложение строится по трем разделам: «Восточная Европа в IX—X столетиях», «Венгерские племена в IX в.», «От племенного союза к государству». Заканчивается работа освещением того, как венгры обособились в Паннонии. А. Бартой использо-

ваны разнообразные источники и специальная литература на многих языках (A. Bartha. *Hungarian Society in the 9th and 10th Centuries*. Budapest. «Akadémiai kiadó». 1975. 147 p.).

◆ Группа по изучению Ганзы при Обществе историков ГДР издает «Сообщения по истории торговли и общества». Их т. XIV составило исследование Клауса-Петера Цёлльнера «Из Штральзунда в Ослофьорд», посвященное Ганзе в целом, а преимущественно — городу Штральзунду во второй половине XVI века. Книга включает в себя главы об общих тенденциях развития европейской торговли той эпохи, попытках Ганзы предотвратить свое падение созданием конфедерации, борьбе Ганзы за морские привилегии в рамках отношений с Англией и скандинавскими странами, морской торговле Штральзунда, способах вложения торгового капитала (ростовщичество, землевладение, ремесло), общей роли Штральзунда внутри Ганзы. Автором использованы источники из архивов Штральзунда, Висмара и Ростока и обширная специальная литература. Цифровые данные обобщены в приложенных к исследованию 39 таблицах (K.-P. Zoellner. *Vom Stralsund zum Oslofjord*. Weimar. «Hermann Böhlau Nachfolger». 1974. 200 S.).

◆ Прогрессивный американский публицист Стюарт Смит, работавший в 1972 г. в советских архивах и книгохранилищах, написал работу «Неоколониализм США в Африке». Она состоит из следующих глав: Африка и социальные движения современности, контуры внешней политики США в конце второй мировой войны и в послевоенные годы, роль американского движения за гражданские права негров, общая направленность неоколониализма США, его экономическая база, социальная база, идеологическая база, военные аспекты неоколониализма. Автором использована разнообразная советская и зарубежная литература. Предисловие к книге написано Национальным председателем Компартии США Г. Уинстоном (S. Smith. *U. S. Neokolonialism in Africa*. New York. «International Publishers». 1974. 270 p.).

◆ Пол Хартманн и Чарлз Хазбэнд (Лейчестерский университет) в работе «Расизм и массовая среда» исследуют причины и формы проявления «белого» расизма и шовинизма в Англии. Они рассматривают проблему в таких аспектах: отношение англичан к «цветным» иммигрантам, традиционное британское изображение «черного человека», общественные предрассудки, расизм в английской прессе, межрасовые отношения в современном английском обществе и т. п. В приложениях помещены статистические материалы и результаты анкетных опросов (P. Hartmann, Ch. Husb and. *Racism and the Mass Media*. London. «Davis-Poynter». 1974. 280 p.).

◆ «Венское радиовещание на Словакию» — под таким названием бывший австрийский эмигрант, ныне преподаватель Тафтовского университета (США) Генри Дельфинер опубликовал в качестве т. VII серии «Монографии о Восточной Европе», издаваемой «Восточноевропейским ежеквартальником», книгу о нацистской пропаганде, ведшейся в 1938—1939 годах. Он анализирует цели этих передач, их конкретную социальную и персональную направленность, оппозицию к ним в Словакии, отношение к ним мирового общественного мнения, их эффективность с учетом возникновения в дальнейшем Словацкого марионеточного государства, различия между домюнхенскими и постмюнхенскими передачами так называемую «войну по радио». Г. Дельфинер использовал архивы венского и брагиславского радио, частные коллекции бумаг и микрофильмов, периодику, разнообразные редкие публикации (H. Deblinger. *Vienna Broadcasts to Slovakia*. New York. CUP. 1974. 142 p.).

◆ В т. 24 пятой серии «Трудов Королевского исторического общества» (Англия) помещены статьи: Дж. Грэй «Проблема папской власти в церквеждении у бернардинцев», Ч. Уэбстер «Общественное место английской науки в середине XVII в.», Р. Лоу «Великобритания и начало войны на Тихом океане, 1939—1941 гг.», К. Китчинг «Вопрос об «укрываемых владениях» в правлении Елизаветы I», С. Бир «Две модели общественного мнения», Д. Буллэф «Драма и ритуал в средневековой Европе», Ф. Лайонз «Парнеллизм и преступность в 1887—1890 гг.», Д. Лоудз «Цензорская теория и практика в Англии XVI в.», П. Кларк «Прогрессистское движение в Англии», Дж. Элтон «Тюдоровский парламент» («Transactions of the Royal Historical Society». 5th ser. Vol. 24. 1974. 265 p.).

◆ Макс Пайфусс, сотрудник Венского университета и Венского архива по истории славянства и Восточной Европы, посвятил свою книгу «Аромунский вопрос» истории куцовлахов с древнейших времен до Бухарестского мира 1913 года. Рассмотрев вкратце судьбу романских этнических групп на территории Южных Балкан с римской эпохи до нового времени, М. Пайфусс уделяет основное внимание становлению и развитию куцовлахского национального движения в XIX в., особенно после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., деятельности аромунских просветителей в европейских владениях Турции с 1879 г. до 1898 г., греческому и румынскому влиянию на куцовлахов, отношению младотурок к куцовлахам в период Балканских войн. В приложениях опубликованы некоторые документы куцовлахских лидеров (M. D. Peyfuss. *Die Aromunische Frage*. Wien. «Hermann Böhlau Nachfolger». 1974. 166 S.).

КОМИССАРЫ В ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА БАЛКАНАХ

В годы второй мировой войны плечом к плечу с патриотами балканских стран против фашистских захватчиков и их пособников сражались и советские граждане — в основном военнопленные и угнанные в гитлеровское рабство, которых военные события забросили на Балканы. Воспитанные Коммунистической партией в духе дружбы и пролетарского интернационализма, советские люди вдали от Родины добровольно включались в борьбу братских балканских народов за свободу и независимость против общего врага — фашистского агрессора.

Примерно в 250 соединениях, частях народно-освободительных армий и партизанских отрядах советские граждане воевали в одиночку и небольшими группами. Наряду с этим из советских партизан были созданы и действовали на Балканах отдельные формирования, в частности 1-я Русская ударная бригада, входившая в состав 9-го корпуса Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), 12 батальонов, 24 роты и несколько партизанских отрядов. Всего в вооруженной антифашистской борьбе на Балканах по имеющимся в нашем распоряжении данным участвовало около 9 тыс. советских бойцов¹. Цифры эти, конечно, не являются исчерпывающими.

Советские партизаны проявили себя мужественными воинами, они внесли достойный вклад в освободительную борьбу балканских народов. Их вдохновляли на подвиги любовь к своей Родине, ненависть к фашизму, верность революционным идеалам. «Русские» роты и батальоны² отличались дисциплиной, монолитностью своих рядов,

с честью выполняли ответственные боевые задания. Об этом свидетельствуют многочисленные данные, в частности благодарности, которые получили советские бойцы от командования соединений и частей народно-освободительных армий³, высокая оценка их действий известными партизанскими командирами⁴.

Усилению морального духа и стойкости советских партизан, их активности в борьбе с фашистскими захватчиками во многом способствовало наличие в «русских» ротах и батальонах комиссаров, которые проводили политическую и воспитательную работу среди бойцов, всемерно повышали боеготовность партизанских формирований. Бойцы уважали своих комиссаров, верили им, видели в них своих друзей и опору в трудные моменты боя. Комиссары действовали в тесном содружестве с командирами, сплавляя партизан, воспитывая у них высокие моральные качества. В советской литературе по этому вопросу встречаются лишь отрывочные сведения. Ниже предпринимается попытка в известной степени восполнить этот пробел.

Комиссары в советских ротах и батальонах, воевавших на Балканах, нередко появлялись без каких-либо указаний сверху. Но было немало случаев, когда на эти посты советские граждане назначались по указанию командования соединений и частей народно-освободительных армий. Так, в первой половине марта 1944 г. в 9-й бригаде 18-й дивизии НОАЮ (Словения) был создан советский батальон из двух рот. Наряду с командирами сюда были назначены

¹ Подсчеты сделаны на основании архивных документов, списков бойцов формирований из советских граждан; сведений, опубликованных в печати балканских стран, письменных свидетельств участников событий и т. д.

² В эти формирования входили представители многих национальностей СССР, но «русскими» за рубежом, в том числе и на Балканах, их называли по традиции.

³ Архив МО СССР, ф. 1164, оп. 1, д. 102, л. 10; «Зборник докумената и података о Народноослободилачком рату југословенских народа». Т. 5, књ. 35. Београд. 1967, стр. 109—112, и др.

⁴ Архив МО СССР, ф. 243, оп. 2914, д. 226, л. 206; Д. Димитриу-Никифорок. Они сражались под оливами Греции. «Правда», 31.X.1965; S. Petelin-Vojk o. Med Triglavom in Trstom. Ljubljana, 1964, str. 328, e. a.

и комиссары: в батальон — Михайло[в], в роты — Каджая и Баев Тиман⁵. Они были опытными воинами. Уроженец Тбилиси Шота Каджая, например, сначала сражался на фронте; он попал в плен под Минском и был вывезен фашистами в Югославию, где совершил побег и 10 июня 1943 г. активно включился в вооруженную борьбу с врагом⁶. Комиссаром советского батальона, созданного 29 ноября 1944 г. в 5-й ударной Черногорской бригаде, стал бывший политрук Красной Армии «Саша». Он был направлен сюда из штаба 2-го ударного корпуса НОАЮ⁷. Волевой и энергичный комиссар сделал немало для успеха, достигнутого советским батальоном в декабре 1944 г. в жестоких боях против немецкого 21-го армейского корпуса, части которого упорно пробивались на север, в направлении Боснии. Факты назначения комиссаров в советские партизанские формирования сверху имели место и в других районах Югославии, а также в Греции.

Но часто комиссаров избирали сами бойцы этих формирований или их направляли сюда вышестоящие штабы по просьбе партизан. В конце сентября 1943 г., как только в 18-й бригаде НОАЮ (Словенское Приморье) была сформирована советская рота, комиссаром в ней стал Андрей Тазенков⁸. Его выбрали сами партизаны. То же самое произошло в советской роте, созданной в октябре 1943 г. в 13-м полку Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС). Первым комиссаром здесь был офицер Красной Армии Виктор Соловьев, уроженец Ленинграда. После его гибели в бою за села Копрово и Турицу комиссаром роты из-

брали Юрия Дмитриевича Лазоренко⁹. 25 августа 1944 г., когда узники румынского лагеря в г. Слобозия подняли восстание, подпольный комитет сразу же утвердил и комиссаров, возглавивших боевые подразделения из пленных красноармейцев. Комиссаром партизанского отряда из советских граждан, входившего в состав 8-го батальона 6-й дивизии Народно-освободительной армии Албании, был избран Ефрем Григорьевич Саркисян из г. Горис, Армянской ССР¹⁰. Таких примеров можно указать больше.

Комиссары были во всех советских партизанских формированиях, действовавших на Балканах. На эти должности назначались и избирались самые храбрые, испытанные в боях, политически грамотные партизаны. Вот каким, например, предстает перед нами комиссар советской роты 13-го полка ЭЛАС, затем советского батальона 1-й Македонско-Косовской бригады НОАЮ Ю. Д. Лазоренко. Он вырос в большой крестьянской семье в с. Малое Перещепино на Полтавщине, был активным комсомольцем, принимал участие в коллективизации. Скромного сельского кооператора хорошо знали за пределами родного района как отличного певца и музыканта: он не раз выступал в Киеве в капелле «Думка», пленял слушателей своим дарованием. В первые дни войны коммунист Ю. Д. Лазоренко добровольно ушел на фронт, но скоро был ранен¹¹. После госпиталя он снова в Действующей армии, под Харьковом. Здесь Ю. Д. Лазоренко попал сначала в окружение, а затем в плен. За саботаж ему прозила расправа. Убив вместе с другими узниками лагеря двух охранников, он скрылся и долго пробирался к линии фронта. Раненый снова в стычке с врагом, он все-таки добрался до расположения наших войск. 14 мая 1943 г. Ю. Д. Лазоренко был заброшен в тыл врага, недалеко от родного села. После встречи со своим братом — партизаном Иваном, впоследствии расстрелянным фашистами, он отправился выполнять задание в Полтаву¹². Гитлеровцам удалось

⁵ «Зборник докумената и података...», т. 6, кн. 12, Београд, 1966, док. № 18.

⁶ Институт истории рабочего движения в г. Любляне. Фонд НОБ. Списки бойцов 8-й бригады 18-й дивизии от 8 марта 1944 г.

⁷ «Зборник докумената и података...», т. 3, кн. 8, Београд, 1962, стр. 564. Нам удалось уточнить фамилию комиссара. Им был Александр Белов, уроженец Казани, бежавший летом 1944 г. из немецкого лагеря в Албании. Письмо Е. И. Сидорова автору от 6 августа 1970.

⁸ В книге М. И. Семиряги «Советские люди в европейском Сопротивлении» (М. 1970, стр. 127) неточно указана его фамилия (Тазенков) и говорится о том, что он был первым комиссаром советского батальона. Тазенков погиб до формирования батальона, в ноябре 1943 г., в горном районе Словении — Крн. Из личного архива Г. А. Жилиева, бывшего пропагандиста советского батальона 18-й бригады НОАЮ. Военный дневник 1943 г.

⁹ Письмо В. К. Гудзя Д. С. Лазоренко от 25 сентября 1962 г.; письмо И. В. Барсукова автору от 20 декабря 1964 г., и др.

¹⁰ Письма Ш. К. Заркаряна автору от 11 декабря 1971 г. и 5 января 1972 г.

¹¹ Письмо Ю. Д. Лазоренко О. Д. Лазоренко от 7 сентября 1941 г.

¹² Из личного архива автора. Воспоминания о Ю. Д. Лазоренко его сестер Г. Д. Лазоренко, О. Д. Кузнецовой и жены Г. С. Лазоренко, записанные в сельсовете 23 сентября 1962 г.

схватить патриота. Через несколько месяцев он оказался в немецком лагере в г. Салоники (Греция). Несмотря на слежку охранников, Ю. Д. Лазаренко вскоре ушел в горы и стал бойцом партизанского отряда капитана Колокотрониса. Вместе с ним сюда явилось несколько красноармейцев. Измученные, с ранами на ногах, они по-прежнему были сильны духом, горели желанием сражаться с фашистами¹³. Среди партизан Лазаренко выделялся знанием военного дела, организаторскими способностями, волевым характером. Особенно отличился он во время боев с карателями в горах Круши (декабрь 1943 г.), а также при переходе через р. Вардар (январь 1944 г.), когда во главе советских бойцов пошел на штурм вражеских огневых точек¹⁴.

Избранный комиссаром роты, Ю. Д. Лазаренко строго следил за несением караульной службы, всемерно укреплял дисциплину и порядок. Он постоянно вел политическую работу, учил бойцов подрывному делу, показывал пример воинской доблести и отваги. Комиссар всегда был впереди во время боя и последним — при вынужденном отходе партизан¹⁵. Ю. Д. Лазаренко обладал и другими чертами: душевностью, готовностью выручить товарища в беде. «Нас было 60 человек, многих побратимов я забыл, но Юрия Дмитриевича помню хорошо, — вспоминает И. Г. Собко. — Однажды я был в ночном дозоре, а Лазаренко проверял боевое охранение. Тут состоялась наша теплая беседа. В темноте балканской ночи мы долго говорили о Родине. Комиссар расспросил, откуда я родом, потом рассказал о себе, о Полтавщине, где остались его жена и дети... Как-то ночью, находясь на посту, я признался Юрию Дмитриевичу, что изнемогаю от голода. Не задумываясь, он отдал мне свою порцию хлеба и сыра. Такое забыть нельзя»¹⁶. Хороший организатор и умелый воспитатель, Ю. Д. Лазаренко пользовался среди партизан большим авторитетом. Отважный комиссар прошел

славный боевой путь и погиб 22 июня 1944 г. на горе Караорман (Македония).

Вот биография и боевые дела еще одного комиссара — Алексея Ефремовича Рындина, активного участника движения Сопротивления в Румынии. Воспитанный в рабочей семье, коммунист с 1920 г., он был организатором Советской власти в одной из кубанских станиц, воевал с белоказаками, действовал в тылу денкинской армии. После окончания гражданской войны А. Е. Рындин занимал ответственные должности в партийных и хозяйственных органах на Кубани. Осенью 1941 г. он был назначен заместителем комиссара 54-го полка 25-й Чапаевской дивизии. Начались героические дни обороны Севастополя. А. Е. Рындин постоянно находился на передовой среди бойцов. В одном бою, во время сильного вражеского обстрела он первым бросился в контратаку, увлекая за собой красноармейцев. Фашисты не выдержали внезапного натиска и, бросив убитых и раненых, отступили. В этот день бойцы смелыми контратаками заняли еще несколько позиций врага. И все время А. Е. Рындин лично руководил боем¹⁷. Генерал армии И. Е. Петров свидетельствует, что майор А. Е. Рындин, будучи на передовых позициях в период обороны Севастополя, получил несколько ранений, сражался стойко и мужественно¹⁸. В конце июня 1942 г. контуженного комиссара доставили на Херсонесский мыс для эвакуации, но корабли не смогли прийти. Вместе с группой раненых защитников Севастополя он оказался в руках фашистов и попал в немецкие, затем в румынские лагеря. Его не раз бросали в карцер, избивали, наконец, отдали под суд военного трибунала. Однако смелый патриот не пал духом, звал других к сопротивлению. В августе 1944 г. А. Е. Рындин был избран заместителем по политчасти командира восставших узников слобозийского лагеря. Имея большой военный опыт и опыт работы с людьми, он много сделал для организации борьбы, разгрома отступавших через Слобозию гитлеровцев¹⁹. После освобождения Румынии А. Е. Рындин продолжал служить в рядах Советской Армии.

¹³ Письмо И. В. Барсукова Г. Д. Лазаренко от 26 мая 1961 г.; письмо В. И. Касимова автору от 18 марта 1970 г.

¹⁴ Письмо И. В. Барсукова Г. Д. Лазаренко от 6 января 1963 г.; письмо Г. Д. Засидкевича автору от 21 сентября 1963 г., и др.

¹⁵ Письмо В. К. Гудзя Г. С. Лазаренко от 25 сентября 1962 г.; письмо И. Д. Парамонова Г. Д. Лазаренко от 6 февраля 1963 г., и др.

¹⁶ Письмо И. Г. Собко Г. Д. Лазаренко от 2 ноября 1962 г.

¹⁷ И. Маслов. Сила примера коммуниста. Газета «Красный боец», 27.III. 1942.

¹⁸ Из личного архива А. Е. Рындина. Справка, выданная командующим войсками Туркестанского военного округа И. Е. Петровым от 20 июля 1946 г., № 592.

¹⁹ Центральный музей Вооруженных Сил СССР (ЦМВС СССР). Документальный фонд, № 59447/4/38957.

Где бы ни воевали на Балканах советские комиссары, они всегда проявляли мужество и героизм. В ночь с 6 на 7 ноября 1943 г. советская рота 18-й бригады НОАЮ совершила нападение на батальон карателей в селении Толмин (недалеко от г. Кобарида). Ворвавшись внезапно в казармы, партизаны уничтожили более 100 гитлеровцев, захватили оружие, продукты; был взорван также мост через р. Толмин. Много сделал для достижения успеха комиссар роты А. Тазенков: до начала операции он бесшумно снял с группой бойцов вражеских часовых, а затем бесстрашно штурмовал казармы²⁰. В конце декабря 1944 г. в районе с. Хасан-Брег (Хорватия) разгорелись кровопролитные бои. В них активно участвовали и советские воины. В донесении штаба ударной бригады «Франьо Огулинац Сельо» от 31 декабря 1944 г. подчеркивается особая храбрость и командирское умение заместителя комиссара 4-го батальона Николая Грегуринна. В критический момент, когда решалась судьба боя, он поднял партизан в атаку и бросился на врага, но сам при этом погиб смертью храбрых²¹.

Героический подвиг совершил, сражаясь в рядах болгарского Интернационального солдатского партизанского батальона, Леонид Фрезин («Левка»). Он проявил себя смелым, инициативным и упорным в борьбе с фашистами, часто рассказывал болгарским друзьям о Советском Союзе. Его назначили комиссаром 4-й роты²². В июне 1944 г. партизаны получили задание захватить опорный пункт врага. Ночью они заняли исходные позиции. Неожиданно гитлеровцы открыли сильный огонь из пушек и минометов. Леонид обошел бойцов, всячески подбадривая их. Его спокойствие передалось остальным. По сигналу партизаны начали атаку, но ряды их быстро редели. Тогда Леонид поднялся во весь рост и с пением «Интернационала» пошел вперед, увлекая за собой остальных партизан. Фашисты были разбиты, но в жестокой схватке погиб и комиссар²³.

Храбро и решительно действовали комиссары боевых взводов, сформированных из бывших узников слобозийского лагеря. От-

личились, в частности, Ф. Ф. Коршунов из Ленинграда, Я. В. Евдокимов из Красноярска, П. Я. Сабецкий из Сум. Их призывное слово, личный пример поднимали восставших на борьбу с врагом. В первый же день восстания подразделения заняли важные пункты обороны на шоссе Слобозия—Бухарест, Слобозия—Плоешти и начали смело бить гитлеровцев. В жаркой схватке взвод Ф. Ф. Коршунова уничтожил 10 фашистов, 35 взял в плен, вывел из строя самоходное орудие и автомашину²⁴. Успешным было нападение восставших во главе с Я. В. Евдокимовым на немецкий батальон, расположенный в 5 км от г. Слобозия. Незаметно окружив фашистов, бойцы в полном напале на них. Кроме убитых, гитлеровцы потеряли более 50 человек пленными, 8 автомашин с боеприпасами и снаряжением, одну радиостанцию. Среди бойцов лишь трое были ранены. Успеху во многом способствовали умелые действия комиссара, который вместе с командиром организовал перед боем тщательную разведку, находился в первых рядах атакующих.

Об активности и самоотверженности комиссаров свидетельствуют также большие потери среди них. Возьмем, к примеру, советский батальон, сформированный в январе 1944 г. в 18-й бригаде НОАЮ. Первый его комиссар Сабит Хулямиев («Сергей») из Караганды погиб в феврале 1944 г. в бою с эсэсовцами за с. Край. Его сменил Х. О. Бадмаев («Борис»), уроженец Астраханской области, который вскоре был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Получили ранения и следующие комиссары этого батальона — Т. И. Шанов («Анатолий») из г. Челкар Актюбинской области и Г. Г. Малов²⁵. Вышли из строя также многие комиссары рот советского батальона 18-й бригады НОАЮ, в том числе и Василий Коков, смертельно раненный в боях на Облаков Врх в июле 1944 года²⁶. Во время ночной атаки вражеская пуля сразила комиссара советского батальона Осиекской бригады 12-й дивизии НОАЮ Леонида Го-

²⁴ ЦМВС СССР. Документальный фонд, № 59447/4/38957.

²⁵ Письмо А. И. Дьяченко автору от 20 мая 1970 г.; письмо Г. А. Жилиева автору от 23 сентября 1971 г.

²⁶ В книге F. Vavéс. *Vazobiška brigada*. Ljubljana, 1970, str. 303 ошибочно указано, что погиб Колков. Правильно: Коков Василий Васильевич, 1923 г. рождения, родом из Ширинского района Хакасии. Из личного архива Г. А. Жилиева. Список личного состава советского батальона 18-й бригады НОАЮ.

²⁰ Письмо А. Я. Дьяченко автору от 20 июля 1971 г.

²¹ «Зборник докумената и података...». Т. 5, кн. 36. Београд. 1968, стр. 606—608.

²² Р. Т. Аблова. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма. 1941—1945. М. 1973, стр. 312.

²³ «Братя по оружје и съдба». «Работническо дело», 5.VIII.1969.

ловина²⁷, погибли комиссары рот: в бригаде «Франьо Огулинац Сельо» Павел Мальцев²⁸ и Анатолий Жуков²⁹, в 7-й Воеводинской бригаде НОАЮ — Владимир Евсеенко³⁰ и многие другие. В вооруженной борьбе с захватчиками на Балканах смертью храбрых пал каждый третий советский комиссар-партизан, остальные почти все получили ранения.

Комиссары партизанских формирований, постоянно находясь среди бойцов, работая рука об руку с командирами, решали большой круг вопросов — от организационных до хозяйственных: участвовали в подборе военных кадров, обучали партизан тактике боя в условиях горно-лесистой местности, стремились окружить их заботой, поддерживать в трудные минуты. Однако главной своей обязанностью они считали политическую и воспитательную работу в массах, направленную на создание сплоченного коллектива, усиление его боеготовности. Для достижения этого они применяли различные формы и методы, средства идеологического воздействия на людей. Широкое распространение получили групповые и индивидуальные беседы. Особое внимание обращалось на новых и молодых, еще не обстрелянных партизан. Темы бесед были самые различные — смелые поступки отличившихся воинов, необходимость высоко нести за рубежом звание советского гражданина и т. д. Комиссары постоянно стремились, чтобы бойцы четко понимали цели и перспективы партизанской войны, отдельных боевых операций, воевали сознательно, целеустремленно. Важной формой воспитания бойцов являлись специальные занятия. Они регулярно проводились, например, в советской роте 13-го полка ЭЛАС. На них шла речь о политической обстановке, разоблачалась вражеская пропаганда, много часов отводилось также изучению правил караульной службы.

Большое значение комиссары придавали митингам. Поводом для них были разные события. Так, 7 ноября 1943 г. митинг бойцов советской роты 18-й бригады НОАЮ

был посвящен 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и освобождению Киева. На нем выступили бойцы Михаил Макаев, Трофим Юрченко, комиссар и командир роты. Они с гордостью говорили о победах Советской Армии, клялись без пощады бить фашистов на югославской земле³¹. Митинги в этой роте, преобразованной в январе 1944 г. в батальон, устраивались систематически. Вот отдельные выдержки из дневника военных лет бойца этого батальона П. И. Ляшко: «15 января. Шли всю ночь и день. Вечером в селе митинг». «27 февраля. Устроили митинг. Затем были танцы и песни. Местные жители остались очень довольны»³². 16 ноября 1944 г. на торжественном митинге советскому батальону было вручено Красное знамя, вышитое девушками селения Чиповано. А через несколько дней состоялся еще один митинг, в день, когда хоронили прославленного разведчика-диверсанта Мехти Гусейн-заде, действовавшего в районе Триеста³³. Специально посланный взвод принес тело погибшего в батальон. У могилы героя, зверски изрубленного фашистами, советские партизаны давали клятву жестоко мстить врагу.

Практиковались также общие собрания бойцов. Они проходили, в частности, в советских батальонах 1-й Македонско-Косовской бригады³⁴, 18-й бригады НОАЮ³⁵ и в других формированиях. На них обсуждались различные текущие вопросы, подводились итоги боев. На собрании, которое состоялось в феврале 1944 г. в советской роте 2-го батальона 1-й бригады 9-го полка ЭЛАС, шла речь о том, как лучше помочь греческим патриотам в борьбе с оккупантами³⁶. Собрания, как и митинги, являлись своеобразной школой воспитания бойцов, нацеливали их на решение стоящих перед подразделением задач. Много значила и

³¹ Письмо А. И. Дьяченко автору от 20 июля 1971 г.

³² Из личного архива П. И. Ляшко. Военный дневник 1944 г.

³³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945-гг.». Т. 4. М. 1962, стр. 495; «Зборник докумената и података...», т. 6, кн. 13. Београд, 1967, стр. 251, 253, и др.

³⁴ Запись беседы автора 29 мая 1967 г. с И. Поповским, бывшим представителем Главного штаба НОА и ПО Македонии, проживающим в г. Скопле (Югославия).

³⁵ М. P a b l i p. P o g o v o r V a z o b i š k i b r i g a d i. «TV-15», 10.XII.1969.

³⁶ Письмо Г. Н. Николоева автору от 16 июня 1972 г.

²⁷ Г. Платонов. По сигналу красной ракеты. «О чем не говорилось в сводках». М. 1962, стр. 150.

²⁸ Запись беседы автора 29 августа 1970 г. с бывшим командиром советской роты этой бригады А. К. Хаджимовым, проживающим в г. Черкесске.

²⁹ «Зборник докумената и података...». Т. 5, кн. 34. Београд. 1966, стр. 373—375.

³⁰ Там же. Т. 1, кн. 9. Београд. 1956, стр. 477—478.

художественная самодеятельность, которую организовывали комиссары. Бойцы нередко выступали перед товарищами и местными жителями, исполняли песни, пели частушки, разыгрывали сценки, высмеивая и разоблачая фашистов. Концерты поднимали настроение бойцов, скрашивали их суровые будни. Комиссары старались узнать больше новостей о Советской стране и положении на фронте, быстрее сообщить их партизанам. С этой целью они распространяли сводки Совинформбюро, принимаемые по радио, организовывали читки газет и т. д.

В своей деятельности комиссары опирались на коммунистов и комсомольцев. Так, в советском батальоне 7-й Воеводинской бригады насчитывалось 10 членов и кандидатов ВКП(б) и 18 комсомольцев из 200 бойцов личного состава³⁷, в 1-й Русской ударной бригаде — соответственно 30 и 150 человек из 500 партизан³⁸. Коммунисты и комсомольцы были цементирующим ядром в подразделениях, активными помощниками комиссаров в развертывании политико-воспитательной работы. Правой рукой комиссаров являлись и пропагандисты, назначаемые командованием частей НОАЮ. Так, в советском батальоне 18-й бригады обязанности пропагандиста исполнял Г. А. Жилиев. Он организовывал митинги, распространял сообщения Совинформбюро и т. д. Документы подтверждают, что Г. А. Жилиев был «дисциплинированный, деятельный и самоотверженный... пользовался любовью бойцов»³⁹.

В своей практической работе комиссары использовали выпуск боевых листов, стеновых газет и листовок. Последние служили важным источником информации, помогали пропагандировать боевой опыт, а для народных борцов Балкан были примером того, как следует применять силу слова. Регулярно выпускалась стенгазета «За Родину» в советском батальоне 18-й бригады НОАЮ. В редколлегию входили политически грамотные бойцы и командиры — В. Ф. Молибог, Т. И. Шанов и другие. Стенгазета публиковала разнообразные материалы. В них рассказывалось о героизме советских воинов, сообщались новости, помещались ка-

рикутуры на фашистов. На смотре стеновой печати партизанских частей Словенского Приморья осенью 1944 г. газета «За Родину» заняла одно из первых мест⁴⁰. Стенгазеты, боевые листки выходили и в других состоявшихся из советских граждан партизанских формированиях. Как правило, они были содержательными, злободневными, хорошо оформлялись, что в тех условиях было нелегким делом. Примером может служить боевой листок, который выпускался под руководством и при активном участии комиссара 2-й роты советского батальона 7-й Воеводинской бригады НОАЮ В. А. Студнева. Сохранились только четыре номера этого боевого листка, относящиеся к июлю—августу 1944 года⁴¹. В листовках сообщалось о подвигах бойцов, победах Красной Армии. Специальные листовки представляли собой обращение к тем, кто оказался в так называемых национальных легионах и частях власовской «Русской освободительной армии». Такие листовки, которые одновременно служили пропуском для перехода на сторону партизан, обычно подписывал человек, которого хорошо знали среди власовцев⁴². Это оказывало действие. Так, в конце ноября — начале декабря 1943 г. в районе Толмина (Словения) из «национальных легионов» с партизанскими листовками-пропусками ушла группа солдат. Подобные случаи участились в 1944 г., особенно в Хорватии.

Институт комиссаров, существовавший в годы войны в партизанских формированиях из советских граждан на Балканах, прошел суровую проверку в боях, сыграл значительную роль в превращении этих формирований в хорошо организованные, боеспособные подразделения. Всеми своими делами, пламенным словом комиссары вдохновляли советских партизан на борьбу против фашистских захватчиков, воспитывали у них чувство гордости за свою социалистическую Родину, дружбы и солидарности с трудящимися стран Балканского полуострова.

В. Н. Казак

³⁷ Подсчеты сделаны на основании документов Архива МО СССР, ф. 431 сп., оп. 87509, д. 15, лл. 120—126; ф. 430 сп., оп. 87480, д. 2, лл. 132—134, и др.

³⁸ Из личного архива Г. А. Жилиева. В основу подсчетов положен список советских партизан.

³⁹ Институт истории рабочего движения в г. Любляне. Фонд НОБ, № 288/1.

⁴⁰ Запись беседы автора 25 февраля 1970 г. с бывшим командиром 1-й Русской ударной партизанской бригады А. И. Дьяченко, проживающим в г. Николаеве.

⁴¹ Из личного архива В. А. Студнева. Фотокопии четырех номеров боевого листка, который выпускался в советской роте.

⁴² Письмо А. М. Плешакова автору от 20 августа 1970 г.; письмо А. И. Сухова автору от 7 декабря 1970 г., и др.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ В КОРЕЕ

В годы Великой Отечественной войны Советские Вооруженные Силы, отстояв в ожесточенной борьбе с фашизмом и агрессивной свободой и независимостью социалистической Отчизны, выполнили свой интернациональный долг, освободив народы многих стран Европы и Азии от фашистского порабощения. На Дальнем Востоке они в течение немногим более 20 дней провели ряд блестящих операций, в результате которых была разгромлена Квантунская армия — основная сухопутная сила Японии — и освобождены Южный Сахалин, Курильские острова, а также Северо-Восточный Китай и Северная Корея. Здесь проживало 70 млн. человек. В боевых действиях в Корее и Северо-Восточном Китае приняли участие более 1,5 млн. советских воинов¹. Дорогой ценой заплатили они за освобождение братской корейской нации. Только одна 25-я армия 1-го Дальневосточного фронта потеряла за время боев 4 717 человек, из которых около 1 500 — убитыми².

Корейский народ, долгие годы находившийся под ярмом японских оккупантов, мужественно боролся за свою свободу и национальную независимость. Его лучшие сыновья и дочери под руководством коммунистов в течение многих лет вели антияпонскую партизанскую борьбу на территории Северо-Восточного Китая и северных пограничных районов Кореи. Однако свободу и независимость корейские трудящиеся смогли обрести лишь в августе 1945 года. День 15 августа, когда японские войска в Корее сдались Красной Армии и народ ее избавился от чужеземного ига, стал национальным праздником КНДР — Днем освобождения. В результате военно-политического разгрома японского милитаризма Советскими Вооруженными Силами была решена главная задача корейского национально-освободительного движения — ликвидировано японское колониальное господство и национальное угнетение.

Большой вклад в освобождение Северной Кореи внесли воины 25-й армии под командованием генерал-полковника И. М. Чистякова и Тихоокеанского флота под командованием адмирала И. С. Юмашева. С 11 по 21 августа 1945 г., сломив сопротивление японских войск, они заняли важнейшие порты и военно-морские базы на восточном побережье Кореи — Унги, Наджин, Чхонджин, Вонсан. 24—25 августа советский авиадесант высадился в Хамхыне и Пхеньяне. Продвигаясь в глубь территории Корейского полуострова, наши части разоружили японские войска, полицию и жандармерию. Красная Армия, в соответствии с договоренностью с союзниками, заняла территорию Кореи до 38-й параллели, которая являлась временной разграничительной линией по приему капитуляции японских войск. Только войскам 25-й армии сдались в плен 170 тыс. японских солдат (почти четверть общего числа японских военнопленных, сдавшихся Красной Армии в ходе боевых операций на Дальнем Востоке), в том числе 6 тыс. офицеров и 27 генералов³.

После вступления Красной Армии на территорию Северной Кореи советское командование обратилось к корейскому народу: «Граждане Кореи! Запомните, счастье в ваших руках. Вы получили свободу и независимость, и теперь ваша судьба зависит только от вас самих. Советская Армия создала все условия для свободного созидательного труда корейского народа. Корейский народ должен сам стать творцом своего счастья»⁴. Командование 25-й армии в приказе от 10 октября 1945 г. разъяснило корейскому народу, что Советские Вооруженные Силы вступили в Северную Корею для разгрома захватчиков и не преследуют целей введения здесь советских порядков или приобретения территории⁵. В освобож-

³ Н. Г. Лебедев. Заря свободы над Кореей. «Во имя дружбы с народом Кореи». М. 1965, стр. 27.

⁴ «История Кореи». Т. 2. М. 1974, стр. 234.

⁵ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», стр. 442.

¹ «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне». М. 1974, стр. 455.

² Там же, стр. 441.

денных корейских городах и селах прошли многотысячные митинги и массовые демонстрации. Торжественно и радостно встречали корейцы своих освободителей — советских воинов.

Японские колонизаторы при бегстве из Северной Кореи уничтожили большинство крупных заводов и фабрик, затопили шахты и рудники, вывели из строя железнодорожный транспорт. Бездействовало 1 015 крупных и средних предприятий (из 1 034), почта и телеграф. В Северной Корее с первых же дней ее освобождения под руководством коммунистов начался процесс становления органов народной власти, демократизации общественной жизни, возрождения промышленности и транспорта, а также национальной культуры. Неоценимую помощь в этом деле оказала Советская гражданская администрация, созданная в октябре 1945 г. при командующем 25-й армии. Ее аппарат, состоявший из высококвалифицированных специалистов по вопросам промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, юстиции, торговли, здравоохранения, культуры и пр., повседневно содействовал решению самых разнообразных вопросов. Отмечая заслуги советских воинов-освободителей в восстановлении народного хозяйства страны, Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, Президент КНДР Ким Ир Сен говорил: «Великая Советская Армия, находившаяся в северной части нашей страны, протянула руку бескорыстной помощи в деле восстановления заводов, предприятий, железнодорожного транспорта, рудников, шахт. Бойцы и командиры Советской Армии во всех уголках северной части нашей страны с энтузиазмом трудились рядом с нашими рабочими и специалистами и оставили нам ценные плоды самоотверженного труда»⁶.

Социальные преобразования в Северной Корее облегчались пребыванием там советских войск. Их присутствие парализовало силы внутренней реакции в стране, лишило их возможности развязать гражданскую войну. Используя этот благоприятный фактор, трудящиеся Северной Кореи под руководством Коммунистической партии успешно решали задачи народно-демократической революции. В короткие сроки в стране были проведены такие революционные преобразования, как земельная реформа, национализация промышленности, транспорта, средств связи и банков. На месте разрушенной ко-

лонизаторской государственной машины создавались новые органы власти — народные комитеты. Введение рабочего законодательства, раскрепощение женщин и широкие культурные преобразования развязали творческую энергию народа, содействовали росту его политической активности. В результате проведенных демократических преобразований в Северной Корее были в основном решены важнейшие общедемократические задачи революции и созданы условия для ее постепенного перехода к социалистическому этапу. Север страны превращался в общенациональную базу независимости и демократии.

Помощь, которую оказывал Советский Союз в строительстве новой Кореи, вызвала горячую благодарность корейского народа. «Советская Армия, вступившая на территорию Кореи с целью разгрома японской армии,— отмечалось в постановлении Временного народного комитета Северной Кореи,— освободила Северную Корею от японского рабства, обеспечила корейскому народу демократические свободы, создала возможность для быстреего экономического и культурного возрождения Корейского государства»⁷.

Совершенно иной характер носила политика американских оккупационных войск в Южной Корее. После разгрома японского милитаризма и в южной части страны имелись предпосылки для развития ее по пути национального возрождения, демократии и социального прогресса, наблюдался огромный подъем общедемократического движения. Но высадка американских войск южнее 38-й параллели в начале сентября 1945 г. (спустя полмесяца после капитуляции японских войск в Корее) крайне осложнила политическую обстановку в этом районе. Накануне высадки американских войск главнокомандующий вооруженными силами США на Тихом океане Д. Макартур обратился к корейскому населению с воззванием. В нем, в частности, говорилось: «Настоящим устанавливается военный контроль к югу от 38-й параллели... Вся власть на территории к югу от 38-й параллели будет осуществляться под моим руководством»⁸. В Южной Корее была учреждена американская военная администрация. Глава ее генерал А. Арнольд в октябре 1945 г.

⁷ «Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики». М. 1952, стр. 47.

⁸ Цит. по: «История Кореи». Т. 2, стр. 179.

⁶ «Минджу Чосон», 17.III.1950.

откровенно заявил, что суверенитет в Южной Корее принадлежит не корейскому народу, а американской военной администрации⁹. О характере ее деятельности можно судить по декларации командования американских оккупационных войск (октябрь 1945 г.), гласившей: «Военная администрация есть временное правительство, созданное американскими оккупационными войсками к югу от 38-й параллели... На юге Кореи оно является единственным правительством»¹⁰. Созданная американским военным командованием система управления Южной Кореей подчинялась задачам военной оккупации. Корейцы в этой части своей страны были отстранены от участия в управлении, в решении судеб своей родины.

Американские оккупационные войска в Южной Корее вопреки Каирской и Потсдамской декларациям, предусматривавшим создание независимого Корейского государства, начали проводить здесь политику репрессий и террора в отношении демократических сил, запретили деятельность народных комитетов. Политика США была направлена на установление контроля над Южной Кореей с тем, чтобы в дальнейшем использовать ее в качестве плацдарма в борьбе против стран социализма и национально-освободительного движения на Дальнем Востоке. Один американский публицист так охарактеризовал империалистическую политику США в Южной Корее: «Одним из самых важнейших моментов нашей оккупации в Корее, пожалуй, является то, что мы приостановили здесь революцию. Если не во всей Корее, то в одной ее части во всяком случае»¹¹. Заокеанские оккупанты и внутренняя реакция выступили в Южной Корее душителями революции. Туда на штыках американских войск была «экспортирована» контрреволюция. В результате единая нация, единая страна оказались на долгие годы расчлененными. По вине империалистических сил и внутренней реакции возникла национальная трагедия корейского народа.

Создание в 1948 г. на корейской земле первого рабоче-крестьянского государства — Корейской Народно-Демократической Республики — один из наиболее показательных итогов освободительной миссии Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке. В благодарственном письме корейского на-

рода Советскому Правительству говорилось: «Славные подвиги, совершенные Советской Армией во имя освобождения и возрождения нашей страны, не померкнут в веках. Они вечно будут жить в памятниках, воздвигнутых нами в честь освобождения, в дымящихся трубах заводов и фабрик, восстановленных с помощью Советского Союза, в золотых волнах наших хлебов, в радостных улыбках наших людей»¹². В сентябре 1948 г. Верховное народное собрание КНДР обратилось к правительствам СССР и США с просьбой об одновременном выводе из Кореи американских и советских войск. Советский Союз удовлетворил просьбу высшего органа народной Кореи и к январю 1949 г. закончил эвакуацию своих войск с этой территории. Правительство США отказалось вывести свои войска из Южной Кореи, опасаясь, что это может привести к краху южнокорейского режима.

Проводы советских войск из КНДР вылились в яркую демонстрацию советско-корейской дружбы. Воинов нашей армии провожали тепло и сердечно, как близких друзей. Во всенародном письме, обращенном к Советскому правительству в связи с отъездом советских солдат на родину, говорилось: «Не раз за многовековую историю Корея видела у себя чужеземные войска, от их мечей умирали патриоты, гибло мирное население. Они жгли наши города и села, превращая их в развалины и груды пепла. И только советские войска пришли к нам не как завоеватели, а как освободители. Освобожденная от рабства, свободно вздохнула наша земля... Провожая советских воинов, мы выражаем искреннюю признательность им, воздаем честь и славу Советской Армии за те заслуги, которые она имеет перед нашей родиной»¹³. Благодарный корейский народ, свято чтя память погибших советских воинов, во многих городах Северной Кореи воздвиг памятники своим освободителям. В Пхеньяне, на горе Моранбон, высится обелиск. На нем по-корейски и по-русски высечены слова: «Великий советский народ разгромил японских империалистов и освободил корейский народ. Кровью, пролитой советскими воинами при освобождении Кореи, еще больше укрепились узы дружбы между корейским и советским народами. В знак всенародной благодарности воздвигнут этот памятник». На обелиске в г. Вонсане начертаны такие

⁹ Там же, стр. 180.

¹⁰ Там же.

¹¹ Цит. по: «Корейская Народно-Демократическая Республика». М. 1954, стр. 215.

¹² См. «Всемирная история». Т. X М. 1965, стр. 548—549.

¹³ «Известия», 16.II.1949.

слова: «Здесь покоятся воины Военно-Морского Флота Советского Союза, героически павшие за дело освобождения от японского ига и независимость корейского народа». В честь Советских Вооруженных Сил Президиум Верховного народного собрания КНДР указом от 16 октября 1948 г. учредил медаль «За освобождение Кореи», которой награждены советские воины — участники боев с японскими милитаристами на корейской земле.

Прошло 30 лет с момента освобождения Северной Кореи Красной Армией. Из некогда полуфеодальной колониальной страны народная Корея ныне превратилась в социалистическое индустриальное государство. Прошедшие годы ознаменовались замечательными достижениями в социальном, экономическом и культурном строительстве. В республике в основном построена материально-техническая база социализма. В 1970 г. объем валовой продукции промышленности по сравнению с 1949 г. увеличился более чем в 21 раз¹⁴. Удельный вес промышленности в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства повысился с 34% в 1956 г. до 74% в 1970 году. Доля промышленности в национальном доходе соответственно увеличилась с 25% до 65%. За годы индустриализации страны социалистическая промышленность развивалась высокими темпами. Среднегодовой прирост промышленной продукции составил 19,1%¹⁵. Больших успехов добились и сельское хозяйство республики. Валовые сборы зерновых в 1974 г. составили более 7 млн. т¹⁶. Завершена электрификация деревни, широким фронтом ведется строительство ирригационных сооружений.

Правительство КНДР и Трудовая партия Кореи уделяют большое внимание подъему благосостояния трудящихся. За годы народной власти реальные доходы населения выросли более чем втрое. Национальный доход населения в 1970 г. увеличился почти в 10 раз по сравнению с 1946 г.¹⁷ В республике построено свыше 40 млн. кв. м жилой площади. На каждые 10 тыс. населения теперь приходится 12 врачей, в то время как в 1946 г. их было только 1,5. В республике функционирует 10 тыс. общеобра-

зовательных школ различных ступеней и свыше 150 высших учебных заведений. (До освобождения Корея имела лишь один университет; 80% населения были неграмотными). В народном хозяйстве КНДР занято свыше 800 тыс. специалистов с высшим и средним образованием, а 30 лет тому назад во всей стране насчитывалось всего 800 инженеров и техников¹⁸.

С каждым годом расширяются международные связи КНДР. В настоящее время она имеет дипломатические отношения более чем с 70 государствами и поддерживает торгово-экономические контакты более чем с 80 странами¹⁹. КНДР принимает участие в деятельности 100 международных организаций. Народная Корея успешно осуществляет экономическое и научно-техническое сотрудничество со странами социалистического содружества. Объем торговли между СССР и КНДР в 1972 г. по сравнению с 1958 г. увеличился почти в 4 раза²⁰. Опираясь на помощь и содействие социалистических стран, в первую очередь СССР, республика создала фундамент социалистической индустриализации страны, обеспечила условия для ее дальнейшего экономического и культурного подъема. Промышленные предприятия, восстановленные и построенные только при техническом содействии Советского Союза, в начале 60-х годов дали республике 40% общего производства электроэнергии, 51% чугуна, 53% хлопчатобумажных тканей и т. д.²¹. Оценивая значение братского сотрудничества с социалистическими странами, Ким Ир Сен отмечал: «Интернациональная солидарность и сотрудничество с социалистическими странами, возглавляемыми Советским Союзом, явились не только прочным залогом национальной независимости корейского народа, но и важным фактором, облегчающим построение социализма в нашей стране, ускоряющим ее общественное развитие и обеспечивающим победоносное движение нашей революции вперед. На собственном опыте корейский народ твердо убедился в силе пролетарского интернационализма»²². Советский Союз и поныне оказывает народ-

¹⁴ «Нодон Синмун», 6.XI.1970.

¹⁵ Г. В. Грязнов. Годы больших свершений. «Азия и Африка сегодня», 1974, № 8, стр. 25.

²⁰ И. Т. Новиков. Четверть века дружбы и сотрудничества. «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, стр. 9.

²¹ «История Кореи». Т. 2, стр. 281.

²² Ким Ир Сен. Избранные статьи и речи. М. 1962, стр. 331.

¹⁴ «Нодон Синмун», 6.XI.1970.

¹⁵ Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК Трудовой партии Кореи V съезду партии. Пхеньян. 1970, стр. 7, 11.

¹⁶ «Новая Корея» (Пхеньян), 1975, № 2, стр. 4.

¹⁷ «История Кореи». Т. 2, стр. 319.

ной Корее техническое содействие в сооружении более 30 крупных промышленных предприятий и других объектов машиностроения, электроэнергетики, металлургии, химической промышленности и других отраслей народного хозяйства²³.

В настоящее время трудящиеся КНДР завершают выполнение шестилетнего плана развития народного хозяйства на 1971—1976 гг., который определил в своих директивах V съезд Трудовой партии Кореи, состоявшийся в ноябре 1970 года. Директивы съезда открывают перспективы построения в республике развитого социалистического общества. По предварительным данным, ожидается досрочное выполнение основных показателей шестилетнего плана.

Занятый мирным созидательным трудом, народ КНДР, вопреки антинародным акциям реакционных правителей Южной Кореи, ведет настойчивую борьбу за воссоединение своей родины мирным путем, на демократической основе. Присутствие в Южной Корее иностранных войск, вмешательство США во внутренние дела Кореи, наращивание военной мощи южнокорейскими властями создают опасную ситуацию на Корейском полуострове и Дальнем Востоке. Предложения КНДР по объединению стра-

ны на мирных, демократических началах неизменно пользуются поддержкой социалистических стран, прежде всего Советского Союза, всех миролюбивых сил. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии подчеркивалось, что КПСС и советский народ поддерживали и поддерживают предложения правительства КНДР о мирном демократическом объединении страны, требования корейского народа о выводе американских войск с юга Кореи²⁴.

Опыт Северной Кореи, освобожденной советскими войсками, выполнившими свой интернациональный долг, строительство народом КНДР новой жизни с помощью Советского Союза и других стран социализма имеют огромное значение для судеб колониальных народов, их национального освобождения и социального прогресса. Этот опыт учит, что одно из важнейших условий достижения независимости и прогресса — верность принципам пролетарского интернационализма, их неуклонное и последовательное осуществление. Сотрудничество и взаимопомощь социалистических стран множат силы этих стран, укрепляют их могущество, ускоряют их поступательное движение по пути коммунизма.

В. К. Пак

²⁴ См. «Материалы XXIV съезда КПСС». М. 1971, стр. 10.

²³ Г. В. Грязнов. Указ. соч., стр. 25.

РУССКИЙ ШЕЛКОВОД XIX ВЕКА

Алексея Федоровича Реброва (1776—1862 гг.), жившего с начала 20-х годов XIX в. на Ставрополье (слобода Владимировка, Пятигорского уезда) в своем среднем по величине поместье, сделали известным научные поиски, технические усовершенствования и практическая деятельность в области шелководства. На страницах одного лишь «Земледельческого журнала» в 30-е—50-е годы прошлого столетия он выступил со статьями, сообщениями и заметками 27 раз.

Известность Реброва как шелководы не была случайной. В России первой половины XIX в. остро стоял вопрос о сырье для отечественной шелкоткацкой промышленности¹. Началось обсуждение этого вопроса

в печатных органах министерств и ученых обществ. Ребров настойчиво доказывал, что в России шелководство может получить широкое развитие, в первую очередь в Кавказской области, а это позволит стране освободиться от иностранного ввоза или, как он выражался, «уплаты дани» Франции и Италии². В Ставропольской губернии в течение 30-х—40-х годов XIX в. добывалось около 200 пудов шелка-сырца ежегодно³. Эта цифра, безусловно, незначительна. Одну из причин столь слабого развития шелководства в крае Ребров усматривал в

¹ См. подробнее: П. Я. Букшпан. Шелководство в России в предреформенное время. «Вопросы истории», 1973, № 7.

² В конце 30-х годов российская промышленность потребляла около 60% шелка отечественного, главным образом закавказского, производства по средней цене 300—500 руб. ассигнациями за пуд; итальянский же стоил 1300 руб. (ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 6, д. 1213, л. 67).

³ Там же, оп. 17, д. 5616, лл. 34 об.—35.

прекращении попечительства со стороны правительства. С помощью государственных ассигнований, утверждал он, одна Кавказская область могла бы выделять до 4 тыс. пудов шелка в год. Примерно такую же цифру считал возможной и приехавший в Россию сардинский мастер-шелковод Б. Герзи⁴. Свою убежденность Ребров подкреплял практическим опытом. В продолжение многолетних хозяйственных занятий он хотел как можно полнее, хотя и на крепостнической основе, использовать богатые природные возможности края. Его деятельность протекала в нескольких направлениях: он писал труды по разведению шелка; занимался обработкой шелка собственного производства; вел научные изыскания, внедрял технические усовершенствования, использовал их в разведении шелка и его обработке; изучал экономику шелководного хозяйства; заботился о распространении своего опыта, пропагандировал его общественную пользу.

Первые шаги Реброва в развитии шелководства относятся к 1817 году. Через некоторое время он убедился в возможности получать на Кавказе шелк столь же высокого качества, как в Италии и Франции⁵. С 1828 г. Ребров стал публиковать результаты своих поисков. Он творчески использовал практику шелководов Востока, Италии и Франции. При этом ему удавалось добиться новых качественных показателей, существенных для развития шелководства в России. «Небольшое заведение мое на Кавказе,— писал он,— не столько занимает меня в преувеличении производства (ограничивая 4—5 пудами), сколько улучшением продукта, имея в предмете достигнуть того, в чем, по-видимому, затрудняется сама Италия, чтобы производить шелк белым»⁶. Труды Реброва встречали противодействие со стороны инспекции сельского хозяйства Южной России, видевшей, вероятно, в его успехах упрек ее бездеятельности в шелководном деле.

Шелководством Ребров занимался длительное время, накопив основательный опыт. Пути развития и судьбы этой отрасли представлялись ему к концу жизни по-иному, чем в начале его деятельности. Со временем он менял приемы выращивания шелкович-

ных червей, методы обработки сырого продукта. Правда, будучи помещиком исключительно земледельческого края, малонаселенного в те годы, он плохо представлял себе хозяйство не на крепостнической основе, без применения преимущественно барщинного труда, к тому же был заинтересован в надежной, им самим обученной (для таких отраслей, как шелководство, виноделие, садоводство) рабочей силе. «Все производство всего дела здесь просто,— писал он в 1828 г.— им занимаются простолудины, даже дети неграмотные по навыку». Хозяинничать на западный манер (по-капиталистически), делал вывод Ребров, здесь нельзя⁷. Между тем действительность подсказывала иное: шелководство — это промысел, тесно связанный с капиталистической мануфактурой.

В 1850 г. на заседании Комитета шелководства при Московском обществе сельского хозяйства было зачитано письмо Реброва, в котором признавалось «неудобство, встреченное при выкормке червей по крестьянским измам», ибо там «не соблюдается чистота». Реброву была очевидна малая производительность и низкая эффективность крепостного крестьянского труда в шелководстве. Но, не будучи передовым человеком в понимании социальных вопросов, он не увидел причин этого явления. Предложенный им выход из тупика кажется поэтому надуманным: шелководство нужно развивать преимущественно среди людей «среднего класса»⁸. Кого же подразумевал он под «средним классом» — мещан, купцов или низшее духовенство, — было неясно. Современник Реброва одесский селекционер Н. А. Райко представлял себе дело более отчетливо: шелководством должны заниматься только оброчные или государственные крестьяне, в какой-то мере заинтересованные (по сравнению с барщинными) в результатах своего труда.

Реброва заботило положение дел в шелководстве, и его деятельность на научно-просветительном поприще, в пропаганде хозяйственных идей была для своего времени весьма примечательной. Своим энтузиазмом он будоражил общественное мнение, часто выступал в печати по волновавшим его вопросам. А беспокоило его отсутствие обеспеченного спроса на отечественный, в том числе кавказский, шелк со стороны ткацких

⁴ См. «Земледельческий журнал», 1831, № 1, стр. 131—132.

⁵ См. «Земледельческий журнал», 1840, № 4, стр. 62—63.

⁶ «Земледельческий журнал», 1831, № 1, стр. 125.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 599, л. 16 об.

⁸ «Журнал министерства государственных имуществ», 1851, № 1, стр. 9.

фабрикантов. Для него становилось все более очевидным, что необходимым условием успешного развития шелководства являются практические меры, направленные на то, чтобы достичь тщательности в размотке коконов. Шелка в России, включая и Закавказье, было вполне достаточно, и это неоднократно отмечалось в журнальных статьях Реброва и других авторов. Однако качество местного шелка оставляло желать лучшего⁹.

В силу этих обстоятельств Ребров вплотную занялся научной разработкой технологии размотки коконов в своем хозяйстве, проводя биологические опыты по выращиванию шелковичных червей¹⁰. Он хотел доказать, что хорошо поставленная размотка шелка была экономически оправдана и даже выгодна для Кавказского края. Через некоторое время опытное хозяйство Реброва сумело дать шелк-сырец такого качества, какое отвечало требованиям текстильных фабрик. «Обрабатывается все своими людьми,— писал в отчете за 1839 г. Ребров,— из сторонних нет даже учеников, хотя не раз чрез начальство были приглашаемы желающие отдать для обучения без платы». Обученных им шелководству крепостных крестьян он называл «невещественным капиталом»¹¹. 48 человек были заняты в его хозяйстве на размотке коконов, наматывая в целом не более 5 пудов шелка в год. Посетивший в 1839 г. Владимировку известный экономист и государственный деятель А. П. Заблочкий-Десятковский отмечал, что «шелкоматальня содержится в чистоте, и люди приучены ко всем необходимым приемам»¹², и высказывал пожелание добиться того же повсюду, перенимая этот положительный опыт.

Реброва характеризовало умение критически подходить к оценке интересовавших его явлений. Бывали случаи, когда он отвергал научно-технические выводы и практику иностранных специалистов в области шелководства, ибо их предложения зачастую казались ему малопригодными в русских условиях. Вместе с тем он не переставал повторять, что необходимо учиться у более опытных французских и итальянских

шелководов¹³. Но чаще всего сделать это ему не удавалось. С горечью писал он про Каstellла, получившего от русского правительства привилегию на размотку шелка в Закавказье: «Несколько раз пытался видеть его машины и действие; но иностранец в строгой тайне содержит свои таланты и машины, требуя необъятной суммы за тростильню»¹⁴. Поэтому Ребров вынужден был обходиться собственными средствами. Усовершенствованная им размотка коконов специально выращенной высокопродуктивной породы шелковичных червей привела к изготовлению замечательного по своим качествам шелка. Ребров с гордостью писал в 1837 г., что «белизна сего шелка, тонина и ровность нити составляют те преимущественные качества, которыми отличается он от шелков, производимых в других местах России и за Кавказом»¹⁵. Против такой оценки никто не возражал.

Ставропольский шелк «возбудил удивление всех больших знатоков в Париже. Никогда они не хотели верить, что сей шелк выделан в России»¹⁶. В конце 30-х годов шелк Реброва за его высокое качество ценили до 2 тыс. руб. ассигнациями за пуд; в такой же цене был и лучший итальянский шелк. Сравнительно неплохие шелка восточных стран стоили 700—800 руб. ассигнациями за пуд. Однако, когда дело доходило до заключения торговых сделок на приобретение ребровского шелка, серьезным препятствием оказывались предрассудки русских промышленников, боявшихся, что основной потребитель дорогих шелковых тканей (дворянство) откажется от товара, сделанного из своего сырья на отечественных фабриках. Все же в 1829 г. один из шелкоткацких фабрикантов России, И. М. Кондрашев, купил шелк из Владимировки по 850 руб. ассигнациями за пуд¹⁷. Этот шелк оказался пригодным для изготовления самых тонких и изящных тканей, вывозимых обычно из Франции. «Шелк мой признан и во Франции лучшим из всех европейских шелков,— сообщал Ребров в 1837 г.,— и получил общую известность; это подтверждается тре-

¹³ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, л. 930, л. 4 об.

¹⁴ «Журнал мануфактур и торговли», 1829, № 12, стр. 6.

¹⁵ «Земледельческий журнал», 1837, № 1, стр. 101.

¹⁶ «Земледельческий журнал», 1835, № 1, стр. 125.

¹⁷ «Журнал мануфактур и торговли», 1829, № 12, стр. 12.

⁹ «Журнал министерства внутренних дел» («ЖМВД»), 1843, № 3, стр. 368.

¹⁰ Ср.: М. Е. Лобашев. А. Ф. Ребров — основатель русского шелководства. «Природа», 1951, № 10, стр. 77.

¹¹ «Земледельческий журнал», 1840, № 3, стр. 420—421.

¹² «ЖМВД», 1839, № 11, стр. 284.

бованием на него и ныне из Лиона коммерческим домом Дюфур д'Арль»¹⁸.

Ребров, резко осуждавший слепое преклонение перед иностранцами в области шелководства и пренебрежение опытом, накопленным в России, надеялся на широкое обобщение передового опыта российских ученых-шелководов и хозяев-практиков. С досадой сообщал он в письме в департамент мануфактур и внутренней торговли (1839 г.) о бесплодности для судеб шелководства состоявшейся выставки мануфактурных изделий. Эксперты даже не высказались по злободневному вопросу о качестве русского шелка. «Отправляя на выставку образцы шелку моего и самый шелк, послал я при нем и мастера, которому вполне известен процесс, начиная с оживления червячка: он их выкармливает, сортирует, сушит, красит и ткёт материи, обнимая довольно хорошо весь механизм этого дела; но сей человек, как простолудин, очевидно, был принят по платью — не признан за умеющего дать о том понятие, и проездил напрасно»¹⁹.

Истинный энтузиаст своего дела, Ребров наибольшее внимание уделял его биологической и технической стороне. Но, управляя многоотраслевым хозяйством, он вникал и в экономические вопросы. Экономика шелководства освещалась им в журнальных статьях также в пропагандистских целях: он хотел заинтересовать этой важной отраслью сельского хозяйства других землевладельцев южных губерний России.

Имение Реброва состояло из 70 дворов с 274 душами крестьян. Шелководством занимались все, от мала до велика, «не оставляя в то же время и других... по крестьянскому быту занятий земледелием, огородами, скотоводством и ремеслами». «Одна десятина земли, засеженной шелковицей, — произвел расчёт Ребров, — приносит 40 фунтов шелка в год. Если допустить среднюю цену за шелк 500 рублей за пуд, то, следовательно, десятина приносит дохода 500 рублей в год. Та же картина — в Италии. Едва ли какая-нибудь другая отрасль хозяйства, в том числе виноделие, могут принести такой доход»²⁰. Заблоцкий-Десятовский справедливо заметил, что эти расчёты носят частный характер и не могут быть применены

во всяком хозяйстве, ибо Ребров не принимал во внимание стоимость рабочей силы, используя даровой труд крепостных крестьян; не учтены были им и затраты на строения и машины для размотки. Почти 3 тыс. человеко-дней было израсходовано в течение короткого времени (шелководством занимались около полутора месяцев) в 1839 г. для получения 4—5 пуд. шелка²¹. Экономически заведение Реброва невыгодно, утверждали известные шелководы Н. А. Райко, Ф. В. Чижов и другие. Однако все они без исключения соглашались с тем, что Ребров создал образцовое, в своем роде учебное шелководное заведение, хотя и не умевшее «промышленного направления».

Во Владимировке, писала в 1850 г. «Земледельческая газета», «обучают всех, кто только желает, тутовому садоводству; отсюда можно получать отличные семена шелковицы и благонадежные яички шелковичных червей разных пород... все жители с. Владимировка могут быть учителями в червовоспитании, а для размотки шелка там найдется более ста превосходных шелкомотальщиков и шелкомотальниц, которые поспорят в искусстве размотки шелка с лучшими итальянскими мастерами и мастерицами — шелк ребровский вполне это доказывает»²². Ребров, хотя и считал свое шелководство показательным и видел в этом его главное назначение, все же делал попытки извлечь из него экономическую выгоду. Он деятельно переписывался с бароном А. К. Мейендорфом, бывшим агентом министерства финансов в Париже, предлагая через него свой шелк французским фабрикантам²³. Но, заботясь о получении доходов от шелководства, Ребров не желал приспосабливаться к текущим требованиям рынка, который традиционно ждал поставок грубых сортов шелка. И опять-таки для него важной была научно-пропагандистская сторона дела. «Конечно, не для одного меня будет приятно видеть в торговле, что шелк собственно русский означится в привозе во Францию, и я не ожидаю, чтобы слишком много принесло мне сие предприятие выгоды, но довольно, если самый предмет изумит многих»²⁴.

²¹ «Отечественные записки», 1839, т. VI, кн. 10, отд. V, стр. 4—5.

²² «Земледельческая газета», 7.III.1850, стр. 148.

²³ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 930, лл. 2—2 об.

²⁴ «Земледельческий журнал», 1835, № 1, стр. 123.

¹⁸ «Земледельческий журнал», 1837, № 1, стр. 105.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 930, л. 16.

²⁰ «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», 1842, № 1, разд. «Сельское хозяйство», стр. 50—51.

Существование своего шелкового заведения Ребров считал делом государственным, необходимым для России. Однако собственных средств он имел недостаточно. Между тем организационные, технические и просветительские мероприятия в области шелководства требовали вложения значительных средств. Лишь однажды, в 1839 г., он обратился к правительству за денежным пособием, желая расширить шелковое заведение и заняться обучением искусству шелководства молодых людей из крестьян и мещан. Однако из Петербурга последовал отказ. В письме в департамент мануфактур и внутренней торговли Ребров напоминал о том, что проблема развития шелководства еще далеко не разрешена. Если он не сумел из-за материальных затруднений организовать в своем ставропольском имении массовое обучение шелководному промыслу, то это, по его мнению, должно сделать правительство. «Пока не будут приготовлены и размножены люди с знанием правильного производства сего дела — дотоле не пойдет оно вперед»²⁵. Реброва постоянно волновал вопрос о путях и способах распространения шелководства в России. Он наивно считал, в частности, что благодаря просвещению крестьян южных губерний можно достичь успеха в распространении шелководства как важной отрасли сельского хозяйства юга России.

Ребров являлся изобретателем, причем свои новшества он делал достоянием многих. Из далекого ставропольского имения в Московское общество сельского хозяйства и в официальные учреждения Петербурга поступали сообщения об интересных опытах, изобретенных станках и приспособлениях²⁶. Особенно много работал Ребров над усовершенствованием шелкомотальной техники. Он стремился создать простую и дешевую машину, которая готовила бы основу для тканья с наименьшей затратой сил, и добился в этом успеха. Подробное описание его изобретения давалось в письме Реброва на имя одного из представителей столичного чиновного мира — Д. Г. Бибикова (1829 г.). Автор допускал, что в Италии, может быть, есть лучшая машина, но за нее нужно платить большие деньги²⁷. В 1830 г. машина Реброва была продемон-

стрирована на заседании московского отделения мануфактурного совета. Результат оказался отличным²⁸. В начале 1831 г. Ребров сообщал о построенном им «снаряде», на котором производились сразу три операции: размотка, трощение и сучение; стоимость машины — не более 300 руб. серебром (цена по тем временам вполне приемлемая). «Снаряд сей, по его малому объему, удобно перевозить и помещать в небольшом здании, даже в избе крестьянской и сакле азиатской»²⁹, — писал Ребров. Важнейшее преимущество своей машины он видел в возможностях широкого ее применения в условиях России.

Обращает на себя внимание и такое обстоятельство: Ребров не стремился к личной славе. Поэтому он не добивался официального признания своих изобретений. В 1843 г. он просил прислать ему из Петербурга модели известных образцов мотальных и сучильных станков с тем, чтобы сравнить их со своими и если нужно, то усовершенствовать³⁰. В записках Комитета шелководства за 1849 г. дано описание нового достижения ставропольского шелководца. Несколько лет он работал вместе со своим мастером Ольгиным над постройкой машины для изготовления основы. В конце концов станок был сделан³¹. Технические новшества, вводимые во Владимировке, находили применение и на московских фабриках. Когда в начале 50-х годов XIX в. стали впервые разматывать привезенные в Москву сжатые коконы, то фабрикант Н. Антонов пригласил для этого мастера Николаева, обучавшегося три года в заведении Реброва; размотка проводилась на заграничном станке, «упрощенном по наставлению Реброва»³². Самая же идея размотки сжатых коконов в промышленном центре России не встретила сочувствия у Реброва. Он был убежден, что разматывать коконы надо там, где их производят. По его мнению, результаты труда шелководов должны проверяться на месте, ибо только тогда действительно удастся достигнуть заметного успеха в производстве шелкового сырья для промышленности.

²⁸ «Земледельческий журнал», 1840, № 4, стр. 63—64.

²⁹ «Земледельческий журнал», 1831, № 1, стр. 148—149.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 1084, л. 18 об.

³¹ «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», 1849, № 8, отд. 1, стр. 92—93.

³² «Журнал сельского хозяйства», 1853, № 2, отд. 2, стр. 12.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 930, лл. 16 об. — 17.

²⁶ См., например, «Земледельческий журнал», 1831, № 1, стр. 141—152.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 599, лл. 24 об. — 25 об.

Современники не без основания считали, что благодаря непрерывным опытам шелководное производство у Реброва было «вышлено до степени науки, т. е. до начал, объясняющих почему так, а не иначе надобно заниматься шелководством, применяясь к местным и другим условиям»³³. Его мечтой было обобщить свой опыт и дать критический разбор собственных ошибок, а также неверных взглядов иностранных шелководов-специалистов³⁴. Кропотливая экспериментальная работа привела к созданию высококачественного белого шелка. Из Франции от известного шелководы Бове поступил запрос: каким образом ставропольский помещик сумел превзойти в этом деле итальянских и французских мастеров? Ребров охотно отвечал на эти вопросы в журнальных статьях, а также в письмах. Лишь недостаток средств и удаленность слободы Владимировки от Москвы, Петербурга и других промышленных центров мешали селекционеру широко распространить свой практический опыт. Невозможной для него оказалась и поездка за границу.

Ставропольский шелковод был активным общественным деятелем. Вопросы развития шелководства в России, будь то южнорусские губернии, Крым или Закавказье, вызвали у него живой интерес. Ребров высказывал свои соображения, оказывал практическую помощь, давал хозяйственные советы. Не собственной выгоды ради, а для пользы шелководства в стране завел он в своем имени практическую школу. Даже равнодушные помещиков южных губерний, не пожелавших откликнуться на призыв Реброва о присылке к нему для обучения крестьянских детей, не охладило его. В 1842 г. под его руководством находилось девять учеников из казачьих полков и два «калмыка» из Астрахани³⁵. Среди учеников был и будущий известный деятель сельского хозяйства А. Авксентьев, Ребров ратовал за организацию специальных школ шелководства, особенно там, где необходимо было совершенствовать навыки культурной выделки шелка (Тифлис, Ставрополь). Стараниями Реброва в 30-е годы XIX в. было положено начало шелководству в Москве (с целью привлечения внимания к этой отрасли сельского хозяйства).

Ребров надеялся на то, что шелкоткацкие фабриканты, убедившись в необходимости улучшений в разведении и первичной обработке шелка, станут оказывать помощь русским шелководам, вкладывать капиталы в организацию плантаций и размотных заведений³⁶. В протоколе заседания Комитета шелководства (1857 г.) отмечены заслуги Реброва на общественном поприще: «Не забудем никогда, что разведение шелковицы в Москве, вопреки многочисленным препятствиям и предубеждениям, образование нашего комитета, поддержка его действий и самое учреждение Практической школы шелководства есть только развитие настойчивой, сильной воли, деятельности и примера А. Ф. Реброва»³⁷.

Ребров был избран членом-корреспондентом Академии наук и являлся также членом Московского общества сельского хозяйства, Вольного экономического общества, Русского географического общества и десятка других. Его хозяйственная деятельность не раз отмечалась дипломами и медалями. Участие в работе ученых обществ позволяло ему пропагандировать передовые хозяйственные идеи, а также оказывать сильную помощь тем шелководам «из низших классов», которым она была необходима. Из Владимировки рассылались бесплатные посылки с семенами шелковицы и яичками червей в различные ученые и хозяйственные общества, а также частным лицам.

Ребров постоянно думал о дальнейших судьбах ставропольского шелка и вообще всего этого дела в России. В письме в департамент мануфактур и внутренней торговли (1843 г.) он сообщал: «Меня занимает в особенности шелководство, которое надобно как-нибудь упрочить, чтобы и по смерти моей осталось образцовым: без особенного же о нем правительственного внимания, оно вдруг исчезнет... и тогда опять эта производительность несколько шагов отступит назад». Шелковое заведение в его поместье по желанию селекционера должно было перейти затем государству³⁸.

Заслуги Реброва в развитии русского шелководства несомненны. Селекционер-практик, новатор-изобретатель и общественный деятель — таково его лицо.

П. Я. Букшпан

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 6.

³⁵ См. «Земледельческий журнал», 1834, № 3, стр. 444—445; 1838, № 1, стр. 36—37; «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», 1842, № 1, стр. 39.

³⁶ «Земледельческий журнал», 1835, № 1, стр. 115—116; № 5, стр. 759.

³⁷ «Журнал сельского хозяйства», 1857, № 4, отд. 1, стр. 52.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 1084, л. 119 об.

ПУТЬ ПАПУА — НОВОЙ ГВИНЕИ

С незапамятных времен острова Юго-Восточной Азии и западных районов Океании были частично заселены представителями так называемой большой негро-австралоидной расы, в том числе меланезийцами и папуасами. Большинство последних живет на острове Новая Гвинея (по-индонезийски Ириан). Их ранняя история, вплоть до прибытия сюда европейцев, изучена пока что плохо и с трудом воссоздается на основании археологических, этнографических и, в значительно меньшей степени, письменных источников. К началу европейской колонизации папуасы делились на десятки крупных и сотни мелких племенных групп и жили в условиях первобытнообщинного строя.

Еще с первых веков н. э. в Западный Ириан попадают (через приплывавших сюда индонезийцев) металлические орудия. Но главная масса жителей острова трудилась с помощью орудий из камня, кости, раковин и дерева. Основу их хозяйства составляли подсечно-огневое земледелие, свиноводство, разведение пальмовых деревьев, охота, а на морском побережье и в долинах рек — рыболовство. Вся жизнь папуасов была сосредоточена в родовых общинах, делившихся на малые роды и семьи. Как правило, каждую деревню занимала отдельная община, охранявшая свою территорию от соседей. Однако внутри общинной собственности не существовало никакой частной собственности (если не говорить о некоторых прибрежных районах, подвергшихся малайскому влиянию). Имущественная и социальная дифференциация в общинах только еще намечалась. Семейные отношения строились обычно на основе племенной эндогамии и родовой экзогамии (женых и невеста избирались внутри племени, но вне своего рода). Развивался межобщинный и межплеменной натуральный обмен продуктами, украшениями и орудиями труда. В религиозных верованиях преобладали культ предков и магические представления, а отчасти тотемизм.

В первой половине XVI в. португальские мореплаватели открыли Новую Гвинею для Европы. В следующем столетии нидерландцы захватили Молуккские острова. В 1828 г. их владением стала также западная часть Новой Гвинеи. В 1884 г. северо-восточная часть острова с прилегающими архипелагами попала в руки немецких колонизаторов и позднее превратилась в протекторат Гер-

мании; в том же 1884 г. англичане приобрели юго-восточную часть острова, дав нескольким местным вождям в «обмен» 2 пачки табака, 3 галеты, нож, топор и кусок ситца. Этот район получил название Папуа. В 1888 г. он стал британской колонией, и теперь уже на всей Новой Гвинее установился свирепый «тройственный» колониальный режим. В 1906 г. Великобритания передала Папуа под управление Австралийскому Союзу. В 1920 г. к Австралии отошел от Германии (потерявшей заморские колонии в результате первой мировой войны) по мандату Лиги Наций бывший протекторат — «Земля императора Вильгельма» с островом Науру. Эта подмандатная территория была провозглашена в 1946 г. подопечной территорией ООН, но осталась под австралийской властью, а в 1949 г. ее административно слили с Папуа. С этого времени и возникло комбинированное название Папуа — Новая Гвинея, сохраняющееся доныне. Дальнейшая история частей острова неодинакова. Победа национально-освободительной революции в Индонезии и последующее вхождение в ее состав Западного Ириана (Ириан-Джая) повели население западной части острова одним путем, в то время как судьба Папуа — Новой Гвинеи пошла по другому пути, и в конце 1973 г. эта восточная часть острова стала самоуправляющейся в рамках Австралийского Союза. Вопросы обороны и внешней политики, вплоть до достижения полной независимости, остались в компетенции Канберры.

На сегодняшний день в Папуа — Новую Гвинею входят, помимо восточной части всего большого острова, близлежащие мелкие острова, а также архипелаг Бисмарка, северная группа Соломоновых островов, архипелаг Луизиада, острова Д'Антраксто, Тробриан, Муруа и ещё 200 островных земель общей площадью 462 тыс. кв. километров. Административный центр — город Порт-Морсби. Население составляет около 2,6 млн. человек, из них коренных жителей лишь 670 тыс., прочие же — преимущественно англоавстралийцы. Папуасы и меланезийцы говорят на сотнях языков, диалектов и наречий, причем в качестве языка межплеменного общения в глубинах острова бытует моту, хотя он и не принадлежит к крупнейшим из местных. Первое место среди них занимают тоарипи, ороколо, керева, корики, кева-пи, менди, хули и виру. Офи-

циальным языком является английский, а жители восточного побережья Новой Гвинеи и других прилегающих островов общаются между собой на «пиджин-инглиш» — комбинации из меланезийских, папуасских и английского языков.

Главное наследие колониализма — чрезвычайно низкий уровень экономического развития страны. В Папуа — Новой Гвинее ритуалы каменного века соседствуют с кибернетической техникой, а кредитные карточки — с морскими раковинами в качестве обменной монеты. Основные национальные богатства страны присваивает верхушка экспатриантов (приблизительно 40 тыс. австралийцев и европейцев) — богатых плантаторов и владельцев рудников. Австралийские колонизаторы упорно отказывались предоставить независимость народам Папуа — Новой Гвинеи и предпринимали активные действия, нацеленные на то, чтобы не допустить полной ликвидации колониализма в Океании. Полагаясь на свою возросшую экономическую мощь, Австралия рассматривает Океанию в перспективе как сферу именно своего влияния. Большие надежды Австралии при этом связываются с эксплуатацией Папуа — Новой Гвинеи. Как известно, В. И. Ленин придавал большое значение изучению национальных типов империализма. Так, новозеландский империализм он называл «локальным империализмом» и «колониальным джингонизмом»¹.

Что касается Австралии, то она не только являлась объектом эксплуатации со стороны Великобритании, но и сама стала колониальной метрополией, причем унаследовала некоторые черты британского колониализма еще в те времена, когда была его «филиалом». Так, после первой мировой войны она упорно добивалась передачи ей всех бывших владений Германии на Тихом океане. После второй мировой войны Австралия прямо включилась в межимпериалистическую борьбу за сферы экономического и политического влияния уже в качестве заметной самостоятельной силы и сумела сорвать провозглашение независимости Папуа — Новой Гвинеи², когда оппозиционная объединенная партия колониалистов, которой принадлежат в местном парламенте 42 кресла из 100, проголосовала против и увлекла за собой некоторых других депутатов.

Правящая партия ПАНГУ («Союз Папуа и Новой Гвинеи»), основанная летом 1967 г., имела в парламенте 27 депутатов. Ее коалиционными партнерами являются прогрессивная партия народа (10 мандатов), национальная партия (8), матаунганская ассоциация (3). Группа представителей племени толаи с острова Новая Британия недавно вышла из коалиционного правительства. Остальные — «независимые» — поддерживают то правящую коалицию, то оппозицию; наконец, «националистическое лобби» вообще выступает против правительства. ПАНГУ был приведен к победе на выборах 1972 г. М. Сомаре, главным министром Папуа — Новой Гвинеи, а также министром обороны, внешних связей и торговли А. М. Кики. Им противостоят люди, выражающие интересы различных социально-экономических, политических, языковых, этнических и религиозных группировок³.

Австралийские авторы, в частности, Ф. Боуринг, нередко пишут, что в ближайшие годы Папуа — Новая Гвинея может всплыть на мировой арене в качестве «нового» Конго, раскалывавшегося сепаратистами, желавшими удержать за собой богатые недра⁴. «Опасения» экспатриантов преднамеренно преувеличиваются. Внутренние конфликты существуют, но избежать политических потрясений возможно, если извне не будут стимулировать центробежные силы. К опасным противникам единства страны принадлежат сепаратисты «Папуа Безена» и «Группа Папуа». Они действуют сообща и выступают, в частности, за отделение южной территории (бывший Папуа), где находится столица Порт-Морсби. Лидерами раскольников являются Дж. Абейджа и С. Каули. Первая — это единственная женщина в Национальной ассамблее Папуа — Новой Гвинеи, собирающейся на заседания с 1964 года. Второй — видный правительственный чиновник. Он был снят с поста секретаря департамента внутренних дел в октябре прошлого года за участие в антиправительственных демонстрациях. Ныне они совместно объявили о создании сепаратистского движения Папуа с отдельной армией и требуют проведения референдума среди местных жителей.

Сепаратистские настроения подогреваются иностранными монополиями, стремящимися сохранить не только уровень прибы-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 28, стр. 511.

² К. В. Малаховский. Будни пятого континента. М. 1975, стр. 211.

³ См.: «Horizont», 1975, № 13, April.

⁴ «Far Eastern Economic Review», 14.1.1974.

лей, но и увеличить их в будущем. В этом смысле особый интерес представляет для них медь на острове Бугенвиль. Ее запасы и оборудование рудника оцениваются в сотни млн. долларов⁵. Монополии не прочь отделить Бугенвиль, а в качестве повода используют то обстоятельство, что 70 тыс. «черных» меланезийских его аборигенов этнически относятся к обитателям Соломоновых островов, а не к «коричневым» меланезийцам Папуа — Новой Гвинеи.

Главным фактором, мешающим независимой внутренней и внешней политике будущего самостоятельного Папуа — Новой Гвинеи, является крайняя отсталость страны, отсутствие развитой экономической базы и квалифицированной рабочей силы, зависимость хозяйства от иностранцев. В течение долгих лет колониального грабежа Австралия прилагала лишь минимальные усилия для должного развития местной экономики. Сейчас там трудятся «по-современному» примерно 150 тыс. человек. Из них более 1/3 работают на плантациях, 40 тыс. — в административных учреждениях, 60 тыс. — на фабриках, рудниках, в лесной промышленности и рыболовстве⁶. Другие ведут почти первобытное натуральное хозяйство. В мае 1965 г. Канберра утвердила пятилетнюю программу развития Папуа — Новой Гвинеи. Расходы по программе были определены в 300 млн. австралийских долларов⁷. Подавляющая часть должна была поступить от правительства и австралийских компаний; помимо того, предполагалось использовать иностранные источники, но так, чтобы удержать страну в сфере австралийской экономической системы. Австралийские монополии занимают ключевые позиции в экономике Папуа — Новой Гвинеи, контролируют 50% транспорта и связи, 75% строительной промышленности, 90% финансов и торговли. Из иностранных монополий особенно активны за последние годы японские: они инвестировали 30 млн. австралийских долларов⁸ в компанию «Бугенвиль коппер лимитед» (БКЛ) и являются главным покупателем добываемой в стране меди; не меньшую сумму вложили они в лесную промышленность и рыболовство. Главный же акционер в БКЛ — «Концинк Рио-тинто» (дочерняя компания английской горнопромышленной монополии).

⁵ «U. S. News and World Report», 3.XII. 1973.

⁶ «Horizont», 1975, № 13, April.

⁷ «Australia». Handbook. 1971, p. 110.

⁸ «Horizont», 1975, № 13, April.

Начальные школы посещает сейчас около половины детей Папуа — Новой Гвинеи⁹. Специалистов готовят университет и два технических института. Но это — лишь самое начало. Вот некоторые практические шаги коалиционного правительства с апреля 1972 г.: провозглашение 1 декабря 1973 г. самоуправления; требование рассматривать большинство вопросов в Порт-Морсби, прежде чем посылать их на рассмотрение в Канберру; достижение соглашения о введении должности представителя Папуа — Новой Гвинеи по вопросам обороны, а также об учреждении консулата иностранных государств в Папуа — Новой Гвинее; разработка вопроса об иностранных капиталовложениях с учетом местных интересов; достижение соглашения об учреждении национальной валюты; признание за Папуа — Новой Гвинеей права представительства в ходе любых австралийско-японских переговоров на уровне министров; намечен план экономического развития страны, направленный на достижение «хозяйственной независимости».

В октябре 1974 г. парламент принял решение учредить Национальное управление капиталовложениями и развитием, с регистрацией всех фирм, в которых иностранный капитал превышает 26%. Этот орган должен содействовать экономическому планированию и консультировать правительство относительно принятия или отклонения предложений иностранных вкладчиков капитала, помогать справедливому перераспределению доходов. Так, до недавнего времени единственным доходом, который получало правительство Папуа — Новой Гвинеи от Бугенвильских медных рудников (не считая арендной платы), были дивиденды с 20% правительственных акций и 5% подоходный налог, собираемый за счет вычетов из заработной платы экспатриантов. Определенные надежды возлагаются также на перспективы разработки и добычи меди в Ок-Теди, вблизи границы с Западным Ирианом. Предполагается начать строительство гидроэнергетического комплекса в бассейне р. Пураи, построить плавильные заводы по обработке алюминия, доставляемого из Австралии, расширить экспорт пиломатериалов и древесной щепы, построить консервный завод в Маданге, расширить экспорт креветок и рыбы. В заливе Папуа обнаружен природный газ.

Относительно внешней политики М. Со-

⁹ Ibid.

маре заявил, что его правительство приветствует усилия, направленные на укрепление мира и безопасности во всем мире. Папуа — Новая Гвинея постепенно расширяет свои связи с внешним миром и готовится к вступлению в ООН. В настоящее время она уже имеет свои представительства в Австралии, Новой Зеландии, Индонезии и на Фиджи. Главный министр подчеркнул, что «Папуа — Новая Гвинея выступает за создание зоны подлинного мира и нейтралитета в Тихом и Индийском океанах. Мы верим в

принципы Устава ООН и будем принимать участие во всех усилиях, содействующих укреплению мира, безопасности и международной справедливости»¹⁰.

Ныне, когда рухнули последние колониальные империи, вполне закономерно появление на политической карте мира независимого государства Папуа — Новая Гвинея.

О. К. Новикова

¹⁰ «Australian Foreign Policy». Ed. by C. Clark. S. 1. 1973, pp. 105—111.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дубинский Александр Маркович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР. Работает в области истории международных отношений на Дальнем Востоке, внешней политики Китая, истории национально-освободительного движения в Восточной и Юго-Восточной Азии. Автор ряда работ по указанной проблематике.

Бедняк Инесса Яковлевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР, автор монографий «Японская агрессия против Китая и позиция США (1937—1939 гг.)» и «Япония в период перехода к империализму», а также многих статей и глав в коллективных монографиях.

Вылецкий Михаил Августович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, автор монографий, коллективных трудов, статей по проблемам истории советского крестьянства и колхозного строительства.

Заюнчковский Петр Андреевич — доктор исторических наук, профессор МГУ, член Британской академии. Специализируется в области истории России XIX в., автор ряда статей и семи монографий, в том числе «Отмена крепостного права в России», «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», «Российское самодержавие в конце XIX столетия».

Согрин Владимир Викторович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Специализируется в области истории США. Автор ряда статей.

Барг Михаил Абрамович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, специалист в области истории феодализма и первого периода новой истории. Автор ряда монографий.

Ким Георгий Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом общих проблем современного развития стран Азии и Северной Африки Института востоковедения АН СССР, главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня». Специалист по новейшей истории Азии, а также международного рабочего и национально-освободительного движения. Автор ряда книг, глав в учебниках и коллективных монографиях.

Романов Валентин Федорович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории КПСС Магнитогорского педагогического института, автор работ по истории советского общества.

Гринштейн Бенцион Исаакович — член КПСС с 1920 г., персональный пенсионер.

Дьяконова Ирина Алексеевна — аспирантка Института истории СССР АН СССР, специализируется по экономической истории России периода империализма и истории международных отношений.

Соколов Николай Петрович — доктор исторических наук, профессор Горьковского университета. Специалист по истории стран Восточного Средиземноморья в средние века. Автор монографии «Образование Венецианской колониальной империи» и статей по истории славян, Византии и Венеции в средние века.

ОБ ИТОГАХ III И ПРОВЕДЕНИИ IV ВСЕСОЮЗНЫХ КОНКУРСОВ РАБОТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Подведены итоги III Всесоюзного конкурса работ молодых ученых по общественным наукам. 27 молодых ученых награждены дипломами лауреатов, в том числе по истории КПСС: Ю. К. Щеголихин (ВПШ при ЦК КПСС) — за рукопись «Роль газеты «Правда» в усилении партийного руководства Комсомолом в годы первой пятилетки», К. Эшчанов (Хорезмский пединститут) — за монографию «Деятельность Компартии Узбекистана по развитию хлопководства Хорезма (1946—1970 гг.)», М. Н. Музаев (Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы) — за брошюру «Конон Лозовацкий (историко-биографический очерк)»; истории ВЛКСМ, международного молодежного движения: А. Л. Семенов (Институт всеобщей истории АН СССР) — за рукопись «Левое студенческое движение во Франции (1956—1968 гг.)», В. Г. Никулин (Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ) — за рукопись «Участие сельской молодежи в социалистическом соревновании и пути повышения его эффективности», В. А. Луков (ВКШ при ЦК ВЛКСМ) — за рукопись «Консолидация молодежного движения социалистических стран».

ЦК ВЛКСМ, Академия наук СССР, Министерство высшего и среднего специального образования СССР, Министерство просвещения СССР, Академия педагогических наук СССР приняли совместное постановление о проведении в 1975—1976 гг. IV Всесоюзного конкурса работ молодых ученых по общественным наукам, посвященного XXV съезду КПСС. Образован оргкомитет конкурса во главе с вице-президентом АН СССР акад. П. Н. Фелосеевым.

К участию в конкурсе допускаются авторы изданных книг, брошюр и статей, а также рукописей объемом не менее 3 печ. л. по марксистско-ленинской философии, научному коммунизму, политической экономии, конкретной экономике, истории КПСС, истории ВЛКСМ, международного молодежного движения, истории СССР, всеобщей истории, праву, психологии, педагогике и проблемам коммунистического воспитания молодежи. Выдвигаемые на конкурс работы должны представлять собой самостоятельные выполненные исследования по актуальным проблемам общественных наук, определенным Постановлением ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», документами XXIV съезда КПСС.

Конкурс будет проходить в два тура. Первый тур проводится в областях, краях, автономных и союзных республиках. Право выдвижения работ молодых ученых (на 1 февраля 1976 г. возраст каждого из них не должен превышать 33 лет) на конкурс предоставляется отделам, секторам научных учреждений, кафедрам общественных наук вузов, ученым советам, комитетам комсомола, советам молодых ученых. При выдвижении представляются следующие документы: отзыв-рекомендация, краткая аннотация работы, характеристика научной и общественной деятельности. Первый тур заканчивается в феврале — марте 1976 г. в форме областных, краевых, республиканских совещаний (конференций) молодых ученых по общественным наукам, на которых подводятся итоги, награждаются победители и выносятся рекомендации об участниках второго тура конкурса.

На второй тур работы представляются до 1 мая 1976 г. во Всесоюзный оргкомитет в двух экземплярах (для рукописей первый экземпляр обязателен) с аннотацией, характеристикой и отзывом-рекомендацией республиканского (областного, краевого) оргкомитета. В краткой аннотации (не более 2—3 стр. машинописи) указываются фамилия, имя, отчество, название научного учреждения или вуза, где выполнена работа, год ее написания и объем, раскрывается кратко содержание работы и ее выводы. Аннотация подписывается автором с указанием его служебного и домашнего адресов и телефонов. В характеристике указываются фамилия, имя, отчество, год рождения, партийность, национальность, занимаемая должность, образование, основные показатели общественной и научной деятельности автора, его публикации. Характеристика подписывается руководителем научного учреждения или вуза и секретарями их партийной и комсомольской организаций. В отзыве-рекомендации оценивается научное содержание работы, высказываются критические замечания и определяется, по какой науке она выдвигается на конкурс, перечисляются опубликованные на эту работу рецензии. Если на конкурс представлен коллективный труд, указывается вклад каждого автора (кем и какие разделы написаны и т. п.). Отзыв-рекомендация утверждается на заседании республиканского, областного (краевого) оргкомитета и подписывается председателем.

Рукописные работы должны быть оформлены в соответствии с инструкцией Всесоюзного института научной и технической информации «О порядке приема, хранения и размножения в ограниченных тиражах научных работ», отпечатаны на машинке через 1,5 или 2 интервала четким черным шрифтом без помарок, на белой бумаге, вычитаны и отредактированы. Рукописи должны быть снабжены титульным листом, приложениями (если они есть), биографией и оглавлением.

Второй тур конкурса завершается в ноябре 1976 года.

Адрес Всесоюзного оргкомитета: Москва, Центр, ул. Богдана Хмельницкого, 3/13. Отдел научной молодежи ЦК ВЛКСМ. Телефоны: 206-85-49; 206-89-08.

SUMMARIES OF ARTICLES

I. J. BEDNYAK, A. M. DUBINSKY. The Soviet Union's Contribution to the Defeat of Militarist Japan

The authors examine the causes that prompted the Soviet Union in 1945 to open hostilities against militarist Japan—that faithful ally of nazi Germany. The U.S.S.R. not only fulfilled its commitments to the allies in the anti-Hitler coalition assumed by the leaders of three allied powers at their conferences in Teheran (1943) and Yalta (1945), but also performed its liberating mission with regard to the peoples of East and Southeast Asia. The military action undertaken by the Soviet Union in 1945 was of immense significance for China which had been subjected to Japanese aggression since 1931. The assistance rendered by the Soviet Union to the people of China in 1945 proved of vast importance as a factor contributing to the triumph of the Chinese revolution. In this connection the authors touch on the question concerning the present position of China's Maoist leadership which has taken the path of great-power chauvinism and hegemonism.

M. A. VYLTSAN. The Principal Stages in the Development of the Material and Technical Basis of Soviet Agriculture

Drawing on numerous historical publications and a wide range of other sources, the author makes an attempt to trace the stage-by-stage process of uninterrupted development of the material and technical basis of Soviet agriculture from the first steps in the field of technically reconstructing agriculture taken in the 1920's to the consistent policy of comprehensively mechanizing all branches of agricultural production being effected in our days. The author comes to the conclusion that the restructuring of agriculture along socialist lines resulted in the creation of an entirely new material and technical basis of agriculture and made it possible to effect a transition from hand-operated and horse-drawn machines and implements to a system of highly efficient up-to-date machines and tractor-drawn farm implements. Considerable attention is devoted in the article to examining the most important socio-economic results and benefits accruing from all-round mechanization of the basic labour processes in crop farming and livestock breeding.

P. A. ZAIONCHKOVSKY. The Provincial Administration in Russia on the Eve of the Crimean War

The article closely examines the structure and activity of the provincial administration in Russia during the crisis of the feudal system in the mid-19th century. Drawing on a wide range of sources, the author traces the social origin, property status, age, education and professional training of provincial governors and vice-governors, chairmen of the courts of exchequer, directors of state property departments, public prosecutors and presidents of criminal and civil courts.

V. V. SOGRIN. The U. S. War of Independence and Its Ideological Sources

The article highlights the development of the ideology of the anti-British movement in North America from 1764 to 1776. The author traces its connection with the progressive social thought in Western Europe in the 17th-18th centuries. The moderate, the radical and the revolutionary trends stood out most saliently in the ideology of the patriotic movement. The proponents of the moderate trend did not go beyond the demand that the colonists be represented in the British parliament (James Otis) or exempted from the heavy burden of taxation imposed by the metropolitan country (John Dickinson). In contradistinction to this, Benjamin Franklin, Samuel Adams, Thomas Jefferson and other prominent radicals,

who succeeded in substantially enhancing their influence among the patriots in the first half of the 1770's, put forward the task of winning political autonomy for the North American provinces. But the most important work of formulating the revolutionary doctrine was done by Thomas Paine, who proclaimed the struggle for independence and for the republican ideals to be the chief aim of the patriotic movement.

M. A. BARG. The Comparative Historical Study of the Bourgeois Revolutions of the 16th-18th Centuries

The problem of applying the comparative historical method in studying the bourgeois revolutions of the 16th-18th centuries has now advanced to the foreground of historiography. The method that has become firmly rooted in Western historiography in recent years is based on the synchronous approach to the investigation of the above-mentioned problem, which leads to a comparison of the crises that do not lend themselves to comparison by their very nature, such as inter-formation revolutions, the riots and disturbances flaring up within the framework of one or another formation, etc. The author proposes the method of examining each of the three bourgeois revolutions of that period embracing the whole of Europe (the Reformation and the Peasants' War in Germany in the 16th century, the English Revolution of the mid-17th century and the French Revolution of the end of the 18th century) stage by stage. This will make it possible to bring out the distinctive features of each of these revolutions and at the same time to disclose the general laws intrinsic to all of them.

G. F. KIM. Maoism and the National-Liberation Movement

The article analyzes the policy pursued by the People's Republic of China in Asia, Africa and Latin America with the aim of imposing its hegemony on the peoples of these continents. Particular attention is devoted by the author to a close examination of the Maoists' activity in the developing countries spearheaded against the Soviet Union which works steadfastly and consistently to strengthen the national sovereignty and to promote the social progress of the peoples of Asia, Africa and Latin America. The article makes it abundantly clear that the Maoists' actions are basically aimed at undermining the alliance of the national-liberation movement with the socialist world system. To achieve this purpose the Maoists are entering into blocs with the most reactionary forces and ultra-Left adventurist elements within the developing countries.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 9, 1975

Articles: **I. J. Bednyak, A. M. Dubinsky.** The Soviet Union's Contribution to the Defeat of Militarist Japan; **M. A. Vyltsan.** The Principal Stages in the Development of the Material and Technical Basis of Soviet Agriculture; **P. A. Zaionchkovsky.** The Provincial Administration in Russia on the Eve of the Crimean War; **V. V. Sogrin.** The U. S. War of Independence and Its Ideological Sources; **M. A. Barg.** The Comparative Historical Study of the Bourgeois Revolutions of the 16th-18th Centuries; **G. F. Kim.** Maoism and the National-Liberation Movement. Historical Essays: **V. F. Romanov.** The Magnitogorsk Metallurgical Plant; **I. A. Dyakonova.** Behind the Scenes of the Nobel Monopoly; **N. P. Sokolov.** Venice Between the Guelphs and the Ghibellines. Reminiscences: **B. I. Grinstein.** Recollections of a Prisoner of War in Germany (1914-1920). Historical Science in the U. S. S. R. and Abroad. Surveys: **N. P. Mananchikova.** The Latest Aids on the History of the Middle Ages. Book Reviews: **V. J. Sipols.** The Soviet Union in the Fight for Peace and Security, 1933—1939; **I. D. Kovalchenko, L. V. Milov.** The All-Russian Agrarian Market from the 18th to the Beginning of the 20th Centuries; "The Experience Gained in the Field of Quantitative Analysis"; "The Ideological Principles of U. S. Foreign Policy"; "The Position and Struggle of the British Working Class"; **Ph. Pomper.** Peter Lavrov and the Russian Revolutionary Movement (Chicago); **J. Delperrié de Bayac.** A History of the Popular Front (Paris), etc. Scientific Notes. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire» No 9, 1975

Articles: **I. Y. Bedniak, A. M. Doubinski.** Contribution de l'U.R.S.S. à la défaite du Japon militariste; **M. A. Vyltsan.** Etapes du développement de la base matérielle et technique de l'agriculture soviétique; **P. A. Zaionchkovski.** L'administration de gouvernement à la veille de la guerre de Crimée; **V. V. Sogrine.** Des origines idéologiques de la guerre d'indépendance aux Etats-Unis; **M. A. Barg.** Etude historique comparative des révolutions bourgeoises des XVIe-XVIIIe siècles; **G. F. Kim.** Le maoïsme et le mouvement de libération nationale. Aperçus historiques: **V. F. Romanov.** L'usine sidérurgique de Magnitogorsk; **I. A. Diakonova.** Dans la coulisse des compagnies de Nobel. **N. P. Sokolov.** Venise: les guelfes et les gibelins. Mémoires. **B. I. Grinchtein.** En captivité allemande (1914-1920). Science historique en U. R. S. S. et à l'étranger. Revues: **N. P. Manantchikova.** Nouveaux manuels de l'histoire du moyen âge. Comptes rendus des livres: **V. Y. Sipols.** L'Union Soviétique en lutte pour la paix et la sécurité. 1933-1939; **I. D. Kovaltchenko, L. V. Milov.** Le marché agraire en Russie du XVIIIe au début du XXe siècle. Expérience d'une analyse quantitative; Fondement idéologique de la politique extérieure des Etats-Unis; «La situation et la lutte de la classe ouvrière britannique»; **Ph. Pomper.** Piotr Lavrov et le mouvement révolutionnaire russe (Chicago); **I. Delperrié de Bayac.** Histoire du Front populaire (Paris) et autres. Notes scientifiques. Faits, événements, hommes. Articles dans les revues d'histoire soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U. R. S. S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 9, 1975.

Artículos: I. J. Bedniak, A. M. Dubinskiy. Aportación de la URSS en la derrota del Japón militarista; M. A. Vilzan. Etapas del desarrollo de la base material y técnica de la agricultura de la URSS; P. A. Zaiionchkovski. Administración provincial en vísperas de la guerra de Crimea; V. V. Sogrin. Fuentes ideológicas de la guerra de independencia de los EE.UU.; M. A. Barg. Estudio comparativo histórico de las revoluciones burguesas de los siglos XVI—XVIII; G. F. Kim. Maoísmo y movimiento de liberación nacional. Ensayos históricos. V. F. Romanov. Altos Hornos de Magnitogorsk. I. A. Diakonova. Entre bastidores del monopolio de Nobel; N. P. Sokolov. Venecia entre los guelfos y ghibellinos. Memorias: B. I. Grinshtein. Cautiverio alemán (1914-1920). La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. Revistas: N. P. Mananchikova. Novísimos materiales didácticos en la historia de la edad media. Reseñas de libros. V. J. Sipols. Unión Soviética en la lucha por la paz y seguridad (1933-1939); I. D. Kovalchenko, L. V. Milov. Mercado agrario de toda la Rusia (XVIII — principios del XX). Experimento del análisis cuantitativo; Fundamentos ideológicos de la política exterior de los EE.UU.; «Situación y lucha de la clase obrera británica». Ph. Pomper. Pedro Lavrov y movimiento revolucionario ruso (Chicago); I. Delperrie de Bayac. Historia del frente popular (París) etc. Notas científicas. Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

ПОПРАВКА

В № 6, 1975 г., на стр. 37 строка 19 сверху вместо 1940 г. следует читать 1954 г.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, А. Г. КУЗЬМИН (заместитель главного редактора), Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (ответственный секретарь), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 25/VII 1975 г. Подписано к печати 3/IX 1975 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Объем 19,60 усл. печ. л., 22,29 учетно-изд. л. Тираж 25 500 экз. Изд. № 2244. Зак. № 949.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

(Начало см. на 2-й стр. обложки.)

По отделу публикаций:

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

Запорожсталь
Второе Баку
Нефтепромыслы Туркмении
Челябинский тракторный

ВОСПОМИНАНИЯ

Люди 2-го Белорусского фронта
Инженерные войска в Великой Отечественной войне
Дивизия имени Т. Костюшко
Рождение комбината «Гигант»

ПУБЛИКАЦИИ

Документы боевых рабочих дружин за 1906 год
Неопубликованные записи В. Н. Ламздорфа
Неизданные письма Ф. и П. Лефортов

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Средневековая культура народов Поволжья
Культура Великого княжества Литовского
Культурные преобразования в России начала XVIII века

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

М. И. Калинин в годы гражданской войны
Китай и империалистическая интервенция на Советском Дальнем Востоке
Александр Блок в Чрезвычайной следственной комиссии
Всероссийская октябрьская стачка 1905 года
Декабрьское вооруженное восстание 1905 года
Восстание декабристов и европейское общественное мнение
Русская городская геральдика
Освоение русскими Приохотья
Италия XIX в. глазами русских
Крах маньчжурского вторжения во Вьетнам
Степан Малый из Черногории
Открытия в Синих Скалах
Археологические находки в Северо-Восточной Европе
Африкантроп

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

У истоков БАМ
История ордена Отечественной войны
Первая МТС
Подвиг Ухтомского
Социал-демократические листовки о декабристах
Константиновский рубль
Пугачевский полковник Лихачев
Сподвижники Разина
Легенда о Кие
Первый континентальный конгресс в США
Буонарротисты во Франции
Конец Монтекумы
Неарх

ВЛАДЕЛЬЦАМ

ТРАНСПОРТНЫХ
СРЕДСТВ

ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ ГОССТРАХ

Возмещение ущерба при повреждении или гибели средств транспорта в результате аварий, различных стихийных бедствий, а также при их похищении (угоне) обеспечивает договор страхования.

● Автомашины, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, мотоколяски, моторные, парусные, гребные лодки, катера и другие суда, находящиеся в личной собственности граждан, можно застраховать на срок от двух месяцев до одного года на любую страховую сумму в пределах действительной стоимости транспорта.

● При гибели или похищении средств транспорта выплачивается полная страховая сумма, указанная в договоре, а при повреждении их — в размере стоимости ремонта, но не выше страховой суммы.

● Плата за страхование устанавливается в зависимости от вида транспорта и размера страховой суммы и вносится при заключении договора. Лицам, страховавшим средства транспорта более 2-х лет без перерыва и не допустившим за это время аварий, предоставляется скидка в размере 10%, а более 3-х лет — в размере 15%.

Ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно в районной инспекции Госстраха или у страхового агента.

ГОССТРАХ РСФСР

